

АНДРЕЙ ДИЧКОВСКИЙ

ПРОКЛЯТЫЕ
БЛАГОСЛОВЕННЫМ

1 часть

Триамна, великое государство Юга Четвероземья, стоит на пороге больших перемен: ее правитель, Верховный Иерофант, тяжело болен. Шелиара Нирааль, наследница некогда знатного рода, и Альдан, университетский школяр, живут вдали от мира большой политики и интриг, пытаясь разобраться с последствиями прохождения Ритуала Преображения. Оба они даже не догадываются, что вместе с гальтийским шпионом Налларом нор Керрано и воином, которого прозвали Шагающим-сквозь-Тьму, скоро примут участие в событиях, от исхода которых будет зависеть будущее не только Триамны, но, возможно, и всего Четвероземья.

Ночь, когда Шагающий-сквозь-Тьму добрался до Безымянных Перекрестков, выдалась на удивление тихой и безветренной. Редкие облака — темно-серые мазки на иссиня-черном полотне — неторопливо расползались по сторонам от идеально круглой луны. Ее мягкий серебристо-синий свет заливал поросшие соснами холмы и петляющие между ними безлюдные тропы. И все же в этой завораживающей тишине Шагающий ощущал едва уловимую фальшь. По всей видимости, наниматели не соврали: сегодняшней ночью Отнимающий непременно выйдет на охоту — даже не подозревая, что на этот раз будет не охотником, а добычей.

Шагающий-сквозь-Тьму ступал неторопливо, как если бы шел не на задание — между прочим, первое за последние двенадцать лет — а просто прогуливался перед сном, позволяя мыслям унести в непринужденные философские размышления о суетном и вечном. Временами ему хотелось ускорить шаг, но Шагающий тут же одергивал себя. Спешить некуда. Как-никак, впереди вся ночь, а Безымянные Перекрестки не настолько большие, чтобы разминуться с тем, кто устраивает на тебя охоту. С тем, кто терроризирует Триамну с древних, как сам Фонтан Преображения, времен. Ему сообщили, что на счету злодея уже не меньше шести жертв. Это казалось Шагающему несколько странным — разве слухи об Отнимающих не разносятся в народе со скоростью урагана, предупреждая о необходимости соблюдать в ночи полнолуний максимальную осторожность? Впрочем, еще более странным казался сам факт того, что в Триамне вновь появились Отнимающие. Разве не закончилось все еще тогда, в Соколиных Скалах? Шагающий-сквозь-Тьму прожил тридцать пять лет в твердой уверенности относительно того, что одной проблемой в Триамне стало меньше. Может, Орден ошибся, и никакого Отнимающего нет и в помине? Шагающий очень на это надеялся.

Он преодолел с половину мили, оставив за спиной два пустующих перекрестка, когда впервые за несколько часов с севера задул ветер. Дышащий прохладой поздней осени и терпким ароматом хвои, этот ветер невольно пробуждал в нем воспоминания — давние, погребенные под пластами прожитых веков. Сквозь мутную пелену времени в сознании Шагающего-сквозь-Тьму всплывали те далекие дни, когда он — маленький мальчик, живущий грезами — сбегал из-под родительской опеки в прилегающие к дому чащобы. Когда проводил часы, тренируясь с тисовой палкой и надеясь, что однажды вместо палки будет так же уверенно владеть настоящим боевым мечом. Когда мечтал поскорее вырасти и отправиться к легендарному Фонтану Преображения, окунуться в него и получить Благословение, что в корне изменит его жизнь...

Неужели все это происходило на самом деле? Неужели он и впрямь когда-то был тем самым ребенком, мечтательным и непоседливым? Или же все эти воспоминания, смутные и расплывчатые, как отражение в илистой воде — лишь плоды его воображения? С очередным прожитым столетием Шагающему-сквозь-Тьму становилось все сложнее дать убедительный ответ на этот, казалось бы, простой вопрос. А ведь сколько воды утекло с тех пор... Сколько великих государств и их правителей кануло в безызвестность. Сколько войн, восстаний и междоусобиц перенесли многострадальные земли Юга. Сколько поколений триамнийцев отжили свое. Обычные люди — он знал — просто не могут мыслить столь масштабными временными рамками. Боги Рассвета свидетели, как же он иной раз завидовал этим

счастливым.

А ведь все, о чем он тогда мечтал — все сбылось. Не совсем так, как он предполагал, но все же сбылось. Так что в своей незавидной участи обвинять, кроме себя, некого. Расплата за собственноручно принятые решения — кажется, так это именуют в своих проповедях иерофанты. Или нет? Шагающий-сквозь-Тьму уже давно не слушал иерофантских речей. Очень давно.

После очередного шага он резко замер и выбросил из головы отвлекающие мысли. Подождал несколько секунд, прислушиваясь и приглядываясь. Ничего нового: вокруг все те же бесконечные ряды триамнийских сосен, темные шапки холмов, гребни горных хребтов да уханье совы где-то вдалеке. Неужели почудилось?

Шагающий-сквозь-Тьму привык доверять своей интуиции — во многом именно благодаря ей он все еще ходил, подобно живому призраку, по землям и городам Триамны, а не гнил в сырой земле. Придерживая прицепленные к поясу ножны со Стражем Рассвета, он медленно присел на корточки, зачерпнул левой рукой горсть земли, поднес ее к лицу и принюхался. Едва слышно хмыкнул, осознав, что чутье не подвело его.

«Он где-то неподалеку. Я на верном пути».

Позволив земле выпасть из его ладони, Шагающий поднялся. Оправив свой потрепанный, но удобный и прочный халат из иссиня-черной гергельярской парчи, под которым скрывались стеганные доспехи, он возобновил ходьбу. Теперь ему было известно направление. Оставалось идти, вовремя поворачивая в нужную сторону, и надеяться, что Отнимающий не вздумает пойти на попятную.

Это было бы очень некстати.

Оставшийся путь занял даже меньше времени, чем он рассчитывал.

Сначала Шагающий-сквозь-Тьму учуял далекий запах дыма. Спустя пару минут он вышел на очередной перекресток с заваливающимся набок указателем посередине, огляделся и увидел в точности, что искал. В юго-восточном направлении, за чередой деревьев на высоком холме мерцали отблески оранжеватого пламени.

Шагающий подождал, пока ветер сменит направление на северо-западное, и сделал глубокий вдох — так, чтобы прочувствовать идущий от костра запах полной грудью. Учужал аромат жарящейся на огне дичи — скорее всего, кроликов — и кислый запах вина. У Шагающего-сквозь-Тьму непроизвольно заурчало в желудке, и он был вынужден признать — пожалуй, Отнимающий устроил идеальную приманку для одинокого неискушенного путника, которому непонятно зачем вздумалось бродить ночью по этой позабытой Богами местности.

Шагающий поморщился, отгоняя воспоминания об Отнимающих: проклятых Отродьях Сумерек. Он помнил времена, когда при одном лишь упоминании этих людей его переполнял священный гнев, а правая рука так и тянулась к рукояти Стража Рассвета. Конечно, столетия несколько утихомирили его вспыльчивый нрав (как, впрочем, и многие другие эмоции), но ненависть к этим вырождакам, убивающим и отнимающим Дары Богов у простых людей, никуда не делась.

Шагающий-сквозь-Тьму заставлял себя не торопиться навстречу древнему врагу: слишком уж хорошо он знал, насколько хитрым и изворотливым может оказаться его противник. С таким стоит быть максимально бдительным. Образы прошлых сражений с Отнимающими, многие из которых слабо отличимы от ночных кошмаров, пронесли в его

мыслях каскадом падающих листьев. Сколько шрамов и рубцов на его теле оставлено этими непредсказуемыми тварями? Шагающий-сквозь-Тьму никогда не считал, но подозревал, что очень много. В десятки раз больше, чем у бывалого вояки накапливается за всю службу. Шагающий не сильно горел желанием заполучить парочку новых, но... В конце концов, кто, если не он?

Шагающий сделал остановку перед началом подъема на холм. Собрал ниспадающие до плеч волосы и завязал их в хвост. Проверил, послушно ли выходит из ножен Страж Рассвета. Прикрыв глаза, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Оглянулся, проверяя, не притаился ли кто позади, и зашагал вверх по склону, поросшему обветшалыми кустарниками и редкими соснами.

Вскоре он поймал себя на том, что с каждым шагом его сердце бьется чуть быстрее. Непривычные ощущения. Когда такое с ним происходило последний раз? Точно не дюжину лет назад, когда его наняли избавиться от шайки кирикийских разбойников, засевших в лесах к югу от Закатных Перевалов. И даже не два десятилетия назад — с сельвидийскими шпионами он расправился, играючи... А, неважно. Как бы там ни было, сегодняшняя встреча сулила разнообразие последним десятилетиям. Шагающий-сквозь-Тьму зашагал увереннее.

Неладное он почуял, как только ступил на вершину холма, несмотря на то, что все оказалось в точности, как он рисовал в своем воображении: посреди окруженной соснами широкой поляны пылает, плюясь искрами, костер с жарящимися на вертеле кроликами, прямо за ним сидит человек в темном балахоне с надвинутым на лицо капюшоном и выжидающе поглядывает в его сторону. Да, все так. Но... Что-то смущало Шагающего, что-то неуловимое заставляло его нервно оглядываться в поисках неладного. И он обнаружил это неладное. Что-то таилось в дальней части холма, за непроглядным рядом сосен. Сделав еще пару шагов в сторону костра, Шагающий-сквозь-Тьму осознал ошибочность поспешного вывода. Не что-то. Кто-то. Может, это несчастные путники, связанные Отнимающим... Хотя нет, слишком уж маловероятно: за Отнимающими никогда не числилось повадок пауков — они расправляются с жертвами сразу. Тогда в чем дело? Неужели...

Шагающий нахмурился, когда его посетила догадка. Догадка, в которую он верил с трудом, несмотря на то, что она казалась единственной разумной версией происходящего.

Этот второй тоже был Отнимающим.

«Нет, этого не может быть... — Одно за другим, подозрения закрадывались в его мысли. — Двое Отнимающих? Здесь?.. Или все-таки может?»

Несмотря на охватившую его неуверенность, Шагающий заставил себя двигаться в сторону костра непринужденно, даже бодро — как шел бы сейчас к этому костру самый что ни на есть обыкновенный путник. Отнимающий ведь не должен раньше времени догадаться...

— Вы только поглядите, кто к нам пожаловал! — раздался обращенный к нему громкий баритон.

Сидящий у костра мужчина отбросил капюшон. Чуть прищуренные глаза заблестели в отсветах костра. Улыбка, больше похожая на оскал, появилась на бледном лице мужчины. Он облизнул языком нижнюю губу, пружинисто вскочил на ноги, после чего развел руки в стороны, словно собираясь заключить Шагающего в свои широкие объятия.

— Это же Бессмертный Пес Триамны собственной персоной... — В каждом его слове слышалась откровенная издевка. — Ой, да ты, смотрю, скривился. Что, не нравится прозвище? А по мне, так тебе очень подходит. Гораздо лучше, чем любое из твоих

напыщенных имен. Отражает твою безвольную суть, так сказать. — Отнимающий театрально вздохнул. — Кстати, мы тут уже давно сидим. Видят Сумеречные Отцы — весь хворост в ближайшей округи сожгли. Все ждали, когда же ты соизволишь заглянуть на огонек.

«Мы. Значит, я не ошибся. Кроме этого Словоблуда есть еще кто-то».

Шагающий остановился, не дойдя нескольких шагов до костра, и покосился по сторонам. Налетел порыв ветра, и окружающие поляну сосны, как по команде, с шумом зашевелили ветвистыми силуэтами. Какое-то еще движение? Слева или справа? Шагающий-сквозь-Тьму сощурил взгляд и напряг слух, насколько мог.

Тот, кого он окрестил Словоблудом, тем временем пригнулся, поднял с земли увесистый бурдюк, откупорил его и, сделав приличный глоток, продолжил вещать:

— А знаешь, что мне всегда было интересно? В чем смысл того прозвища, что ты предпочитаешь другим? Ходящий-через-Ночь или как там оно... А, точно! Шагающий-сквозь-Тьму. Можно, попробую угадать? Тьма — это, разумеется, в переносном значении. Ты что-то вроде... — Словоблуд перебросил бурдюк из одной руки в другую. — Шагаешь через тьму веков... раз за разом защищая Триамну от всяких... Ну, таких как мы, например. Я прав?

Шагающий-сквозь-Тьму не ответил — в этот момент он наконец уловил движение где-то слева. Развернулся, чуть отступая назад и готовясь вытащить меч из ножен.

Темная кряжистая фигура выплыла из теней и остановилась между двух сосен. Затем басисто расхохоталась:

— Эй! Да ты глянь на его перепуганную рожу, он же сейчас в штаны наложит. Нет, серьезно, этот недомерок и есть тот самый легендарный герой? Да у меня прадед лучше выглядел — даже когда уже в гробу лежал.

«Итак, к Словоблуду прибавился Подхалим. Миленько».

Шагающий-сквозь-Тьму сделал еще полшага назад и, широко расставив ноги, встал так, чтобы видеть обоих Отнимающих одновременно.

— Да, да, как видишь, мы наслышаны о тебе. — В речи Словоблуда, очевидно, недовольного тем, что его перебили, засквозили нервные нотки. — Бессмертный цепной пес, считающий, что служит народу Триамны. Сколько ты уже ходишь с этой шгукой за поясом по землям Юга? Триста лет? Пятьсот? Под тысячу?

И вновь проигнорировав вопрос, Шагающий повел головой чуть вправо. Что за странный гул, будто бы идущий отовсюду, сопровождает монолог Словоблуда? Он огляделся, но не смог уловить источник звука. Неужели просто мерещится? Странно. С ним случалось всякое, но вот галлюцинациями Шагающий-сквозь-Тьму никогда не страдал.

По крайней мере, он искренне на это надеялся.

— Благословенный бессмертием, — продолжал Словоблуд после того, как вновь приложился к бурдюку. — Поведай нам, каково это, быть тобой? Жить, когда все, кого ты знал, а может и любил, безвозвратно уходят? Прислуживать недалеким людям, что меняются один за другим в бесконечном потоке времени — а ты все выполняешь и выполняешь их поручения, безумные и бессмысленные. — Он сделал еще один долгий глоток, после чего перебросил бурдюк Подхалиму. — Из года в год. Из века в век... А, впрочем, это неважно. Ответь лучше, какое твое Проклятье? Ведь за Благословение бессмертием ты должен был расплатиться чем-то дорогим, не так ли?

Шагающий-сквозь-Тьму до боли сжал губы. Внезапно он понял, в чем ошибался все это

время. Все оказалось до банальности просто.

Не двое. Трое.

Своим бессмысленным монологом Словоблуд вовсе не хотел сбить его с толку — весь этот словесный фарс нужен был исключительно для маскировки того, что все это время делал третий Отнимающий. А именно — оставаясь незаметным, Невидимкой, читал нараспев шаманские сонные напевы древнего Аккао. И откуда только они ему известны?

Шагающий понял, что вовремя обнаружил ловушку — промедли он еще немного, и сам бы не заметил, как монотонные звуки овладели его телом и сознанием. К счастью, он уже сталкивался с таким в далеком прошлом, а потому знал, что делать. Короткий вдох — и из внешнего мира он переключился внутрь себя. Сконцентрировавшись, зачерпнул побольше энергии ри и возвел в сознании отражающий ментальный барьер. После чего так же плавно вернулся в обычное состояние.

Ничего не изменилось — Подхалим прихлебывал отдающее кислотой вино, а Словоблуд выжидающе стоял перед костром, заложив руки за спину. Шагающий-сквозь-Тьму пришел к мысли, что самое время подыграть противникам. Пусть думают, что он ничего не подозревает.

— Мы истребили ваше гнилое племя тридцать пять лет назад. — Он всеми силами старался, чтобы слова звучали одновременно пафосно, устрашающе и немного сонно, как если бы напев начал действовать. Однако отсутствие разговорной практики сказывалось — выходило нечто среднее между нетрезвым бормотанием и стариковским брюзжанием. — Клянусь Богами Рассвета, я позаботился о том, чтобы ни один из приспешников Кэинана Темного не выжил. Раз уж вы сегодня такие разговорчивые, может расскажете, из какой дыры вы выползли на этот раз?

Словоблуд раскатисто расхохотался. Подхалим присоединился с задержкой в пару секунд.

— Мысли шире, пес, — наконец ответил Словоблуд. — Разве ты не знаешь? Мир не заканчивается на Триамне. И даже на государствах Юга. Поверь, в нем всегда найдется место для тех, кто знает, как найти применение тому, что люди не умеют и не хотят ценить. — Словоблуд медленно обошел костер. Теперь Шагающий видел его гораздо отчетливее: сбоку к балахону прицеплены ритуальные клинки темно-лилового цвета. Клинки Отнимающих. — С нами бессмысленно бороться — неужели ты все еще не осознал столь очевидную истину? Нет, ну правда. Сколько таких, как я или мой друг, ты убил за свою жизнь? Ну? Десять? Двадцать? Может, и все сто? — Не дождавшись ответа, Словоблуд как бы невзначай сделал шаг в сторону Шагающего-сквозь-Тьму. Гул напева стал громче. Шагающий зевнул. — Ну а что с того? Тебе казалось, что ты перебил всех нас, уничтожил наши священные тексты и рукотворные святилища... Но вот они мы, из плоти и крови, твои персональные призраки прошлого. Ну же, пес. Признай, что как бы ты ни старался, тебе нас не одолеть. До тех пор, пока Фонтан Преображения стоит посреди Исхирона и ищущие милости Богов погружаются в него, совершая Ритуал, будем и мы — Собирающие Дары.

Словоблуд и Подхалим синхронно и почти незаметно сокращали расстояние. Шагающий-сквозь-Тьму слышал, как усиливаются, превращаясь в тройную мелодию, слова усыпляющего напева. Может ли быть, что тот Невидимка проходил обучение у настоящих (и, насколько ему известно, очень немногочисленных) шаманов Аккао? Если так, то чаша весов стремительно склоняется отнюдь не в его сторону. Одной грубой силы может не хватить.

Шагающий понимал, что к этому моменту он должен был практически полностью

подчиняться мелодии напева. Той, что ненавязчиво, но в то же время требовательно призывает к бездействию. К покою. Ко сну. Нужно продолжать подыгрывать.

Несмотря на явное приближение врагов, он продолжал стоять столбом и, все чаще моргая, смотреть в одну точку, куда-то поверх сосен. Втайне он опасался, что такое поведение может показаться Отнимающим подозрительным, но, судя по наглым улыбкам на их лицах, примерно такой реакции они от него и ждали. Словоблуд так и вовсе едва сдерживался, чтобы не начать прыгать от радости.

«Самый опасный — тот, что читает напев. Нужно иметь в виду».

— Почему ты привык смотреть на мир лишь с одной стороны? — продолжал нести чушь Словоблуд, потихоньку доставая клинки. — Что мешает тебе взглянуть правде в глаза?

— Принципы, — подключился Подхалим. — Я уверен, что все дело в его сраных принципах, за которые он помереть готов. Я прав, Шагающий? Ты ведь из принципа не желаешь смотреть дальше своего носа? Иначе ты бы не позволил своим хозяевам отправить себя на растерзание. А, впрочем, какая разница... Ты — всего лишь одинокая тень прошлого. Твоя роль в этой истории наконец-то завершится.

— Ты ведь устал, Шагающий-сквозь-Тьму. — На этот раз Словоблуд заговорил как заботливая нянька, убаюкивающая плачущего ребенка. — Смертельно устал и хочешь отдохнуть от всего этого, я прав? Ну же. Пойди хоть раз навстречу своим желанием.

Ухмыляющийся Словоблуд приблизился еще на шаг. Доносящаяся из-за деревьев мелодия напева достигла своего предела.

Шагающий-сквозь-Тьму держался расслабленно, будто бы полностью поглощенный мелодией напева. Правую руку он плавно отодвигал назад, незаметно сокращая расстояние между ладонью и рукоятью меча.

«Рано».

— Забудь все, что было сказано. — Словоблуд подошел еще на шаг. Руки Отнимающего, почти не дрожа, сжимали ритуальные клинки. — Забудь все, что ты помнишь. Ты слышишь зов мелодии, что зовет на вечный покой? Не правда ли, Шагающий, она божественна?

— О да, она великолепна! — Подхалиму определенно не нравилось оставаться на вторых ролях.

— Освободи же сознание от всего ненужного... — Словоблуд подошел на расстояние двух вытянутых рук. Подхалим благоразумно отставал на пару шагов.

Пальцы Шагающего незаметно коснулись холодного металла рукояти.

«Еще немного...»

— ...И ты освободишься сам...

Пора.

Стремительно вылетев из ножен, Страж Рассвета вспыхнул ослепительно-рубиновым пламенем. Словоблуд разинул рот и вскинул руки, но больше ничего сделать не успел — рубанув от плеча, Шагающий-сквозь-Тьму снес ему голову. Фонтан крови, черной в лунном свете, брызнул во все стороны. Отрубленная голова откатилась под ноги Подхалиму.

— Дерьмо! — Тот отскочил назад, так, что чуть не врезался спиной в ствол сосны, и выхватил клинки. — Кончай петь, придурок, — прокричал он, стараясь не выдавать овладевшего им ужаса, — на нем не работает твоя хреномантия!

Напев и вправду смолк. Затянулась пауза. Похоже, Отнимающие не продумали подобный поворот событий.

А зря. Должны были понимать, на кого устраивают засаду.

— Что, сукин пес, думаешь, самый умный? — Подхалим пригнулся, обходя костер. — Тебе же самому было бы лучше, если бы позволил все закончить сразу. — Он проделал непонятный жест руками над костром. — Гребаный, блин, герой.

Вспышка.

Шагающий-сквозь-Тьму успел зажмуриться — буквально на мгновение, после чего сразу же открыл глаза обратно. Сначала показалось, что ничего не изменилось, но потом он заметил разницу. Кролики куда-то исчезли с вертела, зато дым, плавно поднимающийся от костра, внезапно приобрел тошнотворно-зеленый цвет и, изогнувшись, направлялся напрямиком в его сторону. Шагающий не мог быть уверен, что теперь этот дым обладает какими-то опасными свойствами, но проверять не хотелось. Накрепко сжав правой рукой рукоять Стража, он метнулся наискосок влево. Затем зигзагом туда, где находился Подхалим.

Хищно оскалившись, тот встретил его двумя стремительными выпадами ритуальных клинков. Шагающий-сквозь-Тьму без особых усилий отразил оба удара. Сталь заскрежетала о сталь. Лилово-рубиновые искры рассыпались в стороны, как сельвидийские фейерверки. Подхалим прорычал что-то невразумительное и отошел назад, вырисовывая клинками в воздухе странные символы.

Шагающий схватил меч обеими руками и чуть отвел в сторону.

«Нужно действовать быстро. Один точный удар. Клинки ему не помогут».

Он метнулся вперед, делая широкий взмах. Удивился, когда Подхалим вместо того, чтобы попробовать уклониться, зачем-то чиркнул клинком о клинок, высекая сноп лиловых искр. Шагающий-сквозь-Тьму начал атакующее движение...

Что-то обожгло ему спину, свалив на бок и едва не заставив вскрикнуть от боли.

Проклятый колдовской дым.

Он сумел кое-как подняться. Отскочил вправо, избежав в последний момент столкновения с клинками Подхалима, перекувырнулся через плечо и замер в полусидячей позе спиной к соснам. Спину жгло огнем. Кажется, парча халата в нескольких местах дымилась. Жалко, хорошую одежду сейчас не так-то просто достать. Шагающий-сквозь-Тьму сплюнул.

— Эй, пес! — У Подхалима прибавилось уверенности. Отнимающий продолжал выписывать клинками пируэты, странным образом меняющие форму и направление движения колдовского дыма. — Что, спинку обжег? Шерсть подпалилась? Можешь немного поскулить, мы все пойдем. Осуждать не будем, обещаю.

В этот же момент с противоположной стороны поляны раздался хруст веток. Из-за сосен, наконец, показался третий Отнимающий. Тот самый Невидимка. Этот не снимал капюшона и по-прежнему ничего не говорил. Осторожная, но уверенная поступь и осанка говорили о нем как о человеке бывалой закалки. Подойдя к костру, Невидимка склонился, вытащил из него одну из увесистых веток и понес ее перед собой, как факел. Вновь раздался гул — он зашептал новую мелодию. Новый шаманский напев. Шагающий узнал его — это был напев силы и бесстрашия, которым древние шаманы Аккао подбадривали бойцов перед битвой.

Шагающий сжал губы. Пора было что-то с этим делать. Этот Отнимающий, может, и разучил парочку напевов, но не более. Шагающий-сквозь-Тьму сделал глубокий вдох, успокаивая дрожь в теле. Он не прожил бы столько веков, если бы не владел куда более древними и тайными мистическими знаниями, чем шаманские напевы.

Тайными знаниями Древнего Шаугрима.

Шагающий сделал шаг назад, оказавшись между двух стволистых сосен, взял Стража Рассвета за рукоять обеими руками, будто бы принимая защитную стойку, и, погрузив себя в медитацию, принялся шептать Истинные Слова. Это было величайшее мистическое искусство Четвероземья, практически недоступное смертным; ему самому понадобились десятилетия, чтобы обучиться ему. Рубиновое пламя меча затрепетало и неестественно заискрилось — но Отнимающие, кажется, не обратили на это внимания.

Шагающий-сквозь-Тьму выжидал, нашептывая Слова и постепенно ускоряя темп. Пусть глупцы думают, что он не знает, что делать, и просто выжидает. На счастье, те не торопились.

В последний момент Невидимка почувствовал неладное. Отнимающий прекратил читать напев и что-то крикнул расплывшемуся в дурацкой ухмылке Подхалиму... Слишком поздно.

Шагающий прошептал последнее Слово и поднял над собой всю полыхающего Стража Рассвета. А затем резко вонзил его в землю перед собой.

Пришла Тьма.

Обретшая форму Сфера-Поглощающая-Свет окутала холм. Исчезло лунное сияние, померкло пламя костра, погасло лиловое сияние ритуальных клинков и рубиновое пламя Стража Рассвета. Подхалим пронзительно закричал — видимо, решил, что ослеп.

Шагающий знал, что на все про все у него четверть минуты — и ни секундой больше. А потому, выдернув меч из земли, он стремительно атаковал.

Его звали Шагающим-сквозь-Тьму.

Не потому, что, как считал Словоблуд, он шагнул через тьму веков, а потому, что действительно умел шагать через Тьму, которую сам же и призывал. Рукотворная Тьма, через которую не мог просочиться ни единый лучик света, слыла его надежнейшим союзником. Союзником, который — в отличие от переменчивых людей — никогда не предаст и не обманет.

В три прыжка он оказался там, где стоял Подхалим. Определив по запаху, где находится Отнимающий, ткнул туда мечом. Лезвие Стража Рассвета с режущим звуком вонзилось в грудь противника. Шагающий выдернул меч. Подхалим упал на землю и принялся истошно завывать.

Шагающий-сквозь-Тьму уже развернулся в другую сторону. Чуть сильнее сжал рукоять Стража Рассвета, когда понял, что Невидимка ушел в сторону.

«Он ориентируется во Тьме», — понял Шагающий.

Очередное Благословение? Это несколько осложняло дело. Шагающий наострил слух. Почувствовал, как Невидимка достает какое-то оружие. Не ритуальные клинки, нет. Что-то длиннее и увесистее. Тоже меч? Или...

Невидимка атаковал, и с первым ударом Шагающий-сквозь-Тьму узнал оружие противника — боевая цепь Верхнего Даньяза. Неприятное оружие, особенно в темноте. Но у него имелись и свои минусы.

Не взирая на боль в спине, Шагающий стремительно нырнул влево. Невидимка тут же развернулся и ударил цепью наискось — оружие промчалось в дюйме от плеча Шагающего. Они обменялись двумя ударами. Цепь противника крутилась, не отставая по скорости от Стража Рассвета. Время поджимало. Шагающий-сквозь-Тьму резко присел и рубанул, надеясь задеть ноги Невидимки, но тот отпрыгнул, как если бы видел все происходящее. Затем из ниоткуда атаковал. В последний момент Шагающий уклонился, но цепь все равно

задела его левую ладонь.

Шагающий-сквозь-Тьму начинал злиться. Он давно не сталкивался со столь умелым бойцом. Воистину достойный противник. Жаль, что не удастся с ним поговорить — такого нужно приканчивать наверняка.

Шагающий визуализировал поляну и их местоположение в сознании — это дало ему идею. Если он только все правильно запомнил...

Прыжок назад. Два шага влево. Он чувствовал, как Невидимка следует за ним, с свистом размахивая цепью. Теперь аккуратно обойти камни... Сделано.

Раскручивая цепь, Невидимка сделал шаг... и угодил ногой прямым в костер. Из-за Сферы пламя погасло, но жар никуда не делся. К счастью, Невидимка не обладал Благословением нечувствительности к температуре — иначе бы ловушка не сработала. Пока концентрация Отнимающего чуть сбилась, Шагающий изогнулся, как танцор, и выстрелил прямым колющим выпадом. Он не просчитался — не встретив сопротивления, острие Стража Рассвета вошло противнику точно под сердце. Цепь со звоном выпала из руки Невидимки.

В следующий миг Сфера-Поглощающая-Свет исчезла.

В синеватом свечении тело Невидимки изогнулось и шмякнулось оземь. Никаких признаков жизни этот Отнимающий больше не подавал. В отличие от Подхалима — тот продолжал мычать, захлебываясь кровью, и даже куда-то (и зачем-то) ползти.

Шагающий-сквозь-Тьму облегченно выдохнул, понимая, что самое сложное осталось позади. Каким-то чудом он вышел победителем из схватки с тремя Отнимающими. Осталась финальная часть таких встреч, которую он обычно называл «вопросы проигравшим».

Он достал из кармана халата тряпицу, протер от крови Стража Рассвета, затем вернул оружие в ножны — необходимости в нем больше не было. Потом неторопливым шагом подошел к окровавленному Подхалиму. Тот попытался отползти, но Шагающий наступил ногой ему на спину, положив конец отчаянным попыткам.

— Слушай внимательно, умник. — На этот раз ему было не до любезностей. — Сейчас я задам тебе пару вопросов, и в твоих же интересах дать на них ответ. Итак, от кого вы получили приказ убить меня?

Подхалим закашлялся, пытаясь что-то ответить. Шагающий-сквозь-Тьму терпеливо ждал. Наконец, Подхалим сумел развернуться к нему лицом и прошипеть:

— Думаешь, что победил нас? Наивный глупый пес. Привык смотреть перед собой и разучился оглядываться. — Он вновь изошелся кровавым кашлем. — Ты даже не догадываешься, что тебя используют, как последнюю марионетку. Ты жалок, Шагающий. Не мы, так другие тебе это однажды докажут...

Шагающий хмыкнул. А у этого Отнимающего наглости не занимать.

— Я жду ответа на свой вопрос.

— А я жду, когда подохну и больше не буду видеть твое мерзкое лицо. — Подхалим даже попытался рассмеяться, но смех перешел в очередное окровавленное бульканье. — До встречи... в Обители Сумерек...

Подхалим неестественно дернулся. Затем еще раз. Кровь на губах смешалась с пеной. Шагающий-сквозь-Тьму наблюдал за его предсмертной агонией с величайшим равнодушием. Лишь когда Подхалим изогнулся в последний раз, после чего замер в безжизненной позе, Шагающий чуть раздосадованно цокнул. Потом отошел от трупа и огляделся.

Поляна несколько утратила свою недавнюю девственную притягательность. Три растерзанного трупа, потухший костер, разбросанные по земле лиловые клинки. И кровь. Черная в лунном свете, она заливала практически всю поляну. Пропитала даже его собственный халат и штаны.

Все как всегда. Ничего не меняется.

Его спину все еще жгло. Что это было за странное Благословение, позволявшее Подхалиму управлять дымом? С таким Шагающий еще не сталкивался. Впрочем, случались за его жизнь и куда более странные вещи.

Выровняв дыхание, Шагающий попытался расслабиться и привести мысли в порядок. Слишком много оставалось вопросов, на которые ему, увы, не удалось получить ответов. Откуда снова взялись Отнимающие? Почему их оказалось трое? Кто их нанял? И как со всем этим связан нанявший его Орден Хранителей Триамны?

Шагающий-сквозь-Тьму попытался поразмышлять над всеми этими вопросами, но вскоре понял, что ничего у него не выходит. Ему просто-напросто катастрофически не хватало информации. Этот чудаковатый Словоблуд оказался прав: последние десятилетия он и впрямь провел глухим отшельником, выбираясь за пределы своей одинокой берлоги лишь раз в несколько лет, на очередное задание, в то время как жизнь в большом мире кипела ключом. Подумать только, Шагающий ведь даже не знал, кто сейчас во главе Ордена. Да что там Орден — он понятия не имел, кто восседает в Кресле Верховного Иерофанта.

По всей видимости выходило, что время его длительного отшельничества закончено. Пора запастись провизией, размять ноги и навестить многострадальный Исхион и, в особенности, Орден Хранителей Триамны. Пора найти ответы — хотя, видят Боги, он так устал от этих бесконечных поисков.

Однако... В конце концов, кто, если не он?

Измученно вздохнув, Шагающий-сквозь-Тьму прошелся по поляне, собирая ритуальные клинки Отнимающих (такие предметы не должны попадать в абы чьи руки), затем сложил их в найденную на краю поляны дорожную сумку. Перебросил ее через плечо. Распустил хвост. Обернувшись, посмотрел на восток — туда, где ночная синева плавно отступала под натиском красок зарождающегося нового дня. Немного постоял, заслуженно наслаждаясь спокойствием. И лишь затем, сопровождаемый угасающим лунным сиянием и пением предрассветных лесных птиц, спустился с холма.

Далеко на юго-западе его ждала новая цель: Священный Исхион.

Столица страны, которую он когда-то поклялся защищать.

Столица Триамны.

Глава 1

Юная Шелиара, единственная наследница рода Нирааль, сидела в гостиной родового танаанского поместья напротив потрескивающего поленьями камина и медленно, но верно сходила с ума.

Увы, это была отнюдь не сиюминутная прихоть. Девушка прекрасно помнила, как, где и когда все началось. Помнила, как два с половиной года назад, в день ее четырнадцатилетия, она, как и положено благочестивым жителям Триамны, прошла во славу Богов Рассвета Ритуал Преображения. Именно с того самого дня в ее жизни, и без того не особо радостной, все пошло наперекосяк. И виной всему стали Голоса: ее Благословение и, в первую очередь, Проклятье. Проклятье, день за днем и ночь за ночью высасывающее из нее остатки сил. Проклятье, разрывающее разум на части. Проклятье, которое не пожелаешь даже самому ненавистному врагу.

Поначалу особо не доставлявшее ей неудобств, последнее время оно повисло в ее сознании невыносимой ношей. Жить обычной жизнью, когда в твоей голове без спросу и разрешения копошатся невидимые, но до жути реальные личности, оказывалось все сложнее и сложнее. Час за часом, день за днем, месяц за месяцем ей приходилось слушать непрестанные разговоры в голове; понимать, что сознание не подвластно ей, как у всех нормальных людей, и что с этим ничего не поделаешь — только смириться. Шелиара пожертвовала бы чем угодно, только бы обменяться своим Проклятьем на любое другое. Можно даже на два. Она была бы согласна на все: лишиться богатства, красоты, или даже — чем демоны не шутят — способности любить... Но, увы или к счастью, так это не работало. Каждый триамниец, переставая ходить пешком под стол, узнавал, что Проклятье, как и Благословение, пребывает с прошедшим Ритуал до конца жизни.

Поначалу Шелиара, конечно же, не сидела сложа руки. Целеустремленная с самых ранних лет, она всячески пыталась бороться со своим Проклятьем. Первое время она только и делала, что молилась — искренне и упорно, воспевая гимны, псалмы и молитвословия как всему Сонму Богов Рассвета, так и каждому по отдельности. К сожалению, это не помогло. Потом через знакомых отца она сумела добиться встречи сначала с Преторией, а затем и с самим Верховным Иерофантом. Последний, выслушав ее исповедь, произнес ожидаемую (и оттого еще более обидную) проповедь, суть которой сводилась к тому, что Боги Рассвета не посылают Проклятий, которые человек не в силах вынести. Однако Шелиара не отчаивалась и продолжала попытки. Чего она только не перепробовала, пытаясь облегчить себе жизнь — и все без толку. Капля за каплей, этот незримый яд Голосов отравлял ее разум, заставляя то рыдать ночами напролет, то биться в неконтролируемых истериках... Спасения от этого не находилось.

Сегодня же с самого утра Голоса звучали особенно настойчиво. Все многочисленные личности будто бы проснулись от зимней спячки и принялись, изголодавшиеся, раздирать ее разум на части, словно ветхую тряпицу. Будто, сговорившись, решили, что пришло время разрушить ее психику до основания.

Последние пару часов Шелиара пыталась отвлечься от Голосов, наблюдая за причудливой пляской пламенных язычков в камине. Иногда это помогало — когда ей удавалось сосредоточиться на огне, Голоса будто бы отодвигались куда-то вглубь сознания... Но, к сожалению, ненадолго. Стоило ей хоть чуть-чуть ослабить концентрацию, как они

вновь всплывали вереницами мыслей и образов. Среди прочих выделялись трое; в соответствии с особенностями их «поведения» она когда-то нарекла их Реалистом, Вопрошающей и Пророком. Если среди Голосов существовала субординация, то эти трое определенно стояли на вершине власти. Даже сейчас, когда Шелиара была целиком сосредоточена на пламени, эти трое, заглушая другие Голоса, о чем-то переговаривались на периферии сознания.

Шелиара вздрогнула, когда городской колокол за стенами поместья гулко пробил четырежды, обозначая закат дня. Огненная пляска постепенно улеглась, а Голоса все настойчивее пытались пробиться из глубин ее разума. Шелиара как раз собралась встать со своего кресла, чтобы подбросить в камин дров, когда дверь гостиной отворилась. На пороге появилась Нэя, пожилая, но деловитая домоуправительница их поместья.

— Благородная госпожа. — Нэя слегка потупила взгляд, как делала всегда, прежде чем сообщить не самые приятные известия. — Ваш отец только что вернулся из столицы.

Шелиара импульсивно стиснула руки и до боли закусила нижнюю губу. Отец. Благородный Диондор Нирааль. Временами этот человек сводил ее с ума даже сильнее, чем Голоса. Никогда не улыбающийся и тем более не смеющийся (Шелиара подозревала, что именно в этом и состоит его Проклятье), он тратил большую часть времени на составление каких-то безумных планов относительно того, как возвеличить некогда славный род Нирааль. К ней и ее страданиям он не испытывал и капли сочувствия — а если и испытывал, то никак его не проявлял. Как подозревала Шелиара, это было связано с тем, что супруга отца скончалась вскоре после ее родов, а второбрачие на тот момент уже было запрещено Первым Законом последнего Верховного Иерофанта.

Ну, либо же сострадание попросту не входило в число качеств, которыми ее отца наградили Боги Рассвета.

— И... как он? — наконец спросила Шелиара.

— Весь взбудоражен. Желает вас видеть у себя в кабинете. — Нэя помолчала, прежде чем добавить: — Похоже, что-то срочное.

Кто бы сомневался. Шелиара чуть ослабила хватку рук и медленно опустила взгляд в пол. Пока отец находился в столице, у нее было на одну головную боль меньше.

— Спасибо, Нэя. Я... сейчас буду.

— Госпожа. Вы выглядите еще бледнее, чем утром. Позвольте... — Нэя подошла и аккуратно поднесла ко лбу Шелиары руку. Тут же с аханьем отдернула ее, словно обожглась. — Боги Рассвета! Госпожа, такой горячий лоб на моем веку бывал лишь у больных лихорадкой. Вы точно сможете идти? Быть может, мне попросить...

— Нет, нет, не надо ничего просить. Все в порядке.

Нэя скорчила скептическую мину.

— Юная госпожа, настоятельно советую вам усерднее поработать над искусством лжи. Иначе будете выглядеть глупо. А теперь позвольте, я провожу вас.

Шелиара позволила. В конце концов, эта женщина уже много лет заменяла ей мать, которой она никогда не видела и увидит разве что в Чертогах Рассветной Обители — и то если каким-то чудом умудрится после смерти попасть именно туда. По большому счету, Нэя была единственной во всем поместье, кто относился к ней не только с уважением, но и с искренним сочувствием — тем самым, в котором она порой так нуждалась. И выражалось оно не только в словах, но и в поступках — именно Нэя заботилась о ей, когда начались ее первые «припадки безумия»; именно она, рискуя положением, которого добивалась

многолетней усердной службой, заступалась за нее перед отцом, когда тот наотрез отказывался верить в то, что его дочь на грани сумасшествия; именно она в свободное от работы время искала способы помочь ей, даже тогда, когда сам Верховный Иерофант признавал свое бессилие... Шелиара с горечью осознавала, что никак не может отплатить этой женщине за ее доброту и порядочность.

Почему мир устроен так странно?.. Шелиара часто задавала себе этот вопрос, но еще ни разу не находила ответа, который показался бы ей убедительным.

Опираясь на руку Нэи, Шелиара покинула гостиную. Аккуратным шагом прошла по широкому парадному коридору, увешанному гальтийскими коврами и старинными гобеленами. Все эти дорогие вещи были остатками былого величия рода Нирааль... Как и само их поместье. Сколько тысяч жителей Танаана, проходя ежедневно вдоль высоких стен и мраморного портика главных ворот, успели позавидовать его обитателям? При этом даже не подозревая, какое запустение царит в этих самых стенах.

Миновав кухню, откуда соблазнительно пахивало готовящимся ужином, они поднялись на второй этаж. Шелиара ненадолго остановилась перед неприметной спиралевидной лестницей, ведущей в башенные покои — туда, где жил еще один член семейства Нирааль. Азуттулан, ее дед по отцу. Седой старик, живущий на вершине башни и практически никогда не покидающий свою каморку. Он являлся живым напоминанием о том, что безумие — характерная черта их рода. Если верить рассказам Азуттулана, в молодые годы он слыл известным Толкователем Аркан — разумеется, до того, как из Аркан сделали азартную игру. Его Проклятьем стала забывчивость — причем в худшем своем проявлении. Годы лишь усиливали действие Проклятья, так что последнее время дед и вовсе практически перестал узнавать Шелиару... да и вообще всех вокруг. Девушка понимала — по сравнению с ним ей еще ой как повезло с Проклятьем. Впрочем, эта мысль не сильно ее утешала: забывчивость, в отличие от безумия, хотя бы позволяет жить в относительном спокойствии.

— Госпожа Шелиара. — Нэя вежливо коснулась ее плеча. — Вы меня пугаете больше, чем обычно. Быть может, стоит вернуться? Я не хочу, чтобы вы упали в обморок.

Шелиара расплылась в поддельной улыбке.

— Тут наши желания совпадают. Пойдемте.

Пройдя мимо пустующих гостевых комнат, они постучались в оббитую медью дверь. Дождались приглушенного «Прошу» и вошли в отцовский кабинет. Как и всегда, здесь царил полумрак и дым. Пахло табаком: Шелиара еле сдержалась, чтобы не раскашляться.

Сам Диондор Нирааль, худощавый мужчина с короткими темными волосами, высокими скулами и требовательным взглядом, восседал за рабочим столом в роскошном ореховом кресле и попыхивал трубкой, запуская в воздух бесформенные струйки дыма.

— Господин Диондор. — Поклонившись, Нэя удалилась, плотно закрыв за собой дверь.

Шелиара поклонилась отцу со всей учтивостью, затем подошла и села в кресло напротив его стола. Диондор вытащил трубку из рта, нехотя отложил ее на край стола, между стопками пергаментных листов, и окинул Шелиару долгим задумчивым взглядом.

— Шели, Шели. — Неожиданно отец прищурился, подался чуть вперед, после чего вынес вердикт: — А ты неважно выглядишь. Бледная, как снег. Ты хорошо питалась в мое отсутствие?

«Каждый раз одно и то же», — подумала Шелиара, закатывая глаза.

— Да, отец. Наши слуги знают свое дело.

— Еще бы. — Отец с важным видом закивал. — А впрочем, сейчас не об этом. Шели, у меня для тебя отличная новость. — Он откинулся в кресле и положил руки поверх подлокотников. На бесстрастном лице промелькнуло... подобие улыбки? Очень отдаленное подобие, во всяком случае. — Я нашел способ все исправить.

Шелиара изумленно заморгала. Ей показалось, что она ослышалась.

«Он сказал — все исправить? Разве он на такое способен?» — тут же дала о себе знать Вопрошающая.

Сердце Шелиары запрыгало от радости. Бубнеж Голосов ушел на задний план.

«Неужели? Неужели он правда нашел способ помочь мне? — Улыбка засияла на ее лице при этих мыслях. — Но... Значит, все это время я в нем ошибалась? Боги Рассвета, как же я вам благодарна...»

Шелиара едва сдержала порыв вскочить с кресла, броситься к отцу и заключить его в объятия.

— ...В общем, я нашел тебе подходящую партию.

Улыбка стерлась с лица Шелиары, когда она поняла смысл сказанных отцом слов. Порыв внезапной радости миновал. Шелиаре показалось, что она словно резко провалилась под лед. Унимая дрожь, девушка наморщила лоб.

— Партию?

— Именно. Мне удалось найти тебе жениха. И не абы кого, а такого, о котором все девушки Триамны могут лишь мечтать. — Диондор потер руки и посмотрел ей в глаза. — Шели. Если все пройдет гладко, то ты станешь невестой архонта Кагальзира.

Сердце Шелиары застыло. Только-только появившиеся надежды рушились стремительно, как песчаный замок от морских волн. Значит, речь и впрямь не об избавлении от Голосов... Отец опять про свое...

Брак? Архонт Кагальзир? Но ведь...

— Отец... Я... я...

— О, я все понимаю. Можешь не благодарить меня, дитя. — Отец вальяжно взмахнул рукой. — Я ведь делаю это ради нашего общего благополучия. Твое счастье — мое счастье, как говорится.

«Почему тут так душно?»

— Но... Отец... Я имею в виду... — Шелиара не знала, как точнее сформулировать мысль, так что в итоге выложила все, как есть: — Я не готова к замужеству. Я... Я не хочу замуж. В смысле, не то, чтобы совсем не хочу — просто... сейчас не самое подходящее время для этого, разве нет?

Повисла пауза: очень неловкая и до одури долгая. Вскоре Шелиаре начало казаться, что в кабинете как будто стало в несколько раз жарче — дышать становилось все тяжелее. Глядя в выходящее на сад окно, Диондор закусил губы и забарабанил пальцами по столешнице. Ритм не предвещал ничего хорошего. Наконец, отец медленно поднялся с кресла и навис над столом грозовой тучей.

— Я, видимо, ослышался. — В тоне отца появились строгие, даже немного угрожающие нотки. Дурной знак. — Ты сказала, что не хочешь замуж? Не хочешь замуж за архонта Кагальзира?! — Диондор вложил в последние два слова такое искренне удивление, словно предлагал ей выйти замуж за одного из Богов Рассвета или, на худой конец, гальтийского принца.

Шелиара опустила глаза в колени и съежилась, как загнанное в угол животное.

— Отец, пойми... Я... — Мысли путались в ее голове. — Я не могу сейчас выходить замуж...

— Что еще за глупости? Почему нет? Месяц назад тебя осматривал один из лучших городских лекарей. Все ты можешь.

— Я не об этом... — «Боги Рассвета, ну почему я никогда не могу найти с ним общий язык?» — Отец, прошу, выслушай... — Шелиара прикусила губу и осмелилась чуть поднять взгляд. — Мне становится все хуже и хуже. Эти Голоса... Ты ведь знаешь про них. Знаешь, как они мешают мне жить. В общем... Мне все сложнее их контролировать. Они в прямом смысле завладевают моим разумом. Временами я ловлю себя на том, что уже не принадлежу себе... Как будто я — не я...

Отец помедлил, размышляя, затем фыркнул.

— Я уверен, ты преувеличиваешь масштабы трагедии.

— Это не так! — Шелиара вздрогнула, осознав, что повысила на отца голос. — Я схожу с ума, папа! Стоит мне хоть немного отвлечься от какого-то дела или разговора, как Голоса тут как тут. Я... Я не хочу остаток жизни провести, как твой отец!

Диондор бросил на нее свирепый взгляд.

— Ну так именно поэтому тебе и нужен человек, который всегда будет рядом, — произнес он с нажимом. — Который позаботится о тебе.

— Но...

— Послушай, дитя. — Отец сел обратно в кресло. Помолчав, взял трубку и принялся забивать в нее табак, после чего поджег от стоящей на краю стола лампы. Затянулся, медленно выдохнул едкий дым, и лишь затем продолжил: — Я сочувствую, что ты испытываешь определенные... трудности после прохождения Ритуала. Каждый из нас их испытывает, это ты тоже знаешь. Помнишь, что тебе сказал Верховный Иерофант?

«Много всего и при этом ничего дельного».

Вслух она решила это не произносить.

— Он говорил, — продолжил отец, не дождавись ее комментария, — что Благословение и Проклятье у некоторых триамнийцев представляют собой... как он там выразился? Ах да, две стороны одной монеты. Ты ведь знаешь свое Благословение, так? Оно напрямую связано с этими Голосами, на которые ты хочешь свалить все проблемы. Если бы не они, ты не могла бы чувствовать, когда кто-то врет, не могла бы оценить искренность чьих-либо намерений... Твоя интуиция в несколько раз сильнее, чем у большинства других людей, разве не так? — Диондор дождался ее кивка. — Голоса ниспосланы тебе Богами Рассвета. Или же ты начала сомневаться в божественной всемудрости и справедливости? — Он терпеливо дождался, пока она помотает головой. — Так уясни же, наконец, что твое Проклятье — ничто по сравнению с твоим Благословением! — Отец снова затянулся. — Таких, как ты, Шелиара Нирааль — единицы за всю историю Триамны. Твой дар, твое Благословение — он может принести нашей стране столько пользы, если ты научишься им владеть... Просто подумай о людях, которым ты сможешь помочь. Только представь: Претория Иерофантов, Орден Хранителей Триамны, Совет Архонтов, а то и сам Верховный Иерофант будет прибегать к твоим услугам — на судах, процессиях, при встречах иностранных послов или... да где угодно. Ты станешь одной из самых влиятельных персон Триамны!

— Но я не хочу становиться одной из самых влиятельных персон Триамны!

— Вот как. — Отец замолчал на некоторое время. Вновь поджег трубку, затянулся и

выпустил в потолок сизоватую струйку. Затем посмотрел на Шелиару странным, неопределенным взглядом. — И чего же ты, в таком случае, хочешь?

На этот вопрос она знала ответ, потому что неоднократно задавала его самой себе.

— Я хочу жить, как живут обычные люди. Те, что не проходили и не будут проходить Ритуал. Диондор развел руки в стороны.

— Боги Рассвета, мы ведь все это уже проходили. И ты прекрасно понимаешь, что это попросту невозможно. А в жизни надо думать про то, что возможно и осуществимо. — Отец отложил дымящуюся трубку, встал и неторопливыми шагами обошел кресло. — Знаешь, в столице я узнал много интересного. Слухи про Верховного Иерофанта оказались правдивыми: он тяжело болен. Сколько старик протянет — лишь вопрос времени. Вскоре после того, как он скончается, будет созван Священный Синклит, а затем состоятся Выборы нового Верховного Иерофанта. Твой жених — один из наиболее влиятельных архонтов в Совете. А если он попадет в Синклит, то еще больше упрочнит свое положение. Понимаешь, что это значит?

Шелиара пожала плечами. С точки зрения отца это могло значить что угодно. Гадать бесполезно.

— Это значит, — пояснил Диондор, — что у нашей семьи наконец появился шанс вернуть былую славу. Былое богатство. То, что мы потеряли полтора века назад. Разве это не очевидно?! Будущее рода Нирааль — в твоих руках, Шелиара. Почему же ты так и норовишь смешать его с грязью?

Шелиара не ответила. Теперь она была сосредоточена на том, чтобы не разреветься здесь и сейчас.

«Почему он отказывается понять?..»

Диондор, кажется, заметил ее смятение и чуть смягчил тон.

— Ну же, дитя. Шели. Я точно знаю, ты справишься со своими проблемами. И станешь прекрасной невестой, а затем и женой. Тебе придется смириться с этой мыслью, раз уж она не вызывает у тебя должной радости, как я надеялся. — По-видимому, он ждал от нее хоть какой-то реакции — однако сейчас Шелиара упорно не желала комментировать его слова. — Ладно. — Отец вздохнул. — Послезавтра на рассвете мы выезжаем в столицу. Я распоряджусь, чтобы Нэя подобрала тебе подходящий наряд. Мы ведь должны произвести хорошее впечатление, так?

Шелиара шмыгнула носом. Было очевидно, что отец не отступится от своего, как бы она не убеждала его. К тому же... где-то в глубине души Шелиара знала, что этот день рано или поздно (она надеялась, что именно поздно) наступит. В некоторой степени отца даже можно понять — жены, как и сыновей, у него нет, так что она и впрямь остается единственной надеждой их рода. Действительно, хороший брак — единственное, что может их спасти. Она понимала, но все равно не хотела мириться с этим. Впрочем... То, чего она хочет, интересовало отца меньше всего.

Шелиара медленно кивнула:

— Да, отец. Мы должны произвести хорошее впечатление.

— Вот и славно. — Отец помолчал, затем повторил, уже более воодушевленно: — Вот и славно. Я рад, что мы пришли к взаимопониманию. Не буду больше утомлять тебя. Ступай... Архонтова невеста.

«Невеста... — Шелиара мысленно опробовала это слово на вкус. — Почему это так странно звучит? Будто оскорбление... Может, потому, что я не готова быть невестой?»

Может, потому, что знаю — если выйду замуж, то точно сойду с ума... Неужели отец этого не понимает? Он ведь должен...»

Шелиара смирилась с суровой неизбежностью, но боль и горечь не ушли. Лишь усилились.

Возможно, она и правда должна чувствовать себя благодарной отцу. Шелиара понимала — этот человек искренне считает, что поступает правильно. Во благо. Только вот почему же ей так тоскливо и горестно? Почему она не радуется, хотя могла бы? Шелиара знала: настоящая причина здесь одна. Голоса. Если ничего не сделать с ними, то, вполне возможно, ей и не придется выходить замуж — она окончательно сойдет с ума еще на стадии невесты.

Шелиара внезапно поняла, что больше не властна над собственными эмоциями. Она вскочила с кресла, кивнула отцу, пробормотав что-то, отдаленно напоминающее благодарность. Пошатываясь, выскочила из кабинета, едва заставив себя не хлопнуть дверью.

Идя по коридору в обратном направлении, Шелиара чувствовала, как на ее глазах наворачиваются слезы. Она попыталась сдержать их, взять себя в руки, как подобает наследнице благородного рода — но получилось только хуже. Посредине коридора она села на пол, прислонившись к холодному камню стены. И, закрыв лицо ладонями, разрыдалась.

«Почему?»

Сколько раз она уже задавала невидимому собеседнику этот вопрос.

«Почему?»

Сколько раз она не получала на него ответа.

«Почему вы так жестоки со мной? Может быть, вы испытываете меня? Проверяете мое мужество?.. Но... Я не такая. Я слаба. Я не понимаю, зачем. Боги Рассвета, я больше не могу этого вынести...»

Ответы пришли — но не те, на которые она надеялась.

«*Боги Рассвета тут не причем, не обманывай себя*», — Реалист был в своем репертуаре.

«*Просто сегодня твоё детство кончилось. Перед тобой распахнули дверь во взрослую жизнь, полную новых возможностей... И новых разочарований*», — это, разумеется, был Пророк.

«*А на что ты надеялась, глупышка? — Следом за ним подключилась Вопрошающая. — Что отец внезапно стал любящим и заботливым?.. Нет, дорогуша. Люди ни с того ни с сего не меняются, мы с тобой достаточно взрослые, чтобы понимать столь простые истины, не так ли?*»

Голоса загомонили. Шелиара переставала понимать, кто из них есть кто. Мысли, образы, звуки — все начало смешиваться в один непрерывный кошмар.

«*...недолго осталось терпеть выходки отца. Ведь скоро тебе придется терпеть выходки мужа...*»

«*...о да, прелести первой брачной ночи...*»

«*...а дальше? Ты хоть представляешь, что ждет тебя дальше?..*»

Смутные, как сон, образы замелькали перед ней: высокомерный архонт-муж, непоседливые дети, ругань, рукоприкладство...

«Это все неправда. — Шелиара замотала головой. — Уйдите! Хоть сейчас оставьте меня в покое!..»

Она знала, что это не помогает, но ничего не могла с собой поделать. Шелиара понимала, что ее силы на исходе.

«Прочь».

Реальность переставала быть реальной.

«Прочь!»

Будь оно все проклято...

— ПРОЧЬ!..

А затем все поглотил мрак.

Придя в сознание, Шелиара обнаружила себя в постели, тихонько и жалобно всхлипывающей. Подушка под головой пропиталась слезами. Услышав знакомую успокаивающую мелодию, Шелиара медленно повернула голову на звук. У изголовья кровати сидела Нэя и, напевая под нос старинную колыбельную, заботливо поправляла ей одеяло.

— Нэя. — Шелиара попыталась сесть. — Представляете, я...

— Тссс. — Нэя уложила ее обратно, приобняла и погладила по волосам. — Не нужно слов, девочка. Не сейчас. Я все понимаю. Тсс. Все будет хорошо. Уж поверь повидавшей жизнь женщине. В один прекрасный день Боги Рассвета услышат тебя и протянут руку помощи. Просто поверь.

И, наперекор всему, Шелиара заставила себя поверить.

«Может ли статься, что для меня и впрямь еще не все потеряно?»

Она догадывалась, что очень скоро узнает ответ на этот вопрос.

На этот вечер Альдан не запланировал ничего примечательного.

Вернувшись после дневных университетских лекций в свою общежительную комнатушку, он перекусил на скорую руку остатками завтрака, после чего, не тратя попусту времени, уселся за чтение. Лишних денег у него, как и положено настоящему школяру, не водилось, а что свечи, что масло для лампы стоили нынче немало. Темнело же за окном все раньше и раньше — зима была не за горами.

Усевшись за стол, Альдан пододвинул и раскрыл внушительных размеров фолиант. Полгода назад, после длительных мучений с коварной грамматикой, он все же освоил древнетриамнийский — предтечу Южного Диалекта; язык, на котором написана большая часть исторических хроник и летописей — и пока что ни разу об этом не пожалел. Книги, повествующие о древней Триамне, захлестнули его примерно с той же силой, с какой морские водовороты затягивают рыбацкие шлюпы. Практически все свободное от учебы и подработки в университетской библиотеке время он тратил на чтение. Ничего удивительного, что немногочисленные друзья (а затем и просто знакомые) прозвали его Альданом-Книгочеем. Он был не против. Пусть кличут кем угодно, лишь бы не отвлекали от важных дел вроде чтения при дневном свете.

Фолиант, над которым Альдан корпел уже вторую неделю, рассказывал в подробностях об одном из самых роковых периодов в истории не только Триамны, но и всех государств Юга Четвероземья: о Великом Сельвидийском Джихаде султана Кабуддарима А'Шаддара. О Джихаде, что едва не положил конец привычной жизни сотен тысяч людей и нескольких стран. Альдан постепенно подбирался к кульминации — легендарной битве на Мертвых Равнинах, когда объединенные страны Юга, включая Триамну, Гальгию, Даньяз (тогда еще не разделенный), Кирикию (опять же, не раздробленную на княжества), Гергельяр, Древний Шаугрим и даже островной Аккао, проигрывая сельвидийцам по всем фронтам, каким-то чудом сумели обратить их в бегство и тем самым остановить Джихад. Даже от университетских историков Альдан слышал самые разные версии о причинах той победы — одни утверждали, что ее обеспечила прорвавшаяся сквозь султановскую Бессмертную Гвардию триамнийская конница, другие — что, услышав тысячи тысяч молитв, в ход битвы вмешались сами Боги Рассвета, третьи и вовсе приписывали победу внезапному сердечному приступу, случившемуся с султаном в разгар битвы. Чем обуславливались такие расхождения, он никак не мог понять, а потому надеялся обнаружить истину на страницах этого фолианта, с огромным трудом одолженного в библиотеке.

Смочив палец слюной, Альдан бережно перевернул пожелтевший пергаментный лист. перевел взгляд на строчку, где остановился вчера, собрался с мыслями...

Дверь в комнату распахнулась. Страдальчески вздохнув, Альдан обернулся.

На пороге, запыхавшиеся от бега, стояли его однокомнатники, непостижимым образом ставшие за два с лишним года учебы его ближайшими друзьями. Синт — невзрачный бледнокожий заика, специализирующийся на математических науках, и Рибан, его полная противоположность: статный, смуглокожий молодой аккаовец, специализирующийся в основном на соблазнении местных девиц, игре в арканы, дешевом пиве и денежных спорах. Оба товарища выглядели чертовски довольными, как если бы узнали, где раздобыть бесплатную выпивку, причем в немалом количестве.

Рибан выступил вперед и, пафосно взмахнув левой рукой, произнес:

— Знаешь, что ты делаешь этим вечером, Книгочей?

Альдан почесал подбородок и сделал вид, что серьезно задумался.

— Дай подумаю. Хм. Наслаждаюсь одиночеством и продолжаю читать седьмой том «Военных Хроник Южных земель» Эльсевия Кирикийского?

Продолжая улыбаться до ушей, Рибан покачал головой.

— А вот и не угадал. Хочешь узнать ответ?

Альдан пожал плечами.

— Попробуй меня удивить.

— Ты идешь с нами... — Рибан выжидающе подождал, — на вечернику... Отгадай к кому? Правильно, к самому Герцогу! Отказ не принимается. Этот вечер обещает быть... грандиозным!

Синт в знак солидарности кивнул и добавил:

— Т-такой шанс выпадает раз в целую в-вечность. Так что ты идешь с нами.

— Спасибо, друзья. — Одно время Альдану пришлось изрядно постараться, чтобы научиться вежливо, но твердо говорить «нет». — Правда, спасибо, что позвали. Но что-то у меня нет настроения участвовать в пьянке. Да и сами знаете: не привык я общаться со всеми этими знатными снобами...

Товарищи переглянулись. Синт разочарованно покачал головой, цокнул, и, достав из кармана штанов бронзового жаворонка, протянул Рибану.

— Альдан, д-дружище. Ей-Бога, с тобой я скоро превращусь в н-нищего.

— Так может, стоит перестать делать глупые ставки на мои решения? — предположил Альдан. — Хотя что я могу в этом понимать, в самом деле.

Рибан хмыкнул:

— Да ладно тебе, не отговаривай его. Продолжай в том же духе оставаться предсказуемым, и к концу учебного года я накоплю на... Хм... Не знаю пока, на что. Но на что-то грандиозное точно накоплю.

— Ага, конечно накопишь, — подмигнул ему Альдан. — Скажи еще, что это будет точно не алкоголь.

Рибан фыркнул, прошелся по комнате и остановился напротив ведущего во двор университетского городка окна.

— Альдан, я тебе говорил это уже сто раз, но не поленюсь сказать сто первый: ты не найдешь ответов на свои вопросы в этих книжках.

— По-твоему, у меня больше шансов найти их на вечеринке у Герцога?

Рибан всплеснул руками.

— Ну наконец-то до тебя начало доходить! Брось, старик. Когда ты последний раз покидал пределы университетских корпусов? Что, не знаешь? Вот-вот. Тебе давно уже пора развеяться. Все, я устал тебя уговаривать, так что давай, поднимай свою ленивую задницу и присоединяйся к нам.

На этот раз Альдан призадумался. По большому счету, его приятели правы — он и впрямь последнее время сидит взаперти, словно певчая птица в клетке. Но, по крайней мере, он занимается тем, что ему действительно интересно. Тем, что, возможно, разрешит его вопросы. Стоит ли променивать это на вечер в компании надменных богачей? Альдан покосился за окно: на улице стремительно темнело. От силы час, и ради чтения придется жечь свечу.

«А, была не была».

— Ладно. Уговорили. Я с вами.

Рибан на секунду замер, видимо, не веря своим ушам, затем подпрыгнул с радостным кличем.

— Другое дело, узнаю прежнего Альдана! — прокричал аккаовец, словно это Альдан, а не он сам, любил дебоширить на пьяную голову. — Я уж боялся, что мы его потеряли в недрах пергаментных лабиринтов. Ну, берегитесь все: Книгочей отправляется кутить! Ух, вечер и впрямь грозит быть грандиозным.

— Когда отправляемся? — перебил его Альдан.

— Как когда? Конечно же, сейчас!

На это Альдану осталось только страдальчески вздохнуть.

После недолгих сборов они покинули комнату. Миновав шумный коридор, спустились по лестницам и выбрались во двор. Альдан закутался в плащ: к вечеру похолодало. Ветер носился по университетскому двору, завывая в арках учебных корпусов и разбрасывая во все стороны опавшие с тополей и платанов листья. Еще недавно в это время суток двор содрогался от гомона школяров; сейчас же большинство предпочитало коротать предвечернее время в тепле и уюте.

— Ну, рассказывайте, — зашагав следом за друзьями в сторону главного входа, потребовал Альдан.

— Ч-что именно? — уточнил Синт.

— Как «что именно». Какими таким чудесным-пречудесным образом вы получили приглашение на вечеринку от самого Герцога.

Вместо Синта ответил Рибан:

— О, хорошо, что ты спросил. Тут такая история. Значит, после обеда мы с Синтом решили, как все нормальные люди, пропустить лекцию по гальтийской теологии, и, чтобы не попасться на глаза лектору, спустились на задний двор. Глядим — а там на лужайке, что под дубом, Герцог собственной персоной, да еще и со своей новой пассией! Понял, о ком я? Наверняка понял: такая красotka даже для такого книжника, как ты, не могла остаться незамеченной. Ну и, значит, как раз искали они еще двоих поиграть в арканы. В общем, мы вроде как удачно подвернулись им под руку.

— Вот это да. Всем историям история, — скептически заметил Альдан. — И как сыграли?

— Ну... Несколько жаворонков мы им проиграли, конечно, но в качестве компенсации Герцог позвал нас нынешним вечером к себе в особняк.

— И спросил п-про тебя, — добавил Синт.

— Да ну?

— Нет, серьезно, — подтвердил Рибан. — Собираемся мы уходить, а он такой: «Эй! Это ведь вы двое друзья Альдана-Книгочея?»

— Что, так и спросил?

— Ага. Слово в слово. Ну и мы такие: «Да да, это мы». И он: «Ну, давайте, идите оттаскивайте его от книжек и тащите с собой. Без него можете не приходите».

Альдана удивил, не слыша в словах Рибана иронии. Неужто они не шутят, и сам Герцог им заинтересовался? С чего бы это?..

Распахнутые ворота остались позади. Спустившись с холмов, на которых располагались здания Университета, их тройца свернула к набережной.

— Кстати. Кто-нибудь знает, почему его все называют Г-герцогом? — внезапно сменил тему Синт. — Он что, правда родственник... короля Г-гальтии?

— Ага, троюродный племянник, — тут отозвался Рибан.

— П-правда? — удивился Синт.

— Разумеется нет, балбес. Ты что, не знаешь, как к людям приклеиваются прозвища? Нет, ну конкретно в случае Герцога я тоже не знаю, но в целом... Я бы вот предположил, кто-то из его компании после нескольких пинт эля забыл его имя и обратился к нему как к герцогу... Ну, и понеслось. Что думаешь, Альдан?

— А может, он просто скрывает свое настоящее имя? — высказал он кажущееся логичным предположение. — Вроде как раз на твоей родине, Рибан, шаманы могут наслать на человека проклятье, лишь зная его имя.

Рибан фыркнул.

— Эти слухи имеют мало общего с действительностью. Если бы наши шаманы были и впрямь такими могущественными, Аккао уже давно захватил бы земли Юга.

— Логично.

В молчании они поднялись на Мост Королев, соединяющий восточный и северный район Исхирона, миновали его, после чего Рибан и Синт принялись спорить о том, как быстрее добраться до пункта назначения — через набережную или жилые кварталы. Предоставив друзьям решать этот сложный вопрос без его участия, Альдан попробовал вспомнить все, что слышал о человеке, к которому они направлялись.

Про Герцога гуляли самого разного рода слухи и сплетни — пожалуй, он был самой обсуждаемой персоной среди школяров Университета. Доходило до того, что, по словам отдельных личностей, во время сдачи вступительных испытаний Герцог обыграл в арканы самого ректора, а кто-то и вовсе шептался, что во время полнолуний тот совершает кровавые ритуалы (наверняка с человеческими жертвоприношениями) ЛжеБогам Сумерек. Слухи слухами, но достоверно известны про него были три вещи. Первая — он единственный сын какого-то влиятельного архонта из Совета. Вторая — ему принадлежит шикарный особняк стоимостью в несколько тысяч серебряных жаворонков. И третья, пожалуй, самая обсуждаемая — ни в положенные четырнадцать, ни позже он не проходил Ритуал Преображения. А для сына архонта это не просто странно.

Это из ряда вон выходящее событие.

Альдан попытался представить, какие причины могли заставить Герцога отказаться от прохождения священнодействия, когда дорога, по которой они шагали, вывернула к невысокому холму.

— А вот мы и на месте, — произнес Рибан, остановившись и указав на внушительных размеров двухэтажный особняк на вершине, и, повернувшись к Синту, добавил: — Я же говорил, что через набережную топать вдвое дольше. Тоже мне, знаток.

На холм вела мощеная желтым кирпичом лестница. Поднявшись наверх, они миновали гостеприимно распахнутые ворота, уставленный клумбами дворик и взошли на крыльцо. Сбоку от входной двери, больше похожей на гигантскую створку ворот, висел шнурок. Рибан со всегдашней уверенностью несколько раз дернул за него. В глубине дома зазвенел колокольчик.

Синт легонько пихнул Альдана локтем.

— Ну, как настроение?

— Даже не знаю, чего ожидать, — признался Альдан.

Он чувствовал себя неуютно: богатство и роскошь всегда существовали для него в какой-то параллельной, недоступной ему реальности. Пытаясь перебороть нервозность, Альдан принялся поправлять воротник рубахи, однако почти сразу же оставил эту затею. В любом случае он будет выглядеть перед Герцогом как серая мышь перед павлином — и никакой прямой воротник этого не исправит.

Внутри дома раздался приглушенный смех, затем приближающиеся шаги. Несколькими секундами спустя дверь открылась. Альдан ожидал увидеть слугу (на худой конец служанку), но, похоже, Герцог решил принять гостей самолично.

Раньше Альдан видел Герцога лишь издали, когда тот мелькал в университетских коридорах и лекториях — теперь же мог рассмотреть его вблизи. Навскидку, тот казался не сильно его старше — разве что на пару лет. Длинные черные волосы курчавились у плеч, образуя причудливую шевелюру; правильные черты лица и прямой взгляд зеленых глаз изящно дополняли его знатный облик. Одевался Герцог явно по последней моде: лакированные туфли, кружевные черные панталоны, темно-синий дублет поверх алой рубашки. Альдан прикинул, сколько ему придется проработать в библиотеке, чтобы накопить на такой гардероб — и с ужасом пришел к выводу, что не меньше двух-трех лет. И то если работать с рассвета до полуночи, а питаться исключительно солнечным светом.

С легкой надменностью, свойственной всем высокородным, Герцог оглядел их. Остановился взглядом на Альдане и, улыбнувшись, протянул вперед руку.

— Ты, значит, и есть Книгочей.

— Можно просто Альдан.

Они обменялись рукопожатием.

— Как скажешь, Книгочей. Я Герцог. По крайней мере, так меня все называют, и я с этим давно смирился. Добро пожаловать в мое скромное обиталище, — продекламировал он, обводя рукой просторный холл с дубовым паркетом, беленой известью штукатуркой и лепными колоннами. — Ну ладно, не особо скромное. Неважно. Слышите голоса? Это в гостиной не могут оторваться от аркан Гасфорт, Тэннег и Зан-Фаун. А эту красавицу, — Герцог указал на невысокую элегантную девушку с темно-золотистыми волосами, выпорхнувшую откуда-то сбоку и прильнувшую к нему, — зовут Иолая. Иолая, это Рибан, Синт и Альдан-Книгочей. Можно просто Книгочей.

— Хм, блондинчик, — улыбнувшись, проворковала Иолая. — Люблю блондинчиков. А симпатичных блондинчиков люблю еще больше. — Она игриво подмигнула Герцогу. — Солнце мое, можно я оставлю его себе?

— Забирай на здоровье. — Герцог подмигнул ей в ответ. — Но, боюсь, ты с ним быстро соскучишься. Он же это... Книгочей.

— Я уверена, с таким милашкой не соскучишься. Да и к тому же кого ты пытаешься обмануть — всем известно, что ты и сам не брезгуешь чтением, разве нет?

Герцог развел руками.

— Сдала меня с потрохами. Ладно, — он сделал шаг назад и приглашающе взмахнул рукой, — вы трое мне так все крыльцо стопчете. Входите, что ли.

Как и подозревал Альдан, все самое интересное началось ближе к ночи.

Уже после того, как было покончено со знакомствами, с ужином (воистину, герцогские повара проявили чудеса кулинарии), арканами (Альдан предпочел лишь наблюдать и, судя по проигравшимся в пух и прах Синту и Рибану, правильно сделал) и застольными беседами

обо всем и ни о чем одновременно, Герцог повел их на крышу.

Еще на подходе к особняку Альдан заметил, что крыша выполнена не в духе типичных столичных — не с высокими скатами, но полностью плоская. Теперь причина стала ясна — Герцог умудрился приспособить ее под летний сад. Правда, сейчас о саде напоминали лишь пустующие клумбы да пару сморщенных кустиков, но это, похоже, никого не смущало. Гостей рассадили за вытянутый стол, по бокам от которого располагались две пылающие жаровни. Гасфорт, Тэннег и Зан-Фаун, все трое богато разодетые юноши, хоть и изо всех сил старались никак не подчеркивать разницу в социальной прослойке между их троюми, все же держались чуть обособленно. Альдан то и дело ловил на себе их косые взгляды.

Хмельные напитки лились рекой — двое одетых в белое слуг едва поспевали носить туда-сюда, поставляя на стол бочонки с элем, кувшины с белым и красным вином, а также крепкие напитки, о которых Альдан слышал лишь краем уха — даньязский брам и шаугримское бренди. Больше всех на выпивку налегал Рибан — бедняга оказался крайне подавлен из-за того, что на вечернике не оказалось ни одной свободной девушки; Синт, Иолая, Герцог и его высокородные приятели не сильно отставали. Альдан, в свою очередь, ограничился двумя кубками разбавленного вина: меньше всего ему хотелось потерять над собой контроль.

Когда все уже изрядно поднабрались, Герцог, держа в руке хрустальный бокал с бренди, обошел стол, вышел на середину крыши и, дождавшись всеобщего внимания, заговорил:

— Дорогие гости. — Кивок сидящим за столом. — Любимая. — Воздушный поцелуй Иолае. — Буду с вами предельно откровенен: я собрал всех вас здесь отнюдь не просто так. Дело в том, что... — Герцог помолчал, вертя бокал и рассеянно наблюдая за плещущейся в нем жидкостью. — Даже не знаю, как об этом сказать...

— Давай, не тяни! — выкрикнул Зан-Фаун. На Альдана юноша производил не самое приятное впечатление, соответствуя всем стереотипам, обыкновенно приписываемым чьим-то богатым сынкам. А судя по тому, что наряды его были еще более кичливыми, чем у Герцога, а руки унизаны золотыми и серебряными перстнями, он определенно являлся чьим-то богатым сынком.

Герцог кивнул, собрался с силами и выдохнул:

— В общем, я всерьез подумываю над тем, чтобы пройти Ритуал Преображения. — Данное заявление вызвало у его друзей бурю эмоций. После того, как гул за столом утих, Герцог сделал плоток и продолжил: — И в связи с этим мне интересно послушать ваши мнения по этому поводу. Так сказать, аргументы за и против. Прошу вас.

С этими словами Герцог вернулся и сел во главу стола.

Рибан, с трудом отвлекшись от выпивки, начал было что-то говорить, но его перебил Гасфорт, до этого момента отличавшийся сдержанностью и немногословностью:

— Герцог, дружище, я так рад, что ты наконец решился! — Похлопав Герцога по плечу, он объяснил остальным: — Видите ли, я уже давно подбивал его на этот шаг. Мое мнение по этому вопросу однозначно и не подлежит изменению: Фонтан и, соответственно, Ритуал оставлены нам Богами Рассвета, так что глупо не воспользоваться их милостью. Пусть и почти на десять лет позже положенного.

— Отлично сказано! — одобрил приятеля Зан-Фаун, поднимая в воздух чашу с брамом. — Я тоже не знаю, чего тут думать. Этой традиции... Точнее, этому обряду... то есть Ритуалу сотни лет...

— Тысячи, — не удержался Альдан.

Зан-Фаун, зыркнув на него грозным взглядом, продолжил:

— И за эти *сотни* лет Триамна не раз доказывала свое превосходство соседним странам, не так ли? Именно благодаря Ритуалу Преображения мы достигли... э, многого. Очень многого. В политике, в искусстве, во всяких там ремеслах...

— Именно желание вернуть запрещенный гальтийским императором Ритуал, — подхватил Гасфорт, — как мы знаем, сподвигло триамнийцев в свое время на восстание против Гальтийской империи, наш юный историк-Книгочей не даст соврать. Именно благодаря солдатам с боевыми Благословениями мы победили в той войне и отстояли независимость Триамны, ведь так? — Дождавшись одобрения, Гасфорт продолжил: — И с тех пор, между прочим, мы не проигрывали ни одной войны. Благодаря особо Благословенным лекарям мы подняли медицину до заоблачных высот — так, что даже Зимняя Чума, несколько лет назад выкосившая половину населения Южного Побережья, не причинила триамнийцам особого вреда. Лучшие художники, лучшие музыканты, лучшие мыслители! И все это — исключительно благодаря дарованному нам Преображению. Какие еще аргументы тебе нужны, Герцог, чтобы убедить не откладывать с Ритуалом?

Тишину прервал мягкий голос Иолаи.

— С этим, конечно, трудно поспорить, но... Есть ведь и обратная сторона монеты. Так называемое Проклятье. Вот ты сам, Гасфорт — за способность к быстрому изучению иноземных языков, от которого тебе пользы, как корове от второго хвоста, ты почти полностью лишился чувства вкуса.

— Зато могу жрать и пить всякую дрянь, и ничуть об этом не переживать, — улыбнулся он, и Зан-Фаун одобрительно рассмеялся.

Альдан тут же подумал о том, как Рибан предложил бы Гасфорту на спор съесть нечто несъедобное и до ужаса мерзкое. Судя по напряженному лицу Рибана, тому подобная мысль также пришла в голову.

— За эти века или, если верить блондинчику, *тысячелетия* случалось всякое, — тем временем невозмутимо продолжала Иолая. — Все вы наверняка наслышаны про десятки или даже сотни томов «Архивов Благословений», большинство которых находятся в Ордене под надзором твоего, Зан-Фаун, отца. Мы знаем, что порой Проклятья причиняли больше вреда, чем Благословения приносили пользы. Кто-то частично терял память. Кто-то забывал родной язык. Некоторые даже становились слепыми. Риск слишком велик — вот к чему я веду. Разве не так?

На несколько секунд повисла тишина. Альдан посмотрел на Герцога — тот, медленно попивая бренди, с интересом наблюдал за разговором. Похоже, этот вопрос и впрямь очень волновал его. Альдан мог его понять — в свои тринадцать схожие сомнения одолевали и его самого.

Рибан грохнул о стол опустевшей чашей и произнес:

— Красавица права. Благословение, которое ты получишь, может и вовсе оказаться бесполезным.

— А окажется полезным, — с неожиданным энтузиазмом подключился к разговору Тэннег, выделявшийся среди товарищей широкополой шляпой с алым пером, разноцветным шарфом и сапфировой серьгой в ухе, — так как-нибудь в полнолуние тебя навестят Отнимающие...

— Стоп, стоп, стоп! — Рибан скорчил презрительную мину. — Давайте мы все-таки не будем смешивать реальные факты и легенды, которыми пугают детей по всей Триамне. У-у-

у, — взвыл Рибан, резко вскинув руки и скрючив пальцы, — ах ты капризный, непослушный мальчишка! Будешь так себя вести, то вырастешь, и однажды в полнолуние к тебе придет Отнимающий, взмахнет лиловым клинком и заберет твоё Благословение, а заодно и твою жизнь! У-у-у!

— О, приятель. — Тэннег поджал губы. — Боюсь, у меня для тебя шокирующее известие. Из надёжных источников... а под надёжными источниками я подразумеваю, конечно же, Преторию Иерофантов... так вот, стало известно, — Тэннег подался вперед и ни с того ни с сего перешел на шепот, — неделю назад на Безымянных Перекрестках рано поутру нашли три трупа. Все трое... — Он выдержал театральную паузу. — Отнимающие!

— Да ну, — настаивал на своем Рибан. — Трое Отнимающих в одном месте? Еще и в такой глухомани, как Безымянные Перекрестки? Да тебе наврали с три короба, а ты и рад принять все за чистую монету.

Тэннег с уверенностью фанатика покачал головой и поправил шляпу.

— Если бы. Если бы... Там целый караван свидетелей с утра их видел. Три мертвяка, и у каждого нашли рунную татуировку! У одного позади шеи, у двух других в районе бедер. Это могут быть только они. Отнимающие.

Тэннег замолчал, и на крыше повисла тишина.

Альдан нахмурился. В свое время он перечитал немало трудов, посвященных Отнимающим — этим призракам далекого прошлого. Они слыли сектантами — адептами ЛжеБогов Сумерек. Властью, полученной, несомненно, у Сумеречных Сил, они получили Клинки Поглощения, позволяющие им убивать и забирать Благословение и Проклятье убитого. С другой стороны, Альдан читал, что тридцать пять лет назад с ними вроде как было покончено раз и навсегда: Орден устроил атаку на их логово в Соколиных Скалах, и никто из сектантов не выжил. С той поры в Триамне, конечно, случались таинственные убийства, находились свидетели, клянущиеся, что видели руннотатуированных людей — но все это, за неимением вещественных доказательств, власти списывали на богатое людское воображение. Теперь же, когда нелепые и смешные (поначалу) слухи, похоже, нашли подтверждение — неудивительно, всем присутствующим сделалось не по себе.

Тревожную тишину вскоре нарушил Герцог:

— Какое твоё Проклятье, Рибан? Если, конечно, не секрет.

— Я перестал видеть сны, — тут же отозвался тот.

— Разве это Проклятье? — фыркнул Зан-Фаун. — Как по мне, так это то ещё Благословение.

— Не скажи, — покачал головой Рибан. — До моего переезда в Исхирон и прохождения Ритуала мне чуть ли не каждую ночь снились такие красотки... Ух... — Рибан мечтательно прикрыл глаза и провел рукой по воздуху. — До сих пор не могу забыть. Гладкая, как шелк, кожа. Стройные ножки. Томные взгляды...

— Так, все с тобой ясно, — перебил его Герцог и повернулся к Синту. — Ну а ты что скажешь?

После недолгого раздумья Синт ответил:

— После Ритуала я в скором времени приобрел способность совершать в уме операции с трех и ч-четырёхзначными ч-числами в уме за пару секунд; п-потому отец и отправил меня в Университет.

— А Проклятьем стало заикание? — уточнил Герцог.

— Нет, это на-наследственность... — Синт обреченно развел руками, затем сообщил:

— После Р-ритуала я утратил музыкальный слух. В детстве любил играть на ф-флейте, теперь вот, сколько пробовал, не могу.

— И что, по итогу ты доволен таким... э-м... обменом?

Синт пожал плечами.

— Не знаю. Я принял это как д-должное. Значит, Богам Рассвета так угодно. Кто мы такие, чтобы обсуждать и тем более ос-суждать их решения?

Герцог кивнул, давая понять, что удовлетворен ответом. Перевел взгляд на Альдана.

«Ну, началось», — мысленно вздохнул Альдан.

Ему ведь с самого начала следовало догадаться, что позвали его сюда отнюдь не за красивые глазки. И даже не за светлые волосы, на которые Йолая то и дело поглядывала со странной улыбкой, от которой ему делалось не по себе.

Все же, как ни крути, с книгами проще — они не заставляют тебя чувствовать себя неловко. Разве что когда ты не понимаешь, что в них написано.

— Это правда, — поинтересовался Герцог, подставляя подошедшему слуге опустевший бокал, — что ты до сих пор так и не узнал ничего ни о своем Благословении, ни о Проклятии?

Альдана не любил обсуждать эту тему (особенно с незнакомцами), но, похоже, возможности отвертеться тут не было. Герцог наверняка как-то прознал о странности, ставшей в некотором роде его Проклятьем. Человек, прошедший Ритуал (причем прошедший по всем канонам — Претория Иерофантов подтвердила это) и не заметивший никаких изменений. Даже за несколько лет. Ни Благословения, ни Проклятья — ничего. Одна пустота неведения, словно насмешка Богов Рассвета. Будто бы он единственный триамниец, попросту не заслуживающий внимания Богов.

Может, так оно и было?..

— Чистейшая правда, — подтвердил Альдан, поглядывая то на кубок в руке, то на потрескивающую жаровню. — Никаких проявлений ни того, ни другого.

Он надеялся, что расспросы на этом закончатся, но Герцог оказался любопытным малым.

— Значит, — продолжал тот допытываться, — поэтому ты и стал Книгочеем? Не потому, что ты без ума от истории страны и всего такого, а потому, что надеешься, что однажды книги подскажут, что с тобой не так.

— Возможно, — уклончиво ответил Альдан.

— Но как так получилось? — спросил Тэннег, покручивая серьгу. — Обычно тот, кто прошел Ритуал, чувствует сердцем, что именно в нем изменилось. Тягу к чему-то...

— Но не в моем случае. Никакой тяги и полное неведение.

Тэннег замолчал, видимо, не зная, что еще сказать по этому поводу. Зан-Фаун смерил Альдана взглядом, в котором читалось не сочувствие, но, скорее, жалость.

— А знаешь, что я бы посоветовал тебе, Книгочей? Не трать ты время на эти исписанные непонятно кем и непонятно зачем листы пергамента. В подлунном мире столько всего интересного. И вообще, радуйся своему неведению, пока можешь, вот тебе мой совет. Просто живи и получай от этого удовольствие. Вполне возможно, что однажды ты совершенно случайно все узнаешь. Может, еще и пожалеешь, что узнал. Будешь вспоминать это время и думать: вот я дураком-то был. И чего мне спокойно не сиделось...

Альдана неопределенно хмыкнул. Радоваться неведению? Ну уж нет. Это не к нему. Он в свое время решил, принял вызов, прошел через Фонтан Преображения — и он, демоны

Сумерек его дерит, найдет ответы. Он узнает, чем наградили и чем прокляли его Боги Рассвета. И заплатит за ответы любую цену.

Тем временем инициативу взял на себя не на шутку разговорившийся Синт:

— Альдан у нас как исключение, что лишь п-подтверждает правило. Помню, в первый год нашего с ним знакомства Рибан так и рвался раскрыть секрет его Благословения и Проклятья. Идеи у него были одна безумнее другой, помнишь, Альдан? Из серии «п-посиди часик, пристально глядя на стакан воды — вдруг превратишь его в эль»? Или, «сходи в бордель, проверь свою мужскую силу»... Помнишь, Р-рибан? Р-рибан?!

Альдан обернулся туда, где сидел смуглокожий друг. Положив голову на стол, тот откровенно клевал носом. То-то от него давненько не слышно «остроумных» комментариев. Синт попробовал растормошить друга, но безуспешно. В принципе, мог бы и не пытаться. Разбудить заснувшего после изрядного количества выпивки Рибана не смог бы даже городской набат.

— Обычно он д-держится получше, — принялся Синт оправдываться за товарища, — особенно когда есть ради кого... стараться. Д-думаю, дело в броне — он никогда раньше его не пил...

— Не беда, — отозвался Герцог, поднимаясь с места. — Для таких случаев я всегда держу под рукой пару свободных комнат. Ну, и слуг, которые помогут дотащить такого бугая. — Герцог хлопнул в ладоши, привлекая всеобщее внимание. — Так, ладно. Похоже, вечеринка заканчивается. Спасибо всем принявшим в ней участие. Было очень... познавательно. Синт, Альдан, пойдете, я провожу вас.

Они вышли на крыльцо, когда Герцог, уже собиравшийся закрыть за ними входную дверь, произнес:

— Знаешь, Альдан. В домашней библиотеке моего отца есть кое-какие редкие книги догальтийских времен. В частности, даже пару древних томов из «Архивов Благословений», которых нет ни в университетской библиотеке, ни даже в Ордене Хранителей Триамны. Если вдруг тебе интересно и ты думаешь, что это может помочь тебе... Могу попробовать достать.

Альдан обернулся. У него отвисла челюсть. За «Архивы Благословений», остававшиеся его, видимо, единственной надеждой узнать суть своего Благословения и Проклятья, он готов был продать душу ЛжеБогам Сумерек. Может, не целиком, но все же.

— Правда? — Как и всегда в подобных ситуациях, Альдан не мог подобрать нужные слова. — Это... Это было бы... В общем, я был бы очень признателен.

Герцог улыбнулся.

— Тогда загляни ко мне дня эдак через три, желательно вечером. Договорились? Вот и славно. Ну, тогда бывайте, ребята. Не упадите ненароком с моста, ладно?

В очередной раз поблагодарив Герцога и попросив распинать с утра Рибана, Альдан и Синт дождались, когда тот захлопнет дверь, и неспешно двинулись в обратную сторону. Слегка пошатываясь, зашагали вниз по освещенной светом двух фонарей лестнице. На полпути Синт легонько хлопнул Альдана по плечу.

— Ну, Книгочей. Не п-пожалел, что пошел с нами? Что скажешь?

— Ладно-ладно. Я готов признать, что среди знати бывают исключения... — Альдан помолчал, затем все же добавил, пусть и нехотя: — С другой стороны, первое впечатление бывает крайне обманчивым... Посмотрим еще.

Синт рассмеялся:

— Ну ну. Д-другого ответа я от тебя и не ожидал. Посмотрим так посмотрим.

Солнце медленно восходило над Танааном, но погода оставалась холодной и пасмурной. Под стать настроению Шелиары Нирааль.

Доедая поданную на завтрак мясную похлебку, Шелиара то и дело куталась в шерстяную шаль и с опаской косилась за окно трапезной. Затянутое тучами небо не предвещало грядущей поездке в столицу ничего хорошего. Впрочем, девушке было не привыкать. Последнее время в ее жизни вообще не происходило ничего, что предвещало бы хоть что-то хорошее.

С момента оглашения роковой новости минуло почти двое суток, но Шелиара все еще не могла полностью смириться со своим новым статусом архонтовой невесты. С неизбежностью, так некстати вклинившейся в ее жизнь. Весь вчерашний день она волевыми усилиями заставляла себя сдерживаться при отце и прочих знатных танаанцах, пришедших ее поздравить, но как только те исчезали из поля зрения — концентрация слабела, сознание переставало принадлежать ей, и Голоса делали свое дело: истерика сменялась истерикой. Не помогало ни сосредоточенное наблюдение за каминным пламенем, ни прогулки по саду, ни чтение книг, ни подборка нарядов (*«Настоящий сельвидийский шелк, Шели, ты хоть представляешь, в какую сумму мне обошлось это платье?»*), ни успокоительные травяные настои, что не на шутку обеспокоенная ее состоянием Нэя регулярно ей готовила и приносила.

Ничего не помогало. Ей становилось все хуже и хуже.

Сегодняшний рассвет, однако, принес передышку — она надеялась, что не слишком короткую. Шелиара уже давно обратила внимание, что Голоса будто бы живут отдельной жизнью. Жизнью, в которой, как и в обычной, полным полно своих странностей. Голоса могли безумолчно горланить и туманить ее разум чуть ли не сутками напролет, а могли исчезнуть, затаиться где-то в лабиринтах сознания на несколько часов или даже больше. Могли высмеивать ее, а могли (совсем редко, конечно) и подбадривать. Законы мира Голосов не поддавались разумному объяснению.

По крайней мере, так ей казалось.

— Шели, экипаж скоро будет готов. — От размышлений о природе Голосов ее отвлек суровый голос отца с противоположного конца стола. — Поторопись, будь добра.

Шелиара принялась ускоренно поглощать похлебку. Диондор тем временем дождался, пока Баллия, одна из кухонных служанок, заберет грязную посуду, вытер рот полотенцем, после чего поднялся с места.

Покончив с едой, Шелиара собралась было последовать его примеру, когда услышала странный шум в коридоре. Они с отцом замерли в ожидании, уже догадываясь, что сейчас произойдет. Спустя несколько секунд дверь трапезной отворилась, и запыхавшаяся Нэя подтвердила их ожидания:

— Господин Диондор. Ваш отец направляется сюда.

Шелиара услышала, как Диондор еле слышно выругался. Редкое явление.

Нэя собралась еще что-то добавить, когда из-за ее плеча выглянул низенький седовласый старик. Азугтулан Нирааль. Некогда глава их рода и поместья, теперь же — своенравный и практически полностью безумный старик. Впрочем, Шелиара любила его и таким. Особенно теперь — когда безумие в каком-то смысле их объединяло. Делало

товарищами по несчастью.

По внешнему виду Азуттулана Шелиара предположила, что на днях у него случился приступ просветления — возможно, даже есть шанс с ним по-людски поговорить. Такое в их семье случалось крайне редко.

— Подвинься, милочка. — Миновав Нэю, Азуттулан втиснулся в трапезную и с любопытством оглядел стены и потолок, как будто видел их впервые. Затем переключился на нее с отцом. — С новым рассветом, сынок, — наконец прокряхтел он. — Я смотрю, вид у тебя не очень — ты как будто за ночь постарел лет на пятнадцать. — Дед хрипло рассмеялся, затем сфокусировался на Шелиаре. — О, Ламмэя. А вот ты выглядишь чудесно. Просто восхитительно! Как будто еще и двадцати не стукнуло. Хотя погоди... — Дед сделал к ней шаг и прищурился. Морщины задрожали на его некогда волевом лице. — Что-то в тебе не так... Хм. Ты покрасила волосы? Но зачем? Видят Боги Рассвета, черный тебе не идет...

Шелиара промолчала. Бедный, бедный старик. А ведь это еще не самое худшее проявление его беспамятства — порой он и своего сына не узнает. И почему им всем так не везет с Ритуалом?..

— Отец, это твоя внучка. — Диондор наконец решился подать голос. — Шелиара. Не Ламмэя.

— А-а. Шелиара. — Теперь старик покосился на нее, как на прокаженную. Помолчав, смущенно покачал головой. — Ну да. Конечно же. Шелиара. Я так и понял. — Он рассеянно поглядел по сторонам. — А где же тогда Ламмэя? Кажется, она обещала мне приготовить рагу из трехцветного фазана...

Шелиара напряглась в ожидании.

— Ушла на рынок, — ответил отец стандартной фразой. Это был уже раз двадцатый, когда Диондор прибегал к такой формулировке, и на памяти Шелиары она всегда срабатывала. — Наверняка за трехцветным фазаном. Скоро вернется.

Шелиара потупила взгляд. Мама. Ламмэя. Почему она так редко о ней вспоминает?

«Я никудышная дочь...»

— Шели, ты доела? — Отец двинулся к выходу из трапезной. — Нам пора.

Азуттулан как бы невзначай перегородил ему дорогу.

— Пора? Как пора? А ну отвечайте, куда это собрались в такую рань? Тоже на рынок? Не поверю. Давайте, живо выкладывайте все, как есть.

Они с Диондором переглянулись. Шелиара почувствовала неуверенность отца. Наконец, он все же решился:

— Твоя внучка едет в столицу знакомиться с женихом. С членом Совета Архонтов, между прочим.

У деда отвисла челюсть.

— Что-о? Моя внучка выходит замуж? — Азуттулан вновь поглядел на Шелиару с нескрываемым любопытством. Его седые брови приподнялись в удивлении. — Боги Рассвета, это же прекрасно! Просто замечательно! Давненько я не гулял на свадьбе. Когда был на ней последний раз? Э-м... Дайте вспомнить...

— Ты уж прости, отец, — хмуро перебил его Диондор, — но нам правда пора. Нужно покинуть город, пока подъезд к Южным воротам еще не перекрыт повозками всякого торгового сброда.

Азуттулан развел руки в стороны.

— Тогда счастливого вам пути. Как говорится, хороших дорог и стальных нервов. Хотя

погодите. Лам... э-э... Шелиара! — Из ниоткуда в руках старика появилась колода аркан. — Позволь мне провести для тебя расклад. Самый краткий.

— Отец, — вздохнул Диондор. — У нас нет времени на эту ерунду. — Он обогнул Азуттулана и подошел к Шелиаре. — Нам нужно ехать.

Лицо Азуттулана приобрело багровый оттенок. Морщины на лбу и под глазами задергались.

«Сейчас начнется», — поняла Шелиара.

— Нет времени на эту ерунду?! Нет времени, чтобы позволить своей дочери получить от самих Богов ответ на любой вопрос?! О, узнаю своего сына. — Скорчив презрительную мину, Азуттулан гневно всплеснул руками. — Конечно, ты ведь у нас весь такой занятой. На Арканы времени нет. На отца времени нет. На все у тебя времени нет! Проклятье! Да если бы мне давали золотого жаворонка каждый раз, когда слышу от тебя «у меня нет на это времени», я бы давно накопил на приморскую усадьбу в каком-нибудь из Кирикийских княжеств и съехал бы отсюда, чтоб глаза мои тебя больше не видели!

Диондор выслушал монолог с каменным выражением лица и с присвистом вздохнул, когда Азуттулан замолчал.

— Ладно, это бесполезный диалог. Хочешь моей дочери морочить голову своей арканной чепухой — пожалуйста. Я пошел отсюда. Шелиара. Прошу тебя, поторопитесь.

Пробормотав под нос что-то про старых упертых ослов, отец покинул трапезную. Дед улыбнулся вслед сыну, затем, доковыляв до стола, сел напротив Шелиары. Она была удивлена происходящим. Раньше отец строго-настрого запрещал ей бывать у Азуттулана арканы — мол, все это чистейшей воды шарлатанство, которое лишь сбивает людей с толку. Теперь же... Он решил, что она достаточно взрослая, чтобы решить самой? Или же просто не хочет лишней раз спорить со своим отцом?

Тем временем Баллия забрала посуду, освободив место на столе, и арканы разложились перед Шелиарой пестрым веером.

— Итак, юная невеста. — Азуттулан потер руки. В глазах его горел интерес. — Слушай меня внимательно. Сейчас ты должна хорошенько подумать, а затем сформулировать свой вопрос... Только смотри не торопись! Вопрос нужно задавать с умом — второй попытки не будет. В этой форме Арканизма божественный ответ дается лишь на один вопрос за сутки.

Шелиара призадумалась. Вопрос... О чем она хочет спросить? Девушка догадывалась, что на вопросы, которые действительно ее волнуют (например, как не сойти с ума), арканы не дадут ответа. Что ж. Она отправляется в Священный Исхирон, на знакомство с женихом. Как там недавно говорил отец? Что-то вроде того, что мыслить нужно о реальных вещах.

— Пусть будет... Э-м... Чего мне ждать от поездки в столицу?

Дед помолчал, затем важно кивнул.

— Я думал, ты спросишь о чем-нибудь другом. Ну да ладно. Вопрос задан, и Боги Рассвета тебя услышали. — Что-то пробубнив под нос, он проделал несколько пассов над арканами. — Вот. Теперь можешь тянуть.

Шелиара потянула руку... и остановилась. Какую выбрать? Их ведь тут под сотню, этих пятиугольников. Она до жути не любила моменты, когда приходилось делать выбор, не основанный ни на чем, кроме собственной интуиции. Хотя, с другой стороны, именно интуиция вроде как является ее сильной стороной. Значит...

Шелиара вытащила аркану, как ей показалось, лежащую ровно по центру, поднесла к лицу и развернула.

Лицевая сторона пятиугольной арканы мгновенно приковала ее взгляд. Шелиара затаила дыхание. Раньше она, бывало, разглядывала колоду аркан деда, но никогда прежде не обращала внимание, что они так хорошо прорисованы. По крайней мере, эта. Какой насыщенный цвет, какие точные линии и штрихи... Шелиара будто бы заглянула в аркану, смогла увидеть ее изнутри: это коварное распутье, где каждая из трех дорог вела к абсолютно разным итогам. Одна направлялась к горизонту, над которым занимался рассвет. Вторая, больше похожая на тропинку, чем на дорогу, петляла и вела в густой и темный лес. Третья же и вовсе круто обрывалась над пропастью. И между всеми дорогами — высокий указательный столб с неясными письменами. А под ним — висельник. Такой реалистичный — Шелиара как будто действительно видела еще недавно живого человека, а теперь лишь сморщенный труп, чей глаз выклеывает жутковатого вида ворон.

— Так, так. Что там у тебя интересного, покажи-ка. — Азуттулан бережно взял аркану у нее из рук... и вздрогнул, будто увидев нечто до жути страшное. — О-о. — Он помолчал, затем повторил: — О-о. Как все серьезно. — От Шелиары не укрылось, как из его голоса разом пропали все нотки ерничества. Повертев аркану в руке, Азуттулан вернул ее Шелиаре. — Ты выгащила Перекресток. — Старик помолчал, кусая губу. Морщины на его лбу нервно подрагивали. — А ты умеешь выбирать, Шелиара. Между прочим, ты выгащила одну из Старших Аркан... Ты знаешь, что это?

Шелиара закивала. Эту историю она в свое время частенько слышала от деда.

— Ты несколько раз рассказывал, как во времена твоей молодости тогдашние архонты вместе с Верховным Иерофантом извратили великое древнее искусство Арканизма. Убрав из колоды Старшие Арканы, из нее сделали игру для, цитирую тебя, пьяниц и жуликов.

Азуттулан выпучил глаза на лоб.

— Я такое говорил? Серьезно? — В его голосе послышалась растерянность. — Да ну. Не может быть... Хотя... — Он призадумался, глядя в потолок. — Хотя да, знаешь, именно так я бы и выразился. Ведь так оно и было. Как сейчас помню: сидели мы с товарищами из Университета в Башне Аркан, когда...

— Дедушка. — Шелиара не любила перебивать людей, но иногда другого выхода попросту не было. — Прости, но я не хочу гневить отца. Мне с ним еще почти трое суток в одном экипаже ехать.

Азуттулан хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да. Свадьба. Прости старого дурака... Так, на чем мы остановились? Ах да... Перекресток. Перекресток. Как ты, возможно, догадалась, он означает распутье. Необходимость выбора. Причем непростого выбора. Возможно, такого, что в корне изменит твою жизнь. Боги Рассвета советуют тебе быть крайне осторожной и осмотрительной, прежде чем ступить на ту или иную тропу. Не принимай поспешных и необдуманных решений, вот что я тебе посоветую, юная невеста.

«Ага. Как будто мои решения могут на что-то влиять», — с горечью подумала Шелиара.

— Ты хорошо запомнила, что я тебе сейчас сказал? Шелиара, с Перекрестком нельзя шутить. Заклинаю тебя всеми Богами Рассвета: будь очень осторожна в Священном Исхироне!

— Я постараюсь. Спасибо за заботу, дедушка. — Шелиара протянула ему аркану обратно. — Вот...

— О, нет, нет! Оставь ее себе. — Дед поспешно сложил веер аркан и убрал колоду в глубины балахона. — На случай, если забудешь. Нет, я категорически настаиваю: оставь

себе. Вернешь по возвращении, договорились?

Шелиара пожала плечами и спрятала аркану в нагрудный карман. Она собралась уже встать со стула, когда решила спросить:

— В этом и состоит суть Арканизма? Ты задаешь вопрос и получаешь на него ответ в виде одной из аркан? И все? — Она надеялась, что нотки скептицизма в ее вопросе не особо слышны.

— О, что ты. Конечно же, нет. Форма «вопрос-ответ» лишь самая простая в Арканизме. Опытный Толкователь Аркан — ну, такой, вроде меня — может дать ответы на несколько вопросов за один сеанс, и даже объяснить их возможную взаимосвязь. Странно, что ты только сейчас узнала об этом.

«Ничего странного. Ты так редко пребываешь в здравом уме, что неудивительно, что я ничего не знаю о принципах этих гаданий».

— Но... Ведь есть вопросы, на которых нет и не может быть ответа. Что тогда?

Азуттулан посмотрел на нее с интересом.

— Мне нравится проснувшаяся в тебе любознательность. Однако теперь уже я предлагаю не гневить твоего отца и поговорить об этом в следующий раз. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ответить на любые твои вопросы. Даже на те, на которые, как тебе кажется, нет и не может быть ответа.

— Договорились.

Шелиара чуть наклонилась и поцеловала Азуттулана в лоб.

— Спасибо, дедушка. Я обязательно верну твой Перекресток.

Дед наставил на нее указательный палец.

— И будешь осторожной с выбором пути!

— И буду осторожна с выбором.

— Чудно. — Азуттулан улыбнулся своим почти беззубым ртом. — Ну, ступай, дитя. Найди свою судьбу.

В приподнятом настроении Шелиара Нирааль покинула трапезную.

Внутренний двор поместья встретил ее хлестким бодрящим ветром, суматошно бегающими носильщиками и отцом, важно расхаживающим вокруг экипажа, запряженного четверкой вороных лошадей. Придерживая спадающую с плеч шаль, Шелиара спустилась с крыльца. Увидев ее, отец перестал бранить носильщиков и подзывающе махнул рукой.

— Ну наконец-то, — пробурчал он, когда Шелиара подошла. — Я уж начал бояться, что старик заставил тебя выслушивать какую-нибудь из безумных историй своей молодости. Вроде той, например, где он якобы предсказал предпоследнему Верховному Иерофанту скорую смерть от певчей птицы, а тот за такое предсказание бросил его в темницу, после чего, обедая на следующий день в трактире «Голосистый соловей», подавился косточкой и умер. Ох и любил он выдумывать безумнейшие... Эй, вы двое, аккуратнее, ослепи вас Сумерки! Это вам не мешки с мукой!..

Не стремясь попасть под горячую руку, Шелиара отошла в сторону, поплотнее закуталась в шаль и сладко зевнула — все же не каждые сутки ей приходилось просыпаться на рассвете.

Наблюдая за последними приготовлениями к отъезду, Шелиара почувствовала на правом плече чью-то ладонь. Обернувшись, встретилась взглядом с Нэей. На лице домоуправляющей так и мелькала тень беспокойства.

— Юная госпожа. Пообещайте мне, что не позволите им, — Нэя не стала уточнять, кого именно имеет в виду, но это было и так очевидно, — свести вас с ума.

Шелиара кивнула и даже улыбнулась.

— Ну уж нет, юная невеста. Кивок меня категорически не устраивает. Пообещайте.

— Обещаю, Нэя. Я буду держаться до последнего.

— Так-то лучше. Я тем временем буду молиться за вас втрое больше обычного.

Нэя обняла ее и по-матерински прижала к себе. Шелиара почувствовала покой и умиротворение. Продолжалось оно недолго.

— Шели! Пора!

Нэя разжала объятия. Провела рукой по ее волосам, улыбнулась.

— Ступай, невеста. Долг зовет.

— Спокойных вам ночей и долгих рассветов, Нэя, — произнесла Шелиара.

— И тебе, дитя.

Шелиара подошла к экипажу, внутрь которого уже забрался отец. Один из носильщиков держал приоткрытой боковую дверь, второй возился с засовом на воротах. Кучер поправлял вожжи. Шелиара позволила себе развернуться и бросить прощальный взгляд на родное поместье. Трехэтажный особняк догальтийской эпохи, облицованный багряным камнем — когда-то он, безусловно, являлся одним из великолепнейших архитектурных образцов Танаана. Но годы (или, скорее, десятилетия) сделали свое грязное дело: стены потрескались, крыша местами начала протекать, а некогда гордая башня, в которой теперь жил Азуттулан, уже давно перестала быть одной из городских достопримечательностей. Даже сад, хоть и не пришел в полное запустение, но уже и не радовал, как в детстве, ее взгляд вечноцветущими заморскими растениями. Не прилетают в него и певчие птицы, которых она так любила слушать по утрам. Даже небольшой пруд в глубине сада будто бы стал пресным и вымершим. Их поместье теперь — как те отполированные доспехи в гостиной: блестящие внешне и насквозь проржавевшие внутри.

Их родовое поместье увядало.

Внезапное и слегка запоздалое осознание пришло к ней — отец был прав. Только она, Шелиара Нирааль, может его спасти. И для этого ей лишь нужно не испортить устроенную отцом помолвку...

Она собралась было забираться внутрь экипажа, когда с башенного балкона раздалось:

— Дороги, Шелиара! Разные дороги — разные итоги! Не забудь!..

Шелиара подняла голову, улыбнулась, помахала деду рукой. Она непременно запомнит.

Наконец, девушка забралась внутрь, и носильщик прикрыл за ней дверцу. Ей уже приходилось путешествовать в таких «повозках для знати», как называл их отец. Мягкие сиденья, на которых почти не чувствуешь тряски, небольшие окошки с занавесками. Шелиара устроилась напротив хмурого и заметно нервничающего отца.

За последние два с половиной года это была уже третья поездка в столицу. Внезапно для себя Шелиара поняла, что совсем не против вновь увидеть нависшие над рукавами бухты изящные мостики и причудливые жилые постройки Священного Исхирона. Да и жених... Вполне возможно, что он окажется вполне себе достойным человеком. Бывает же такое? В сказках, что ей читали в детстве, так точно.

Спереди раздалось приглушенное лошадиное ржание. Экипаж дернулся и пришел в движение. Шелиара поймала на себе взгляд отца. Тот поглядывал на нее с ноткой подозрительности.

— Что этот старый шарлатан наговорил тебе? Какие-такие еще дороги-итоги?

Шелиара знала, что отец крайне скептически относился к Арканизму во всех его формах. Может, потому, что считал, что именно оно довело Азуттулана до безумия? Но это же не так — Шелиара знала от Нэи, что первые признаки забывчивости стали проявляться у деда сразу после того, как тот на тридцатилетний юбилей решил пройти Ритуал Преображения. А уже через пятнадцать лет управление поместьем и статус главы рода перешло к Диондору — настолько Проклятье исковеркало разум Азуттулана.

Шелиара внезапно поняла, что не хочет выдавать отцу тайну их диалога.

— Да так, ничего особенного. — Она произнесла это как ни в чем не бывало, и отец, судя по всему, не заподозрил подвоха. Кажется, Нэя была права — искусство лжи может ей пригодиться. Надо будет еще попрактиковаться. — Какая-то философская белиберда.

— О, в этом он мастер. — Отец почти что радостно закивал. — И как раньше люди ходили к таким, как он, да еще и платили, чтобы послушать весь этот бред?

Шелиара не стала отвечать, справедливо решив, что это был риторический вопрос. Она устроилась поудобнее на подушках и, подвинув пальцами занавеску, выглянула в окошко. Они неспешно колесили по просыпающемуся городу. Экипаж слегка потряхивало. Копыта звонко поцокивали по мостовой.

«...потому что подковы хорошие...»

Она вздрогнула — это была не ее мысль. Значит...

Голоса.

Все это утро они ей не досаждали, лишь копошились где-то на задворках разума. Но теперь — Шелиара чувствовала — они выползали из своих нор. Выползали, чтобы сделать ее и без того не самую приятную поездку еще менее приятной. Шелиара зевнула, прикрыв рот рукой. Почти трое суток езды в компании отца и Голосов. Да уж. Суровое испытание.

Шелиара обернулась, чтобы в заднем окошке увидеть уменьшающееся в размерах поместье. Оно оставалось позади. Скоро точно так же позади останется Танаан. А потом — и вся ее прежняя жизнь.

Шелиара Нирааль все еще надеялась, что где-то там, впереди, ее ждет новая, лучшая жизнь.

Жизнь, в которой ей не придется ежедневно сходить с ума.

Лишь под вечер третьих суток пути по триамнийскому лесному бездорожью Наллар нор Керрано выдохнул с облегчением: за массивом очередной еловой роци показалась широкая каменная дорога.

Это означало, что он, наконец, вышел к Северному Столичному тракту.

Позволив себе короткий вздох облегчения, Наллар сложил на груди ладони и вознес краткую молитву Всематери, что помогла ему не сбиться с пути. Конечно, провизии у него имелось в достатке, да и здешние леса отличались прозрачными источниками и разнообразнейшей дичью, но бродить по этой дикой местности еще несколько суток оказалось бы не самым приятным испытанием. Теперь же, несмотря на то, что за день Наллар прошагал не меньше пятнадцати миль и почти ничего не ел, настроение у него поднялось почти что до заоблачных высот. Тракт — это цивилизация. А цивилизация — это всегда какой-никакой комфорт. Наконец-то ему больше не придется ломать голову над тем, как обходить болота и буреломы, не придется жечь костры и ночевать под открытым небом, надеясь, что никакая тварь не захочет им полакомиться. Так что, видимо, самая сложная часть его путешествия уже позади.

Хвала Всематери, эти дни ему везло с погодой. Несмотря на считанные дни до зимы, холод ему не особо досаждал — разве что под утро, когда угли полностью утрачивали тепло, — а предзимние ливни, после которых земля превращается в отвратительную хлюпающую грязь, и вовсе миновали его стороной. Наллар помнил — так достоверно, словно это происходило вчера, — как двенадцать лет назад с месяц блуждал весной по вересковым топям на юге Гергельяра, и лишь милостью Единой Богини вышел из них живым и почти что невредимым.

Были же времена...

Оставив за спиной лесное бездорожье, Наллар нор Керрано выбрался на тракт и не сдержал улыбки, ощутив ботинками твердую поверхность. Он даже наклонился, чтобы потрогать ровную каменную кладку. Сколько лет этому тракту? Он читал, что ключевые дороги Триамны были построены во времена столь древние, что о них почти ничего не сохранилось на страницах хроник и летописей.

Встав, Наллар снял со спины торбу и достал из нее свернутый пергамент. Карта Триамны, еще одна бесценная вещь в этом путешествии. Он бережно развернул пергамент, поводил по северному краю триамнийских земель указательным пальцем. Где-то здесь... Если он ничего не напутал, то теперь должен идти строго на юго-восток. Он свернул карту и положил ее к остальным вещам.

Затем, насвистывая под нос свою любимую «Королевскую дочку», направился в нужном направлении.

К цивилизации он вышел несколько позже, чем рассчитывал — едва ли не к полуночи.

Желудок давно уже урчал, все настойчивее требуя пищи, но Наллар не спешил доставать из торбы вяленое мясо, галеты и затвердевший сыр. Впереди по тракту в небо поднимались витки дыма. Судя по всему, там было нечто вроде постоянного двора. А где постоянный двор — там и горячая еда, и холодная выпивка, и какая-никакая постель. Быть может, даже без клопов. А еще было бы здорово раздобыть таз с теплой водой. Наллар хлопнул рукой по

привязанному к поясу кошелью, и тот отозвался греющим душу звоном. Жаворонков, по всем прикидкам, ему должно хватить аж до самой столицы. Причем с лихвой.

Вскоре выяснилось, что постоялый двор состоял из трех приземистых бревенчатых зданий. Одно, судя по протяженности и характерному ржанию, служило конюшней. Другое, двухэтажное — чем-то вроде гостиницы. Третье же, судя по доносящемуся изнутри пьяному гоготу и соблазнительному запаху, являлось трактиром. Недолго думая, Наллар направился к последнему. На вывеске рядом с дверью прочитал: «Одинокий пилигрим».

— Как символично... — пробормотал Наллар, входя внутрь.

Изнутри трактир оказался небольшим — всего шесть столов, и, как назло, ни одного свободного. Несколько посетителей притихли, лениво обернулись, смерили его равнодушным взглядом и, не найдя в его облике ничего примечательного, вернулись к своим застольным делам. В основном, к поглощению еды и выпивки.

«И почему я не удивлен?» — задался Наллар вопросом, проходя к трактирной стойке.

Стойка пустовала. Похоже, трактирщик о чем-то спорил с поварами на кухне. Пользуясь моментом, Наллар оперся спиной о стойку и оглядел посетителей, заодно раздумывая, к кому бы примоститься. Точно не к двум бородатым громилам, от которых за милю пасет кислощим вином и жареным луком. Не к компании седых стариков, одетых в лохмотья. Не к столу, который облюбовала молодая парочка, глядящая друг на дружку щенячьими глазками. И не к тем троем веселым юношам, что распевают донельзя непристойную песню про целомудренного иерофанта и настойчивую блудницу. И явно не к тем четверым мужчинам, что по-очереди выбрасывают на стол какие-то пятиугольники — играют во что-то? Внимание Наллара привлек угловой стол, за которым сидел одинокий мужчина средних, даже чуть преклонных лет — если судить по одежде, то купец или что-то вроде того. Сойдет.

— Тебе чего?

Наллар повернулся. Хмурый лысый трактирщик глядел на него отнюдь не дружелюбно.

— Еды. Выпить. Переночевать.

Трактирщик недоверчиво хмыкнул.

— Монету покажь. Там и поговорим.

Наллар пожал плечами и проворным движением выудил из кошелья серебряного жаворонка. Насколько он знал, такой суммы вполне достаточно, чтобы окупить все им упомянутое, да еще и получить пару бронзовых жаворонков сдачи. Трактирщик жадно облизнул губы, выхватил жаворонка у него из руки, подозрительно прищурился, попробовал монету на зуб. Удовлетворившись, спрятал ее куда-то под стойку.

Никакой сдачи Наллар, разумеется, не получил.

— Осталось свиное жаркое с грибной подливой.

— Восхитительно. Беру.

На другой ответ трактирщик, похоже, и не рассчитывал.

— Пить что будешь?

— А какой выбор?

— Пиво, сидр и прокисшее вино.

— Тогда пиво.

Трактирщик опять хмыкнул.

— Как скажешь. Давай, падай куда-нибудь. Устроим.

Наллар вежливо кивнул и подошел к примеченному угловому столику. Сидевший за ним мужчина чуть отставил от себя миску с кружкой, повернулся и с интересом оглядел его с

головы до пят.

— Не против? — Наллар взглядом указал на свободную лавку.

— Ты спросил разрешения. — В голосе мужчины послышалось удивление. — Ничего себе ты любезный. Боги, конечно присоединяйся, о речь. — Дождавшись, когда Наллар снимет со спины торбу и устроится на лавке, он протянул вперед жилистую руку: — Я Ойлегер, торговец пряностями. — Наллар пожал руку, и Ойлегер продолжил: — Держу вот путь на Священный Полуостров, на зимние ярмарки. Сначала в Танаан, затем в Иутарг, а потом, если останется товар и Боги Рассвета будут милостивы, и в Священный Исхирон загляну. Ну а ты?

Наллар собрался с мыслями. Что ж, время пришло.

— Я Цэсэй. Родом с глухого поселения на восточном краю Триамны. Направлюсь в столицу. К легендарному Фонтану.

В глазах собеседника тотчас же разгорелся интерес.

— Так ты пилигрим?

— Можно и так сказать.

— Надо же как мне свезло. Нечасто в наши дни можно встретить настоящего пилигрима, тем более за одним столом в придорожном трактире. Неужто решил на склоне лет пройти Ритуал?

— Почему бы и нет. — Наллар чуть развел руками. — Жизнь-то проходит.

— О, и не говори. — Ойлегер пододвинул к себе кружку — судя по запаху, с сидром — и отхлебнул из нее. — Годы летят быстрее, чем ветер в бурю. Надеешься на милость Богов Рассвета?

— Надеюсь.

Наллар предпочитал отвечать на столь каверзные вопросы максимально коротко.

— Это правильно. Жизнь слишком коротка, чтобы не рискнуть пройти Священный Ритуал.

— Ты проходил?

— Разумеется. Как сейчас помню. — Ойлегер устремил глаза к потолку и на несколько секунд замер с блаженной улыбкой на лице. — Мне четырнадцать. Я и еще с полсотни таких же юнцов и девиц стоят вокруг Фонтана Преображения. Поют хоры, что-то там про ниспослание небесных даров и их принятие во благо Триамны. Потом Верховный Иерофант читает нараспев тот самый отрывок из Летописей Рассвета, про основание Фонтана... А было как раз начало лета. С бухты задувал такой ветер, что ничего не разобрать из его бормотания. И жарища лютейшая — пот ручьями течет. Помнится, все думал — если потеряю сознание и грохнусь в Фонтан прежде положенного — что тогда? К счастью, дотерпел.

Ойлегер замолчал и ностальгически вздохнул. Наллар подождал с минуту и спросил:

— Ну и?

— Что ну и?

— Что потом?

— А, ты про Благословение и Проклятье? Ничего особенного на самом деле. В скором я времени понял, что стал гораздо лучше различать запахи. Потому и пошел в торговцы. Возился сначала с фруктами, потом перешел на пряности — знаешь ли, гораздо прибыльнее. Особенно если знать нужных людей и места, где...

— А Проклятье?

Наллар не хотел казаться чересчур навязчивым, но и выслушивать все подряд откровения торговца отнюдь не горел желанием. Как учил его отец, из каждого диалога нужно извлекать пользу. Если не сумел — угробил время впустую.

— Перестал различать некоторые оттенки.

— Вот как?

Ойлегер сунул руку в карман жилета и достал какую-то пеструю ленту. Наллар предположил, что такими вещицами девицы подвязывают волосы.

— Глянь сюда. — Торговец указал пальцем на место, где соприкасались ядовито-желтый и салатный лоскутки. — Видишь разницу?

— Разумеется.

— А я нет. Для меня они одного цвета. — Он убрал ленту обратно. — Как-то так.

Наллар собрался было спросить торговца насчет того, не жалел ли тот о прохождении Ритуала, но в этот момент над столом навис трактирщик с подносом. Через пару секунд перед Налларом стояла миска с едой и внушительных размеров кружка с пивом. Он собрался было поблагодарить трактирщика, но тот уже умотал обратно за стойку.

Наллар попробовал пиво — оно оказалось довольно горьким, но хотя бы не скисшим — после чего принялся с неистовой прытью поглощать еду. Приправленное грибами жаркое превзошло все его ожидания. Хотя, возможно, это потому, что несколько суток он не ел по-человечески. Обычно это взаимосвязано.

Через пару минут кружка с пивом опустела наполовину, а миска полностью. Настроение, и без того неплохое, значительно улучшилось. Наллар лениво огляделся. Посетители по-прежнему занимались все тем же: пьянствовали и горланили вовсю. Оно и к лучшему — за таким шумом никто не станет слушать, о чем он разговаривает с Ойлегером. Перестраховка лишней не бывает: этот бесценный урок он выучил на своей шкуре еще в годы жизни в Сельвидийском султанате.

Позади него раздался громкий, удивленный и несколько возмущенный гул. Наллар чуть повернул голову — звук исходил, как ни странно, от компании четверых мужчин, за столом которых маячили монеты и пятиугольные бумажки... или картонки? Разглядеть он не мог.

— ...только посмотрите на это! — размахивал руками один. — Собрать пять архонтов! Во дает!

— ...ты что, заключил сегодня сделку с Сумеречными ЛжеБогам, признавайся. — Второй, скалясь, тряс за плечо мужчину, что с невозмутимым видом сгребал со стола монеты. Его денежная кучка явно превышала остальные.

Третий, оставшийся практически без денег, молча собирал по столу пятиугольники.

— Ладно, — вновь заговорил первый, — еще одну партию, и я все. Хватит. Наигрался.

Наллар допил пиво и продолжил с интересом наблюдать за странной компанией, когда его окликнул Ойлегер:

— Что тебя так удивляет, Цэсэй? Только не говори, что ни разу не видел, как люди играют в арканы. Не поверю.

«Арканы. — Наллар мысленно стукнул себя по лбу. — Вот как они называются. Точно».

Именно так называлась эта глупая азартная игра. Играть в нее Наллар не умел, но в том, что она глупая, был уверен на все сто. Иначе в большинстве цивилизованных стран она не была бы под запретом.

— Нет, ну разумеется, я слышал про арканы! — повернувшись лицом к торговцу, завозмутился Наллар. Он даже не соврал: слышать про них он действительно слышал.

— Только... слышал? — приподняв бровь, спросил Ойлегер.

«Так. — Наллар почуял неладное. — А вот теперь нужно быть осторожнее».

— Я ведь говорил, что живу в дикой глуши. — Наллар вздохнул и обреченно развел руками. — Там не то, что про арканы — про Верховного Иерофанта только краем уха слышали.

Торговец помолчал, затем понимающе закивал.

— Эвон оно как. Сочувствую.

— Сочувствуешь?

— Еще бы. Для многих триамнийцев игра в арканы — это едва ли не единственное развлечение долгими вечерами.

«Кому еще тут нужно сочувствовать».

Он обдумывал, что бы ответить на реплику Ойлегера, когда тот подался вперед и спросил:

— Хочешь, научу играть?

Столь прямолинейный вопрос застал Наллара врасплох. Научиться играть в арканы... Есть ли в этом хоть какой-то смысл? Он призадумался.

С одной стороны, это определено пустая трата времени. С другой... Раз уж эти арканы пользуются такой популярностью даже среди простонародья, он просто обязан уметь в них играть. Пожалуй, все же стоило переступить через свой скептицизм.

Тем более... Кто знает, что может ожидать его в столице?

Решившись, Наллар взмахнул рукой:

— А давай.

Ойлегер улыбнулся:

— Чудно. Пойду возьму нам еще пива. Ты за?

Наллар кивнул.

Пока торговец ходил за пивом, он продолжил наблюдать за компанией игроков. Похоже, трое из них были отнюдь не довольны тем, как проводят время. Четвертый же держался безэмоционально, как будто выигрыш его вовсе не интересовал.

«Эмоции, — подумал Наллар. — Они важны в этой игре. Нужно взять на заметку».

Две пенящиеся кружки приземлились на стол. Одну из них Наллар пододвинул к себе. Ойлегер кивнул подбородком на играющих.

— Они как раз начинают новую партию. Сделаем вот как. Смотри внимательно и рассказывай, что видишь.

Наллар прищурился.

— Каждый выложил из своей денежной кучки по бронзовому жаворонку...

— Сделали ставки, — тут же пояснил Ойлегер. — В конце круга один из них заберет все четыре монеты. Продолжай.

— Тот, что слева, перемешивает... э-м...

— Колоду. Колоду аркан.

— Ага. Помешал. Теперь раздает каждому по аркане... По две... По три... Четыре.. Пять. По пять аркан каждому.

— В закрытую.

— Прости?

— Говорю, в закрытую. Игроки не видят, какие друг у друга арканы. Только свои.

— Ну да...

Играющие, держа перед собой арканы веером, о чем-то задумались. Даже перестали обмениваться колкостями.

— В любой колоде шестьдесят аркан. Они делятся по пяти суточным мастям: арканы утра, дня, вечера, ночи и рассвета.

«И здесь рассвет. Хотя чему я удивляюсь».

— Соответственно, — продолжал объяснять торговец, — в каждой масти по двенадцать аркан. — Ойлегер принялся загибать пальцы: — Нищий, пилигрим, слуга, ремесленник, отшельник, лекарь, дева, старец, солдат, всадник, — пальцы закончились, и последние две тот показал, разогнув большие пальцы, — архонт и иерофант.

— Нужно наизусть знать все двенадцать? — уточнил Наллар.

— Вовсе не обязательно... Для начала уж так точно. Смотри, они начинают первый круг. Тот, что справа, выиграл предыдущий раунд, поэтому ходит первым. Что он, по-твоему, делает?

— Он... Положил одну аркану на стол. Так, чтобы все видели.

— Именно. Между прочим, сбросил тебя.

— Чего?

— Вечернего пилигрима. — Ойлегер издал легкий смешок. — Смотри, каждый ход ты обязан отдать одну аркану на так называемую свалку. Затем ты берешь аркану — либо из свалки, либо из колоды. Первый игрок в первом круге, понятное дело, берет аркану из колоды, дальше — уже нужно выбирать. Следующим ходит тот, кто по левую руку от него.

Наллар понимал только одно: что ровным счетом ничего не понимал.

— Какой во всем этом смысл? Что нужно сделать, чтобы выиграть?

— О, ты решил перейти сразу к развязке. Ладно, слушай внимательно. Для победы ты должен либо собрать пять аркан определенной суточной масти, либо пять одинаковых аркан разных мастей, как на прошлом круге, когда вон тот собрал пять архонтов. За редким исключением обычно все выбирают первый вариант — он гораздо надежнее. По начальным арканам ты оцениваешь, какую масть тебе выгоднее собирать, и... собственно, собираешь ее. Либо берешь нужные арканы из свалки, либо надеешься на удачу и тянешь из колоды.

— И все?

— Фактически да. Еще среди аркан каждой масти есть три... скажем так, особенные. Дева — ее никогда нельзя брать со свалки. Потом нищий. Если ты сбросил нищего, то на этом круге обязан брать аркану не со свалки, а из колоды. И всадник. Вместе с ним можно сбросить еще одну любую аркану — и взять, соответственно, две. Это все правила обычных аркан.

Наллар посмотрел на Ойлегера с недоумением.

— А есть еще и необычные?

— Ну, как сказать. В крупных городах знать преимущественно играет по турнирным правилам. Там свои особенности, но ничего принципиального другого — только вводится подсчет очков и... — Ойлегер запнулся и, обдумав что-то, махнул рукой. — Э, не буду мучить тебя подробностями... Смотри, они закончили первый круг. Ты заметил, кто что сбросил и взял?

— С такого расстояния не видно...

— Это тебе так кажется — поиграешь пару раз, и будешь различать арканы и с более далекого расстояния. Видишь? Тот, что ходил вторым, сбросил дневного нищего. Логичный ход, правда?

— Потому что на свалке лишь одна аркана, и не та, что ему нужна?

Ойлегер отсалютовал его догадливости кружкой и отхлебнул из нее.

— Именно. Третий сбросил вечернего старца и, разумеется, взял аркану из колоды. А что сделал четвертый?

— По-моему, он выложил две арканы.

— Значит...

— Одна из них — всадник.

— Bravo, Цэсэй. Он сбросил ночного всадника и утреннего слугу, и забрал обе вечерние арканы со свалки. О чем это говорит?

— Он собирает вечернюю масть?

— С логикой у тебя все в порядке. Да, он рассчитывает как можно скорее собрать пять аркан вечера. Ну как, улавливаешь суть?

Наллар кивнул. Суть предельно ясна. Как он и предполагал, ничего толкового в этой игре не было. Наллар выпил пива, затем пристально посмотрел на торговца.

— Вот скажи мне, Ойлегер. Какой смысл тратить время и деньги на игру, где все зависит исключительно от удачи?

— Необычные у тебя вопросы, Цэсэй. Что ж, попробую ответить. Во-первых, большинство играющих в арканы хотят не ломать себе голову — для этого есть множество других способов — а всего-навсего весело провести время с друзьями, пусть и ценой нескольких жаворонков. А во-вторых... С чего ты взял, что в этой игре все зависит исключительно от удачи?

— А разве нет? Попались тебе в самом начале несколько аркан одной масти, плюс противники кладут в эту свалку нужные тебе арканы — ты выигрываешь...

Купец с прищуром улыбнулся.

— Посмотри на того, у которого больше всего жаворонков. Думаешь, ему просто везет? Приглядишься к нему. Он играет не как остальные. Что он сделал на втором круге, ты обратил внимание?

— Он сбросил... — Наллар пригляделся, но не смог понять, кто изображен на сброшенной аркане.

— Он сбросил вечернего лекаря, — подсказал Ойлегер. — Аркану, которую на первом круге вытащил из колоды. Зачем, по-твоему, ему выкладывать на свалку эту аркану?

— Ну... Она ему не нужна?

Ойлегер ухмыльнулся.

— Дело не в этом. Точнее, не только в этом. По-любому, у него есть еще ненужные арканы. Но он сбросил именно вечернюю. Для чего?

Наллар задумался. Вскоре до него дошло.

— Он не собирается выигрывать эту партию, так?

— Мои поздравления! Он хочет выжать из противников по максимуму денег. А для этого нужно...

— Чтобы все трое продолжали играть, — закончил за него Наллар. — Особенно тот, что сказал, что играет последнюю партию. На первом круге он получил две вечерние арканы, а теперь спокойно заберет третью, что еще больше увеличивает его шансы на победу.

— А выиграв, — с улыбкой продолжил его мысль Ойлегер, — он наверняка решит, что удача к нему вернулась, и согласится сыграть еще. Ну, с посвящением тебя, Цэсэй. Или как там тебя на самом деле зовут.

«Что?..»

Наллар мгновенно напрягся. Поглядел по сторонам — к счастью, никому, включая трактирщика, не было до него с торговцем никакого дела. Правая рука скользнула к припрятанным под поясом ножам.

— Повтори-ка.

Ойлегер пожал плечами:

— Я сказал «или как там тебя на самом деле зовут».

«Не может быть».

— Что ты имеешь в виду?

— Брось. — Торговец допил пиво и как ни в чем не бывало, словно речь шла о чем-то незначительном навроде погоды за окном, продолжил: — Ты не похож на тех пилигримов, что я встречал на своем веку — а встречал я их, уж поверь, немало. Не похож ты и на неотесанную деревенщину, слишком уж складно ты говоришь, да и вопросы задаешь необычные. — Ойлегер прищурился и продолжил чуть медленнее: — Однако до этого вечера ты ничегошеньки не знал об арканах. А в Триамне нет такой глуши, где в них не умели бы играть. Особенно пилигримы — они обычно те еще мастера. Тут ты и прокололся, приятель. Дальше. Ты говоришь на Южном Диалекте без акцента, значит, ты из одной из трех окружающих Триамну стран. Насколько мне известно, что в Кирикийских княжествах, что в Верхнем Даньязе арканы достаточно известны, пусть и не так, как в нашей стране. В общем, вывод напрашивается сам собой. — Ойлегер сделал паузу. — Ты из Гальтии. Полагаю, гальтийский разведчик. Или правильнее будет сказать... шпион?

Наллар обхватил правой рукой рукоять ножа. Гребаный торговец. Гребаные арканы. Ничего, если нанести удар быстро и незаметно, еще можно избежать огласки... В Триамне ведь поножовщина из-за какой-нибудь мелочи в норме вещей, нет?

— Эй, остынь. — Ойлегер нахмурил брови, но голос торговца оставался спокойным, даже слегка веселым. — Верни руку на место, я не собираюсь поднимать шум. Если бы я хотел сдать тебя, то сделал бы это, когда пошел за выпивкой, не так ли? Веришь, нет, мне глубоко плевать, шпион ты или и вовсе наемный убийца. Знаешь что. Пойдем-ка выйдем на свежий воздух. Там и думается легче... Да и пиво дает о себе знать.

Не дожидаясь ответа, Ойлегер встал из-за стола. Потянулся, поправил жилет, вопросительно посмотрел на Наллара. Не спуская глаз с собеседника, Наллар поднялся с лавки и нацепил за спину торбу. Пропустил Ойлегера вперед — подставлять спину торговцу он не собирался ни при каких обстоятельствах. Зашагал следом к выходу. Проходя мимо играющих, он услышал, как почти обедневший игрок воскликнул:

— Полная вечерняя аркана! Мои жаворонки. Ну что, может, в таком случае еще одну?

«Этот Ойлегер не в меру проницательный. Он точно торговец?»

Обогнув стол, за которым бородатые громилы клевали носом, они вышли наружу.

Ойлегер без лишних церемоний отошел к ближайшим кустам. Наллар тоже был не против, однако решил повременить. Как говаривал отец, нет человека более беззащитного, чем тот, кто справляет нужду или занимается любовью.

Наллар посмотрел в спину тому, кто узнал о нем роковую правду. На человека, что мог, не прилагая особых усилий, положить конец его миссии.

«Сейчас, — нашептывал ему внутренний голос. — Это идеальный момент. Сделай два шага вперед и засади ему нож между лопаток».

Искушение было большое — особенно с учетом того, что он мог перевернуть это с

легкостью. Однако Наллар решил не торопиться. На то имелись причины.

Закончив орошать кусты, Ойлегер поманил Наллара рукой и неторопливо зашагал вдоль обочины тракта. Наллар нагнал его. Не оборачиваясь, будто имел дело с сопливым мальчишкой, торговец заговорил:

— У меня есть к тебе предложение, гальтиец.

— Да? — Наллар старался говорить как можно холоднее. — И какое же?

— Ты ведь не соврал насчет того, куда направляешься, так? Пусть и по другим причинам, ты держишь путь в столицу.

— Допустим.

— Значит, ближайšie пару сотен миль нам в одну сторону.

— И?

— И я предлагаю тебе свою компанию. — Ойлегер резко остановился и обернулся. — Подозреваю, лошади у тебя нет, а у меня как раз есть парочка, да еще и повозка в придачу. Что скажешь?

Наллар прислонился спиной к стволу ближайшего дерева. Попытался собраться с мыслями. Наконец, спросил:

— Какой тебе в этом прок? Отвечай честно, торговец. Не вздумай юлить.

Тот покачал головой.

— Какой же ты недоверчивый. Ну хорошо. Мне интересно, чтобы ты составил мне компанию, по двум причинам. Первая простая. Можешь не верить, но мне действительно интересно пообщаться с иноземцем, мыслящим совершенно иначе, чем подавляющее большинство окружающих. Ты мне понравился, человек, назвавшийся Цэсэем и спросивший разрешения сесть за один стол.

— А вторая?

Ойлегер посмотрел на него, как на глупца:

— Боги Рассвета, ты же шпион. И, значит, неплохо владеешь оружием. Меча я на тебе не вижу, но готов поставить об заклад все свое добро, что за поясом у тебя либо стилет, либо нож, либо кинжал, либо и то, и другое, и третье сразу. А на тракте... знаешь ли, всякое случается.

Наллар почесал за ухом. Поразмышлял с минуту, перебирая в уме возможные варианты развития дальнейших событий. Выбор был непростым... Да и доверие к людям никогда не входило в число качеств Наллара. Наконец, он пробормотал:

— Допустим, я тебе верю. Что дальше?

— Дальше? Дальше мы отправимся на ночевку. А на рассвете поедem на юг, по тракту. Так и быть, поучу тебя игре в арканы. Может, расскажу что-нибудь еще интересное о нашей стране. В общем, я, Ойлегер, торговец пряностями, предлагаю тебе стать моим попутчиком вплоть до Священного Полуострова. Ну, что скажешь?

«Я все еще могу прикончить его здесь и сейчас. Лет пятнадцать назад я так бы и сделал. Неужели я стал таким мягкосердым?»

Наллар выдохнул. Решение принято.

— Я, Наллар нор Керрано, принимаю твое предложение и клянусь не убивать тебя, разве что ты будешь угрожать моей жизни.

— Да будет так.

— Да будет так.

Они встретились взглядами и, шагнув навстречу, обменялись крепким рукопожатием.

«Возможно, я только что подписал себе смертный приговор, — осознал Наллар нор Керрано. — Либо же Всевидящая Всематерь действительно направила мне нужного здесь и сейчас спутника. Что ж, скоро это станет ясно».

По пути в гостиницу Наллар обдумывал последние события. Он не мог не признать: первый вечер пребывания среди триамнийцев выдался донельзя странным. Совсем не таким, как он себе представлял, когда пересекал границу. Наллар надеялся, что это лишь временный конфуз, и что дальше все пойдет как по маслу.

Ведь он дал Кельте и дочкам обещание, что вернется домой целым и невредимым.

И он намеревался это обещание сдержать. Любой ценой.

Все остальное было не так важно.

Шелиара Нирааль бредила.

Какой-то нетронутой частью разума она осознавала это — но не более того. Как и ожидалось, поездка в столицу вымотала ее. Выжала из нее, словно из лимона, все соки. Они с отцом устроились в роскошном гостиничном комплексе в северном районе города, но лучше ей от этого не стало. Даже наоборот. Вечером Шелиара еще с горем пополам держалась и даже умудрялась поддерживать видимость беседы с отцом... но потом пришла ночь. А с ней и нарастающее безумие. Первую половину ночи она не могла сомкнуть глаз из-за разбушевавшихся Голосов, следующие же полночи, когда она все же сумела заснуть, ей то и дело снились кошмары — настолько реальные, что несколько раз она просыпалась от своего же крика.

Два года назад члены Претории Иерофантов заверяли, что ее Благословение распространяется не только на интуицию — что Голоса могут «пророчески» действовать и на ее сны. Не то, чтобы сны все до единого становились вещими, нет. Но и обычными снами они не являлись. Что-то вроде переплетения истины и вымысла — и ее священный долг научиться их отделять друг от друга.

Разумеется, Шелиара так этому и не научилась. Как тут научишься, когда и без размышлений о сути сновидений ты все чаще живешь на грани безумия? Однако, зная эту свою особенность, кошмары пугали ее вдвойне. Тем, что были кошмарами, и тем, что несли в себе долю истины. Только вот какую именно?..

Размышляя об этом после утреннего пробуждения, Шелиара и начала бредить. Образы ночных кошмаров теперь, вдобавок, переплетались с гулом Голосов. И не оказалось рядом ни камина, ни горячих настоек Нэи... Ничего, что могло бы хоть как-то облегчить ее участь.

Где-то к полудню ее голова буквально разрывалась от звенящего многоголосья. Шелиара все больше и больше теряла грань реальности. Все происходящее вокруг ее постели расплывалось, становясь лишь частью безумного круговорота образов и мыслей в голове.

— Шели...

«Кто это? — Она не понимала, звучит этот голос в ее голове или же исходит извне. — Пророк, это ты?.. Нет, ты так никогда меня не называл... Вопрошающая? Реалист? Скептик? Философ?..»

— Шели, дитя...

«Отец? Почему твой Голос такой громкий?.. Что происходит?..»

— Через два часа нам назначена встреча с архонтом Кагальзиром.

«Кем?»

— Мы ведь должны показать себя с лучшей стороны, разве ты забыла?

«Мы? Кто мы... С какой еще стороны?»

Она ничего не понимала. Чего от нее хотят? Почему ее не оставят в покое? Зачем все это?..

Шелиара набралась сил, чтобы произнести гневную отповедь...

— Ос... та... в покое... — Язык не особо желал ей подчиняться. — Оствпокоеменя...

Она услышала удивленное посвистывание.

— Мда. Паршивенько все, паршивенько. И что нам теперь делать?

Превозмогая себя, Шелиара открыла глаза. Какой яркий свет заливает комнату. Какая

необычная узорчатая лепка на потолке. В ее опочивальне сменили потолок?

«Стоп. Это не танаанское поместье... Где я?»

«...такой торжественный день... — Этот Голос Шелиара узнала: когда-то она окрестила его Пустозвоном. — *Да возрадуются все, ибо дева узрит жениха, облаченного в белое...*»

«*Не будет он облачен в белое. — Скептик? — Он архонт. Архонты носят изумрудные мантии...*»

— Ладно. Я готов поверить, что ты не притворяешься. — Шелиара повернула голову и увидела отца у изголовья кровати. — Что ж... Придется идти на крайние меры.

Диондор Нирааль вздохнул и, недовольно покачивая головой, ушел в соседнюю комнату. Шелиара закрыла глаза. Перед мысленным взором промелькнул один из сегодняшних ночных кошмаров: ее несут через темный лес, а она не может пошевелить и пальцем... Ей овладевает беспомощность...

Шаги вернулись. Вновь громыхнул голос:

— Вот. Выпей это.

Шелиара почувствовала, как кто-то помогает ей принять сидячее положение. Она вновь открыла глаза и прищурилась от яркого света. Отец протягивал ей дымящуюся кружку.

— Что... это? — с трудом спросила она.

Диондор помедлил, прежде чем ответить.

— Шаугримский напиток, который пьют, когда нужно максимально взбодрить организм... Это последнее средство, к которому я стал бы прибегать... Но, кажется, выбора у меня нет. Мы не можем не явиться на встречу: архонт не поймет. Давай пей.

Дрожащими пальцами Шелиара взяла кружку. Поднесла ко рту. Напиток пах странно: будто дикие травы смешали с чем-то... Она не могла определить, с чем.

«*О. А твой отец и правда настойчив, раз решился прибегнуть к помощи таких средств...*»

Шелиара задвинула непрошенный комментарий на край сознания и, для приличия подув, сделала глоток. Отвратительно. Хотя чего еще ждать от напитка из Шаугрима?

«Надо пить, — дала она себе же указание. — Иначе сойду с ума».

Осилив горький напиток за несколько минут, Шелиара вернула отцу кружку. Оперлась о спинку кровати, огляделась по сторонам. Ей кажется, или дышать и думать стало легче? Может, просто самовнушение...

Внезапно Шелиара начала понимать, что к чему. Точно — это же комната в гостиной, в которую они заселились вчера. Заселились, чтобы отдохнуть и подготовиться к встрече с ее женихом... как там его? Ах да. Архонт Кагальзир. И вроде бы отец что-то говорил насчет встречи через два часа...

— Так. — Отец внимательно следил за ней. — Ну-ка скажи: я — Шелиара Нирааль, приветствую ваше высокомудрие.

— Я... Я — Ше... — Она с удивлением поняла, что полностью пришла в себя. Мысли свободно двигались внутри ее головы — сознание вновь принадлежало ей. Голоса улетучились, как дым. — Что за питье ты мне подсунул?

Диондор Нирааль удовлетворенно потер руки.

— Вот. Так-то лучше. Гораздо лучше. А теперь ступай и готовься одеваться — я позову служанку. — С этими словами отец встал и, выудив из кармана трубку, направился в соседнюю комнату. На самом пороге остановился, чтобы добавить: — И поторопись, Шели.

Мы не можем позволить заставить архонта нас ждать.

Отец скрылся за дверью. Шелиара поднялась с кровати и, чуть пошатываясь, направилась к шкафу, где висело ее платье из сельвидийского алого шелка.

«Мы ведь должны произвести хорошее впечатление».

Шелиара понимала: перед женихом ей необходимо предстать во всей красе, на которую она только способна.

Несмотря на затрудненное движение по столичным дорогам, к резиденции архонта Кагальзира их экипаж прибыл как раз к назначенному сроку, за час до заката.

Шелиара выбралась наружу, поправила платье и прическу. Огляделась. Как и все дома исхиронской знати, резиденция архонта Кагальзира располагалась в дальней части северного района столицы, рядом с такими же роскошными особняками и тянувшимся вдоль улицы массивом хвойного леса. В отличие от остальных четырех районов, здесь царила тишина и умиротворение, а воздух вовсе не пах гнилью и отбросами, как когда они проезжали по приезде рынки и бедные кварталы западного района. Улица, на которой они очутились, была прибрана, ухожена и засажена деревьями — судя по массивным и высоким стволам, тополями.

Одного мимолетного взгляда на резиденцию Шелиаре хватило, чтобы понять: ее жених не просто богат.

Он купается в роскоши.

Сквозь решетчатый забор Шелиаре было видно, что дорога к дому вымощена мраморными плитами, наверняка завезенными из Гальтии. Окружающий двухэтажную усадьбу сад сверкает зеленью стройных рядов кипарисов и массивных, высотой больше дома, кедров. Даже флюгер-жаворонок на треугольной, с крутыми скатами крыше усадьбы блистает позолотой.

Когда-то и их танаанское поместье выглядело не хуже.

Когда-то...

— Господин и госпожа Нирааль. — Лакей, в черном камзоле и ослепительно-белых перчатках, появился из калитки сбоку от ворот и низко поклонился ей и отцу. Не разгибаясь, добавил: — День на редкость теплый, и его высокочудрие рад принять вас в своем саду. Прошу следовать за мной.

Оставив экипаж на попечение кучера, они двинулись следом за слугой. Прошли через калитку, прошагали по мраморной дороге, затем свернули на обычную тропу, ведущую вглубь сада. Воздух пах хвоей. Шелиара обратила внимание, что даже в конце осени за садом ухаживают — и наверняка не один садовник. Похоже, внешний лоск значил для этого Кагальзира многое. Едва ли не все.

Вскоре слуга вывел их к конечному пункту назначения — просторной деревянной беседке на краю сада, наподобие тех, что Шелиара видела на иллюстрациях к книге о Нижнем и Верхнем Даньязе. Изящные резные портики, крыша из красного дерева... Что ж по крайней мере, архонт не страдал дурновкусием.

Отец почти ничего не рассказывал ей о женихе — только то, что тому слегка за тридцать, и что два года назад он, благодаря своим выдающимся способностям, получил место в Совете. Поэтому Шелиара не сильно удивилась, когда ее идеализированный образ не совсем совпал с реальностью: Кагальзир оказался низеньким лысеющим толстячком с постоянно бегающими из стороны в сторону глазками. Спускаясь к ним по ступенькам

беседки, он то и дело почесывал куцую бородку и поправлял сползающую с плеч мантию.

Интуиция сразу же подсказала ей его основные качества. И они ее не радовали. Даже наоборот. Очевидно, Кагальзир был не глуп — но и никакой высокомудростью тут не пахло. Хитрый — да. Хвастливый — о да. Надменный — еще бы. Похотливый до омерзения. Не воплощение зла, но с ярко выраженной склонностью к агрессии. Не пьяница, но и однозначно не брезгует выпивкой. Наверняка это далеко не весь список — как-никак, даже ее интуиции не хватало, чтобы полностью раскрыть чью-то личность. В принципе, жених обладал не самым ужасным набором качеств — Шелиара видала экземпляры куда как хлеще — но и пределом мечтаний его нельзя было назвать.

Все же она надеялась на лучшее.

Они с отцом остановились, согласно этикету, в трех шагах от архонта. Тот мимоходом взглянул на Диондора, коротко кивнул ему, после чего переключился на нее. Шелиара нервно сглотнула — ей было не особо приятно, что ее разглядывают, как какой-то товар на рынке. Хотя... разве не так обстоят дела при заключении брака? Разве это не своего рода купля-продажа? Она чуть склонила голову в знак почтения к старшему по титулу.

— Приветствую вас, господа Нирааль. — Шелиара подняла голову. Голос Кагальзира оказался на удивление высоким. — Рад, что вам удалось добраться к сроку. — Архонт одарил ее почти что неподдельной улыбкой. — Какой сногшибательный наряд, юная госпожа. Если мне не изменяют мои же глаза, это настоящий сельвидийский шелк.

«Теперь понятно, как отцу удалось найти с ним общий язык», — мрачно подумала Шелиара.

— Вам очень идет, Шели... Могу я называть вас Шели? Это так мило звучит.

— Как будет угодно вашему высокомудрию.

Кагальзир скривился и пренебрежительно взмахнул рукой. Многочисленные перстни на пальцах архонта сверкнули в лучах склоняющегося к горизонту солнца.

— Ну перестаньте, Шели. Мы все же не на приеме у Верховного Иерофанта, так что давайте отбросим всю эту церемониальщину куда подальше. Зовите меня просто Кагальзиром, договорились?

Шелиара кивнула.

— Полагаю, вы устали с дороги и проголодались, — звонко продолжал Кагальзир. — Так что прошу вас отведать моей трапезы.

Следом за архонтом они поднялись в беседку и расселись за круглым столиком посередине. Белая скатерть ломилась от яств и напитков — архонт определенно не поскупился. Шелиара увидела и мясные блюда всех способов приготовления, и рыбу, и овощные салаты, и соусы, и пряности, и даже вазы с такими редкими заморскими фруктами, как груши и яблоки. В кувшинах и графинах плескались жидкости разных цветов (и, наверняка, разной крепости). Желудок Шелиары предательски дал о себе знать.

За их спинами возникли слуги, готовясь ухаживать за гостями. Диондор попросил «всего понемногу».

— А чего желаете вы, Шели? — поинтересовался Кагальзир, самостоятельно накладывая себе нечто, напоминающее куриный рулет. — Советую попробовать филе горного лосося в яйце и степных травах.

— С удовольствием.

Следующие несколько минут они возились с едой и напитками. Предложенное архонтом блюдо оправдало себя — Шелиара давненько не пробовала ничего подобного.

Фруктовый напиток также приятно ее порадовал.

Наконец, тарелки опустели, и расторопные слуги убрали их со стола. Архонт Кагальзир убрал руки за голову и посмотрел на Шелиару, чуть прищурившись.

— Шели. Я слышал, Боги Рассвета наградили вас весьма необычным Благословением.

— И Проклятьем, да, — ответила она, не подумав.

Отец гневно зыркнул на нее. Кагальзир проигнорировал ее комментарий и продолжил:

— Знаете, Шели, на заседаниях Совета Архонтов нам приходится сталкиваться с самыми разными ситуациями. И почти в каждой из них мы понимаем, что не можем достоверно узнать, говорит человек правду или же обманывает нас; искренни ли его намерения, либо же он просто ищет способ обогатиться... Думаю, вы представляете себе это?

— Да, могу вообразить.

— Не сомневаюсь. Мне бы очень хотелось, Шели, посмотреть на ваше Благословение. Надеюсь, вы не будете возражать, если я устрою нечто вроде проверки?

Не дожидаясь от нее согласия, Кагальзир обернулся и пальцем поманил стоящих в отдалении слуг. Те мигом подбежали. Все, как один — средних лет, в черном и гладко выбритые. Архонт вновь посмотрел на Шелиару с нескрываемым интересом. Уголки его губ напряженно подрагивали.

— Итак, Шели. — Кагальзир оперся локтями о стол. — Дело вот в чем. Одному из этих трех мужчин я доверил обручальное кольцо. Сможете ли вы определить, кому именно? Можете задать каждому по одному вопросу.

«Вот значит как меня проверяют. Сумею ли я определить чью-то ложь. Неплохо придумано, архонт».

— Быть может, — чуть взволнованно проговорил Диондор, — имеет смысл перенести испытание на попозже? Шели немного притомилась в пути...

— Ничего страшного, отец. Думаю, я справлюсь.

Шелиара сосредоточилась. Напрягла свое внутреннее чутье, насколько могла. Голоса тут же всколыхнулись в глубине, но она сумела сосредоточиться и полуинстинктивным движением отодвинуть их на задний план. Шелиара сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Затем, пристально посмотрев первому слуге в глаза, спросила:

— Ты ли хранитель обручального кольца? Ответь мне.

Не отводя взгляда, тот ответил:

— Нет, госпожа Нирааль. Не я.

Шелиара кивнула. Перевела взгляд на второго.

— Быть может, ты — хранитель кольца?

— Нет, у меня нет кольца.

Кивнув, она посмотрела в глаза третьему.

— Значит, кольцо доверили тебе?

Тот покачал головой.

— Нет, госпожа.

Шелиара задумалась. Ее уверенность в своих силах растворилась. Что-то было не так. Ни в одном из этих ответов она не почувствовала лжи, хотя всеми силами старалась ее уловить. Может, ее способности к разоблачению неправды преувеличены? Или же ее интуиция перестала работать из-за странного напитка? Шелиара закусила губу. Где-то крылся подвох...

Подвох...

Она взглянула на Кагальзира. Тот по-прежнему сверлил ее взглядом. Шелиара буквально чувствовала, как тому не терпится почувствовать себя победителем в этой ментальной схватке. Или же наоборот — он ждет, что она расколет его коварный замысел? В любом случае, он так уверен в себе. Но почему?..

Интересная мысль пришла ей в голову. Прищурив взгляд, она посмотрела архонту в глаза.

— Напомните, Кагальзир, как вы сказали насчет кольца?

Тот пожал плечами:

— Я сказал, что доверил его одному из этих трех мужчин, и что...

— Достаточно.

Шелиаре все стало понятно. Она вынесла вердикт:

— Они не лгут. Ни у одного из них нет кольца.

— Тогда где же оно?

— Полагаю, что у вас. — Шелиара широко улыбнулась. — Это вы солгали, сказав, что оно у одного из слуг.

Кагальзир поднял над столом руки и принялся аплодировать.

— Bravo, Шели! Bravo! Я потрясен до глубины души. Нет, в самом деле. Шели, в просто чудо. Не могу поверить, что такая красавица и прозорливица вскоре станет моей супругой.

«Да, к сожалению, я тоже не могу в это поверить».

Кагальзир махнул рукой слугам, и те вернулись к своим местам. Продолжая улыбаться, архонт опустил руку в карман и выудил оттуда небольшое колечко, ослепительно засверкавшее в солнечных лучах.

— Позвольте вашу руку, Шели.

Шелиара взглянула на отца. Тот кивнул. Шелиара протянула через стол правую руку.

— Вы заслужили его, — архонт подался вперед и аккуратно надел колечко ей на средний палец, — моя невеста.

Шелиару передернуло от последних слов, однако виду она не подала. Вместо этого она приветливо улыбнулась и поднесла ладонь к лицу. Кольцо сидело на пальце идеально. Похоже, что сделано из настоящего золота. Шелиара пригляделась: крохотные узорчики и письмена покрывали до блеска отполированную внешнюю поверхность. Кагальзир ответил на ее невысказанный вопрос:

— Здесь написано на древнешаугримском: «Видящая Ложь да узрит Истину».

«Видящая Ложь да узрит Истину», — повторила Шелиара фразу про себя.

Видящая Ложь... Узрит Истину... Что-то странное, будто требующая разрешения загадка, таилось в этих словах.

Шелиара попробовала поразмышлять об этом, но вскоре пришла к осознанию того, что ее ментальная концентрация трещит по швам. Чем бы ни был тот странный бодрящий напиток, которым напоил ее отец, его действие подходило к концу. Шелиара чувствовала, как Голоса пробираются на свободу сквозь зыбкие преграды ее самосознания, словно солнечные лучи сквозь дождевые облака. О, они страсть как истосковались по выражению своего мнения. Еще немного, и она не сможет адекватно поддерживать даже подобие диалога...

Плохо дело.

— Я искренне рад, — продолжал вещать Кагальзир, — что мне удалось найти с вами общий язык. В наши дни это такая редкость. Все, знаете ли, кругом такие меркантильные; преследуют сугубо личные цели... — Архонт сделал глоток из чаши. Шелиара была уверена, что в ней не вода и не фруктовый напиток. Что-то куда крепче. — А знаете что. — Кагальзир отставил чашу и с прищуром оглядел Шелиару, а затем ее отца. — Я предлагаю не откладывать дела в долгий ящик, и сегодня же заключить брачный договор.

— Отличная мысль! — поддержал его Диондор.

— Вот и славно, — согласился Кагальзир. — Мой стряпчий как раз ожидает в доме. Как только мы договоримся обо всех... нюансах предстоящего события, так тут же оформим соглашение на бумаге. Во избежание всевозможных казусов.

— Разумеется. — Диондор отчаянно старался выдавить из себя улыбку, но выходило, как всегда, весьма и весьма ее отдаленное подобие. — Ваша дальновидность, господин архонт, меня приятно удивляет.

«Отец... — Шелиара мысленно покачала головой. — Какой же ты лизоблюд... И когда только ты успел стать таким?»

Диондор тем временем повернулся к ней. Немного помолчав, смерил ее суровым отцовским взглядом.

— Шелиара. Полагаю, нам с его высокоумрием нужно обсудить кое-какие детали договора, и... — Диондор замолчал, но Шелиара уловила намек.

Встав из-за стола, она с почтением поклонилась отцу и — с чуть меньшим почтением — архонту.

— Я с превеликим удовольствием прогуляюсь по вашему саду, Кагальзир.

— О, надеюсь, это доставит вам удовольствие, Шели, — пролебезил архонт. — Многие растения завезены в него из далеких краев. Эти несколько акров зелени — моя маленькая, но заслуженная гордость. — Кагальзир притворно вздохнул. — Увы, весной и летом он куда краше... но и сейчас тут есть, чем полюбоваться. Мне позвать слуг вам в сопровождающие?

— Благодарю... Но думаю, мне все же удастся не заблудиться.

Кагальзир посмеялся, как будто она удачно пошутила. Даже отец издал странный булькающий звук, видимо, за компанию. Интересно, каково ему приходится среди высокопоставленных шутников с его-то Проклятьем? Должно быть, не сладко.

Придерживая полы платья, Шелиара спустилась со ступеней беседки и поспешила поскорее уйти как можно дальше от места, где ее судьбой распоряжались два сребролюбца. Ей нужно было время, чтобы все осмыслить. Чтобы разобраться в происходящем. Слишком уж много новостей и впечатлений она испытала за последнее время...

«...окольцованная... не свернуть...»

Шелиара вздрогнула и чуть не споткнулась на ровном месте.

Ну конечно же. Вот и вернулись из бездны сознания ее бестелесные спутники. Шелиара поспешила углубиться в сад, подальше от всех. Даже от слуг.

Как ни в чем не бывало, Голоса заводили свой привычный диалог — не то общаясь между собой, не то обращаясь непосредственно к ней. Как всегда, Шелиара пыталась отмахнуться от этого, и, как всегда, у нее ничего не выходило. Вскоре пальму первенства взял тот, которого она называла Реалистом — ему удалось заглушать даже Пророка и Вопрошающую.

«...Ты ведь фактически видишь его насквозь, как и все мы. Читаешь его, как открытую книгу. Кем ты станешь для него? Марионеткой, которую он будет дергать за ниточки в

своих политических целях? Наверняка. А еще игрушкой для утех...»

Она попыталась не согласиться:

«В нем есть и хорошие стороны...»

«Да в нем пороков больше, чем звезд в ночном небе».

«Ты преувеличиваешь», — возразила Шелиара.

«Разве что самую малость. Ты будешь это отрицать? Ты скажешь, я лгу?»

Нет, Шелиара признавала: все сказанное Реалистом было правдой. Все до последнего слова.

Архонт Кагальзир — не тот жених, о котором она мечтала в детстве и юности.

Совсем не тот.

Шелиара остановилась на перекрестье двух тропинок. Оперлась рукой о смолистый ствол раскидистого кедра. Посмотрела на запад — алеющее солнце спускалось за крыши городских домов. Начинало холодать.

Реалист замолчал, но другие Голоса прорывались наружу.

«...Только представь, — вкрадчиво нашептывал Пророк. — Всю оставшуюся жизнь — с этим надменным петухом. Появляться с ним на публике, делая вид, что вы самая счастливая пара во всем Четвероземье. Ублажать его извращенные прихоти...»

Всплывший в сознании образ был отнюдь не привлекательным.

«Прекрати это!»

«...Растить его детей, пока он на стороне будет развлекаться с молодой красоткой. А то и сразу с двумя — у таких, как он, знаешь ли, не бывает недостатка в любовницах...»

И вновь — яркий образ, подтверждающий его слова. Шелиару едва не вырвало от увиденного.

«Я сказала, перестань!»

«Но ведь это правда. И ты знаешь об этом, Шелиара Нирааль, не так ли? Ты знаешь, хоть и отказываешься это признавать. Но ты ничего не можешь сделать. В очередной раз тебе придется смириться. Придется быть послушной овечкой, отправляющейся на закланье ради того, чтобы род Нирааль мог объединиться с родом архонта Кагальзира и, воспользовавшись его состоянием, хоть как-то продолжить свое существование. Ты ведь понимаешь, что у тебя нет другого выбора. Так что просто смирись».

К сожалению, Шелиара понимала.

Однако когда она уже почти что смирилась с неизбежностью, зазвучал Голос, услышав который, она едва не подпрыгнула. Этот Голос она не слышала давным-давно. Голос, который она некогда окрестила Надеждой.

«Выбор есть всегда».

Нежный и заботливый. Мягкий и успокаивающий. Он звучал крайне редко, но когда звучал, всегда придавал ей сил. Дарил надежду. Вот и сейчас — она устремила к нему все свои чаяния...

«Что ты имеешь в виду?»

«То, что есть другой выход. Другой путь».

Другой путь. Неужели это правда?..

Только бы он существовал на самом деле.

— Какой? Какой путь?!

Шелиара поняла, что от переизбытка эмоций говорит это вслух, причем довольно громко. Однако сейчас ей было все равно. Плевать, что услышат архонтовы слуги или даже

он сам. Ради другого выхода она готова была кричать хоть на все Четвероземье.

«Ты действительно хочешь это знать?»

«Разумеется я хочу это знать!»

«Ты точно уверена?»

«Боги Рассвета... Да. Да! ДА!»

«Назад пути не будет».

«Если есть другой выход, путь назад мне не понадобится».

Шелиара чувствовала, как ее сердце бьется едва ли не вдвое быстрее обычного. Она бродила по саду с одной-единственной мыслью: он есть! Есть выход!

Боги Рассвета наконец услышали ее стенания!

«Что он даст мне, этот путь?»

Надежда зашептала:

«Он избавит тебя от страданий. От боли. От несправедливости. От ноши. От всего что делает тебя несчастной и твою жизнь невыносимой. Признайся, разве не об этом ты мечтала все это время? Разве не надеялась, что однажды сможешь сделать так, чтобы твоя жизнь больше не походила на кошмар наяву?»

Конечно. Именно на это она и надеялась.

Ей показалось, или несколько Голосов начали возмущенно роптать? Пророк начал было насыпать какие-то странные предостерегающие образы, Вопрошающая начала задавать уточняющие вопросы... В Сумерки их! Усилием воли Шелиара сумела подавить их возмущения. Хватит. Она наслушалась их. Пусть наконец говорит та, что может предложить что-то дельное.

В голове вспыхнул яркий образ — Перекресток. Три дороги, ведущие в разные стороны... Неужели она, наконец, нашла ту единственную, что избавит ее от всех горестей?..

Правой рукой она нащупала в нагрудном кармане платья аркану — переодевшись, она взяла ее с собой, повинувшись неясному порыву. Теперь же все будто вставало на свои места. Разве не так?..

«Покажи, — взмолилась Шелиара. — Заклинаю тебя всеми Богами и ЛжеБогами Рассветом и Сумерками, землей и небесами! Если ты знаешь такой путь — покажи мне его».

В глубине сознания раздался одинокий смешок. Или ей показалось?..

«Что же, — отозвалась Надежда. — Тогда позволь мне направлять твое тело...».

Она позволила. Почувствовала, как не только разум, но и тело перестает полностью ей подчиняться.

Ничего. Оно того стоит.

«Пойдем, дитя. Для начала нам нужно, не привлекая внимания, покинуть это место. Ты справишься с этим?»

Шелиара задумалась. Покинуть резиденцию... Ее, наверное, скоро начнут искать. Что тогда? А, неважно. Все неважно.

Шелиара направилась к калитке. Дежурящим у выхода слугам архонта она может сказать, что ей нужно кое-что забрать в экипаже...

«Да. Я справлюсь.»

«Чудесно. Идем же поскорее на свободу, дитя. Идем, и я покажу тебе Путь Избавления».

Когда-то давно, в бытность наивным одиннадцатилетним мальчишкой, Альдан дал себе твердое обещание не сближаться (а, желательнее, и вовсе не общаться) с городской знатью. И уж тем более, упаси Боги, со знатью столичной.

На то имелись, как он полагал, весьма веские причины. Помнится, его отец, когда еще был жив, поговаривал, что, если Всемогущие Боги хотят предопределить человека к Сумеречной Обители, они «награждают» его знатным происхождением. Богатство и власть портят людей, это всем известно. А уж как людей портят унаследованное, то есть незаслуженное богатство и власть...

Альдан хорошо помнил, как из-за жадного до денег главы Риндвая, небольшого города в западных землях Триамны — между прочим, назначенного по смерти предыдущего главы Советом Архонтов, — их семейство все стремительнее и стремительнее погружалось в нищету. Как отцу, неплохому (по меркам Риндвая) ювелиру, этот городской глава, заручившись поддержкой в лице других влиятельных граждан, то и дело ставил палки в колеса, а в итоге и вовсе разорил. Как лишь милостью Богов Рассвета им с матерью удалось выжить и даже накопить денег на то, чтобы Альдан мог отправиться на обучение в столицу. То были не самые приятные детские и юношеские воспоминания, однако Альдан полагал, что они всегда будут напоминать ему о необходимости жить своей жизнью и держать как можно большую дистанцию с вельможами и их отпрысками. Поступив в Университет, Альдан придерживался этой концепции уже третий год.

Вплоть до позавчерашнего дня.

Подходя к лестнице из желтого кирпича, Альдан размышлял о том, насколько быстро подавляющее большинство людей готовы изменить своим принципам. Раньше ему всегда казалось, что подобное может произойти с кем угодно, кроме, конечно же, его самого. И вот — он едва ли не вприпрыжку несется в особняк одного из самых богатых и знатных молодых людей Исхилона. Что сказал бы его отец, увидев это? Скорее всего, промолчал бы, в отчаянии прикрыв лицо руками. С другой стороны, отца уже пять лет, как нет, а необходимость искать ответ на вопрос, почему Боги с ним так обошлись — есть.

Этот аргумент показался Альдану достаточно убедительным, чтобы не поворачивать обратно и начать подъем по лестнице. По его левую руку ярко-оранжевый солнечный диск потихоньку скрывался за островерхими крышами близлежащих домов. В воздухе веяло вечерней прохладой. Альдан не любил жару, предпочитая ей подобную погоду. В конце концов, зимы в Триамне, и особенно на Священном Полуострове обычно выдавались мягкими и не снежными — не то что в каком-нибудь Гергельяре или тем более в Шаугриме. А ведь и та, и другая страна являются государствами Юга. Что же тогда творится на Севере? Если верить прочитанным им географическим трактатам, там даже летом носят меха...

Оставив позади лестницу и подойдя к входной двери особняка, Альдан собрался с духом и дернул за шнурок звонка. Как и в прошлый раз, внутри звонко запел колокольчик. Альдан был готов к тому, что на этот раз дверь откроет не Герцог, а кто-то из слуг.

К чему он оказался не готов, так это к тому, что дверь откроет Иолая. Облаченная в шелковую темно-зеленую накидку с золотым шитьем и длинную желтую юбку, она одарила его чарующей улыбкой чуть подкрашенных губ.

— Я это... — смущенно пробормотал Альдан, переминаясь с ноги на ногу. От Иолаи

исходил приятный запах жасминовых духов. — К Герцогу... За книгой... Если можно...

— Ты мой белокурый котенок, — хихикнула Иолая и скользким движением провела рукой по его волосам. — Тебе конечно же можно. Правда, он сейчас немного занят — видишь ли, беседует в гостиной с двумя достопочтенными иерофантами из Претории. Но... — Иолая подмигнула Альдану, пропуская через порог, — думаю, мы придумаем, как весело провести время, пока они наговорятся о высоком. Что скажешь?

Альдан сглотнул подступивший к горлу ком и чуть подрагивающей рукой закрыл за собой дверь.

— Я... Подожду здесь, в холле, ладно?

Иолая звонко расхохоталась.

— Книгочей, ты такой забавный, когда смущаешься. Брось, пойдем, я тебя не съем. Не сегодня, уж точно.

Немного помедлив, Альдан последовал за подругой Герцога.

Миновав холл и коридор, она привела его в средних размеров комнату. Судя по обстановке, комната представляла собой нечто вроде дополнительной гостиной: по центру стоял стол с напитками, чашами и вазой с фруктами, вокруг него четыре кожаных кресла; у одной стены потрескивал поленьями камин, у второй возвышался резной буфет из черного дерева, вдоль третьей были развешаны картины. Застекленное окно выходило на север — за ним виднелись не менее роскошные, чем этот, особняки исхиронской знати.

— Хочешь вина? — тем временем спросила Иолая, приподнимая со стола кувшин.

— Э. Нет. Спасибо.

— Брам? Бренди?

Альдан покачал головой.

— Я... не пью до заката.

— Ты такой правильный. Похвально, похвально. — Иолая с притворным вздохом вернула кувшин на место. — Если передумаешь, все в твоём распоряжении. Ладно. Чувствуй себя как дома, котенок.

Иолая удалилась, прикрыв дверь, и Альдан облегченно выдохнул. Почему он так неловко себя чувствует наедине с этой девушкой? Вот уж Рибан бы посмеялся с него, не забыв отпустить пару колкостей относительно его умений общаться с противоположным полом.

Пытаясь разукрасить ожидание, Альдан подошел к камину. Сам камин, пусть и был облицован белым мрамором, не особо привлек его внимание, в отличие от миниатюрных оловянных статуэток, что стояли на полке над ним. Альдан насчитал двенадцать штук — один на лошади и одиннадцать пеших. Что бы это могло значить? Приглядевшись, Альдан сообразил. Вне всяких сомнений, это фигурки персонажей аркан, от нищего и до архонта. Работа проделана на славу — присмотревшись, у лошади всадника он даже разглядел ноздри.

Оставив камин и статуэтки, Альдан подошел к увешанной картинами стене. Судя по позолоченным рамам, каждая из них стоила целое состояние. Как, видимо, и любое произведение искусства в этом доме — еще в прошлое посещение Альдан заметил, что Герцог не держал у себя дешевок. Подойдя ближе, Альдан принялся разглядывать эти шедевры живописи.

Первая картина, как он довольно быстро сообразил, изображала карту Триамны (и прилегающих к ней территорий Гальтии, Кирикийских княжеств и Верхнего Даньяза) в виде

летающей в сторону моря хищной птицы: здесь были и два крыла, и голова — Священный Полуостров. Альдан за свою жизнь неоднократно лицезрел карты Триамны, но ему и в голову бы не пришло, что она похожа на хищную птицу. Прав Синт, неоднократно замечавший, что с фантазией у него туговато. Не то что у этого художника.

Альдан продолжил экскурсию по галерее. Следующее полотно изображало стаю взмывающих с ветки дерева в небо хохлатых жаворонков. Заложена ли в эту картину какой-то скрытый смысл, как это часто бывает? Поразмыслив, Альдан пришел к выводу, что нет. Просто художник, видимо, любил природу. Да и жаворонки, как живой символ страны, издревле пользовались у триамнийцев популярностью.

Третья картина и вовсе показалась ему донельзя странной — на ней на фоне очертаний городских улиц и домов в полный рост был изображен человек в развевающемся черном плаще и капюшоне, за которым не видно лица. Что хотел этим сказать автор? Может, это просто портрет? Так странно.

Альдан продолжил просмотр и на несколько мгновений неподвижно замер напротив четвертой картины. Она буквально заставляла кровь стынуть в жилах. Вся в темных тонах, картина изображала какой-то сумеречный ритуал. Альдан присмотрелся, и вскоре все стало на свои места. Трое ЛжеБогов Сумерек, чьи имена нельзя произносить вслух, вручали трем склонившимся перед ними людям нечто вроде клинков, поблескивающих лиловыми красками.

«Отнимающие и их Клинки Поглощения», — кивнул Альдан своей догадливости. После их недавнего разговора на крыше этого особняка картина выглядела еще более жутко и правдоподобно, чем если бы он увидел ее до этого. Альдан едва подавил желание оглянуться и проверить, не притаился ли за его спиной проклятый Отнимающий.

Пятая картина выглядела странно. Похоже, она рисовалась с натуры. На ней нынешний Верховный Иерофант (как поговаривают в Университете, находящийся едва ли не при смерти), еще в расцвете сил, стоит в богатом зале рядом с какой-то семьей... Альдан прищурился. Нет, не просто с семьей — вон у того, что в центре, на голове золотится корона. Верховный Иерофант бывал у короля Гальтии? Точно. Альдан слышал про такой эпизод где-то десятилетней давности. Рядом с королем и королевой стоят четверо детей, девочка и трое подростков. Судя по виду, все четверо были отнюдь не довольны тем, что их заставили позировать.

Следующее полотно заставило Альдана издать негромкий смешок. Как символично. Это ведь та самая Битва на Мертвых Равнинах, к которой он вплотную подобрался в седьмом томе «Военных Хроник Южных земель» Эльсевия Кирикийского. Легендарнейшее сражение минувших веков. Художник, определенно придерживающийся версии о решающей атаке триамнийской конницы, изобразил ее стремительный натиск. Не ожидавшие от противника такой безумной атаки гвардейцы султана в панике разбегаются, бросая на землю знамена, копья и ятаганы; Кабуддарим А'Шаддар стоит на возвышении с выпученными глазами и, понимая, что его минуты сочтены, в отчаянии и немой мольбе простирает руки к небу. Могло ли такое быть на самом деле? Альдан не считал себя крупным специалистом по истории (и тем более по военному делу), однако все же подозревал, что гвардейцев султана вряд ли можно было разогнать одним лишь конным натиском — особенно когда всем стало ясно, что у объединенного войска Юга шансов не осталось. Мимоходом Альдан также подумал о том, что если Герцог принесет-таки обещанный том «Архивов Благословений», чтение «Хроник» отложится на некоторое время. Увы.

Последней в ряду произведений искусств висела не картина, а средних размеров ковер ручной работы. Альдан слышал, что их называют гобеленами и по причине невероятно трудного исполнения продают за баснословные суммы. Хотя последнее его не удивляло — он ведь в доме Герцога, пора бы и привыкнуть. Приглядевшись, Альдан понял, что на гобелене запечатлено не что иное, как Ритуал Преображения: Фонтан, окруженный посвящаемыми, Верховный Иерофант в ярко-алом облачении, хоры и прислужники. И наверху, проглядывая как бы сквозь облака, за происходящим наблюдают Боги Рассвета. Не все, конечно — только десять из двадцати четырех, больше бы не уместились. Альдан ностальгически вздохнул — шесть лет назад и он был там, надеясь, что вскоре получит Благословение, что в корне изменит его жизнь. Скажи ему кто, что ничего, абсолютно ничего не изменится — он бы рассмеялся тому болтуну в лицо.

Альдан поднес было руку, чтобы пощупать ворс гобелена, но в этот момент в коридоре раздались шаги. Он отдернул ладонь ровно в тот момент, когда дверь отворилась, и на пороге, с немалых размеров книгой в руках, появился измученно улыбающийся Герцог.

— Привет, Книгочей. — Герцог бодро прошагал на середину комнаты и с грохотом водрузил книгу на стол. — Не скучал тут? О, вижу, ты нашел себе занятие. Ну, и как тебе моя галерея?

Альдан замялся, не будучи уверенным, что ответить. Наконец, сказал, как есть:

— Как-то все... сумбурно, что ли. Странная подборка. Некоторые и вовсе непонятные. Вот та, например.

— Какая? С птицами?

— Нет. С мужчиной, утонувшем в капюшоне.

— А-а. — Герцог усмехнулся, поравнявшись с ним. — Так она так и называется: «Безликий Герой Триамны». Что-то вроде нашей семейной реликвии из далекого прошлого, если верить отцу. Есть версии, почему он без лица?

— Э-э... Потому, что он Безликий Герой? — вопросительно приподнял бровь Альдан.

— Да. Но почему?

Альдан смутился. Ему казалось, что он вполне ответил на вопрос...

— Эх, Книгочей. Картины — это тебе не книги, их нужно уметь видеть. — Герцог выждал паузу и наставительным тоном продолжил: — Художник изобразил этого безымянного героя без лица для того, чтобы каждый, кто смотрит на эту картину, представлял себя на его месте. Чтобы каждый думал, что это он — Безликий Герой Триамны. Понимаешь?.. Это что-то вроде гениального замысла художника — ну, так мне в детстве объяснял отец.

«Безликий Герой, значит... Допустим».

— А на этой, — Альдан кивнул на изображение Верховного Иерофанта и компании, — в чем проявляется гениальный замысел?

Герцог немного помедлил с ответом:

— Подозреваю, что ни в чем. Просто историческое изображение — правительства двух враждующих стран впервые за долгое время после Войны-за-Освобождение собрались на дружеские посиделки. Как-то так. Ты только посмотри, как наш Верховный изо всех сил делает вид, что рад встрече с гальтийской королевской семьей, а не хочет их всех проклясть, как это обычно делал в своих проповедях. Те тоже отвечают взаимностью — таких натянутых улыбок я даже в Совете Архонтов не видел, когда заглядывал туда... а уж поверь, архонты знают толк в натянутых улыбках. — Герцог покачал головой, видимо, вспоминая те

случаи. — Мне подарили ее на пятинадцатилетие. До сих пор не понимаю, зачем. Никакого изящества. Но зато в любой момент могу полюбоваться на гальтийских принцев, тогда еще всех трех.

— Разве кто-то из них умер? — удивился Альдан.

Не то, чтобы его сильно интересовали отпрыски гальтийской королевской семьи, однако сам факт, что он не слышал о смерти одного из них, казался невозможным — подобные новости быстро разлетались по миру. И еще быстрее — по университетским коридорам.

— Умер? Боги с тобой. Нет. Во всяком случае, я о таком не слышал. — Герцог подошел вплотную к картине и ткнул на самого молодого из подростков, темноволосого, с худым напряженным лицом и внимательными глазами. — Я имел в виду принца Оторо.

— Оторо? — Альдан напряг память. Да, кажется, именно так звали младшего из сыновей короля Ваганнамара. — А что с ним?

Герцог взглянул на него с легким удивлением.

— Ты не слышал эту историю? Хотя да, в книгах о ней не писали. Да и вообще стараются не предавать огласке, в Гальтии так особенно. Мне об этом, помнится, рассказал отец. По секрету. — Герцог помолчал, видимо, размышляя, стоит ли этот секрет того, чтобы предавать его огласке. — Ну так вот, — наконец решился он, — лет семь назад это произошло. Или восемь. Оторо тогда стукнуло... пятнадцать, кажется... или шестнадцать... демоны, никогда не мог запомнить, кому сколько лет. В общем, забудь. Жил, значит, наш юный принц, поживал, ни в чем особо не знал нужды. С отцом неплохо ладил, и с сестрой вроде бы тоже, а вот с братьями старшими общение не заладилось. Причем конкретно. Уж не знаю, что там у них за склоки были, да и знать особо не хочу. В общем, наскучило Оторо ходить в младших принцах и лишь грезить о короне, что почти наверняка ему не достанется — вот он и однажды подсыпал братикам в вино самый настоящий яд. Причем смертельную дозу.

— Ого, — не удержался Альдан.

— Ага, — согласился Герцог. — Решительный юноша, не так ли?

— Я бы сказал «целеустремленный».

— Думаю, можно и так сказать. — Герцог благодушно кивнул. — В общем, как утверждают, Оторо продумал все до мелочей — где, как и когда. Он даже продумал, на кого свалить вину за покушение, и только в одном напортачил.

Герцог сделал паузу, явно желая, чтобы Альдан задал вопрос:

— И в чем же?

— Видишь ли, он, в отличие от нас с тобой, в Университете не учился, а потому об алхимических законах знал лишь в общих чертах. А то, наверное, и вовсе не знал — Боги знают, чему их там обучают, этих гальтийских принцев. — Герцог скривился. — В общем, Оторо не предусмотрел, что выбранный им яд почти полностью нейтрализуется в алкоголе. Иронично, не так ли? — Герцог весело хмыкнул. — В итоге принцам поплохело, причем так, что они неделю лежали, не вставая с кровати, но... все же они выжили. Разумеется, король Ваганнамар почти сразу обо всем узнал. Само собой, встал вопрос, что делать с Оторо. По всем законам людей, Богов и даже их языческой Всематери, такого засранца-братоубийцу надо было казнить на месте, и без всяких церемоний, но... — Герцог развел руками и вздохнул, — мягкосердый король сжалился над сыночком — а потому всего лишь лишил его титула и права на трон, заставил — причем прилюдно — извиниться перед

братьями, после чего отправил куда-то в изгнание заглаживать вину. Такая вот веселая и, осмелюсь заметить, поучительная история. — Герцог прошелся вдоль картин, затем резко обернулся. — Ладно. Ты ведь не за историями о гальтийских наследниках сюда пожаловал, не так ли?

С этими словами Герцог подошел к столу. Ловкими движениями наполнил две медные чаши вином из кувшина, затем плюхнулся в кресло с одной из них.

— Присоединяйся, Книгочей. И давай без отговорок, ладно?

Альдан посмотрел за окно — на улице стояла темень, озаряемая лишь одинокими фонарями и блеклым сиянием блуждающего среди звезд полумесяца. Долго же он, однако, наслаждался искусством. Что ж, видят Боги, выбора у него нет. Придется пить.

Герцог откинулся на спинку кресла и принялся неспешно потягивать вино. Альдан уселся напротив. Кувшина с водой среди прочих он не приметил, так что пришлось пить неразбавленное. К счастью, это оказалось алое танаанское, в меру сладкое и не самое крепкое из триамнийских вин.

— Иолая сказала, — решил Альдан завязать диалог, — ты беседовал с иерофантами.

По лицу Герцога пробежали морщины неприязни.

— Еле от них отделаюсь. Если в составе нынешней Претории одни лишь такие узколобые иерофанты, то по созыву Священного Синклита им придется ой как несладко — архонты и орденцы перетянут на себя одеяло власти, не пошевелив и пальцем... Клянусь Рассветом, если бы в детстве я слушал проповеди только таких фанатиков, стал бы верить во Всематерь, даньязских Высших Духов, а то и, чем демоны не шутят, в шаугримских Судьбоплетов. — Герцог потряс головой, словно пытался таким образом прогнать недавнюю встречу из головы.

Альдан понимающе кивнул — ему и самому неоднократно случалось сталкиваться с фанатиками. И не только в области религии. Кажется, отец как-то говорил, что фанатизм даже хуже равнодушия... или нечто в этом роде. Альдан все чаще жалел о том, что в свое время, будучи уверенным в том, что понимает происходящее в мире как никто другой, пропускал не самые глупые мысли повидавшего жизнь отца мимо ушей.

Герцог тем временем опустошил чашу и, вновь ее наполнив, произнес:

— Как видишь, я сдержал обещание. — Герцог кивнул на лежащий на столе фолиант. — Отец долго меня допытывал, зачем мне ни с того, ни с сего понадобился один из томов «Архивов». Пришлось убедительно врать. К счастью, с этим у меня все в порядке... Скажи, Книгочей, ты ведь устроился подрабатывать в университетскую библиотеку именно ради этих книг, я прав?

Альдан отставил чашу в сторону и подвинул к себе книгу. Да, это был он, один из многочисленных томов «Архивов Благословений». В кожаном переплете, от которого исходит запах старинных знаний. Альдан с улыбкой прикрыл глаза. Этот запах... Альдан помнил его. Как и охватившую его вождеденную радость, когда его утвердили на должность младшего библиотекаря и разрешили в свободное от обязанностей время читать любой из библиотечных томов.

— Ну, еще из-за денег, — наконец ответил Альдан, открывая глаза и возвращаясь к реальности. — Не у всех, знаешь ли, отцы состоят в Совете Архонтов. Нужно как-то платить за комнату, за еду, за свечи...

— Ты мог пойти на подработку на кухню или устроиться, например, писарем к кому-нибудь из наших ученых — что там, что там платят куда больше, я интересовался.

Герцог удивил его своей осведомленностью. Альдану пришлось признать:

— Книги действительно стали в определенном смысле решающим фактором.

— И «Архивы» в частности?

— И «Архивы» в частности.

Альдан помнил, как первые дни (или даже недели) безвылазно сидел в библиотеке, порой даже вместо лекций. Там нашлось не много не мало четыре тома «Архивов Благословений» — он прочитал их от корки до корки, но безрезультатно. В них описывалась масса самых разных случаев (порой странных и даже чересчур странных) изменений с прошедшими Ритуал Преображения, но ни одного, и близко похожего на его ситуацию. Он расстроился, конечно же, но надежды не потерял. Тогда же выяснилось, что некоторое количество томов «Архивов» находится в личных библиотеках архонтов и обеспеченных иерофантов. Но подавляющее большинство — десятки, если не сотни — старинных томов надежно хранятся в подземельях Ордена Хранителей Триамны. Правда, туда таким, как он, доступ закрыт.

Альдан призадумался. Кажется, в позавчерашнем разговоре Герцог упомянул, что этот кичливый Зан-Фаун — сын Магистра Ордена, или ему послышалось? Надо будет невзначай уточнить у Герцога. Раз уж начал водиться со знатью — нужно идти до конца, не останавливаясь даже перед такими выскочками, как Зан-Фаун, если они помогут добиться желаемого.

«Не сейчас, конечно, — решил он. — Как-нибудь в более подходящий момент».

— А до них? — отвлек его от размышлений Герцог. — Как ты пытался понять, что с тобой случилось?

«Почему он так этим интересуется? — подумалось Альдану. — Неужто боится, что и его после Ритуала постигнет схожая участь?»

Альдан решил не юлить, и, выпив вина, выложил все, как на духу:

— До них, точнее, до Университета, я искал себя во всем. Ну, может, не во всем, но во многом. Думал — чем больше перепробую занятий, тем больше шанс, что найду свое Благословение... Или, на худой конец, Проклятье.

— Говорят, так оно и работает, — вставил Герцог. — И много в чем ты себя успел попробовать?

Альдан принялся загибать пальцы.

— В фехтовании, до первого удара тренировочным мечом в пах. В ювелирном деле, до первого ожога. — Альдан продемонстрировал памятный шрам на правом запястье. — В верховой езде, до первого падения, едва не стоившего мне переломанного позвоночника. В игре на музыкальных инструментах, до первой брани преподавателя — обычно она наступала почти сразу. В рыболовстве, до первой порванной сети. В чем еще... — Когда-то Альдану казалось, что он перепробовал едва ли не все, чем занимаются триамнийцы. Теперь он понимал, что список не такой уж и безграничный. — Ах да, в кулинарии, до первой обуглившейся индюшки. Даже, — Альдан покосился на надкаминную полку с оловянными фигурками, — в арканах...

— До первого крупного проигрыша? — опередил его Герцог.

Альдан обреченно кивнул.

— Еле вылез из долгов.

— А я-то гадал, — продолжил Герцог, победоносно поднимая вверх чашу, — чего это ты только наблюдал в тот раз за товарищами. Странная, конечно, логика — не играть

потому, что проигрался. Это все равно, что я перестал бы пить потому, что в как-то раз перебрал с вином и блевал все следующее утро.

— Это не одно и то же.

— А по-моему, так как раз очень даже неплохая аналогия вышла. Впрочем, дело твое, ни в коем случае не намерен тебя уговаривать. Хотя ты и выглядишь интересным противником.

С минуту они молчали, каждый думая о своем. Альдан сверлил взглядом книгу, пробуждая все больше воспоминаний о поисках себя. Внутренний голос так и подбадривал его полистать фолиант, но Альдан твердо решил заняться этим уже у себя.

— А ты сам читал этот том? — решил Альдан поинтересоваться у Герцога.

Тот сделал солидный глоток — видимо, так ему лучше вспоминалось. Затем, поразмыслив, пожал плечами:

— Наверняка. Я перечитал все отцовские книги, так или иначе связанные с Ритуалом, еще когда мне было четырнадцать. Наверное, потому и не решился тогда его пройти — начитался про Проклятия и то, как они порой ломают людские судьбы. Не помню, чтобы читал про случай, похожий на твой... но, Боги Рассвета свидетели, последние годы я много чего не помню — память стала дырявой, как плащ подзаборного нищего. Недоброжелатели говорят, это из-за того, что я много пью. — С этими словами Герцог опустошил очередную чашу и вновь ее наполнил. — Так что кто знает, вполне возможно, ты и найдешь в ней то, что ищешь... — Герцог помолчал, затем вздохнул. — Если тебе интересно, я и в Университет решил пойти не потому, что это престижно и дает мне больше возможностей для карьеры, а чтобы попробовать разузнать, почему Ритуал работает так странно. Ты же согласен, что он работает странно? — Дождавшись утвердительного кивка, Герцог продолжил: — Увы, оказалось, в этих стенах найти ответ невозможно. Ты ведь тоже через это прошел, да?

Альдан снова кивнул. Сделав солидный глоток, чтобы хоть как-то поспевать за Герцогом, спросил:

— Почему же ты именно сейчас начал склоняться к тому, чтобы... рискнуть?

— Сложный вопрос. Я сам задаю его себе каждую ночь, и порой по несколько часов кряду не могу ответить. Вчера вот пришел к выводу, что, наверное, я слишком азартный, чтобы не рискнуть. К тому же... Мне вроде как нужно делать карьеру — возможно, когда-нибудь придется занять место отца в Совете. А архонт, не прошедший Ритуал — такого Триамна еще не знала. Ха. Мне все, кому не лень, будут вставлять палки в колеса. Мой приятель Тэннег... ну, ты ведь запомнил Тэннега, да? Так вот, он вчера сказал, что...

Альдан так и не узнал, что же сказал Тэннег — дверь в гостиную открылась, прервав их беседу. Иолая, успевшая сменить наряд на голубой сарафан, облокотилась о дверную панель и произнесла:

— Не хотела бы отвлекать вас, мальчики, от несомненно важного диалога, но ужин уже начал остывать.

Вздыхнув, Герцог залпом допил вино и поднялся с кресла. Альдан, бережно взяв в руки книгу, последовал его примеру.

— Присоединишься к нам? — спросил у него Герцог.

Соблазн был велик — Альдану совсем не часто приходилось хорошо питаться. Кухня Герцога дорогого стоила — это он отметил еще прошлый раз. Однако Альдан старался придерживаться принципа о важности умения не садиться людям на шею.

— Спасибо большое, но я все же пойду.

Иолая улыбнулась.

— Что, на первом месте насыщение духовной пищей? Милый, а тебе есть, чему у него поучиться.

— Еще бы, — крикнул Герцог. — И наверняка не только этому.

Герцог окликнул Альдана, когда он уже миновал крыльцо и направлялся к слабо освещенной фонарями лестнице:

— Эй, Книгочей.

Альдан остановился и обернулся. В голове промелькнула тревожная мысль о том, что сейчас Герцог потребует отдать книгу обратно.

— Да?

Герцог помедлил, так, что Альдану показалось, что он просто махнет рукой либо пожелает приятной дороги. Но тот все же произнес немного вымученным голосом:

— Думаю, мне не надо говорить о том, что за эту книгу ты отвечаешь головой, правда? Это был риторический вопрос, можешь не отвечать. Просто... так, на всякий случай. Ну, бывай.

И, не дожидаясь ответа, Герцог скрылся за дверью.

Альдан еще раз взглянул на книгу, которую прижимал к груди, как драгоценнейшее из сокровищ. В некотором роде она таким и являлась. Альдан издал вздох облегчения. Наконец-то. Спустя два с половиной года ему удалось раздобыть очередной том «Архивов». Да, это, безусловно, та вещь, ради которой можно было и слегка поступиться принципами. Неужели Боги наконец-то решили вознаградить его за терпение и нежелание «радоваться неведению»?

Все еще не до конца веря в свое счастье, Альдан зашагал вниз по ступенькам, неторопливо, чтобы на радостях ненароком не полететь кубарем вниз. Что ж, буквально полчаса ходьбы — и он, не пожалев свечи, сядет за чтение. А с каждой прочитанной строчкой будет становиться на шаг ближе к разгадке.

На шаг ближе к тому, чтобы наконец понять, чем же его наградили и прокляли Боги Рассвета.

Шелиара Нирааль не помнила, сколько времени прошло с того момента, как, движимая Надеждой, она сбежала из резиденции архонта Кагальзира.

Судя по тому, что солнце успело давно опуститься за горизонт, а по всему городу уже повсюду горели фонари — не меньше нескольких часов. За это время девушка успела обойти едва ли не весь город. Она смутно помнила, как обошла роскошные кварталы Северного района, прогулялась по центральной части столицы, миновав в том числе и Холм, на вершине которого располагался Фонтан Преображения — тот самый источник ее несчастий, от которых она наконец надеялась избавиться, — прошагала с полмили вдоль городского акведука и даже успела посетить несколько кварталов Восточного района. Ноги все чаще начинали ныть и периодически подкашиваться, но Шелиара практически не обращала внимания на такие мелочи. Она пребывала то в сознании, то в некой прострации — в одно и то же время и осознавая, что происходит, и нет... Должно быть, именно так ощущают себя люди, упившиеся вином или еще чем покрепче. Впрочем, Шелиара еще ни разу не напивалась до такого состояния, так что судить наверняка об этом не могла. В любом случае, это были непривычные и странные ощущения. Прежде она таких не испытывала. Еще ни разу Шелиара не позволяла кому-то из Голосов завладеть, даже частично, ее телом — хватало и того, что те копошились, словно пчелы в улье, в ее сознании.

Но тут — другое дело. Ради того, чтобы достигнуть обозначенной цели, Шелиара была готова терпеть и не такие трудности. В конце концов, обещанная награда того стоит.

Так что она стискивала зубы и продолжала идти. Ярд за ярдом, миля за милей оставались позади, а они с Надеждой все двигались, и двигались, и двигались... Какие-то люди, с лицами, что казались ей размытыми пятнами, время от времени подходили к ней и участливо интересовались, все ли в порядке. Шелиара заставляла себя натягивать на лицо улыбку и отвечать, что, разумеется, все хорошо. Просто замечательно. Можно подумать, кому-то из них на самом деле не плевать на ее проблемы. Лицемеры.

«Почему так долго?» — в какой-то момент, не выдержав, спросила она у той, что практически полностью подчинила ее тело.

«Терпение, дитя. Всему свое время».

«Но уже поздний вечер... Возможно, даже ночь...»

«Замечательно. Это именно то, что нам нужно. Осталось лишь найти подходящее место».

«Место для чего?»

«Для того, чтобы пойти по выбранному нами пути, для чего же еще».

«Так ты знаешь, куда мы идем, или нет?»

«Я скажу, когда пойму, что это оно. Не волнуйся. Осталось недолго. Я чувствую: нужное место совсем рядом».

Шелиара тяжело вздохнула, но продолжала идти. Временами она проваливалась в подобие сна, из которого выдергивалась, когда сталкивалась с каким-нибудь прохожим либо же когда оказывалась на очередном перекрестке.

Перекресток... Что-то до боли знакомое таилось в этом слове. Но что именно? Шелиара не могла вспомнить.

А раз не могла — значит, оно и не важно. Разве нет?

Почему-то ей казалось — а может, и не казалось — что с каждым часом ходьбы она все меньше принадлежит себе, и все больше утрачивает контроль над происходящим. Может, это из-за проснувшегося голода и жажды? Когда-то она читала, что такие вещи могут довести человека до безумия. С другой стороны... Ей ли не знать, что представляет из себя настоящее, не прекращающееся ни на секунду безумие?

«Не бойся, дитя, — уже в который раз за вечер подбодрила ее Надежда. — Уже совсем скоро все дурное останется позади. Верь мне. Просто верь».

И Шелиара верила.

И продолжала бродить, как полоумная, по Священному Исхируну, сама не зная, зачем. Несколько раз сквозь заслонку в ее сознании пытались прорваться другие Голоса, но Шелиара не позволяла себе впускать их. Они уже достаточно испортили ей жизнь. Довольно. Их время прошло.

«Не пускай их, иначе начнут сбивать тебя с толку. — Надежда была целиком и полностью на ее стороне. — Просто не думай ни о чем и продолжай идти. Ты достаточно настрадалась, чтобы мучить себя еще сейчас».

Шелиара так и делала.

После того, как они в очередной раз вывернули к одному из каналов городской бухты, Шелиара поняла, что совсем обессилена. Она захотела сесть прямо на тротуар и упрямо заявить, что больше никуда не пойдет, когда в уме раздался полный радости Голос:

«Мы пришли, Шелиара. Вот то, что нам нужно. Мы на месте!»

Она открыла глаза, протерла их дрожащими руками и рассеянно огляделась. Затем посмотрела прямо перед собой.

С большим трудом, но Шелиара узнала это место — в свою прошлую поездку в Исхирун они с отцом посещали эту древнюю, как Летописи Рассвета, столичную достопримечательность.

Перед ней, зловеще нависая над водой, крутой каменной дугой возвышался Мост Королев.

Самый высокий пешеходный мост Священного Исхируна.

«Мост Королев... — В течение минуты Шелиара вглядывалась в высокие каменные своды, в арки на двух концах моста. — Значит, это он станет началом нового пути?..»

Ответа она не получила.

Сама не зная почему, Шелиара подумала о том, что название моста вряд ли могло соответствовать действительности. Насколько она знала из лекций своих танаанских наставников, ни королев, ни королев в Триамне отродясь не было — если верить Летописям Рассвета (а кому могло бы прийти в голову усомниться в их правдивости?), с древнейших времен во главе государства стояли Верховные Иерофанты, а в перерывах между смертью оных и Выборами нового власть брала на себя Временная Ассамблея, из которой впоследствии формировался Священный Синклит. Скорее всего, это название мост получил в те века, когда Триамна именовалась Триамнией и являлась всего лишь частью Великой Гальтийской Империи. Впрочем, сейчас все эти факты не представляли собой никакой ценности для Шелиары.

Ничего не представляло собой ценности.

Ведь она наконец нашла то, что искала. Возможность избавиться от проблем. Возможность ступить на новый путь.

«Мы пришли. Мы на месте, — в каком-то неистовом вожделении зашептала Надежда.

— *Осталось лишь подняться».*

Подняться так подняться. Шелиара уже не пыталась ничего уточнять. Скорее бы все закончилось.

Опустив взгляд вниз, девушка поняла, что сандалии растерли ее ноги до крови. Недолго думая, она сняла их и отбросила в сторону.

«Правильно. В новом пути они тебе не понадобятся».

Шагая босыми ногами по холодному камню, Шелиара начала подъем.

Идти пришлось долго — к триумфальной арке, обозначающей начало моста, с набережной вела довольно длинная (по меркам Шелиары) лестница. К счастью, выдолбленные в камне ступени оказались не высокими. Чтобы совсем не потерять сознание, Шелиара попробовала было считать их — но сбилась еще на втором десятке, после чего оставила эту безумную затею.

«Давай же, давай! — Надежда всячески подбадривала ее. — Последний рывок, и ты обретешь, что искала все это время!»

Мимо нее проходили люди. Бросали косые взгляды, неодобрительно качали головой. Краем сознания Шелиара предположила, что некоторые из них наверняка думают, будто она пьяна. Неужели она действительно производит сейчас такое впечатление?

А, впрочем, если и так, то что?

Какое вообще ей сейчас дело до того, что могут о ней подумать люди?

Да никакого.

«Представь, какая жизнь ждала бы тебя, останься ты там, — нашептывала Надежда, не позволяя ей потерять сознание на ходу. — Пару недель предсвадебной суеты, а потом... Жизнь в вечном рабстве у Кагальзира... Ты не заслуживаешь такого, уж я-то знаю».

В какой-то момент ступени закончились. Шелиара обнаружила себя перед мраморной триумфальной аркой.

«Еще чуть-чуть...»

Шелиара миновала арку и, пошатываясь из стороны в сторону, двинулась вперед. Шаг. Еще. И еще несколько.

Наконец, она услышала указание остановиться.

— Мы... — Шелиара поняла, что язык с трудом ей повинуется. — Мы... на месте?

«О да. Мы пришли».

Шелиара поняла, что замерзла и вся дрожит, как осиновый лист. Здесь, на открытом мосту, ветер налетал на нее со всех сторон, обдувая своим безжалостным ледяным дыханием. Босые ноги также промерзли. Не удержавшись, Шелиара несколько раз чихнула.

— Что... — Мысли блуждали, заставляя обо всем спрашивать ту, что привела ее сюда. — Что теперь?

«Подойди к краю».

Она повиновалась. Подошла и ухватилась руками за тянущиеся вдоль моста отдающие ржавчиной перила.

«Посмотри вниз. Что ты видишь?»

Шелиара посмотрела.

— Я вижу... — Она потерла глаза пальцами и проморгалась. — Вижу воду...

«Темная вода. Такая мягкая. Такая спокойная. Такая приветливая. Ведь так?»

— Мягкая... приветливая... да...

«Что еще ты видишь? Приглядиись своим истинным зрением».

Шелиара пригляделась, как было велено. Сосредоточиться оказалось крайне тяжело, но она постаралась. Что там на самом деле?..

«Видишь лунную дорожку, что скользит по водяной глади своим серебром? Проворная, как змея. Манящая, как сладкий сон».

— Да... вижу...

«Теперь ты видишь? Там, внизу, не вода. Там — покой и избавление. Там — другой путь».

— Другой... путь...

Да, все именно так, как говорит Надежда. Лучшая из Голосов. Единственная, кто по-настоящему ее понимает.

Откуда-то из глубин сознания внезапно всплыл смутный образ: пожилая женщина, обнимающая ее и что-то говорящая о том, чтобы она не позволила им свести ее с ума... Когда это было? На днях? Или несколько лет назад? Шелиара утратила привычное ощущение времени. Впрочем, неважно. Безумие скоро закончится. Надежда ей пообещала. Ведь так?

«Все так, дитя. Путь Избавления заждался тебя. Ты готова ступить на него?»

Кивнув, Шелиара медленно поднесла к лицу правую руку. Хмыкнула, обнаружив на среднем пальце золотое кольцо. Она попыталась было снять его как память о неприятном прошлом, но оно упорно не желало слезать с пальца.

Ну и Сумерки с ним. В конце концов, это всего лишь кусок металла. Пусть и такого, за который люди готовы лишать друг друга жизнью.

Придерживая подол платья, Шелиара подняла ногу и переставила ее по ту сторону перил, на узкий каменный выступ. Затем проделала то же самое со второй ногой, после чего крепко ухватилась за перила позади себя. Шумящий в ушах ветер азартно трепыхал ее платье и волосы.

«Успокойся, Шелиара. Все дурное осталось позади, ты же знаешь. Подумай о хорошем. О том, чтобы больше не страдать от безумия. О том, чтобы не быть игрушкой в руках власть имущих. О блаженном спокойствии... Представь это».

Она представила. Почти сразу ей стало спокойнее. Умиротворение захлестнуло ее, запеленав, точно младенца, с головы до ног.

«Вдохни этот свежий ночной воздух полной грудью. Ты чувствуешь, что он пахнет спокойствием и свободой, правда?»

— Да... — Шелиара уже особо не задумывалась, что именно говорит ей Надежда. Главное, что она больше не живет в страхе перед будущим. — Спокойствием... Свободой...

«Никакого безумия».

— Никакого... безумия...

«Никаких Голосов».

— Никаких... Голосов...

«Давай же!»

Где-то в стороне загомонили люди. До ее ушей доносились какие-то вопросы. Кажется, ее даже о чем-то просили. Пусть. Ей было безразлично.

Шелиара улыбнулась — почему-то сквозь слезы... И откуда только они взялись? Наверное, это слезы блаженства...

«Ну же! Делай, что должна! Ступай на Путь Избавления!»

Почему-то ей захотелось мысленно попросить у всех прощения. Странно. С чего бы это? Кто еще у кого должен просить прощения...

Удерживая устойчивое положение, Шелиара медленно оторвала руки от перил и вытянула их перед собой. Сделала глубокий вдох.

Затем долгий-долгий выдох.

И прыгнула.

Альдан толком и не понял, как все произошло.

Он неторопливо двигался вдоль набережной, погруженный в мечты о скором чтении полученного тома «Архивов Благословений», когда услышал откуда-то издалека отдаленные тревожные вскрики. Скорее инстинктивно, чем из любопытства, Альдан повернул голову в направлении звуков. В этот момент что-то мелькнуло впереди в воздухе — будто резкий штрих прорезал сверху вниз картину рукава бухты и величественно нависающего над ней Моста Королев. Секундой спустя раздался характерный звук — громкий шлепок, который бывает лишь от удара человеческого тела о воду.

Заинтригованный, Альдан остановился и взглянул туда, где брызги взметнулись фонтаном над темной водой и почти сразу же улеглись обратно. Упавший, кем бы он ни был, ушел под воду с головой. Крики на мосту не стихали. Вновь подняв глаза кверху, Альдан увидел столпившихся у перил моста людей, указывающих пальцем на место падения. Кажется, кто-то из них кричал про самоубийцу. Еще кто-то призывал помочь спрыгнувшему. Или наоборот — что поделом ему; Альдан находился слишком далеко, а потому не мог разобрать.

Юноша растерянно покосился по сторонам. Несколько знатно разодетых прохожих, как и он, остановились и с легким интересом наблюдали за местом происшествия, но никто из них, Альдан готов был поклясться сжимаемым в руках томом «Архивов», не собирался предпринимать никаких действий. Абсолютно никаких. Альдан вновь посмотрел на темную гладь бухты. Внезапно на поверхности показалась голова и две отчаянно трепыхающиеся руки. Кем бы ни был спрыгнувший (или упавший), тонуть ему, похоже, не шибко-то хотелось. Спустя секунду голова скрылась под водой. Интуиция подсказала Альдану, что такими темпами тот человек скоро пойдет напрямиком ко дну. Если, конечно, никто не решится...

На принятие решения у Альдана ушло несколько томительных секунд, растянувшихся в вечность.

Чертыхнувшись в лучших школярских традициях, Альдан стремглав бросился в сторону воды. Обогнул тускло светящий фонарь, растолкал пожилую пару, в ужасе уставившуюся на место падения, остановился у каменной изгороди, отделявшей пешеходную часть набережной от пирса. Сбоку, ярдах в двадцати, к пирсу спускалась лестница, но оббежать через нее времени не было. Немного помедлив, Альдан бережно прислонил герцогскую книгу к изгороди, затем перемахнул через нее и спрыгнул на пирс. Отряхнувшись, поднялся и, подбежав к его краю, остановился. Сообразив, что бросаться в воду в таком виде не самая лучшая идея, он сбросил с себя накидку и снял башмаки — по-хорошему, стоило также снять рубаху и штаны, но эта процедура заняла бы уж слишком много времени. Альдан слегка замешкался, оценивая масштабы происшествия — на вскидку, проплыть придется пару дюжин ярдов, не меньше. Хотя с глазомером, как и с фантазией, у него всегда было неважно. Наконец, набрав побольше воздуха в легкие и пробормотав отдаленное подобие молитвы Богам Рассвета, Альдан нырнул с головой в воду.

Ледяная вода мигом выветрила из его организма винные пары.

«Какого сумеречного демона я вообще делаю?!» — подумал Альдан, вынырнув.

Прищурившись, он разглядел место, где упавший периодически уходил под воду и вновь

показывался на поверхности. Прилагая недюжинные усилия, Альдан поплыл в нужную сторону. Ему случалось плавать и раньше, и проблем с этим никогда не возникало, но дело-то происходило не в исхиронской бухте. И уж тем более не в последних днях осени.

Холод пробирал до костей, заставляя его скрежетать зубами. Часть разума Альдана — предположительно та, что отвечала за логику поступков — настойчиво требовала, чтобы он повернул назад. Еще ведь не поздно. Он понимал, что чем дальше — тем хуже. Хорошо, если он после всего этого отделается кашлем или простудой.

«Зачем. Мне. Это?!»

И все же, игнорируя соблазны поскорее вернуться обратно на берег, Альдан плыл, напрягая изо всех сил мышцы спины, рук и ног. Плыл туда, где несколько секунд назад видел упавшее тело. Кто это был? Ради какого идиота он рискует своим здоровьем, а то и жизнью? Наверняка ведь ради какого-то отчаявшегося бездомного или пьяницы. Или и того, и другого в одном лице. Сколько времени тот еще сможет удерживаться на плаву? Однозначно недолго. Впервые за два с лишним года жизни в столице Альдан задумался о том, какова глубина исхиронской бухты. Должно быть, не самая маленькая.

С моста продолжали что-то кричать про самоубийцу. Кто-то, кажется, обращался к нему, призывая не гробить еще и свою жизнь, и повернуть обратно. Мимоходом Альдан вспомнил, что в Рассветных Канонах есть правило, запрещающее мешать тем, кто захотел свести счеты с жизнью. Какие все на мосту, однако, благочестивые. Ну и Сумерки с ними.

Похоже, неудачливый самоубийца продолжал инстинктивно цепляться за жизнь, наотрез отказываясь тонуть. Альдан когда-то читал о таком: вроде ты и поставил цель поскорее умереть, а вроде это оказывается не так уж и просто. Один из многочисленных жизненных парадоксов, не иначе.

Цель тем временем приближалась. Показавшийся над водой прыгун чуть побарахтался и, нелепо помахав руками, вновь скрылся под водой. Альдан пробормотал пару проклятий и активнее зашевелил руками и ногами. Из-за липнущих к телу штанов и рубахи плыть становилось все тяжелее.

«Клинок Отнимающих мне под ребра, какая же ледяная вода!»

Альдан понял, что им овладевает паника. Он подплывает, но что делать дальше? Школяр напряг память, попытавшись вспомнить, читал ли он о спасении утопающих. Кажется, было дело. Только вот подробности никак не желали вспоминаться.

Он оказался почти на месте, когда из темных глубин высунулась рука с поблескивающим в редком свете фонарей и полумесяца кольцом на среднем пальце. Альдан метнулся к руке, ухватил крепко, как только мог, дернул на себя. Следом за рукой на поверхности показалась голова и верхняя часть тела. Лицо утопающего было занавешено длинными темными локонами.

«Девушка???»

От удивления Альдан разинул рот так широко, что лишь чудом не хлебнул воды. Собравшись с силами, он подплыл максимально близко к девушке. Свободной рукой убрал волосы с ее лица. Девушка жадно хватала ртом воздух, а левой рукой неистово шлепала по воде.

— Хватайся за плечи! — прокричал Альдан ей в лицо.

Та вроде бы слышала его. Однако вместо плеч девушка почему-то схватилась за его рубаху и потянула на себя с такой звериной прытью, что Альдан тут же ушел под воду вместе с ней. С трудом расцепив схватившие его руки и вынырнув обратно, он подобрался

максимально близко к девушке, встряхнул ее как следует за плечи и прокричал что есть мочи:

— Не топи... — Говорить на этот раз оказалось крайне тяжело. — Меня! Хочешь жить... — Тяжелый вздох. — Хватайся за плечи... но не топи! Ясно?!

Он вперил в нее взгляд. Та глядела на него безумными глазами — нет, похоже, ничего ей не было ясно. Альдан начал было размышлять о том, как бы ей объяснить то же самое подоступнее, когда девушка вцепилась в его плечи руками и вновь утянула под воду. Альдан едва успел сделать вдох и вовремя прикрыть рот.

«Ладно, придется самому».

Подождав, пока девушка расцепит хватку и инстинктивно устремится обратно к поверхности, Альдан последовал за ней. Наконец вспомнив некогда прочитанные истории об утопающих, он осознал, что права на ошибку нет — его (да и, скорее всего, ее) силы были на исходе. Видимость оставляла желать лучшего, но выбирать не приходилось. Альдан завел свою левую руку со стороны спины девушки, протянул под ее левой подмышкой и крепко ухватил за правое плечо. Сжал в меру крепко — чтобы и не раздавить, и не дать выскользнуть. Вдвоем они вынырнули на поверхность. Девушка дернулась пару раз, но Альдан не ослабил хватку.

— Что... — Девушка не договорила, закашлявшись.

Альдан не стал больше тратить время на бессмысленные разговоры. Гребя одной лишь правой рукой, он поплыл обратно. С брыкающимся грузом это оказалось едва ли не в десять раз сложнее.

«Отлично, спасатель хренов, — пронеслось у него в голове. — Теперь мы оба пойдем ко дну».

К счастью, девушка оставила безнадежные попытки высвободиться и повисла на нем, как мертвец. Альдан отбросил из головы все лишние мысли и заставил себя сконцентрироваться на плавании. Рука, ноги, рывок. Не обращать внимание на галдящих на мосту. Рука, ноги, рывок. Дышать носом. Выровнять курс. Рука, ноги, рывок...

Перед берегом он задался новым вопросом: куда плыть? Пирс был высоким; забраться на него со стороны воды в одиночку еще можно было, но никак не вдвоем. К счастью, чуть левее от того места, где он прыгал, пирс снижался, превращаясь в подобие причала для лодок. Альдан поплыл туда.

До вожденной тверди можно было почти что дотянуться рукой, когда его правую ногу пронзила судорога. Альдан сдавленно вскрикнул, всеми силами удерживаясь на плаву. Пробормотал нечто среднее между молитвой и проклятием. Пересиливая боль, постарался распрямить ногу. Судорога чуть отступила.

Рука, нога, рывок...

Альдан заметил железную лестницу, поднимающуюся на пирс. Подгреб к ней, сжимая зубы с такой силой, что они грозили разорвать друг дружку на мелкие осколки.

Чертыхаясь так, что обзавидовался бы последний городской сапожник, с третьей попытки Альдан сумел-таки вытолкнуть трепыхающееся тело на причал. Затем, цепляясь за лестницу дрожащими руками, из последних сил выкарабкался сам. Отхаркавшись водой, он обессиленно повалился спиной на доски, уставившись лицом в черное небо Священного Исхирона. Одинокая луна и несколько блеклых звезд безразлично созерцали его страдания. Вырывавшиеся из груди вздохи заглушали все прочие звуки. Казалось, еще чуть-чуть, и они напрочь разорвут его грудную клетку. Хвала Богам, хотя бы судорога окончательно исчезла.

Прошло с минуту, а то и две — с момента погружения в воду время утратило для Альдана свое привычное течение — когда он заставил себя повернуться и проверить, все ли в порядке с девушкой. Та стояла на карачках и, скорчившись, блевала водой. Или не водой, кто там разберет.

«Вроде жить будет», — вынес вердикт Альдан, после чего вновь плюхнулся на спину.

Холод овладевал им все сильнее и сильнее, но он не мог заставить себя пошевелиться — слишком много сил ушло на спасение утопающей. Умом Альдан понимал, что надо вставать, причем срочно, иначе все кончится плачевно. Впрочем, вероятность плачевного исхода и без того казалась крайне высокой. Тело же наотрез отказывалось двигаться и требовало хоть немного отдыха.

Впереди них, по проезжей части набережной прогрохотала карета. Альдан услышал пьяный смех, направленный определенно в их сторону и комментарии вроде «да, в такую жару только и купаться» и «может, и нам стоит слегка охладиться?». Альдан ничуть не удивился подобной реакции.

— Эй, ребята, как водичка? — под всеобщее ржание окликнул их пьяный голос.

«Богатенькие ублюдки, катитесь своей дорогой», — пожелал им Альдан. Вслух отвечать он, разумеется, не стал.

Наконец, когда карета укатила прочь и голоса стихли, ему удалось перебороть себя. Все еще тяжело дыша, школяр поднялся на ноги. Ступни мерзли без ботинок. Да и не только ступни: все тело дрожало от холода. Альдан посмотрел по сторонам, смутно надеясь, что кто-нибудь выйдет к ним из темноты и предложит если не кружку горячего напитка, то хотя бы шерстяной плащ. Но нет — как назло, вокруг ни души. Даже с моста, похоже, все зрители разбрелись по домам. Альдан вспомнил про Рассветные Каноны. Точно, все исхиронцы ведь такие благочестивые. Не то что он.

Наконец Альдан посмотрел на ту, которую вытащил из воды. Вся бледно-синяя, девушка теперь сидела, обхватив руками колени, и, бессмысленно уставившись в одну точку, стучала зубами от холода. Приглядевшись, Альдан не мог не отметить, что, несмотря на откровенно жалкий вид, девушка определенно отличалась красотой. Не Иолая, конечно, но и далеко не дурнушка. И платье на ней надето также не из дешевых. Да кто она, демоны его дери, такая?!

Приведя дыхание в норму, Альдан принялся обдумывать, что же делать дальше. Теперь его пробирала злость. В первую очередь, на себя. Во-вторую, на эту безмозглую, что чуть не заставила его окончить свои дни на дне исхиронской бухты. Интересно, какова была бы реакция его друзей на такое событие? Рибан почти наверняка бы расстроился — но лишь потому, что пришлось бы подыскивать новую кандидатуру, на действиях которой можно выманить у Синта жаворонка за жаворонком.

Альдан понял, что думает отнюдь не о том, о чем нужно. Склонившись над девушкой, он услышал, как та что-то еле слышно бормочет. Может, шепчет благодарственные псалмы Богам Рассвета? Или же просто разговаривает сама с собой?

— Эй. — Он легонько потрепал ее по плечу. — Э-эй, ты как? Говорить можешь?

— Х-холодно... — прошептала девушка дрожащими синими губами.

Не удержавшись, Альдан всплеснул руками.

— Что, правда холодно?! Да неужели! Ты сиганула в воду с Моста Королев, чего ты еще ожидала по приземлении? Что на дне бухты — горячие источники? И откуда ты такая прыгучая взялась, а?..

Девушка не ответила. Даже никак не обозначила, что поняла его — все также

продолжала сидеть и периодически бормотать что-то невнятное. Что-то про архонта, голоса и перекресток.

«Должно быть, у нее шок, — наконец предположил Альдан. — Ну, либо она просто двинутая на всю голову. В любом случае, пожалуй, не стоит ее отчитывать».

Подуспокоившись, он сделал глубокий вдох и медленный выдох. Упершись кулаками в бока, безапелляционно заявил:

— Значит так. Тебе нужно высушить одежду и согреться. И как можно быстрее. Вечные Сумерки! Куда тебя отвести? Где твой дом?

Девушка отчаянно замотала головой. Бессвязное бормотание наконец переросло в нечто членораздельное.

— Нет... Нет, нет, нет... Клятый Перекресток... Я не могу вернуться туда... Я все испортила... Не так истолковала аркану... Почему я ее послушала... Боги Рассвета, какая же я дура! — И, вдобавок ко всем прелестям, девушка разревелась.

«Ну чудесно, — мысленно вздохнул Альдан. — Да, давайте поплачем — сейчас ведь самое подходящее для этого время».

Стараясь не злиться, он недоумевающе почесал затылок и попробовал понять, что девушка имела в виду. Не может вернуться? Не так истолковала аркану? Да что за бред она вообще несет? Может, она действительно самая настоящая сумасшедшая? Несчастливая, полностью лишившаяся рассудка? Кажется, в одном из томов «Архивов Благословений», что он читал два с половиной года назад, упоминалось нечто схожее...

Да уж. К такому жизнь его не готовила.

— Ладно. Понятия не имею, про какие арканы и перекрестки ты там бормочешь, но, если я правильно понял, идти тебе некуда. Так?

Продолжая рыдать, девушка кивнула.

«Ух ты, а у нас даже начинает возникать отдаленное подобие диалога».

— И что ты мне предлагаешь с тобой делать?

На пару секунд рыдания прекратились. Девушка посмотрела на него более-менее адекватным взглядом и покачала головой:

— Не надо со мной ничего делать... И вообще, не надо было вытаскивать меня оттуда! Зачем ты приплыл туда? Дурак! Оставь меня. Уйди. Уйди прочь! — И она вновь разревелась.

Пытаясь не обращать внимания ни на сказанные ею слова, ни на пробиравший до костей холод, Альдан продолжил рассуждать вслух:

— Дай-ка подумать. Тут я тебя не брошу — ты ведь околеешь и помрешь; получится, что я и себе здоровье угробил, и твои предсмертные мучения продлил... Так, прекращай давай реветь, тебе ведь не десять! — Как ни странно, это подействовало: рыдания стали тише. — Хм... В наш общежительный барак я тебя взять не могу — за такое меня сразу выгонят на все четыре стороны. — Внезапно к нему пришла идея. Не хотелось, конечно, к ней прибегать, но другого выхода Альдан попросту не видел. — Да уж. Вот бы не подумал, что когда-нибудь до этого дойдет... Но, похоже, выбора у нас нет. Так, давай поднимайся.

— Оставь меня...

— Я сказал, поднимайся!

Девушка продолжала сидеть и тихонько всхлипывать.

Помотав головой, Альдан присел перед ней на корточки и, размяв пальцы правой ладони, вlepил ей две легонькие пощечины. Девушка сдавленно вскрикнула. Поднялась, отскочила от него, посмотрев глазами напуганной кошки.

— Слушай, — Альдан вложил в голос всю строгость, на которую только был способен, — мне все равно, что за катастрофа у тебя произошла, что ты решила сброситься с Моста Королев, но если мы сейчас же не пойдём туда, где есть огонь, то оба подохнем! Так что кончай ныть и следуй за мной! Я понятно изъяснился?!

На этот раз в глазах девушки мелькнула искра понимания. Чуть поразмыслив, она закусила губу, а затем кивнула.

Махнув ей рукой, Альдан зашагал к той части пирса, откуда спрыгнул в воду и где оставил ботинки с накидкой.

— Куда... — раздался позади робкий голос. — Куда ты собрался меня вести?

— К одному моему приятелю. У него особняк тут неподалеку. Минут десять-пятнадцать ходьбы.

Альдан услышал, как девушка резко затормозила. Обернувшись, он увидел, как она завертела головой. В глазах ее вспыхнул ужас узнавания.

— Это же... Северный район?

— Он самый. Ты имеешь что-то против? — Альдан не скрывал раздражения. Боги, да что не так с этой девушкой? — Хочешь, могу отвести куда-нибудь в южные трущобы?

Девушка замаялась. Что-то определенно ее останавливало. Наконец, она еле слышно проговорила:

— Ладно. Надеюсь, это не рядом...

— Не рядом с чем? — уточнил Альдан.

Девушка помотала головой, будто отгоняя неприятные воспоминания.

— Неважно. Ладно, веди меня. Хуже уже не будет.

Альдан решил ничего не отвечать на этот комментарий.

Они дошли до места, где лежала нетронутой его накидка и ботинки. Немного повозившись, Альдан натянул ботинки поверх промокших портянок. Поразмыслив, принялся стягивать с тела липнущую к коже рубаху. Та давалась с трудом.

— Э. Слушай. — Альдан решил как-то разнообразить свое раздевание. — Наверное, я должен был спросить раньше, но что-то не было повода. Как тебя зовут-то?

Девушка, впервые за все время, взглянула на него с интересом и даже попыталась изобразить очень-очень отдаленное подобие улыбки.

— Я Шелиара. Шелиара Нирааль.

— О, так ты из благородных?

Что ж, это многое объясняло. Взгляд Альдана метнулся к золотому кольцу на среднем пальце правой руки девушки. Еще и обрученная. Мда. Свезло так свезло. Поразмыслив, Альдан решил пока что не вдаваться в подробности ее личной жизни.

— Ну, а я Альдан. Просто Альдан. Сказал бы — рад знакомству, но что-то пока не уверен в этом. — Наконец, ему удалось снять рубаху. На голый торс он набросил накидку и закутался в нее как можно плотнее. — Ладно, осталось прихватить одну вещь и можем идти.

Оставив за спиной пирс, они поднялись по лестнице и вскоре подошли к месту, где Альдан лихим прыжком перемахнул изгородь.

«Так, где-то здесь...»

Время остановилось. Альдан судорожно заозирался, как будто книга могла за это время превратиться в аккаовскую черепашку и отползти куда-то в сторонку.

Но нет, книги нигде не было. Людей, которые могли бы что-либо подсказать по этому

поводу — тоже.

— Я точно положил ее сюда. Проклятье! — Он до крови закусил губу. — Да где же она...

— Ты... что-то потерял? — спросила Шелиара.

Проигнорировав вопрос, Альдан сжал кулаки.

— Сволочи... Будьте вы прокляты, сумеречные мрази! — Альдан в жизни так не ругался, тем более в присутствии девушки. Но сейчас его это нисколечко не смущало. — Да как вы посмели...

— У тебя что-то украли?

Альдана, наконец, соизволил ответить:

— Именно. Причем вещь, которая принадлежала не мне. До одури дорогую вещь...

Пожилая пара, мимо которой он промчался? Или те, что ехали на карете? Кто-то еще? Хотя... Какая, к Отнимающим, теперь разница.

«Кто бы это ни сделал, Герцог точно меня убьет».

На секунду Альдан даже остановился, не уверенный, стоит ли вообще показываться на глаза Герцогу без книги. За эти две встречи тот, безусловно, проявил себя исключительно с лучшей стороны — подобного от представителя столичной элиты Альдан никак не ожидал — но, Боги, он не раз самолично наблюдал, как подобные инциденты мгновенно пробуждают в человеке все его худшие стороны. Как из милейших добряков люди за секунду превращаются в высокомерных эгоистов, которым неведомо сочувствие и сострадание.

«Думаю, мне не надо говорить о том, что за эту книгу ты отвечаешь головой, правда?» — вспомнились ему брошенные вдогонку слова Герцога.

Голова ему все еще была нужна. Но если не идти к Герцогу, то куда? Немногочисленные друзья, как и он, ютятся в комнатах университетского общежития.

Похоже, выбора нет. Придется рисковать.

В конце концов, ему не привыкать.

Холод все настойчивее давал о себе знать, так что Альдан решился.

— Сможешь идти быстро? Говорят, помогает немного согреться.

Шелиара кивнула, и скорым шагом они двинулись по улицам северных кварталов.

«Променял том «Архива Благословений» на какую-то сумасшедшую, хоть и симпатичную дуру, — на очередном повороте посетила Альдана непрошенная мысль. — Да уж, Рибан мной определенно будет гордиться. М-да. И в кого это я такой кретин?»

Наллар нор Керрано, гальтийский соглядатай Гильдии Всевидящей Башни Его Королевского Величества, уже много лет считал, что знает свои недостатки не хуже, чем пять пальцев правой руки.

Он знал, например, что иногда не сдерживает язык за зубами — потому, помнится, его и отправили желторотым двадцатилетним птенцом сначала в Кирикийские княжества, а затем и вовсе в Сельвидийский султанат, откуда он выбрался живым и невредимым лишь милостью Всематери. Он знал, что может выпить лишнего — особенно когда длительное пребывание вдали от дома становилось невыносимым бременем. Он даже готов был признать, что порой получает толику удовольствия от расправы с язычниками. Теми, кто этого заслуживает, конечно же.

Но Наллар никогда бы не подумал, что его слабой стороной станет перевоплощение жителя одноязычной страны.

Подумать только — какой-то жалкий триамнийский торговец (да еще и пряностями) раскусил его буквально за час. Позор на его лысеющую голову.

Стыд и позор.

Наллар прекрасно осознавал: еще одна такая неудача, и Кельта, его ненаглядная жемчужина, останется без мужа, а дочери — чудесные белокурые близняшки Олайя и Ульхайя — без отца.

Так что больше никаких ошибок. Никаких, даже самых незначительных, оплошностей.

Он должен воплотиться в провинциального триамнийца, жаждущего пройти этот трижды проклятый Ритуал, и разорви его Черный Хагор, если он не сможет этого сделать. Хвала Всематери, у него появился спутник, который может в этом помочь.

За последние двое суток, прошедших с момента роковой встречи в «Одиноком пилигриме», Наллар потратил достаточное количество времени, обдумывая, что послужило причиной провала — кроме, само собой, того, что он вообще вздумал заводить беседу с незнакомцем — и пришел к выводу, что во всем виновато время. Точнее, его отсутствие.

Наллар хорошо помнил, как все произошло.

Как он возился с крышей амбара позади дома, когда его, впервые за мирные пять лет, вызвали в Башню и изложили суть миссии. По достоверным источникам, Верховному Иерофанту Триамны осталось недолго — значит, в скором времени грянет формирование Временной Ассамблеи, затем Священного Синклита, а потом состоятся и сами Выборы. Разумеется, желательно было проконтролировать, чтобы эти Выборы не обернулись для Гальтии боком: кто знает, какой политики может придерживаться новоизбранный Верховный — вдруг решит, например, что пора бы навеститься к северным соседям в гости. С двухсоттысячной армией. Во избежание таких сюрпризов ему и поручили инкогнито пробраться в Исхирон, где следует примкнуть к группе гальтийцев, что уже давно и прочно обосновались в столице, после чего получить дальнейшие указания от главы миссии.

Казалось бы, все предельно просто и понятно. Только вот на подготовку к столь важной миссии ему дали не несколько недель, как раньше, а всего-навсего трое суток.

Трое суток, Всематерь!

Разумеется, за это время он подготовился, как мог — прочитал все, что успел, об истории страны, о Совете Архонтов и Ордене Хранителей Триамны, о культе Богов Рассвета.

о Ритуале Преображения, о Благословениях и Проклятьях... Но кто бы в здравом уме мог предположить, что в первую очередь ему стоило найти информацию об игре в арканы? Да никто.

Хвала Всематери, что не позволила ему так позорно окончить миссию государственной важности в самом начале. Что было бы, окажись на месте странноватого, но лояльного к иноземцам Ойлегера куда менее дружелюбный триамниец? Ничего хорошего, это точно. Гальтийцев в Триамне не любили, и это еще мягко сказано. Насколько было известно Наллару, на них срывались за те десятилетия, что Триамна провела в составе Великой Гальтийской Империи — единственном периоде в истории Триамны, когда Фонтан Преображения был закрыт для Ритуалов, а сан Верховного Иерофанта упразднили как таковой. Вроде бы все осталось в прошлом, но нет. Наллар успел начитать и послушаться историй о том, как опознанных гальтийцев буквально на улицах забрасывали камнями или вздергивали на самодельной виселице.

И эти язычники еще мнят себя жителями самой просвещенной страны Юга.

Ну ну.

Складывалось впечатление, что Триамна — не меньше, чем сосредоточение разврата и мракобесия не только Южных земель, но и всего Четвероземья. Наллар был уверен, что, добравшись до мало-мальски приличного города, убедится в этом своими собственными глазами.

— Тпррррр! — раздалось спереди, прерывая глубокомысленные размышления Наллара.

Послышалось непродолжительное ржание, и повозка замедлила ход, а через полминуты и вовсе затормозила. Похоже, Ойлегер решил устроить дневной привал. Наллар поймал себя на мысли, что рад этому. Времяпровождение в компании торговца, как ни странно, ему нравилось все больше и больше. Этот триамнийский язычник удивительнейшим образом располагал к себе — то ли своей спокойной рассудительностью, то ли неунывающим настроением, то ли тем, что относился к нему — иноземному шпиону — как к обычному человеку. Может, и тем, и другим, и третьим.

Перебравшись через тюки и мешки, от приторного запаха которых у него то и дело кружилась голова, Наллар спрыгнул с повозки. Окружающая их местность в корне отличалась от той, по которой он добирался до «Одинокого пилигрима». Похоже, они сделали остановку в районе типичных сельских поселений и угодий — куда ни глянь, вокруг простирались прямоугольники вспаханных полей, между которыми ютились редкие холмики и сбросившие лиственный покров рощи, а у самого горизонта по левую и правую руку можно было разглядеть ряды крестьянских домиков. Знакомые пейзажи.

«Мы точно не в Гальтии?» — промелькнула у Наллара непрощенная мысль.

Оставив лошадей и повозку у обочины, Наллар и Ойлегер отошли с тракта вглубь ближайшей рощи и расположились неподалеку от вяло текущего ручейка. Вода в нем оказалась на редкость приятной на вкус. Костер разводить нужды не было: они перекусили купленными накануне копченой рыбой, хлебом и фруктами.

Покончив с едой, Ойлегер смачно рыгнул, похлопал себя по чуть выпирающему животу и с азартом посмотрел на Наллара:

— Ну что, шпион? Готов проиграть несколько жаворонков?

Наллар сморщил лоб.

— Я бы попросил не называть меня так.

— Да ладно тебе. Ты ведь шпион.

— Если уж на то пошло, — хмыкнул Наллар, — я мирный гальтийский соглядатай. Да и вообще — тебе не рассказывали, что у деревьев есть уши?

— Такой уж мирный. — Недоверчиво фыркнув, Ойлегер достал колоду аркан и принялся перетасовывать ее. — Я помню, как ты в трактире рукой под стол полез. Так и хотел меня прирезать прямо там. Видел бы ты свою взбешенную харю со стороны.

Наллар не сдержал улыбки, попробовав это представить. Наверняка то еще зрелище. Что-то он подразучился сдерживать эмоции. Утратил былую хватку, так сказать. Ничего, он еще сумеет наверстать упущенное. Такие навыки не пропиваются.

Гальтиец перевел взгляд на мелькающие между ладонями торговца арканы. За эти двое суток Ойлегер неплохо поднатаскал его в игре. Странное дело — не такой уж и глупой она оказалась. Да, многое в ней зависело от удачи, особенно когда игра велась один на один... Но по сравнению, к примеру, с игрой в кости — излюбленным времяпровождением гергельярцев — она оказалась не в меру осмысленной. Иногда даже непростой для принятия решений. Возможно, его величество король Ваганнамар слегка погорячился, когда в свое время запретил эту игру в Гальтии, хотя на то наверняка имелись веские причины — в первую очередь, политические. Наллар слегка стыдился признаваться, но в последних партиях он даже начал получать удовольствие от игры. Особенно, конечно же, от побед. Их, правда, набралось немного — торговец то ли был везуч, как собака, то ли читал все его действия, как открытую книгу — но оттого редкие выигрыши становились еще приятнее.

Наконец, Ойлегер закончил тасовать колоду и быстрыми движениями разбросал каждому по пять аркан, затем положил перед собой бронзовую монету. Наллар поступил аналогично, после чего взял в левую руку розданные арканы.

Слева направо с пятиугольных картонок на него пристально смотрели старец дня, ремесленник рассвета, нищий утра, старец ночи и иерофант ночи. Начало не особо перспективное — всего лишь две арканы одной масти. Впрочем, бывает и хуже.

Последняя вчерашняя партия осталась за Ойлегером, так что тот, недолго думая, бросил на свалку старца вечера и добрал аркану из колоды — первые три-четыре круга торговец почти никогда не брал арканы со свалки; сохранял интригу, не давая понять, какую масть собирает. Наллар призадумался — кого сбрасывать. Точно не одну из ночных аркан — они перспективны. Из трех оставшихся... Пожалуй, стоило приберечь дневного старца — их два в руке, и третий только что попал на свалку. Быть может, будет смысл собирать не масть, а старцев. Правда, пока что стратегия со сбором пяти одинаковых аркан ни разу не сработала — вчера, например, он дважды собирал четырех лекарей и четырех солдат, но, пока искал в колоде пятого, торговец заканчивал сбор масти. Обидные поражения.

Еще немного помедлив, Наллар отправил на свалку утреннего нищего — от нищих стоило избавляться как можно раньше, пока нет нужды брать аркану со свалки. На смену нищему пришел слуга рассвета.

Почесав щетину, Ойлегер сбросил ночного пилигрима и вновь взял аркану из колоды. Наллар обратил внимание, что на этой аркане пилигрим выглядел в точности, как он сам — средних лет, с чуть вытянутым лицом, обросшем густой щетиной, с едва заметными залысинами, в невзрачной поношенной одежде...

«Сосредоточься, — приказал он себе. — А не то к Священному Полуострову придется переквалифицироваться из пилигрима в нищего».

На этот раз Наллар задумался на дольше. Выбор был непростым. В руке он держал две арканы рассвета и две ночи. А также старца дня. Что собирает Ойлегер? Пока что он

сбросил арканы ночи и вечера; выводы делать рано. Почесав затылок, Наллар пришел к выводу, что ни одну имеющихся аркан ему не хотелось бы сбрасывать.

«А что, если...»

Скорее всего, это был не лучший ход, но, повинувшись интуиции, он решился: сбросив на свалку слугу рассвета, он взял эту же аркану обратно.

Ойлегер аж присвистнул от удивления.

— С чего ты взял, что это вообще по правилам? Я, кажется, не говорил, что так можно.

— Но ты и не говорил, что так нельзя, — спокойно ответил Наллар. — Игрок сбрасывает аркану на свалку и, если это не нищий, может взять любую аркану из этой же свалки, так?

Торговец скорчил странную мину: нечто среднее между восхищением и недоумением. Затем сказал:

— Не знаю, что ты задумал, но удивить ты меня удивил. Продолжим?

На свалку отправился старец утра — Наллар обратил внимание, что торговец сбросил аркану, которую взял в предыдущий раз. Новую аркану Ойлегер добрал, опять же, из колоды.

Наллар оценил ситуацию. Два старца в руке и еще два на свалке. Был ли смысл пытаться дождаться пятого, или же стоило собирать одну из мастей, например, ночную? Он понимал, что собирать старцев довольно рискованно: пятый — рассветный — затерялся где-то в сорока шести арканах (либо у Ойлегера в руке), да и на вечернего и утреннего нужно будет потратить два хода, чтобы забрать со свалки. В любом случае, будет он собирать старцев или ночную масть, ремесленник рассвета ему не нужен: аркана отправилась на свалку. Из колоды Наллар вытащил дневного всадника. Всадник — это всегда хорошо.

Ойлегер чуть помедлил, затем сбросил деву ночи. Вновь взял аркану из колоды.

Наллар мысленно чертыхнулся — любая ночная аркана, кроме девы, устраивала его, чтобы сделать ставку на ночную масть. Теперь же опять было непонятно, что делать. За четыре круга торговец сбросил две ночные арканы, одну вечернюю и одну утреннюю. Что за масть он собирает — дневную или рассветную? Пока что не ясно.

Наллар решил рискнуть: сбросил на свалку всадника и вместе с ним ночного иерофанта, практически лишая себя шанса собрать ночную масть. Взял две арканы из колоды, развернул...

Да!

Наллар стиснул правый кулак. Ему пришли вечерний отшельник и рассветный старец! Он рискнул и не прогадал. Осталось лишь надеяться, что Ойлегер не дособирует масть за два круга.

Торговец тем временем сбросил вечернего архонта (взятого из колоды на предыдущем круге). И опять взял аркану не со свалки.

«Ждет, когда в руке накопится три или четыре арканы масти, — догадался Наллар, — чтобы без риска добрать недостающие со свалки. Неплохо придумано. Только вот успеешь ли ты?»

Ойлегер не сбрасывал рассвет, поэтому, выбирая между рассветным слугой и вечерним отшельником, Наллар выбросил второго. Забрал со свалки утреннего старца — пусть хитроумный торговец думает, что у него почти собрана утренняя масть. Предпобедная дрожь приятно подбадривала, но в то же время заставляла нервничать: не собрал ли Ойлегер к этому кругу четыре арканы масти?

«Победа или поражение. Все решится сейчас».

Ойлегер перевел взгляд с аркан в руке на него. Хитровато прищурился. Приподнял брови. Улыбка медленно расползлась по его лицу. Торговец сбросил рассветного солдата и, не спуская глаз с Наллара, потянул руку к свалке и взял... вечернего старца, которого сам же сбросил на первом круге.

Наллар остолбенел. У него только что украли победу.

«Зачем ему вечерний старец? Он ведь только что сбросил вечернюю масть. Какого хрена происходит?..»

Заметив его недоумение, Ойлегер расхохотался:

— Ты удивил меня, Наллар, так что я решил ответить тебе той же монетой. Что, сорвалась рыбка с крючка, да?

Нет. Нет. Нет. Не может быть.

Победа ведь была так близка. Он буквально ощущал ее запах.

Объяснение произошедшему могло быть только одно.

«Этот хитрозадый торгаш понял, что я собираю старцев, — догадался Наллар. — Все кончено».

Теоретически, он еще мог побороться: в руке у него было две рассветные арканы, и еще две арканы той же масти находились на свалке. Но тогда ему придется рано или поздно сбросить дневного старца; у Ойлегера же в руке на данный момент по-любому было минимум три дневные арканы. На этом круге он заберет со свалки дневного всадника, что обеспечит ему выигрыш, как только Наллар сбросит дневного старца...

Нет, похоже, все и впрямь кончено. А если и нет, то желание играть начисто пропало.

Наллар с досадой бросил арканы на землю, обнажая недособранных старцев и одинокого рассветного ремесленника.

— Эта партия за тобой, торговец.

Ойлегер с довольным видом забрал оба жаворонка и показал свои арканы: как и ожидалось, среди них было три дневных.

— Объясни, — потребовал Наллар, — как ты это сделал?

Ойлегер, похоже, ждал этого вопроса.

— Ты слишком часто смотрел на сброшенных старцев, и слишком обрадовался после того, как сбросил всадника и иерофанта. Я догадался, что у тебя в руке есть три старца, и ты подтвердил это, когда взял четвертого. Мне оставалось лишить тебя возможности забрать пятого, после чего победа была мне практически обеспечена. — Ойлегер взял лежащую рядом флягу с водой с сделал долгий глоток. — И все же... Ты играл здорово. Нет, я не шучу! Ты не побоялся идти на риск, даже с учетом того, что шансы на сбор пяти старцев были крайне малы. Это похвально. Чуть меньше эмоций, и ты бы обыграл меня. Плюс тот ход, когда ты взял свою же только что сброшенную аркану... Я уже говорил, что временами ты мыслишь нестандартно, гальтиец? Да, кажется, говорил. Тогда скажу вот что: из тебя, знаешь ли, мог бы выйти неплохой арканист.

Наллар досадливо отмахнулся.

— Я трачу время на эти разрисованные пятиугольники только потому, что они пользуются популярностью у твоего народа.

Ойлегер недоверчиво покачал головой.

— Не убедил. Ты азартный человек, Наллар.

— Я так не думаю.

— Клянусь горшком черного перца, азартный. Подумай сам. Стал бы не азартный

человек трижды подряд пытаться собрать пять одинаковых аркан? Да не в жизни! Остановился бы еще после первой, максимум после второй попытки.

— Может, я просто упертый?

— Не без этого. Азарт и упорство зачастую делают из человека... — Ойлегер замер, не договорив. — Вот же ж дрянь. Этого еще не хватало.

— В чем дело?

Обернувшись, Наллар увидел сам. С полдюжины людей шагах в пятидесяти от них переходили вброд ручей и уверенно направлялись в их сторону. Наллар прищурился. Разбойники? Нет, не похожи. Тогда...

— Патрульные, мать их, солдаты, — проскрежетал Ойлегер, убирая колоду в карман жилета. — Будь начеку, Наллар, ладно?

— И что бы я делал без твоих бесценных советов.

Они продолжили сидеть — что еще оставалось? Наллар постарался расслабиться в предвкушении встречи с теми, что без лишних церемоний сдерут с него шкуру живьем, если прознают, кто он такой на самом деле. Тень сомнения промелькнула у него в голове — а не было ли все это коварным планом торговца? Быть может, Ойлегер только делал вид, что интересуется его компанией, а на самом деле лишь выжидал подобного момента, чтобы сдать его военным? Впрочем, это слишком маловероятно — пожелай торговец сдать его, поднял бы шумиху в трактире. Наллар мельком взглянул на партнера по путешествию — тот сидел, нервно сцепив руки, и смотрел на приближающийся отряд с нескрываемым отвращением. Похоже, патрульные отряды тут не в почете.

Вскоре солдаты приблизились, и Наллар смог разглядеть их. Все шестеро выбриты, коротко подстрижены, каждый — в строгой военной униформе. За поясом свешиваются прямые черные ножны. На серебристом, до блеска вычищенном нагруднике — взмывающий ввысь алый жаворонок. Такой же, как на триамнийских флагах, только там он, наоборот, белый и на алом фоне.

«Почти один в один как те, что на арканах», — заметил Наллар. Интересно, это рисунки на арканах сделаны недавно, или же униформа так давно не менялась?

Вперед остальных вышел молодой худощавый солдат, судя по наплечной нашивке, десятник. По хищной роже сразу видно — дерзости ему не занимать. Должно быть, они с торговцем показались ему идеальной мишенью, чтобы он мог покичиться перед подчиненными — подобное Наллар лицезрел далеко не впервые.

Все же, несмотря на культурные различия, люди во многом одинаковые. По крайней мере, у них примерно одни и те же добродетели, одни и те же пороки.

— Так-так-так. — Голос десятника оказался еще более мерзким, чем лицо. — И кто это тут у нас?

Ойлегер поднялся и коротко, но дружелюбно кивнул.

— Ойлегер, торговец пряностями, господин десятник. Везу вот товар на Священный Полуостров.

— Эвон оно как. Торговец пряностями, значит.

Наллар решил без необходимости не вступать в диалог.

— Ну пойдём, что ли, поглядим на твои товары. — Наллара не соизволивший представиться десятник пока что демонстративно игнорировал.

В сопровождении военного эскорта они вернулись на обочину тракта. Десятник неторопливо обошел повозку и лошадей. Вернувшись на прежнее место, хмыкнул.

— Роскошненькая у тебя повозка, однако. Новенькая, ни царапины. И обе лошади вполне себе упитанные, не чета нашим армейским клячам. Небось овес ведрами жрут, да даньязским элем запивают. — Десятник помолчал, видимо, ожидая какого-то комментария со стороны Ойлегера. Не дождавшись, продолжил допытываться: — Что, поди, хорошо идет торговля?

Ойлегер как бы задумался. Затем пожал плечами.

— Спасибо, не жалуясь.

— Не жалуешься, значит? — Десятник надрывно расхохотался и повернулся к подчиненным. Некоторые из них для приличия тоже посмеялись. — Слышите, ребята? Он не жалуется. Как вам?

Наллар тем временем чуть отошел и, присев, прислонился спиной к придорожному валуну. Происходящий абсурд набирал обороты.

Ойлегер откуда-то достал пару пергаментных свитков и предъявил их десятнику.

— Вот разрешение на торговлю пряностями по всей стране, с печатью главы Совета Архонтов и...

— Да подотрись ты своими бумажками, — процедил десятник, грубо отмахнувшись от протянутого разрешения. — Скажи-ка лучше, как тебе удалось накопить на такую повозку и лошадей?

— Годами усердной торговой деятельности да милостью Рассветных Богов, как еще?.. Послушайте, господа военные, я честный торговец. Не понимаю, в чем вообще проблема.

Десятник фыркнул.

— Честный торговец, угу. Знаем мы таких честных торговцев, да, ребята?

Нестройное поддакивание раздалось со стороны солдат. Десятник, ожидавший явно большей поддержки в свой адрес, чуть скривился, но продолжил все в том же нагловато-пафосном тоне:

— Возите пряности для виду, а на деле контрабандой промышляете. Знаешь, что за контрабанду полагается? Вижу, что знаешь. А ну, признавайся по-хорошему, что везешь?

— Боги свидетели, господин десятник, вон там корица, там гвоздика, — Ойлегер поочередно принялся указывать на мешки с товарами, — каперсы, черный перец, мускатный орех, тмин, розмарин, имбирь, кардамон...

Десятник подошел к торговцу вплотную, зловеще оскалился.

— Ты мне тут зубы не заговаривай. Что, если проверим?

— Кто ж вам запретит, доблестные господа. Валяйте.

Десятник подзывающе махнул рукой.

— А ну ребята, айда поглядим, что там за пряности.

Без особого энтузиазма солдаты заковыляли к повозке и принялись заглядывать в тюки и мешки. Пряничный запах разнесся по округе.

«Как далеко простираются их полномочия?» — меж делом задумался Наллар. Он, конечно, читал о триамнийской армии и локальных патрулях, но не в таких деталях.

Тем временем настойчивый десятник как раз вытащил на свет оставленную между мешками его торбу, открыл и с небывалым усердием начал в ней рыться. Само собой, Наллар не хранил в ней ничего такого, что могло бы его выдать, но и наблюдать за тем, как его немногочисленные пожитки перетряхиваются, желания не имел. Встав, он подошел к повозке и окликнул десятника:

— Эй, это мои походные вещи. Поаккуратнее с ними, ладно?

Десятник замер. Отложил торбу, спрыгнул с повозки и развернулся к Наллару, нахмурившись. Оглядел его с ног до головы, как будто только заметил.

— Так, а ты еще что за хрен говорливый? Тебя кто вообще спрашивал?

«Милостивая Всематерь, дай мне терпения не прикончить этого кретина».

— Я простой пилигрим, господин десятник. Добра у меня немного, не хотелось бы, чтобы последнее попортили...

Наллар прикинул шансы на случай, если беседа примет совсем уж скверный оборот. Прикончить говоруна-десятника точным ударом проблем не составит. Дальше будет сложнее. Придется вытащить его же меч, атаковать того, что повернут спиной, воспользоваться повозкой как прикрытием... Если все сделать быстро, шансы будут. И неплохие. Где-то в глубине души Наллару даже было любопытно, чем окончится подобная схватка. Конечно, он давно, очень давно не практиковался — однако в лучшие годы перебить этих высокомерных бестолочей ему не составило бы труда. Поразмыслив, Наллар решил, что даже сейчас поставил бы в этом состязании на себя.

Десятник тем временем продолжал вглядываться в него, будто надеясь обнаружить какой-то изъян в облике пилигрима.

— Пилигрим, значит? — Он сложил руки на груди и скорчил скептическую мину. — А с какого перепою мне тебе верить. Вдруг ты шпион гергельярский, а? Или этот... Султановский прихвостень какой. Времена нынче такие: никому нельзя верить на слово. Иной раз даже самому себе. А ну, пилигрим, прочитай-ка нам Рассветный Псалом.

Стоящий в стороне Ойлегер как бы невзначай повертел головой. В его вскользь брошенном взгляде читалось: «не напортачь, иначе у нас обоих появятся большие проблемы». Наллар как ни в чем не бывало медленно поднял правую руку — так, чтобы локоть оказался на уровне плеча — раскрыл ладонь, чтобы она лежала параллельно земле и небу. Затем заговорил проникновенным голосом, как если бы возносил молитву Всематери:

— Путь мой в ночи затерялся, в Сумерках сердце увязло. Нет, не видать избавленья, Тьма окружает повсюду. Плач мой услышите, Боги, клич мой сквозь Тьму вознесенный, Вы, что даруете жизни всем в этом мире подлунном. Ночь подытожив рассветом, даруйте узреть надежду...

— Все, хорош! — Десятник скривился и махнул рукой. Обернувшись, гаркнул солдатам: — Ладно, заканчивайте возню, а то провоняем насквозь этой мерзкой пахучей дрянью. А тебе, пилигрим, бесплатный совет: не якшайся с такими торговцами. Они лясы точить-то умеют, а сами думают лишь о том, как обобрать тебя до нитки.

— Спасибо за столь мудрые слова, господин десятник. — Наллар постарался произнести это серьезно, всеми силами сдерживая улыбку на губах. — Добрых тебе рассветов. И... успешной карьеры.

— Ну, пошли отседова, — поторопил тот выбирающихся из повозки солдат. — Пусть себе катятся. Пора следить за порядком на тракте...

Не особо разочарованные, солдаты, не оборачиваясь, зашагали вслед за десятником вдоль тракта на север. Ойлегер, ничего не говоря, взобрался в повозку и принялся поправлять товар.

Когда военные удалились на приличное расстояние, Наллар хмыкнул:

— Этот десятник всерьез рассчитывал, что кто-то навряде тебя возит по стране контрабанду?

Ойлегер, раскладывая мешки и тюки по местам, пожал плечами.

— Ну, а чего бы ему не рассчитывать. Вдруг заставит расколоться или найдет что — вуаля, несколько серебряных жаворонков обеспечены. Только вот зеленый он еще в этом деле, лишь бахвалиться горазд.

С этими словами Ойлегер нагнулся и дотронулся рукой до боковой стенки повозки. Чуть надавил на нее. Раздался скрип, и показалось потайное отделение. Ухмыльнувшись, Ойлегер выудил на свет небольшой мешочек и потряс им перед собой. Наллар разинул рот.

— Не знают сопляки, где искать нужно. Ну, чего уставился, будто у меня рога выросли? Этот шаугримский порошок для напитков, что взбодрят даже покойника, крайне востребован на полуострове. Уж куда более востребован, чем корица или шафран. — Ойлегер стер с лица улыбку, убрал контрабанду обратно и закрыл потайное отделение. Выпрямившись, хлопнул в ладоши: — Ну, поехали, что ли, «пилигрим». Священный Полуостров сам к нам не доберется.

Проснувшись, Шелиара Нирааль очень долго пыталась понять, где она находится и что вообще произошло.

Она обнаружила себя лежащей в просторной кровати под теплым шерстяным одеялом. В боковое окно сквозь прозрачные стекла лились мягкие солнечные лучи, освещая небольшую, но богато обставленную (даже по меркам ее родового поместья) комнату. Заглянув под одеяло, Шелиара смутилась — такой пижамы из зеленого шелка она в жизни не надевала. Девушка ущипнула себя за запястье — кто-то когда-то ей говорил, что это помогает отличить реальность от сна — но кроме последовавшей за щипком легкой болевой вспышки ничего не изменилось. Повинуясь инстинктивному порыву, Шелиара высунула из-под одеяла правую руку и подняла ее к свету.

Золотое кольцо на ее среднем пальце зловеще засверкало в лучах солнца.

«Милостивые Боги...»

Воспоминания начали возвращаться, и Шелиара судорожно сглотнула ком в горле. О нет. Лучше бы она оставалась в неведении.

Девушка повернула голову направо, к прикроватному столику. На нем стояла испещренная витиеватыми орнаментами медная чаша, кувшин с водой и... еще одна вещь. До боли знакомая вещь.

Шелиара вытянула правую руку и, схватив вещь, приблизила к лицу.

Перекресток. Старшая Аркана, предрекавшая ей выбор одного из трех путей. Каким образом эта вещь осталась в целости и сохранности? Ведь вчера...

Взвизгнув в порыве отчаяния, Шелиара отбросила ненавистную аркану на другой конец комнаты. Та пролетела по высокой дуге и спикировала на пол посередине комнаты, рисунком вверх. Едва заметный отсюда висельник, казалось, теперь весело ей подмигивал.

«Дороги, Шелиара! Разные дороги — разные итоги! Не забудь!» — всплыло в памяти напутствие деда.

«Я все забыла. Все перепутала. Все испортила...»

Шелиара в ужасе обхватила голову руками: события второй половины вчерашнего дня наконец начали выстраиваться в ее памяти в единую упорядоченную цепочку. Очередной приступ безумия. Напиток, временно вернувший ей способность находиться в здравом уме. Высокомерный архонт Кагальзир со своим экзаменом и предложением заключить помолвку. Заманчивые обещания Голоса, которого она по глупости назвала Надеждой. Бегство из особняка. Бесцельные скитания по Исхируну. Мост Королев. Ледяная вода, заставившая ее осознать, что она натворила. Бездна надежды попытки не утонуть. Этот белокурый юноша, что явился, как в детских сказках, читаемых ей на ночь Нэей, ради ее спасения. Дрожь и холод, холод и дрожь. Снова ходьба по городским кварталам, подъем по желтой лестнице. Особняк, практически не уступающий архонтовскому. Молодая пара, позаботившаяся о ней... Последние воспоминания были совсем уж смутными — кажется, какая-то девушка помогла ей переодеться в сухое, согрела у очага, после чего заставила выпить какую-то крепкую хмельную дрянью.

— Боги Рассвета, — прошептала Шелиара, глядя в украшенный лепкой потолок, — что же я натворила...

В ту же секунду дверь неслышно отворилась, и в комнату зашел облаченный в белое

слуга с подносом фруктов, копченого сыра и хлеба. Увидев, что она не спит, он приостановился, отвесил ей учтивый поклон и сообщил:

— Юная госпожа. С новым рассветом. Ваш завтрак. — Слуга медленно подошел и поставил поднос на прикроватный столик. Затем проворно попятился обратно к двери. — Я сообщу господину, что вы проснулись. — И, вновь поклонившись, скрылся за дверью.

Шелиара приняла сидячее положение. Отбросила назад наползающие на лицо волосы, постаралась успокоиться и привести мысли в порядок. С последним вышла проблема — вместо упорядоченности в голове начали мелькать, пусть пока что слабо, непрощенные образы и мысли.

Шелиара застонала и в порыве злости на саму себя стукнула кулаком о стол так, что поднос зазвенел.

«Нет, опять...»

Все начиналось сначала. Голоса возвращались, и спасения от них не было. Пока что терпимые и почти не слышные, в скором времени они, как и всегда, затрещат неумолчной какофонией.

Какофонией, что заставила ее вчера предпринять попытку покончить с собой, бросившись с моста в ледяную воду.

«Боги Рассвета, вы ли послали мне спасителя?»

Шелиара встала с кровати, потянулась. Найдя на прикроватной тумбочке гребень, принялась расчесывать спутавшиеся волосы, попутно размышляя, что же делать дальше.

Судя по солнцу, сейчас было утро — не самое раннее, но и не полдень. Интересно, что за это время предприняли ее отец и архонт Кагальзир? Как вообще они отреагировали на ее исчезновение? Догадались, что она сбежала или, быть может, решили, что ее кто-то похитил? Шелиара слышала истории о том, что девиц в ее возрасте порой похищают, а потом требуют выкуп — правда, такое обычно случается в средних городах навроде Танаана, Каллидии, Квибара или Гуарэббы, но никак не в столице.

Она постаралась припомнить, мог ли кто ее заметить. Да уж наверняка — помнится, на мосту собралось немало зрителей. Да и пока они вдвоем с тем белокурым парнем шли по северному району, кому-нибудь да попались на глаза. Значит, скорее всего, в скором времени отец обо всем прознает. Шелиара попыталась вообразить его реакцию и в ужасе съежилась, едва не выронив гребень из руки.

Все плохо. И это мягко выражаясь.

В этот момент, оторвав Шелиару от не самых приятных размышлений, в дверь постучались, после чего в комнату вошел смутно узнаваемый молодой мужчина (или взрослый юноша, Шелиара сомневалась, как будет правильнее его характеризовать) в бархатном синем халате. Прикрыв дверь, он остался стоять у самого порога, разглядывая ее с какой-то подозрительной осторожностью.

Хотя еще бы: наверняка после случившегося все, кто ее видел, решили, что у нее далеко не все в порядке с головой. Впрочем... А разве они неправы? Насколько знала Шелиара, те, у кого с головой полный порядок, с мостов в ледяную воду не бросаются.

— Узнаешь меня? — после длительного молчания поинтересовался вошедший.

Отложив гребень, Шелиара робко кивнула.

— Кажется, тебя вчера называли Герцогом.

Тот улыбнулся и сделал шаг вперед.

— Немного странное имя, не находишь? — Приметив валяющуюся на полу аркану,

Герцог наклонился и поднял ее. Пожав плечами, подошел к столу и положил на прежнее место. — Впрочем, как оказалось, даже к такому привыкаешь довольно быстро. А ты, значит, Шелиара. Я прав?

Шелиара и не помнила, что вчера представлялась. Хотя она наверняка многого не помнила — последние события вспоминались очень уж эпизодически, будто разрозненные картинки мелькали, сменяя друг друга, в ее сознании.

— Да, я Шелиара. — О родовом имени Шелиара на всякий случай предпочла умолчать. — И я искренне благодарна за то, что...

Герцог остановил ее поднятой ладонью.

— Перестань, прошу. Любой на моем месте поступил бы также.

— И все же спасибо. А где... — Шелиара напрягла память, пытаюсь воскресить имя своего спасителя. Кажется, в какой-то момент вечера он представился, но ей было слегка не до запоминания.

Герцог пришел на выручку:

— Альдан? В Университете, где ж ему еще быть.

— В Университете? О, здорово. — Лет в тринадцать Шелиара мечтала о том, чтобы учиться в этом известном на всю Триамну (а то и на весь Юг) месте, но отец пресек подобные мысли на корню: мол, кому в наше время нужны шибко умные девушки? А потом, буквально спустя год, ей пришлось вступить в непрекращающуюся и по сей день борьбу с Голосами, так что мысли о поступлении в Университет пришлось отложить. — И... какой предмет он там преподает?

Герцога этот вопрос позабавил. Посмеявшись с минуту — так, что Шелиара успела почувствовать себя бестактной душой — он ответил:

— Насколько мне известно, никакой. Он школяр... как и я, между прочим. Единственное, чуть более усердный — ну, судя по тому, что он там, а я здесь. Альдан вроде специализируется на истории Триамны. Кажется, он третьекурсник, хотя не уверен. — Герцог издал смешок и помотал головой. — Да уж, Книгочей умеет производить на девушек неизгладимое впечатление...

— Книгочей?

— Ага. Это что-то вроде его второго имени. Или даже первого, раз уж я Герцог. — Герцог хмыкнул, затем сплел перед собой руки. — Ладненько. С удовольствием поболтал бы еще с тобой, но, увы, внизу ждут кое-какие неотложные дела. Как говорится, почувствуй себя как дома, только на кухню ни ногой. Хех. Шучу. Кухня всецело в твоём распоряжении, вместе с поварами и слугами.

Герцог развернулся, чтобы уйти. Шелиара удивленно приподняла брови. Она ожидала, что он, по меньшей мере, начнет расспрашивать ее: о семье, о вчерашнем... в общем, о всем. В конце концов, должен же он знать, кого приютил под своей крышей. Однако, по всей видимости, расспросы Герцог решил оставить на потом — и Шелиара была ему за это крайне признательна. Сейчас ей совсем не хотелось обнажать перед ним душу.

— Ты так добр ко мне, — поспешила добавить Шелиара ему вслед. — Я даже не знаю, как и чем могу отблагодарить...

— Сказал же, перестань. Это меньшее, что я мог сделать в такой ситуации. — Герцог остановился на пороге и добавил, прежде чем оставить ее в одиночестве: — Слева за тумбочкой висит шнурок для вызова слуги, не стесняйся. Ни в чем себе не отказывай и наслаждайся отдыхом.

Однако наслаждаться отдыхом ей пришлось не так уж и долго — буквально через пару часов, которые Шелиара провела лежа на кровати и размышляя, что же делать дальше, Голоса (за исключением затаившейся где-то глубоко-глубоко Надежды) завели привычную, и оттого еще более противную песню монологов и диалогов. За тем лишь исключением, что сегодня к ним добавились извещения о том, какой она оказалась наивной душой.

Как будто она сама не успела этого осознать.

«...мы предостерегали тебя...»

«...пытались предупредить...»

«...не Надежда, а, скорее, Лжеснадежда, могла бы и догадаться...»

«...надо было слушать нас, а не ее...»

«...тебе предложили бесплатного жаворонка, а ты и не заметила подвоха...»

«...о чем ты думала, позволяя ей овладеть своим телом и разумом?..»

«...дорога, которую ты выбрала, загнала тебя в тупик...»

— Это все из-за вас. — Обхватив голову руками, Шелиара принялась мерить шагами комнату, от стены к стене. — Все мои беды из-за вас! — Она начинала переходить на крик: дурной знак. — Если бы не вы все, я бы не пошла на поводу у нее!

Этот аргумент оказался если не убедительным, то по крайней мере действенным — Голоса чуть притихли. Но не полностью. Далеко не полностью.

— Почему? — вопрошала Шелиара у них, не останавливаясь. — Почему вы не можете замолчать? Почему вам не оставить меня в покое?!

«Потому что мы — неотъемлемая часть тебя, глупышка, — раздался в голове четкий голос Реалиста, заглушивший на какое-то время все прочие. — Неужели ты за все время, что мы вместе, не поняла, что каждый из нас есть не более, чем усиленный вариант твоих тайных мыслей, стремлений и желаний? За возможность использовать силы своей интуиции, своего тайного сознания тебе приходится нас слушать. Ну а мы... Мы просто не можем молчать — такого наша природа. Такова твоя природа».

— Это неправда! Никакая вы не часть меня! — Она остановилась у окна и вцепилась руками в деревянный подоконник. — А даже если это и правда... К Сумеркам вас! Я не могу ничего делать, когда не принадлежу сама себе!

«Твоя беда в том, что ты изначально настроилась против нас, — продолжал вещать Реалист. — Ты видела в нас не помощников, ниспосланных божественным вмешательством, а Сумеречных демонов, которые только и жаждут поскорее отправить тебя на тот свет. Ты вбила в свою глупую голову, что мы сводим тебя с ума — и эти мысли с течением времени начали все сильнее и сильнее воплощаться в реальность. Но еще не поздно, Шели. Ты все еще можешь научиться сожительствовать с нами. Поверь, к нам привыкнуть тебе будет гораздо проще, чем, например, к архонту Кагальзиру...»

— Не упоминай о нем!

Продолжая стискивать пальцами подоконник, Шелиара вперилась взглядом в окно. Оно вело на практически пустующие улицы и роскошные жилища Северного района. Как далеко отсюда особняк Кагальзира? Шелиара не знала, и не хотела знать. Она хотела бы забыть этого наглого толстяка, как страшный сон, но архонт, словно один из Голосов, упорно засел в ее голове.

Из-за края облака высунулось солнце, и кольцо на ее среднем пальце предательски блеснуло. В сердцах Шелиара попыталась сорвать его с пальца, но оно, как и вчера, не

поддалось.

Готовая расплакаться, Шелиара отошла от окна и уселась на кровать. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, она попыталась осмыслить сказанное Реалистом. Да, в его словах определенно присутствовала логика. В чем-то, возможно, он даже и был прав. Но это никак не меняло сути — так жить дальше было для нее невозможно.

— Следующий раз я брошусь с крыши! — Она решила попробовать новую стратегию, надеясь добиться хоть какого-то компромисса. — Вы этого добиваетесь, да? Клянусь всеми двадцатью четырьмя Рассветными Богами, если вы не перестанете сводить меня с ума, я рано или поздно спрыгну! И скорее рано, чем поздно! И вы погибнете вместе со мной!

«Глупое дитя, подумай сама. — На этот раз ей ответила Вопрошающая. — Как мы можем погибнуть, если, по большому счету, не существуем? Мы — плод твоего сознания, усиленный Ритуалом Преображения, сколько тебе об этом нужно повторять?»

— Я не позволю вам свести меня с ума и вновь погубить мою жизнь! — закричала Шелиара, грозно потрясая кулаками. — Я найду способ избавиться от вас! Я сделаю...

Дверь распахнулась, и перепуганный Герцог, с длинным узким клинком в руке, вбежал в комнату. Выставив перед собой отполированное до блеска лезвие, он огляделся по сторонам. Никого не увидев, с подозрением покосился на нее — точнее, на до сих пор не разжатые кулаки. Затем, выждав паузу, с явно не присущей ему робостью поинтересовался:

— Все... в порядке? Мне показалось... ты будто с кем-то ругалась.

Шелиара положила руки поверх коленок и тяжело вздохнула. Ну вот — не прошло и суток с момента побега от отца и Кагальзира, как она уже успела втянуть в свои проблемы кучу людей. И что ей теперь отвечать Герцогу? Что ему послышалось? Что у нее такое хобби — кричать саму на себя? Может, что она — на самом деле актриса городского театра и репетировала монолог безжалостной стервы?

Герцог увидел ее смятение и поспешил опустить клинок. Затем прикрыл дверь и вкрадчиво произнес:

— Все это... — Шелиара видела, как он старается подбирать слова настолько осторожно, будто одна неточность может вывести ее из себя. — Как-то связано... с твоей вчерашней... э... проблемой? — Помолчав, Герцог добавил: — Расскажи мне, если, конечно, хочешь. Быть может, мне даже удастся... помочь.

С минуту Шелиара размышляла, стоит ли посвящать этого незнакомца в свои проблемы. С одной стороны, ей этого не хотелось — во-первых, неизвестно, можно ли вообще ему доверять; во-вторых, далеко не факт, что он ей поверит... А если и поверит, то что предпримет? Шелиара попробовала представить себя на его месте. Что бы она сделала, услышав такую историю? Кто его знает... Он ведь богач. Может, они и вовсе с Кагальзиром — давние друзья? Хотя навряд ли... С другой стороны, этот человек приютил ее, напоил и накормил — причем безвозмездно. По крайней мере, пока что. И даже сейчас по нему видно, что он искренне хочет ей помочь.

«Наверное, хуже не будет».

Наконец, она решилась и, выпив воды, принялась излагать Герцогу историю своего Проклятья.

Когда она закончила — а повествование (включающее в том числе и весьма укороченный вариант истории помолвки и бегства от архонта, имени которого она на всякий случай не стала раскрывать) заняло по меньшей мере четверть часа, — Герцог, стоявший у

окна, длительное время хранил молчание. Шелиара постаралась уловить проблески мимики на его лице — но ему удавалось хранить каменное выражение. Она подумала было окликнуть Герцога, когда он все же заговорил.

— Да уж. И кто бы мог подумать.

— Подумать о чем?

Герцог отошел от окна и, сев за стол, побарабанил по нему пальцами. Потом собрался было наполнить себе чашу, но, понюхав содержимое кувшина, передумал.

— Шелиара, будь добра, дерни за звонок. Дважды. — Когда она исполнила его просьбу, Герцог продолжил: — Знаешь, а я ведь не Преображенный. Обошел Ритуал стороной и особо не жалел об этом... А теперь стал все чаще подумывать о том, чтобы наверстать упущенное. И последние дни как раз-таки собираю мнения окружающих на этот счет.

Это признание удивило Шелиару — среди ее круга общения не Преображенных не было. Интересно, какого это — жить нормальной жизнью? Она уже и успела позабыть.

— И что же... говорят окружающие?

— В том-то и ирония: вплоть до сегодняшнего дня меня особо никто не отговаривал — так, пугали всякой мелочью, вроде утраты музыкального слуха, да полумифическими Отнимающими. Но твой случай... Ух. — Герцог качнул головой. Его взгляд был сосредоточенным и задумчивым. — Даже не знаю, что сказать. Уж точно не завидую тебе, Шелиара. Такого... не каждому врагу пожелаешь, знаешь ли.

Шелиара кивнула. Так оно и было.

Какое-то время они провели в тишине. Постучав в дверь, в комнату зашел слуга с кувшином в одной руке и кубком в другой. Поставив все на стол, он молча удалился. Герцог налил себе из нового кувшина — по цвету и запаху Шелиара догадалась, что там было вино — и сделал долгий глоток. Предложил и ей, но она вежливо покачала головой.

Не выпуская кубок из рук, Герцог заговорил:

— Знаешь, я почти полностью уверен, что от этих так называемых Голосов можно избавиться. Или хотя бы как-то их... утихомирить, что ли. Надо всего лишь понять принципы их действий. Ты когда-нибудь пыталась это сделать?

— Понять принципы их действий? — переспросила Шелиара. Вне сомнений, такой странный вопрос мог задать только обучающийся в Университете. — Ну... Да нет у них никаких принципов. Они просто говорят, когда им приспичит, и все.

«Неужели ты за все время, что мы вместе, — вспомнилась ей недавняя фраза, — не поняла, что каждый из нас есть не более, чем усиленный вариант твоих тайных мыслей, стремлений и желаний?»

Герцог приподнял указательный палец вверх.

— Это тебе так кажется. У всего в этом мире есть свои принципы. Причем принципы нерушимые, на которых все основывается. Прошлое определяет настоящее, суть определяет форму... ну, и прочая философская ерунда в таком духе. — Герцог осушил кубок и, даже не помедлив, наполнил снова. Повертев в руках, сделал глоток и посмотрел на нее, чуть прищурился взгляд. — Осталось лишь разобраться, как использовать эту ерунду для того, чтобы разрешить твою проблему. Итак, я правильно понял, что эти Голоса обыкновенно перестают донимать тебя в двух случаях: либо когда ты сконцентрирована на каком-то действии или диалоге, либо когда с твоим организмом происходят... резкие изменения? Как было вчера с тем напитком, что дал тебе отец, и с резким погружением... в холодную воду?

Поразмыслив, Шелиара согласилась. Именно так и обстояли дела.

Приободренный, Герцог продолжил, не забывая попить из кубка:

— Ты не пыталась использовать эти методы для постоянной борьбы с Голосами?

— В некотором роде да, пыталась. Но... Вести с кем-то диалог на целый день не получается. Да даже если бы и получалось — оно также бы сводило с ума, а то и похлеще. Ну а взбадривающие напитки... Почему-то мне кажется, что это тоже не выход — с течением времени организм начнет привыкать к ним. Прыжки с моста тоже вряд ли можно назвать решением проблемы...

— Хорошо, что ты пришла к столь мудрому выводу, — усмехнулся Герцог, отсалютовав ей кубком. — Так. А если ты... скажем, расслабляешься?

— Расслабляюсь?

— Ну да. Как вариант, несколько кубков вина или чего покрепче?

Когда-то она обдумывала подобный вариант, поэтому с ответом не замешкалась:

— После четырнадцатилетия отец разрешал мне пить вино дважды в год — на День Преображения и праздник Первого Рассвета. Честно говоря, не припомню, чтобы мне это помогло. — Шелиара медленно повела головой из стороны в сторону. — Да и вряд ли это выход — пить с утра до ночи.

— Ну, не обязательно прям с утра и до ночи. — Прозвучало это из уст Герцога как-то не особо убедительно. Особенно с учетом того, что он пил уже второй кубок, а на улице хорошо, если наступил полдень. — А что если... — Герцог не донес кубок до рта, как если бы его посетила блестящая идея. Он несколько раз перевел прищуренный взгляд с потолка на нее. Наконец, сказал: — Мне кажется, можно попробовать одно средство. Если все так плохо, как ты описываешь... а судя по вчерашнему инциденту, все именно так... возможно, стоит попробовать.

— Средство? Не думаю, что есть такое средство. — Шелиара вздохнула с нотками обреченности. — На мне перепробовали тонну способов...

— Но, скорее всего, не этот.

Слова Герцога звучали довольно уверенно. Что он задумал? Шелиара заинтересовалась и неосознанно подвинулась ближе к нему.

— Что за способ?

— Это... — По непонятным причинам Герцог слегка замялся. — Ну. Своего рода лекарство. Моя ненаглядная подруга частенько прибегает к его помощи. Думаю, она не откажется поделиться им с тобой.

— Тогда я согласна, — тут же выпалила Шелиара. — Правда... — Внезапно она осознала ряд проблем, о которых не думала прежде. Подавленным голосом она добавила: — У меня ведь совсем нет денег... И...

— Ой, да перестань. Деньги — последнее, что волнует меня на данный момент. Глядишь, когда-нибудь сочтемся. — Герцог вновь пригубил из кубка. — Скажи лучше: чем тебя занять, пока не появится Июля? Она, подозреваю, придет часа через три-четыре.

Шелиара призадумалась. В танаанском поместье свободное время она, если находилась в адекватном состоянии, проводила в прогулках, рисовании, вышивании, чтении, игре на духовых инструментах... Большинство пунктов списка отсеялось сразу же. Наконец, она решила.

— Не найдется ли у тебя набора для вышивания?

Герцог одобритительно кивнул.

— Отличный выбор. Скажу слугам, чтобы принесли. Что-нибудь еще?

— Наверное, нет...

— Как знаешь. Если что, — он кивнул на звонок, — не стесняйся. Ну, мне пора возвращаться к делам. — Опустошив кубок, Герцог поднялся и, прихватив кувшин (само собой, тот, что с вином), направился к дверям. На полпути остановился и развернулся. — Пока Иолая не вернется, ты ведь... э... не сделаешь ничего... безумного?

Шелиара мысленно вздохнула. Ну вот, теперь до конца жизни все будут опасаться, что она в любой момент захочет откуда-нибудь спрыгнуть. Впрочем, кто в этом виноват, кроме нее самой?

— Ты имеешь в виду, — Шелиара постаралась улыбнуться, — не спрыгну ли я из этого окна? Определенно нет. — Герцог расслабился, и она, подмигнув, добавила: — Тут слишком низко. Убиться не убьюсь, а конечности поломаю. Я же не полная дура, чтобы идти на такое.

Герцог рассмеялся и помахал ей кувшином.

— Рад, что ты не утратила чувство юмора. Это всегда полезная вещь. Ладно. Постарайся за эти часы не утратить рассудок полностью. — Герцог обернулся в дверях. — Договорились?

Шелиара кивнула. Более разумного варианта она не видела.

Более того — подозревала, что его и вовсе не существовало.

Вертялая игла ныряла и выныривала, оставляя за собой след из бледно-желтой льняной нити. Уже четвертый час кряду Шелиара занималась вышиванием, и уже раз десять, если не больше, она успела пожалеть, что не остановила свой выбор на книгах или рисовании. Голоса наседали на нее все активнее и активнее, не давая в необходимой мере сосредоточиться на столь непростом деле. Лицо белокурого юноши на фоне ночного неба, которое должно было стать квинтэссенцией ее творческих талантов, с каждым новым стежком все меньше походило на лицо, и все больше на какую-то яичницу на прямоугольной сковородке. Злость на Голоса и на саму себя настолько изъела Шелиару, что девушке так и хотелось проткнуть кого-нибудь этой дурацкой иглой. Она понимала, что начинает балансировать на грани безумия. И понимала, что никак не может с этим бороться.

Все как и прежде.

Даже хуже — теперь она знала, к каким последствиям это может привести.

Наконец, когда ее терпение оказалось на пределе всех пределов, в дверь трижды постучали, и Шелиара с облегчением отложила пяльцы и иглу в сторону.

— Да-да.

Дверь открылась. Прошелестев длиннополой юбкой, в комнату зашла Иолая. Шелиара невольно почувствовала легкий укол зависти — пассия Герцога была ой как хороша собой. Фигура стройнее, чем у нее, рост на дюйм выше, длинные ухоженные волосы сверкают золотыми оттенками, бюст таких форм, что не устоит целомудреннейший из аскетов. Неудивительно, что ей удалось добиться расположения Герцога. Шелиара отбросила завистливые мысли из головы и приветливо улыбнулась.

— О-о. — Подойдя к столу, Иолая указала на незаконченную вышивку. — Впечатляет. Какая красивая луна.

Шелиара засмушалась.

— Это... не луна.

— Правда? Тогда... — Вскоре лицо Иолаи озарилось пониманием. — Ну да, как я могла не догадаться сразу. А ты, смотрю, тоже знаешь толк в красивых мальчиках, да? — И она

игриво ей подмигнула.

Шелиара не нашлась, что на это ответить. Иолая тем временем уселась на кровать и достала из кармана две вещи: резную костяную трубку и крохотных размеров мешочек, от которого исходил специфический запах.

— Знаешь, что это? — Иолая приоткрыла мешочек.

— Нет, — честно ответила Шелиара. — Хотя... немного похоже на табак, что последние годы курит мой отец.

Иолая со смешком хмыкнула.

— Да, и впрямь похоже на табак. Можно даже сказать, что это... его особый сорт.

— Но Герцог говорил... — Шелиара ничего не понимала. — Он говорил, что ты принесешь лекарство...

— Цыц. — Иолая выставила перед собой ладонь. — Предоставь это мне, ладно? Все что от тебя требуется, это расслабиться и перестать думать о своих проблемах. Давай же, Шелиара. Скоро ты узнаешь, что такое настоящее умиротворение.

— Ты накурил ее шаманской травой?! — Альдан все еще не верил услышанному, надеясь, что последняя часть рассказа Герцога об утренних и дневных событиях — не более, чем неудачная шутка, вызванная обилием выпитого вина.

Они стояли вдвоем на крыше особняка, опираясь на перила и разглядывая погружающийся в закат город; прохладный западный ветер настойчиво теребил их волосы и накидки. На темнеющем небе собирались хмурые тучи. Альдан примчался сюда сразу после лекций и пяти часов работы в библиотеке, в полной уверенности, что все держится под контролем. Однако, как выяснилось, его ждал сюрприз.

Причем не самый приятный.

— Ну. — Герцог неопределенно пожал плечами. От него разило вином так, что Альдан чувствовал этот запах, даже когда ветер дул от него в сторону Герцога. — Если уж быть точным, то ее накурила Йолая.

— По твоей инициативе.

— Возможно.

— Но она же вызывает привыкание!

— Послушай, Книгочей. — Герцог чуть замялся. — Все хорошие вещи в этом мире вызывают привыкание.

— Я тебя умоляю, — отмахнулся Альдан, — побереги свою псевдофилософию для кого-нибудь другого, ладно?

Альдан поражался с самого себя. Еще несколько суток назад он ни по чем бы не поверил, что когда-нибудь позволит общаться в таком тоне с сыном архонта. Похоже, купание в столичной бухте в конце осени сильно меняет людей. Или дело в чем-то другом?

— Но это не псевдофилософия, а суровая правда. Люди привыкают к хорошему, и привыкают очень быстро, будь то деньги, вкусная еда, выпивка или что-нибудь еще. Ты не согласен?

Альдан окинул Герцога таким устрашающим взглядом, будто обладал Благословением прожигать предметы.

— Ты дал ей гребаный наркотик!

— Да, демоны меня деря, я дал ей гребаный наркотик! — Герцог взаимно повысил голос. — Тебя тут не было, когда она сходила с ума. Когда орала, как резаная, на весь Северный район! Что, если бы она опять слетела с катушек и отправилась на поиски очередного моста, а? Или поднялась сюда и сиганула вниз? Конечно, ты у нас такой умный — свалил с утра на свои лекции и оставил ее на мне — на вон, приглядывай. Мне ведь нечем больше заняться, так? — Герцог достал из-под накидки флягу и, откупорив, сделал солидный глоток. Вытерев губы тыльной стороной ладони, продолжил с той же агрессивной интонацией: — Что еще мне оставалось делать, умник?! Что там твои исторические летописи? Не рассказали, как поступать в таких случаях? Да и вообще — не подскажешь, с какой такой радости я обязан отчитываться перед тобой?!

Альдан промолчал, переваривая услышанное. И в самом деле — какое право он имел предъявлять Герцогу претензии? И, если уж на то пошло, какое решение он мог бы предложить, останься с Шелиарой наедине? Герцог, сделав еще глоток, продолжил, уже чуть спокойнее:

— По крайней мере, после этой «процедуры» она успокоилась, пару часов провела в разговорах ни о чем, а потом уснула. Как утверждает Иолая, «с блаженной улыбкой на лице».

Тяжело вздохнув, Альдан признал:

— Знаешь, возможно, вы с Иолаей и правы. Как это не скорбно признавать, иногда приходится выбирать меньшее зло. Извини... что переборщил с эмоциями.

— Забудь. Я понимаю, ты ведь беспокоишься за нее.

— Пожалуй.

В затянувшемся молчании они вперились взглядами в даль. Альдан подпер рукой подбородок. В закатном свете с этой крыши виднелись здания Северного и, частично, Восточного района, а также главный рукав бухты. Тот самый. Альдан едва ли не впервые за все время пребывания в триамнийской столице поражался красочному многообразию городских построек. Многие особняки северных кварталов были выстроены в гальтийском стиле: трехэтажные, прямоугольные, с высокими скатами крыш и просторными садами вокруг. Другие походили на небольшие, но неприступные крепости, в любой момент готовые к появлению врага. Третьи — как гигантские, освещенные цветными огнями муравейники. И это все только в ближайшей округе, в кварталах богатых купцов и выдающихся ремесленников, боголюбивых иерофантов, орденцев-карьеристов и влиятельных архонтов. Строения же Восточного района, будто специально выстроенные в противовес домам знати, отличались приземистостью и невзрачностью. Город контрастов — так Священный Исхирон называли многие иноземцы, и наконец-то Альдан понял, почему.

Более того, последнее время эти самые контрасты проявлялись в его жизни сплошь и рядом.

Тем временем, убрав флягу обратно, Герцог издал смешок и ткнул пальцем вниз:

— Глянь, кто поднимается к нам.

Распознав идущих, Альдан закатил глаза. Ну разумеется. Рибану и Синту оказалось мало его вчерашнего ночного рассказа, и они, по всей видимости, решили лично убедиться, что он все не выдумал. Вполне вероятно, что они даже поспорили, не является ли «черноволосая симпатичная девушка» плодом его не в меру разызгравшегося воображения. Интересно, кто на что поставил при таком раскладе? Может, Синт наконец-то сможет отыгаться?

— Хм, — задумчиво произнес Герцог, почесывая подбородок. — Не припомнишь, в какой момент времени я сказал, что мой особняк — проходной двор для всех желающих? — Герцог вроде как сказал это в шутку, но намек Альдан уловил. — А, ладно, пойдем встречать твоих товарищей.

Герцог отвел их компанию в малую гостиную — ту самую, где буквально вчера (хотя по ощущениям — минимум неделю назад) они с ним беседовали о гальтийских принцах, безымянных героях и нестабильности последствий Ритуала Преображения. Альдан задумался — может, Боги Рассвета подслушали их диалог и решили внести в него свою лепту, направив его возвращаться не быстрым путем — через жилые кварталы, а вдоль набережной? Подобная мысль не показалась Альдану слишком уж невероятной. Да и в целом, после событий последних дней, явно выбившихся из его привычной колеи, мало что могло бы показаться ему невероятным.

Рибан и Синт, несколько раз извинившиеся за то, что пришли без приглашения, не удивили его. От обоих за милю пасло кислым элем и луком — похоже, мысль посетить

особняк Герцога пришла им, когда они ужинали в «Трех арканистах», их излюбленной таверне.

Рассадив гостей, Герцог непринужденно перекинулся с ними шуточками на тему того, что, очень вероятно, Благословение Альдана — спасти красивых утопленниц, а Проклятье — спасти некрасивых, после чего сослался на срочные дела и удалился. Альдану не осталось ничего, кроме как пересказать последние новости.

История произвела на обоих почти что неизгладимое впечатление.

— Шаманской травой, говоришь? — Глаза Рибана азартно заблестели. — Ну ни хренашеньки себе. Так, надо бы мне с Йолаей словечком-другим перемолвиться...

— Д-дурак! — Синт пихнул его локтем. — Мы не за этим сюда п-пришли.

— Правда? — Рибан эффектно разыграл дурачка. — А зачем тогда?

Синт переключился на Альдана:

— Я вот не понимаю: а с какого п-перепугу ты вообще так беспокоишься об этой Шалире...

— Шелиаре, — поправил его Альдан, даже зная, что тот нарочно коверкает имена.

— Ага. Шулоре, я так и с-сказал. Ты спас ее? Спас. Нашел ей временное п-пристанище? Нашел. Ну и м-молодец. Герой! Так почему тебе не пойти с нами выпить вместо того, чтобы торчать тут, в-выжидая, когда она проснется?

Альдан покосился на картину с человеком в капюшоне. Безликий герой Триамны. Как там сказал Герцог? Каждый триамниец втайне мечтает стать этим самым героем? Ну, если это так, то пока что сходство между ним и этим мужчиной в плаще и капюшоне было весьма и весьма отдаленное. Альдан поднялся и, заложив руки за спину, принялся нервно вышагивать взад-вперед по гостиной, поглядывая то на вереницу картин, то на надкаминные фигурки по мотивам аркан.

«А ведь Синт прав», — вскоре пришел он к неутешительному выводу.

Как будто у него и без этой склонной к суициду невесты мало проблем. Как будто не довлеют над ним неразгаданные уже который год Проклятье и Благословение. Как будто не нужно выпрашивать у Алабастиана дополнительные часы в библиотеке, чтобы скопить на следующий триместр и оплату комнаты. Как будто не нужно ломать голову над тем, что делать с пропавшим томом «Архивов». Последнее особенно нервировало Альдана. Вчера, когда они пришли к особняку и он, отдав Шелиару на попечение Йолаи, рассказал о пропаже Герцогу, тот поджал губы, запыхтел, сдерживая эмоции, но в итоге лишь махнул рукой, как бы говоря: «обсудим это потом». Однако Альдан понимал — «потом» не может длиться вечно. Рано или поздно ему придется держать ответ за потерянную драгоценную вещь. И что тогда?

И все же, несмотря на все эти «как будто», Альдан понимал, что не мог бросить эту девушку на произвол судьбы. Вытащив ее из воды, он в некотором роде взял на себя ответственность за нее.

— Боги Рассвета, и что мне теперь с ней делать? — спросил он, обращаясь к самому себе.

Рибан, раскинувшись в кресле, хохотнул:

— Неужто в твоих хваленых книгах не пишут, как утешить разочаровавшихся в жизни невест? Хочешь, подскажу?..

— Озабоченное ты животное, я вообще не об этом!

Рибан пожал плечами:

— Ну и зря.

Альдан старался не обращать внимания на подначки товарища. Еще немного поблуждав по комнате, он остановился напротив картины с Верховным Иерофантом и королевской семьей Гальтии.

— Может, мне попробовать самостоятельно отыскать ее родных? Герцог упомянул, что она сбежала из особняка какого-то архонта...

— О, восхитительная идея! — похвалил Рибан. — Просто, блин, гениальная! Будешь ходить по всем северным кварталам, стучаться в каждый архонтовский особняк и спрашивать: «Извините, это не от вас сбежала невеста — такая черноволосая девушка со склонностью к самоубийству?» Я бы с удовольствием посмотрел на это. Позовешь, прежде чем идти?

— Ладно, ладно, идея так себе... Но хоть что-то я должен делать.

— Может, — вклинился в беседу Синт, — стоит для начала просто по-человечески с Шэлерой п-поговорить, когда она п-проснется? Не д-думал об этом?

— Хм. А в этом есть толика здравого смысла, — согласился Альдан.

— Только будь с ней п-помягче. Не дави на нее, хорошо? А то мы с Р-рибаном тебя знаем...

— Слушай, мне вроде бы не четырнадцать, да?

— Просто ты раньше особо не общался с представительницами противоположного пола, — пояснил за друга Рибан, — вот мы за тебя и беспокоимся...

Альдан замер: над ними раздались приглушенные потолком голоса. Точнее, два женских голоса, и оба Альдан узнал. Вскоре голоса сменились непринужденным смехом.

«А они там времени не теряют».

Альдан осознал, что слегка робеет. А может, и не слегка. Вчера он, конечно, вел себя как настоящий нахал, даже — прости Боги — вlepил Шелиаре пару пощечин, но на то имелись весьма веские причины. Сейчас же его пыл как-то подутих.

— Может... Сходите со мной за компанию? — обратился он к друзьям.

Рибан оглянулся на Синта с победоносной улыбкой. Тот чертыхнулся и бросил Рибану бронзового жаворонка. Альдан покачал головой — и как только Рибан ухитряется каждый раз заставлять его раскошелить Синта? Он и не помнил, когда Синт выигрывал последний раз.

Спрятав монету в карман, Рибан усмехнулся:

— Ну уж нет, Книгочей. Давай-ка сам. Мы, знаешь ли, пойдем обратно. Не будем, так сказать, злоупотреблять герцогским гостеприимством.

— Так каких Сумеречных демонов вы тогда вообще сюда притащились?

— П-подбодрить тебя, дружище, з-зачем же еще.

— Может, вы хотя бы...

— Я сказал, топай. — Рибан несколько раз помахал рукой в сторону двери.

Альдан навернул еще несколько нервных кругов по комнате, после чего все же взял себя в руки.

Дождавшись, когда на первом этаже раздастся голос Йолаи (диалог с двумя девушками сразу он точно не готов был осилить), он под дружные аплодисменты друзей направился к лестнице на второй этаж.

Альдан простоял перед дверью, по самым скромным прикидкам, минут пять,

прокручивая в голове возможные варианты того, как завести разговор. Наконец, перестав переминаться с ноги на ногу, он собрался с духом и негромко постучал.

Через несколько секунд из комнаты немного сонным голосом отозвались:

— Да?

Альдан помедлил, прежде чем надавить на дверную ручку. Вот он, его последний шанс — еще не поздно развернуться и сбежать. Год или два назад он наверняка так бы и поступил.

Альдан открыл дверь и вошел в комнату.

Шелиара, одетая в домашнее бордовое платье, подпоясанное белым кушаком, стояла в задумчивой позе у окна. Профиль ее лица поражал изящными изгибами; темно-русые, почти что черные волосы, сплетенные в две косы, спадали едва ли не к самому поясу. Альдан понял, что вчера явно недооценил ее красоту.

Шелиара повернулась к нему лицом. Их взгляды пересеклись.

«Какие у нее безупречно синие глаза, — пронеслось в его мыслях. — Словно два ограненных сапфира. Как я мог вчера этого не заметить?»

Альдану показалось, что он может в них что-то прочесть... Но что именно? Напряженность? Удивление? Неуверенность? Все вместе?

Опознав его, Шелиара замерла с открытым ртом. Затем помотала головой и, улыбнувшись, небрежно произнесла:

— А, это ты... Альдан. — «Надо же, запомнила». — Рада тебя видеть. Не стой на пороге, проходи, здесь удобнее.

Он кивнул и, закрыв дверь, прошагал на середину комнаты и сел за стол, заставленный подносом с остатками ужина, масляной лампой, странной арканой с какими-то извилистыми тропами и висельником, а также недовышитым изображением... дышленка на черном фоне? Альдан подумал, что лучше не уточнять. Он сглотнул ком и, придав голосу как можно больше твердости, спросил:

— Я тут это... слегка волновался. Как ты, Шелиара?

«Ну все, самое страшное позади».

Шелиара отошла от окна и села за стул напротив. Немного помолчав, сказала:

— Даже не знаю, как тебе ответить. Столько всего произошло... В любом случае, гораздо лучше, чем вчера.

— Это радует. — У Альдана прибавилось уверенности. — Кстати, насчет вчера... Я, возможно, был чересчур резок пару раз...

— Был, — не раздумывая, согласилась Шелиара. — Но если бы не был, не сидеть мне сейчас на этой кровати. Так что я не в обиде. Хотя, признаюсь, еще ни один молодой человек не осмеливался поднять на меня руку.

Альдан отвел взгляд в сторону. Шелиара рассмеялась:

— А Июлая права, тебя легко смутить. Брось, ты все правильно сделал. Боюсь, я никогда не смогу отблагодарить тебя...

Альдан невольно представил Рибана, хихикающего над этой фразой. Мысленно отмахнувшись, Альдан пожал плечами.

— На самом деле даже не знаю, что на меня нашло. Обычно я не отличаюсь... э, излишним желанием творить безумные поступки.

— Тут ты не прав. Безумный поступок творила я, а ты лишь разгребал его последствия, — поправила его Шелиара, после чего издала едва слышный вздох.

Альдан помедлил, не уверенный, что стоит вот так сразу переходить к теме, напрямую

связанной с ее проблемами... Но, с другой стороны, когда, если не сейчас? Стараясь тщательнейшим образом подбирать слова, он произнес:

— Пока ты отдыхала... Герцог поделился со мной тем, что... гложет тебя... изнутри.

— Про Голоса? Как мило с его стороны. Значит, мне не придется рассказывать все по второму разу.

Альдан посмотрел на Шелиару с подозрением. Девушка старалась говорить бодро и даже с нотками веселости, но дергающийся взгляд выдавал ее: на самом деле она была полна беспокойства. Не удивительно, впрочем.

Может, ему все-таки не стоило сюда заявляться? Может, одно его присутствие напоминает ей о вчерашнем и сводит с ума?..

Словно в подтверждение его мыслей, за окном забарабанил дождь.

— Послушай. — Альдан нервно сжал руки поверх стола. — Возможно, мне вообще не стоило поднимать эту тему. Мне не хотелось бы показаться навязчивым или...

— Все в порядке. Я же понимаю, что ты хочешь поговорить об этом не из праздного любопытства. К тому же, я обязана тебе жизнью. Поэтому спрашивай, о чем хочешь услышать. Мне теперь нечего скрывать.

Альдан постарался собраться с мыслями. С чего начать? Стоя перед дверью, ему казалось, что он готов к подобному разговору, теперь же отнюдь не был в этом уверен.

Словно прочитав его мысли, Шелиара сказала:

— Давай, я для начала просто расскажу о себе. О том, что в конечном итоге привело меня к Мосту Королев. Ты же не против? — Альдан пожал плечами, но Шелиара заметила: — Не отрицай, я же вижу, как ты то и дело поглядываешь на мое кольцо. Ничего, мы дойдем и до этого. Так, с чего мы начать, дай подумать... По большому счету, моя жизнь не пестрит каким-то особо яркими эпизодами. Ну, до последних дней, по крайней мере. — Шелиара неуверенно посмеялась. — Наверное, начну с того, что наш род, некогда, говорят, довольно знатный и богатый, уже много веков обитает в Танаане... Ты когда-нибудь был в Танаане?

— Не довелось. Но я слышал, что это красивый древний город.

— Так и есть. Хотя с уверенностью не могу судить — на его улицы меня почти не выпускали. Сам понимаешь — знатное происхождение накладывает на тебя много ограничений...

«Но не так много, как бедное происхождение», — подумалось Альдану.

— А вообще я, наверное, несколько забежала вперед. Мне кажется, все пошло наперекосяк с Первого Закона, принятого нынешним Верховным Иерофантом по получении им Кресла. Из-за него мой отец, он же Диондор Нирааль, после смерти моей матери при моих родах больше не имел права жениться и, соответственно, обрести наследников мужского пола...

Шелиара замолчала, потупив взгляд — рассказывать о таком наверняка было не просто. Воспользовавшись паузой, Альдан поспешил вставить:

— Да, я когда-то читал о том Первом Законе. Его считают одним из самых неоднозначных за всю историю Первых Законов Триамны. Верховный Иерофант, слывший самым благочестивым человеком во всей Претории, хотел упрочнить семейные узы в соответствии с Рассветными Канонами... — «Теми самими, что не рекомендуют мешать самоубийцам». — А в итоге получилось, что тем самым лишь изрядно подпортил жизнь многим семействам... которые оказывались в подобных описанной тобой ситуации.

— Так и было, — согласилась Шелиара. — У отца по сути не осталось выбора; ему

пришлось делать ставку на меня. Я всегда понимала, что однажды, дабы поправить идущие на спад дела поместья, он выдаст меня замуж. — Альдану показалось, что уголки глаз Шелиары слезятся. Или это просто игра света от лампы? — Отец дал мне неплохое по меркам Танаана образование, но... Мне всегда хотелось не столько учить предметы и практиковаться в различных видах искусства, сколько хоть раз увидеть его улыбку. Я переживала об этом, даже не подозревая, что мне Боги Рассвета по Преображении пошлют не менее суровое испытание Проклятьем. Поначалу я справлялась, даже не испытывала практически никаких неудобств, но со временем Голоса будто... Погоди-ка. — Шелиара замерла в неподвижной позе. — Ты слышишь?

— Дождь? Он уже минут пять, как...

— Да нет же! Вслушайся.

Альдан напряг слух и попытался прорваться сквозь монотонную мелодию морозящего дождя. И вскоре понял, что имела в виду Шелиара.

— Набат, — прошептал он, ошеломленный нежданной новостью. — Милостивые Боги, все городские колокольни бьют набат.

— Вовремя же мы его вспомнили...

Они с Шелиарой тревожно переглянулись. Слова были лишними.

Набат, звучащий по всему Священному Исхирону, мог означать лишь одну вещь: Верховный Иерофант, стоявший во главе Триамнийского государства почти двадцать пять лет, скончался.

Приближалось время Священного Синклита и Выборов.

Время перемен.

Ленивым, но точным движением ночь накрыла своим чернильно-бархатным плащом Священный Исхирон.

С каждым часом триамнийская столица все больше погружалась в царство тишины и сна. Городские ворота заперлись на тяжелые засовы. Закрылись торговые лавки и ремесленнические мастерские. Погас свет в окнах Университета, Префектуры Архонтов и Дворца Верховного Иерофанта. Стихли молитвословия в храмах; разве что наиболее благочестивые иерофанты остались, чтобы при свете свечи вознести всенощный молебен об их усопшем главе и светлом будущем Триамны. Жилые кварталы — как бедных, так и богатых районов — также мало-помалу погружались в ночной покой. До последнего сопротивлялись вечно шумные портовый и гергельярский кварталы — но и те через пару часов после полуночи подуспокоились, оставив все заботы на попечение следующего дня. Разве что в нескольких трактирах и тавернах, как и всегда, бурлила жизнь, полная спиртного, аркан, веселых историй и не менее веселых драк — но на фоне раскинувшегося на несколько миль во все стороны города жизнь эта оставалась практически незаметной.

Город спал. Как и его жители.

Впрочем, находились и исключения.

Завершив длившуюся около трех часов медитацию, Шагающий-сквозь-Тьму медленно открыл веки и поднял голову, делая глубокий вздох полной грудью. Будто бы нарочно скапливаясь вокруг нагромождений облаков, на темном полотне серебристо-белыми жемчужинками блестели созвездия. Как и много столетий назад, все так же взмахивала крыльями Ласточка, натягивал лук Стрелок, поднимал в благословении руку Иерофант. Даже Рассветный Менестрель, держа под мышкой подобие музыкального инструмента, все так же продолжал шагать в неведомые небесные дали.

Ночь была любимым временем суток Шагающего-сквозь-Тьму еще в те времена, когда он носил иное имя. В ней все было прекрасно. Никакой суеты вечно куда-то спешащих горожан. Никаких гуляний шумных компаний. Ничего такого, что отвлекает от дел. Город, в который Шагающий прибыл спустя почти месяц после событий на Безымянных Перекрестках, погрузился в безмятежную спячку, до конца которой оставалось еще несколько часов. Более чем достаточно, чтобы выполнить то, за чем он сюда явился, преодолев пешком сотни миль по дорогам и бездорожью.

Шагающий-сквозь-Тьму попытался вспомнить: сколько времени прошло с тех пор, когда он был здесь в последний раз? Кажется, он посещал Исхирон тридцать пять лет назад, чтобы помочь Линнадину спланировать карательную экспедицию в логово Отнимающих — ту самую, что должна была раз и навсегда положить конец этим демонам в людской шкуре. Ту самую, что вроде бы увенчалась успехом. Однако, как выяснилось недавно, успех оказался временным.

Опираясь на поднимающуюся из крыши дымоходную трубу, Шагающий медленно встал во весь рост. Неужели и в самом деле с тех пор прошло тридцать пять лет? Его всегда поражало, как нестабильно течет время сквозь годы и века.

Впрочем, то, что он видел перед собой, не претерпело ни малейших изменений. Через пустынную площадь, справа от взвинчивающегося в небо храма и слева от здания городского казначейства, точно так же, как и семьсот лет назад, возвышалось здание. Окруженное

высокими каменными стенами и угловыми сторожевыми башнями, здание это напоминало даже не крепость, а древний замок — наподобие тех, что искусные зодчие возводили в Древнем Шаугримае, пока Великий Сельвидийский Джихад не положил им конец. Возвышаясь над всеми строениями Северного района столицы, Орден Хранителей Триамнь производил впечатление неприступной твердыни.

Но в том-то и дело, что лишь производил впечатление.

Шагающему-сквозь-Тьму случалось проникать и не в такие твердыни.

На этот раз он тщательно подготовился — события на Безымянных Перекрестках показали, что в Триамне вновь творится какая-то нечисть, а значит, действовать нужно расчетливо и без лишней суеты. Вдобавок, столь внезапная смерть Верховного Иерофанта, Царство Ему Рассветное, сыграла Шагающему на руку: адепты Ордена, насколько ему известно, в такое время с ног до головы погружаются в составление планов относительно того, как заполучить как можно больше мест в Священном Синклите. Последние из орденов, как заметил Шагающий, наблюдая за происходящим с крыши жилого здания, покинули свою твердыню еще пару часов назад. Осталась лишь изредка патрулирующая стены стража — но ту можно было особо не брать в расчет. Это вам не Отнимающие, обученные шаманским напевам.

Он выждал достаточно времени. Можно начинать.

Бесшумной тенью Шагающий-сквозь-Тьму спустился с крыши, очутившись между площадью и зданием казначейства. Вслушался в ночь на случай, если что-то успело пойти не по плану. Но нет — по-прежнему все мирно и тихо. Лишь где-то в отдалении, у самой северной стены, брэнчит оружием ленивый патруль городской стражи да ветер чуть слышно завывает в узких переулках и крышах старых зданий.

Шагающий достал из ножен Стража Рассвета — окружающее пространство озарилось на несколько мгновений ярко-алым свечением. Затем, убедившись, что меч свободно покидает ножны и так же свободно падает в них обратно, еще раз оценил местность. По левую руку, перед главными воротами Ордена, наглухо запертыми и обитыми листовым железом, располагалась площадь. Не считая двух одиноких фонарей по краям и статуи какого-то именитого военачальника в центре, площадь пустовала. Когда-то давно — может, лет пятьсот назад — он всерьез подумывал бы о том, чтобы подойти к воротам Ордена и начать требовательно в них стучаться, а там уже будь что будет. Но сегодняшней ночью Шагающий-сквозь-Тьму не собирался действовать в лоб — на Безымянных Перекрестках подобный метод чуть его не погубил. Так глупо рисковать он больше не собирался. Нужно все проделать с максимальной осторожностью. Как говорится в Верхнем Даньязе, зачерпнуть меда, не разбудив пчел.

Шагающий переметнулся на другой конец улицы, укрывшись в тени, бросаемой вытянутым зданием казначейства. Держась тени, он устремился вперед, чтобы обойти здание Ордена.

В длину стена Ордена простиралась ярдов на сто пятьдесят, не меньше. Через пару минут Шагающий-сквозь-Тьму добрался до ее конца, перебежал улицу, остановившись рядом с выпирающей угловой башней. Окон на башне не было, только на самом верху мерцали огни факелов и раздавались еле слышные отсюда голоса. Шагающий pokrutil головой по сторонам, выискивая постороннее присутствие. Никого — ни на улицах, ни в окнах. Как, впрочем, и ожидалось. Шагающий-сквозь-Тьму свернул от башни налево. Перед задней стеной Ордена с незапамятных времен была высажена огражденная хлипким забором

кедровая роща. Разумеется, она никуда не делась — хвойные великаны, безразличные к людским проблемам, шелестели ветвями в такт порывам ветра. Шагающий почти что улыбнулся: он помнил их, пусть и смутно, мелкими деревцами. Перемахнув через забор, он принялся лавировать между деревьями. На данном этапе он мог позволить себе чуть расслабиться — даже если стражники от нечего делать примутся вглядываться вниз, они не заметят ничего подозрительного.

Он добрался до середины стены — до места, которое с трудом просматривалось с обеих задних угловых башен. Немного постояв, дождался, когда облака наползут на набирающий полноту лунный полумесяц, затмив его свет своими мутно-серыми телами. Что ж, пришло время разузнать, что за сумеречные интриги плодятся в Ордене — месте, что было некогда основано в качестве священного оплота Триамны.

«Пора».

Шагающий поправил Стража Рассвета: ножны с мечом он предусмотрительно закрепил при помощи тугих ремешков за поясом, чуть ближе к спине, чтобы те не цеплялись за стену и не выдали его с потрохами. Проверив, на месте ли отмычки и два метательных ножа (это уж совсем на крайний случай), он вцепился пальцами в стену и начал подъем.

Неопытному глазу могло было показаться, что стена — отвесная, без единого выступа. Проворные пальцы Шагающего-сквозь-Тьму тотчас же принялись доказывать обратное. Он цеплялся за малейшие неровности, после чего переносил вес на руки и умело подтягивался, находя выемку и для ноги. В свое время ему случалось лазить по отвесным и гладким, как стекло, горам и утесам Северо-Западного Хребта — орденская стена не шла с ними ни в какое сравнение. Не прошло и трех минут, как Шагающий добрался до вершины. Вцепившись руками в треугольный зубец, он потянулся и осторожно высунул голову, затем покосился по сторонам. В обеих угловых башнях, каждая ярдах в пятидесяти от него, горел свет, но лишь из левой доносились приглушенные голоса и смех. Шагающий-сквозь-Тьму предположил, что стражники оставили посты, чтобы провести ночной дозор не в одиночестве, а в дружной компании с вином и арканами. Он перевел взгляд вперед, на основное здание Ордена, имевшее форму южнодиалектной буквы Т. На крыше здания не было заметно ни малейших признаков людского присутствия. Логично. Если еще где-то и есть часовые, то внутри.

На всякий случай выждав еще немного, Шагающий-сквозь-Тьму перелез через зубцы на стену. Прополз на животе несколько ярдов — к месту, с которого вниз уходила каменная спиралевидная лестница. К облегчению, факелов вдоль нее нигде не было, а луна по-прежнему пряталась в облаках. Соблюдая полнейшую тишину, он распрямился и начал спуск. Шагающий чувствовал себя уверенно: даже если кто-то из зорких стражников и посмотрит от нечего делать на лестницу, то увидит разве что смутную и размытую тень на фоне теней. Вряд ли это станет поводом для того, чтобы бить тревогу.

Вскоре он достиг низа и ступил на дорожку, ведущую к задней части основного здания. Вдоль нее возвышались, скрывая его от любопытных зрителей, громоздкие гранитные статуи. Это что-то новенькое — последний раз их тут не было. Напротив одной из статуй, показавшейся смутно знакомой, Шагающий-сквозь-Тьму приостановился. Затем хмыкнул, опознав в высокопарном лице одного древнего, но особо ничем не примечательного Магистра Ордена. Возобновив шаг, Шагающий мимоходом всматривался в лица, выискивая знакомые. Изредка такие попадались. Вот потрясает руками Альмандор, возомнивший себя наместником Богов Рассвета и едва не настроивший против Триамны все государства Юга.

Вот, слева, мелькнуло заплывшее жиром лицо Чилака — сребролюбивого дурака, что продался Гальтийскому императору, а потом от осознания собственного предательства повесился на люстре в приемном зале Дворца Верховного Иерофанта. Вот, беззвучно раскрыв рот, стоит Эр Хэррихан — талантливейший политик и оратор, с которым Шагающий в свое время разрабатывал план восстания против Гальтийской империи. А вот, указуя перстом вперед, возвышается Линнадин нор Лидан — целеустремленный Магистр, что решил тридцать пять лет назад сделать Отнимающих не былью, а сказкой.

Тем временем ряд статуй закончился. Шагающий ускорил шаг и, рассекая мрак, юркнул к стене здания. Вокруг все было по-прежнему спокойно, никакого движения или шума. Он сделал глубокий вдох и выдох, приводя себя в расслабленное и одновременно сконцентрированное состояние. Итак, первая часть плана выполнена. Осталась самая малость — очутиться внутри, а затем, миновав несколько коридоров, лестниц и дверей, попасть в место хранения орденских архивов, что в верхних ярусах подземелий. Планировка здания не изменилась — в этом Шагающий-сквозь-Тьму был уверен на все сто. Карту внутреннего пространства главного здания он держал перед собой в голове, а потому превосходно представлял, куда идти.

Несколько шагов вдоль стены, и он оказался перед неприметной боковой дверью. То, что нужно — отсюда он мог попасть в подземелья гораздо быстрее, чем если бы пошел основным путем. К тому же, куда менее вероятно, что на этом пути его будут подстерегать часовые. Толкнув дверь и убедившись, что та не поддается просто так, Шагающий достал отмычки. Навык медвежатника стал одним из первых, что он освоил в совершенстве, когда понял, какое Благословение ему даровали Боги. Несколько точных движений — и замок негромко щелкнул, открывая путь в таинственные недра Ордена. Уже в который раз оглянувшись и убедившись, что никто за ним никто не наблюдает, Шагающий-сквозь-Тьму зашел внутрь и закрыл дверь.

Он почти достиг цели.

Первый стражник попался на его пути не раньше, чем через четверть часа. Облаченный в свободные штаны и темную накидку поверх жилета с алой буквой Т в районе груди мужчина стоял сбоку от запертой двери, опираясь на алебарду и негромко посапывая. По бокам от него два факела коптили невысокий потолок. Шагающий-сквозь-Тьму прикинул, есть ли шанс незаметно снять с его пояса связку ключей, отпереть дверь и бесшумно скрыться, и пришел к выводу, что это не самый лучший вариант развития событий. Увы, придется немного применить силу. В принципе, он догадывался, что так просто в подземелья не попасть. Однако и проливать лишнюю кровь ему не хотелось. Тем более — даже если кто-то из адептов Ордена каким-то невероятным образом и связан с Отнимающими, этот бедолага явно тут не причем. Скорее всего. За прожитые столетия Шагающий научился не разбрасываться людскими жизнями, как монетами при игре в кости.

Бесшумно шагая, он подошел к склонившему на плечо голову часовому. Поднес правую руку к его шее и аккуратно надавил на нужную точку. Часовой чуть дернулся, а затем полностью расслабился. Шагающий-сквозь-Тьму подхватил его и выскальзывающую из его рук алебарду, прислонил к углу. Убедившись, что тот заснул еще более крепким сном, забрал ключи. Через несколько секунд дверь поддалась, и Шагающий вышел к лестничному пролету.

Сверившись с картой в голове, он спустился на два яруса. Затем, убедившись, что

поблизости никого, свернул в длинный узкий и почти не освещенный коридор, ведущий ко входу в подземелья. Отлично. Осталось всего ничего.

Посреди коридора он инстинктивно остановился. Не теряя осторожности, присел на корточки, потрогал пальцем пол — палец наткнулся на что-то влажное. Шагающий-сквозь-Тьму поднес палец к носу и принюхался. Чутье его не подвело. Фонарное масло. Причем довольно свежее. Откуда оно здесь? Пока что на стенах и у часовых он видел одни лишь факелы. Тогда... Неужели в такое время тут может находиться кто-то из орденцев? Маловероятно, насколько он знал Орден и его адептов. В отличие от Отнимающих, эти люди делали свои дела при свете дня. И все же фонарное масло не давало Шагающему покоя. Прибавив бдительности, он поднялся и продолжил идти.

Ближе к концу коридора он скользнул к стене — впереди коридор расширялся, переходя в лестницу из семи ступеней вниз. За ней сквозь две распахнутые створки виднелась часть круглой комнаты, в конце которой находились двери в подземелье. Шагающий-сквозь-Тьму теперь ступал втрое медленнее — в комнате впереди, озаряемой изнутри отблесками факелов, он ощущал людское присутствие. Оно и логично — подземелья хранят множество ответов на самые разные вопросы, в том числе и касательно нынешних планов Ордена; оставлять их без охраны — последнее, чего стоит ожидать от орденцев.

Шагающий остановился у ступеней, слившись с тенями. Он напряг до предела все чувства, чтобы понять, сколько в комнате стражников. Вскоре слух и обоняние подсказали ему правильный ответ — четверо.

Однако. Шагающий-сквозь-Тьму мысленно выругался. Это не входило в его планы — он рассчитывал максимум на двоих. Их он бы сумел уложить в спячку без особых усилий; с четырьмя же это будет в разы сложнее. Если хоть один из них не дремлет — а, похоже, так оно и было — поднимется шум. А уж если они успеют пустить в ход оружие... Шагающий чуть качнул головой. Нет, не вариант. Чересчур рискованно. Ни в коем случае не следовало допускать кровопролития. Похоже, выход оставался один — прибегнуть к помощи мистического искусства Древнего Шаугрима, что уже десятки раз выручало его в подобных ситуациях. Пока не спящие стражники будут пытаться понять, почему погасли факелы, он успеет оставить каждого из них без сознания. По крайней мере, попытается это сделать.

Конечно, риск все равно оставался, но уже не такой большой. Другого способа Шагающий-сквозь-Тьму не видел.

Он прикинул радиус, который охватит Сфера. Комната впереди небольшая. Как раз должно хватить.

Оставаясь по-прежнему вне пределов видимости стражников, Шагающий успокоился, прикрыл глаза, ввел себя в состояние медитации и принялся еле-еле слышно — так, что даже факелы горели громче — шептать Истинные Слова. Воздух перед ним чуть задрожал, как в знойный день.

Неладное он почувал где-то на середине фразы. Что-то изменилось. Как будто добавилось еще чье-то присутствие. Но чье и где?.. Не прерывая шептаемых слов, Шагающий-сквозь-Тьму покосился по сторонам. Никого. И впереди, в комнате, все по-прежнему тихо. Тогда почему ему кажется, будто кто-то следит за ним? Ждет, когда он расслабится, чтобы нанести удар в спину...

В спину?!

Не выходя из состояния медитации, он оглянулся на коридор, из которого пришел, и взгляделся во тьму. Точно. Кто-то появился там и шел тем же путем, что и он сам. Почти не

раздумывая, Шагающий-сквозь-Тьму зашептал слова вдвое быстрее. Это несло с собой большой риск — стоит сделать малейшую запинку или неправильно произнести букву, как вместо Сферы-Поглощающей-Свет не нашедшая воплощения энергия вырвется на свободу и разорвет его на части. Но он и без того рисковал, заявившись сюда — так что выбора, по сути, не было. Человек приближался. Теперь Шагающий, даже не напрягая органы, слышал его шаги и видел очертания.

В этот же момент его внимание привлекли звуки с другой стороны. В комнате происходило какое-то движение, как будто стражники также обладали усиленным чутьем и почувствовали приближение того, кто шел по коридору. Стало ярче; Шагающий-сквозь-Тьму почувствовал знакомый запах — кто-то зажег масляный фонарь. Заскрежетало доставаемое оружие. Шагающий вновь обернулся направо. Человек в свободных белых одеждах шагал напрямиком к нему, вскинув руки в странном жесте. Да что за Сумеречная демонщина здесь происходит?!

«Еще немного...»

Шагающий-сквозь-Тьму взял самый быстрый темп, на который только был способен. Мрак сгустился вокруг него, готовясь облечься в нужную форму. Воздух дрожал. Совсем чуть-чуть. Последние Истинные Слова срывались с его губ, будто стрелы из лука...

Вспышка ярчайшего белого света разорвала окружающее пространство.

Мир безумным вихрем завертелся вокруг него. Так и не договорив нужных слов, Шагающий кубарем покатился по лестнице. Одна за другой, ступеньки приветствовали его каменными объятьями. Наконец, падение закончилось. Внутренний голос твердил, что нужно подниматься, причем как можно быстрее, но тело не торопилось соглашаться. В ушах гудело, как если бы Шагающий побывал под куполом колокола в момент звона. По лицу, кажется, текла кровь. Собрав внутреннюю волю в кулак, Шагающий-сквозь-Тьму приподнялся на четвереньки.

Что произошло?..

Он посмотрел сквозь распахнутые двери. Четверо вооруженных людей неспешно двигались в его сторону из середины комнаты. Запоздалое понимание пришло к нему. Никакие это не орденские часовые. У них даже форма другая — вместо накидок тело защищают плетеные кольчуги, а у двоих — еще и нагрудные панцири. Он сразу опознал движения и походку бывалых воинов.

«Вставай и сражайся, немощный старик!» — приказал Шагающий-сквозь-Тьму самому себе.

Он сунул руку за пояс и с разочарованием понял, что меча там нет. Оглянувшись, обнаружил ножны на четвертой ступеньке. Чертовы ремешки! Схватив ножны, он с криком поднялся на ноги и выдернул Стража Рассвета. Рубиновое сияние озарило полумрак. Идущие приостановились.

Сзади раздались шаги. Шагающий вспомнил про человека в белом, что ослепил и сбил его с ног какой-то вспышкой явно неземного происхождения. Дело принимало скверный оборот. Совсем скверный. Эти пятеро были готовы к этой встрече. Ему устроили западню, а он даже не почувствовал подвоха. Все повторялось. Только на этот раз — он почему-то был уверен — все обстояло в разы серьезнее, чем на Безымянных Перекрестках.

Шагающий-сквозь-Тьму понимал, что нельзя позволить противникам зажать себя между лестницей и комнатой. Ему ничего не оставалось, кроме как отбросить ножны и с нечеловеческим рывком ринуться вперед, вложив все силы в стремительную атаку.

Противники чуть разошлись и приняли оборонительные позиции. Второй слева обнажил длинный меч, третий выставил вперед копьё, четвертый закрутил с характерным звуком боевую цепь, первый направил на него арбалет...

Шагающий едва успел уклониться в сторону от молниеносного болта — лишь отточенные веками рефлексy спасли его. Он тут же метнулся к стрелку, надеясь достать его, пока тот не успеет перезарядить либо сменить оружие. Копьё выстрелило ему наперерез, заставив отразить удар. Шагающий-сквозь-Тьму ударил наотмашь чуть ниже клиновидного наконечника, надеясь, что лезвие Стража с легкостью разрубит древко копьё. Но Сумеречные ЛжеБоги его знают, из чего выковали это копьё — оружия столкнулись и отскочили друг от друга, не причинив вреда. Шагающий отпрыгнул в сторону и выругался про себя.

Противники не спешили с действиями, очевидно, понимая опасность скорой атаки. Шагающий-сквозь-Тьму как бы невзначай перекинул меч в левую руку, а правую запустил за пояс. Мгновением спустя два метательных ножа отправились в полет. Первый достал свою цель — перезаряжающий арбалет орденец дернулся и с хрипом выпустил оружие, когда нож вонзился ему в шею. Второй нож также летел прямо по курсу — под сердце того, что с мечом — когда обладатель боевой цепи точным ударом разбил его в полете. Затем, зарывчав, орденец с цепью бросился в его сторону со скоростью сельвидийского леопарда. Шагающий ничего не понимал — обычному человеку, пусть даже прошедшему обучение в даньязских рыцарских святилищах или монастырях Шаугрима, не подвластны такие рефлексy и скорости. Благословение?

Он чуть отошел в сторону и, присогнув ноги в коленях, встретил цеписта точным диагональным выпадом. Тот принял удар на цепь, и Страж Рассвета едва не вылетел у Шагающего-сквозь-Тьму из рук. Цепь вновь взлетела в воздух, и ему пришлось уйти в оборону. В огненных отсветах факелов проглядывалось искаженное звериной яростью лицо атакующего — тот выглядел настолько безумным, как если бы принял лишшающее разума зелье.

Отражая град ударов, Шагающий пытался придумать какой-никакой план. Увы, в голову не приходило ничего дельного. Круглая комната, в которой они сражались, также никак не могла ему помочь — ни мебели, ни подручных предметов, лишь факела вдоль стены да подвешенный к потолку масляный фонарь...

Фонарь?

Уклонившись от очередного выпада, Шагающий-сквозь-Тьму резко бросился вправо. Человеком с мечом выскочил ему навстречу. Два меча сошлись с режущим уши лязгом, и серебристо-рубиновые искры рассыпались в воздухе. Шагающий приложил все усилия и оттолкнул противника назад. Затем в два прыжка оказался рядом с местом, где висел фонарь. Подцепил его лезвием и бросил в копейщика, как раз собиравшегося проткнуть его насквозь. Бросок получился отменным — фонарь попал тому прямо в голову и разбился, выплеснув содержимое. Шагающий-сквозь-Тьму прыгнул вперед и, пользуясь заминкой копейщика, замахнулся для решающего удара, когда, словно из ниоткуда, на его пути возник тот, о ком он успешно забыл.

Безоружный человек в длинных белых одеяниях.

Шагающий повел Стража Рассвета вперед и наискось, меняя цель. Человек в белом стремительно хлопнул в ладоши, и вспышка ярчайшего света вновь озарила все вокруг. Шагающий успел прикрыть глаза, но не успел полностью увернуться от нового удара цепью — та зацепилана излете его левую лодыжку. Ногу пронзила боль. Потеряв равновесие, он

упал на колени. Стиснув зубы, ткнул мечом перед собой, все еще надеясь достать гребаного светового колдуна...

В этот миг что-то тяжелое впечаталось ему в затылок, и мир резко погрузился в темноту.

Известие о смерти Верховного Иерофанта застигло их на подъезде к Квибару, небольшому городу в пятидесяти милях к северу от Священного Полуострова. Столь неожиданная новость заставила Наллара нор Керрано не на шутку беспокоиться.

«Вот зараза. — Чем больше Наллар обдумывал услышанное от скакавшего навстречу гонца, тем меньше новость ему нравилась. — В Гильдии меня клятвенно уверяли, что старик еще протянет если не пару месяцев, то как минимум три-четыре недели. Времени чертовски мало. Нужно торопиться, если хочу попасть в Исхирон прежде, чем все закончится».

Насколько Наллару было известно, уже через несколько суток после кончины Верховного Иерофанта созывается Временная Ассамблея, в которой между тремя основными политическими группировками — Советом Архонтов, Преторией Иерофантов и Орденом Хранителей Триамны — разгорается нешуточная борьба за количество мест в Священном Синклите, совете из двадцати четырех человек, из членов которого, собственно, и избирается Верховный Иерофант. Формирование Синклита обычно занимает около десяти суток. Примерно столько же делятся сами Выборы. Последние вообще представляют из себя странную штуку. Наллара до глубины души поражала эта несуразная система, при которой на пост Верховного Иерофанта может претендовать человек, не носящий священного сана: орденец или архонт. Впрочем, это еще куда ни шло — можно понять, что в иные времена стране требуется в качестве правителя не жрец, а ученый муж или опытный управленец из Ордена. Вершиной же триамнийской политической странности Наллар определенно считал Первый Закон.

Считается, что право провозглашения Первого Закона Верховные Иерофанты унаследовали от одного из Богов Рассвета. С другой стороны, каких еще объяснений можно ждать от язычников — они что угодно готовы свалить на предписания своих «священных» книг и преданий. Достоверно Наллар знал следующее: после формирования Священного Синклита каждый из двадцати четырех кандидатов на сан Верховного Иерофанта должен выступить перед остальными с речью о том, какой первоочередной закон он собирается принять, если получит сан — во многом именно это выступление влияет на его шансы. Новоизбранный же Верховный Иерофант на рассвете следующего дня после избрания провозглашает с дворцового балкона Первый Закон, мгновенно вступающий в силу. Многовековая история Триамны показывала, что далеко не всегда описание Первого Закона перед Выборами и его окончательной версии совпадает; например, почивший Верховный Иерофант до получения сана божился, что воплотит в жизнь граждан Триамны необходимые для поддержания благочестия Рассветные Каноны, а по итогу просто-напросто принял Закон о запрещении второбрачия. И это еще далеко не самый яркий пример.

Наллар подозревал, что именно из-за нестабильности Первого Закона Гильдия отправила его наблюдать за грядущими Выборами. Кто знает — вдруг поддержку большинства получит какой-нибудь ненавидящий Гальгию архонт, и Первым Законом он провозгласит «священную» войну или что-нибудь в этом роде. А у его величества Ваганнамара и без подобных фокусов со стороны триамнийцев забот выше крыши.

В остальном же на Выборах главы Триамны — опять же, если верить прочитанным сведениям — все как и везде: процветают взятки в крупных размерах, уговоры и запугивание, поливание грязью конкурентов, а то и заказные убийства. Подобное могло

удивить Наллара лет так двадцать назад, но не сейчас; в Кирикийских княжествах, Сельвидийском султанате и Гергельяре он был свидетелем и не таких политических игрищ. Вряд ли триамнийцы, пусть и претендующие на власть, могут тягаться интригами с султановскими визирями. Хотя кто его знает...

Наллар начал было предаваться воспоминаниям о двух с половиной годах, проведенных в султанате — годах постоянного беспокойства, когда любая ночь грозила стать для него последней — но тут повозку затрясло. Похоже, они миновали въезд в Квибар и теперь колесили по городской мостовой, мощеной бульжником. Наллар раздвинул занавески, открыл окошко и высунул голову из повозки. Все оказалось именно так. Солнце клонилось к горизонту, прячась за крышами приземистых домиков. Они неспешно ехали по окраинным кварталам города; повсюду, на узких улочках, слонялись люди. Выглядели они донельзя странно. Дети, юноши и девушки, мужчины и женщины, даже старики — все нарядились в черно-алые наряды. Большинство из них, поднимая ладони к небу, что-то причитали. Кто-то сидел на тротуаре и, подняв голову к небу, негромко бормотал. Схожую картину Наллар наблюдал все в той же Сельвидии — когда у султана родился первенец, и народ ликовал трое суток. Только здесь горожане явно не ликовали. Скорее, наоборот.

«Всематерь, что с ними не так?»

Пользуясь предоставленной возможностью, Наллар внимательно изучал их. Почему-то триамнийских горожан он раньше представлял себе по-другому. Кардинально иначе. Все же, они язычники, это раз. Живут по варварским законам, основывающимся, опять же, на мифах и легендах — это два. И то, что подавляющее большинство из них по натуре своей хитры, лживы и продажны — об этом знал едва ли не каждый гальтийский ребенок. Но люди, которых он видел перед собой, казалось, были всецело поглощены горем. Будто не какой-то дряхлый старик отошел в иной мир, а Зимняя Чума выкосила каждую вторую семью.

«Возможно, я вижу лишь внешнюю сторону медальона». — Наллар не любил спешить с выводами. Особенно когда дело касается целого народа.

В скором времени повозка затормозила напротив трехэтажного бревенчатого здания. Над входными дверьми покачивалась на цепях вывеска с надписью «Берлога отшельника». Это был уже пятый по счету постоялый двор, название которого так или иначе оказывалось связано с одной из двенадцати аркан. Наллар в очередной раз мысленно укорил себя за то, что перед началом миссии проигнорировал эту часть триамнийской жизни. Впрочем, за последние несколько суток пути он с лихвой наверстал упущенное. Более того — ему удавалось выигрывать у Ойлегера почти что в половине игр.

А это было, на взгляд Наллара, большим показателем.

Спустившись с повозки на пешеходную часть мостовой, Наллар, продолжая с любопытством глазеть по сторонам, дождался, пока торговец пряностями переговорит с местным конюхом и отдаст тому поводья. Затем, когда конюх вместе с лошадьми и повозкой удалились, кивком указал на гомонящих горожан.

— Почему все так суетятся? — спросил он у всеведущего в подобных вопросах торговца. — Что на них нашло?

— Как почему? — Ойлегер выглядел озадаченным. — Так ведь сам Верховный Иерофант ушел из жизни...

— Да это я понял. Я имею в виду... Какое им всем дело до этого Верховного Иерофанта? — Наллар указал рукой на здание (судя по пиле на вывеске, плотницкую мастерскую) на другой стороне улицы, перед которым собралась группа детей, что-то

дружно распеваящих. Даже они невесть где раздобыли ало-черные штаны и рубахи. — Большинство триамнийцев в жизни его не видели. В прямом смысле слова: у вас ведь даже монеты без лица правящего монарха... в смысле, Верховного Иерофанта.

Ойлегер повел головой вбок, выражая легкое несогласие.

— Как тебе объяснить... Верховный Иерофант испокон веков символизирует мир и стабильность для всей страны и всех ее жителей. Для большинства триамнийцев он почти что святой человек. Гарант спокойствия и процветания. Считается даже, что его избирают не столько члены Священного Синклита, сколько сами Боги Рассвета. И я не преувеличиваю. хочешь, сам иди и спроси.

Наллар недоверчиво хмыкнул.

— Да ведь они на каждом Выборах грызутся между собой за этот сан?

— Не придирайся к мелочам, шпион.

— Прекращай. — Наллар нервно заозирался по сторонам. К счастью, никому не было до них дела. — Я серьезно: прекращай эти свои штучки, по крайней мере, когда вокруг нас люди.

— Ладно, ладно. Как скажешь, Цэсэй. — Ойлегер пожал плечами.

Где-то в дальней части города пробил колокол. Группа детей сорвалась с места и, не прекращая пения, двинулась вдоль мостовой. Наллар услышал отрывок из песни.

...Там, где нет зимы и лета,

Где любовь течет рекой —

В Царстве Вечного Рассвета

Нынче он обрел покой...

Затем дети перешли на бег, и продолжение песни затерялось в топанье ног и прочих звуках оживленного города. Наллар заметил, что многие горожане прекратили сидеть и стоять на одном месте и неспешным шагом направились в ту же сторону, что и дети. Группа пожилых дам заставила Наллара и Ойлегера отойти с дороги, чтобы не мешать интенсивному движению.

Наллар недоуменно почесал затылок.

— Откуда такая толпень? — негромко поинтересовался он у беззаботно улыбающегося Ойлегера. — Им всем что, работать не надо? Куда все идут?

Еще один удар колокола прогремел вдали.

— Похоже, что на городскую площадь.

— На площадь? И что же там такого интересного... на этой площади? — Внезапно блестящая догадка озарила Наллара. — Ставлю бронзового жаворонка, что в память об этом Иерофанте...

— Верховном Иерофанте, — мягко поправил его Ойлегер.

— Да знаю я! В память о нем на площади будут раздавать бесплатную еду и выпивку, так? Возможно, еще и представление какое покажут. Ну, я прав?

Торговец рассмеялся.

— Хорошая попытка, Цэсэй. В очередной раз ты подтвердил, что азарт — твое второе я. Но, увы, жаворонка ты проспорил. На площади состоится местный Чин Поминовения Усопшего. Хочешь, пойдём посмотрим? Думаю, тебе будет полезно.

Прислонившись к стене постоянного двора, Наллар задумался. С одной стороны, они не ели с самого утра. С другой... Он ведь дал себе обещание, что больше не прошляпится на какой-нибудь мелочи триамнийской жизни. Так что посмотреть на подобное зрелище и

впрямь будет нелишним.

— А, знаешь, почему бы и нет. Только... — Глядя на проходящих мимо, Наллар насторожился. — Нам ведь тоже надо вырядиться в... вот это вот, да?

Ойлегер с усмешкой похлопал его по плечу.

— Ты умнеешь на глазах, пилигрим. Вообще желательно. Если, конечно, хочешь избежать лишних вопросов. Пойдем, — он указал на вход в «Берлогу отшельника», — зайдем. Уверен, для такого случая у них найдется парочка лишних одежек.

Когда они, одетые в алые рубашки и черные штаны и плащи, пришли на центральную площадь, Чин Поминовения уже шел вовсю. Народу собралось тьма-тьмушая: Наллар предположил, что здесь едва ли не все население Квибара. С пару десятков тысяч черно-алых горожан пришли, чтобы отдать дань уважения тому, кто два с половиной десятилетия стоял во главе страны. О том, чтобы найти место недалеко от помоста в центре площади, не могло идти и речи; им пришлось довольствоваться тем, что нашлось относительно укромное местечко на краю площади, между какими-то колючими кустами и гончарной мастерской.

После того, как хор из дюжины человек допел долгое и довольно унылое песнопение (скорее всего, псалом, хотя Наллар понятия не имел, что еще, кроме псалмов, могут петь триамнийские хоры), а в воздух взлетели клубы кадильного дыма, вперед остальных выступил бородатый пожилой мужчина, облаченный в длиннополую алую мантию и треугольную белую митру.

«Один из местных иерофантов», — сообразил Наллар.

Пока что с языческими жрецами он сталкивался лишь при игре в арканы, не в живую. Но все меняется.

— Услышим же слово, — прогремело над площадью, — из недр веков исходящее, Истиною Божественною подкрепленное и потомкам на память оставленное.

Насыщенный баритон иерофанта эхом разносился по площади, так, что даже им было хорошо слышно каждое слово. Наллар сначала удивился, затем резонно предположил, что по-любому здесь замешано Благословение — нормальные люди попросту не умеют так громко разговаривать.

Два юноши поднесли и раскрыли перед жрецом толстенный фолиант. Иерофант, выждав паузу, принялся читать:

— Случилось то во дни, когда мир был юн, а Боги Рассвета в людском обличье ходили по землям Севера, Юга, Запада и Востока, обучая и научая простых людей, еще не познавших вражды и ненависти, премудростям жизни. На полуострове же, омываемом южными морями, жил богатый князь. К востоку от его дворца шумели теплые воды бухты, а с других сторон раскинулись густые леса. Семь дочерей родила князю жена, и каждая была красавицей. Но прекраснее всех была младшая из них, юная Као — глядя на нее, замирали и люди, и звери, и даже светила останавливались в небе, дабы полюбоваться ее неземной красотой. Множество женихов из самых далеких земель прибывали в княжеский дворец, прося ее руки — но, видя печаль в глазах любимой дочери, князь отказывал им всем.

Иерофант подождал, пока расторопные юноши перелистнут страницу, после чего возобновил громогласное чтение:

— В жаркие летние дни княжна обыкновенно сбегала из дворца, чтобы насладиться прохладой и одиночеством у родника в густом и темном лесу к югу. Чтобы скука не овладела ей, она брала с собой любимую детскую игрушку — крохотного жаворонка, сотканного

искусными мастерами из льна и небесного шелка. С ним она играла, подбрасывая его к ветвям старой ивы и ловя на лету. Но вот однажды она ненароком споткнулась о корень дерева, и не успела поймать жаворонка. Тот пролетел мимо ее ладони и упал в родник, такой глубокий, что казалось, будто у него и вовсе нет дна. Юная Као расплакалась, понимая, что никак не может вернуть драгоценную игрушку. И вот позади нее раздался ласковый голос: «О чем ты плачешь, княжна? Твои рыдания настолько громкие, что скоро вместе с тобой расплачутся не только деревья, но и камни». Княжна обернулась и увидела перед собой прекраснейшего юношу в белых, будто бы даже светящихся одеждах, и с длинными алыми волосами. «Я плачу оттого, — ответила она, вытирая слезы рукой, — что мой жаворонок упал в этот бездонный родник, и теперь мне его не достать». Юноша улыбнулся и сказал в ответ: «Оставь слезы, о прелестнейшая из дев, ибо нет в этом мире ничего невозвратного, кроме смерти». Он подошел к роднику и, не раздумывая ни мгновения, нырнул в его глубины. Княжна испугалась, что напрасно погубила еще и юношу, но тот вскоре вынырнул обратно и вернул ей игрушку. И в тот момент, когда их пальцы соприкоснулись, они оба поняли, что любовь связала их сердца воедино. И спросила Као: «Ответь мне, кто же ты, о прекраснейший из всех женихов?» И ответил он: «Я один из двадцати пяти, что спустились с небес, чтобы направлять и наставлять. И имя мне — Исх». И ужаснулась Као, поняв, что влюбилась не в простого смертного, но в одного из Богов Рассвета. Но тот крепко обнял ее и произнес: «Не бойся, ибо братья мои продолжают свой путь; я же клянусь любить тебя, покуда могу ходить по сей брэнной земле». И вернулись они вдвоем во дворец князя, и сказала Као отцу: «Княже, вот тот, кто достоин стать моим мужем». Возликовал князь, услышав эту новость, и приказал двору готовиться к свадебному пиру.

Иерофант вновь замолчал и, пока юноши перелистывали страницу, поправил спадающую на лоб митру. Наллар поймал себя на том, что ждет продолжения истории — безусловно, он слышал эту одну из известнейших триамнийских легенд, но в укороченной версии. Наконец, иерофант вернулся к чтению:

— И вот, множество гостей из самых разных уголков Четвероземья прибыли на свадьбу в княжеский дворец, дабы поздравить жениха и невесту. Брага и мед, эль и вино лились рекой, и не было пределов ликованию. Но под самую ночь двери пиршественного зала распахнулись, и на пороге возникла горбатая и сморщенная старуха, в которой некоторые узнали шаманскую ведьму с проклятого Богами острова. Страх и ужас охватил пирующих. Ведьма же взглянула в глаза Исху и прошипела подобно змее: «Знаю я, кто ты и какими силами владеешь, и не в моей власти противостоять тебе. Но за то, что не позвал меня на этот праздник, отныне проклята будет жена твоя: иссохнет чрево ее, и не сможет родить тебе детей». Стражники бросились к ведьме, но та обратилась в летучую мышь и покинула пиршественный зал через открытое окно. И вот, сбылось ее злое пророчество: год за годом сменяли друг друга, но Као не могла зачать. Множество слез пролила она, понимая, что бессильна противостоять черному колдовству. И однажды, когда гуляла она с мужем по лесу, набрали они на тот самый родник, рядом с которым впервые встретились. И разорвал тогда Исх на себе рубашку, и вскинул руки к небу, и сказал: «Горе мне! Ибо на что мне моя неземная мудрость, на что мне моя вечная молодость, если не могу помочь я той, которую люблю всем сердцем». И, отослав жену во дворец, провел он сорок восемь дней и сорок восемь ночей у того родника, творя знанием божественным великую ворожбу, неподвластную людскому разуму. На сорок девятый же день вернулась Као в лес, и ужаснулась, ибо на месте родника возвышался теперь громадный фонтан, а рядом с ним

лежал обессиленный Исх. Увидев ее, улыбнулся он и сказал: «Као, звезда моя ненаглядная. Вот Фонтан, мною сотворенный из бездонного родника. Создав его, я нарушил один из небесных запретов, и отныне не смогу вернуться обратно со своими братьями, но это и не важно. Прощу, войди же в Фонтан этот, и Преобразись, и прими водное Благословение, что освободит тебя от ведьминых злых чар». И, доверившись Исху, вошла Као в воды Фонтана, и воистину Преобразилась, и тотчас почувствовала, как отступили от нее темные чары, и что чрево ее способно зачать.

Страница перевернулась, и иерофант, собравшись с силами, продолжил все тем же звучным и громким голосом:

— Возликовал Исх, что превозмог темное колдовство, но недолго длилась его радость. Ибо даже он, один из Богов Рассвета, не мог знать, что воды Фонтана берут за свое Благословение нечто взамен. И в ту ночь, когда пришел он к возлюбленной, дабы возлечь с ней на ложе, отвергла его Као и сказала: «Прости, Исх. Но не бьется мое сердце, как раньше, когда я вижу тебя; не тянутся мои руки погладить твои алые локоны; увяли мои чувства, как цветок садовой розы в закатных лучах. И если ты по-прежнему любишь меня, то заклинаю: оставь меня и уйди, ибо жизнь с тобою отныне превратится для меня в ужаснейшую из пыток». Не было пределов горю Исха. Проклял он себя за неразумное творение, и покинул дворец весь в слезах, и ушел скитаться по миру. Утратив Божественную сущность, не мог он отныне вернуться на небо прямым путем. И одни говорят, что, не выдержав горя, сбросился он с вершины самой высокой из земных гор и исчез во тьме Сумеречной Обители; другие — что отправился мстить шаманской ведьме и сгинул на зловещем острове; третьи — что, неподвластный людским болезням, он и поныне скитается по миру, отвергнутый землей и небесами.

На этот раз пауза между страницами продержалась гораздо дольше — будто бы иерофант оставил слушающим время осознать услышанное, прежде чем перейти к продолжению:

— Несколько лет минуло с той поры. Другие же Боги Рассвета прослышали о случившемся и, собравшись, пришли ко дворцу состарившегося князя. «Княже, — обратился к нему один из Них, — подскажи, где тот Фонтан, забравший силу нашего брата?» «Мне это не ведомо, — уставшим голосом ответил тот. — О том месте знает лишь Као. Идите и спросите ее». «Но мы нигде не видели ее во дворце», — удивились Боги. «Она больше здесь не живет, — пояснил князь. — Два года назад она влюбилась в деревенского кузнеца и сбежала к нему, опозорив мои седые волосы». Услышав это, Боги покинули дворец, разыскали на окраине поселения дом кузнеца и обнаружили внутри счастливую пару с тройней на руках. Догадавшись, кто пришел в их дом, Као и кузнец опустили на колени, но Боги остановили их и наказали подняться. «Мы пришли сюда, чтобы отыскать в здешних лесах творение нашего брата, погубленного земными страстями. Ты поможешь нам?» Као согласилась, и отвела Богов к роковому месту, после чего, не желая вспоминать прошлое, поспешила вернуться к семье. Долго думали Боги, что делать с этим Фонтаном, ибо знали, что хитрость, ненависть и коварство будут со временем все сильнее разжигаться в людских сердцах. И наконец, решили они оставить Фонтан на месте, дабы всякий возжелавший мог обрести в нем водное Благословение. И вернулся один из Них к князю, и сказал: «Княже. Скоро придет нам время вернуться туда, откуда мы явились, и не сможем мы более присматривать за великим творением брата нашего. Созови же с полуострова всех жрецов, и выбери из них мужа достойнейшего, и поставь его следить за Фонтаном, дабы проверял он

веру каждого желающего окунуться в его воды». Так и поступил князь, и завещал жрецам завет Богов: избирать из числа своего главу, что должен надзирать за величайшим из творений Четвероземья. Боги же тогда покинули южный полуостров и более в нем не появлялись. Лишь вернувшись в Рассветное свое Царство, взялись они следить за Фонтаном с небес, посылая каждому новопретворенному как помощь, так и испытание. На том и завершилась глава сия.

Закончив чтение, иерофант захлопнул фолиант и поднял голову, оглядывая толпу. Юноши унесли книгу. Площадь охватила тишина. Наллар предположил, что сейчас запоют хоры, но не угадал — иерофант вновь заговорил:

— Такова история возникновения Фонтана Претворения и сана Верховного Иерофанта. Мы знаем, что с течением времени все больше людей со всех краев земель, что позже назовут Триамной, стали стекаться к Фонтану. Леса вырубали, и через несколько лет на их месте возник город, названный в честь того, кто заложил его основу. Священный Исхирон. С тех времен утекло много воды, и многое изменилось в поднебесном мире. Но, как и тысячелетия назад, по-прежнему бьет ключами Фонтан, принимая в свои воды всех желающих, и Верховные Иерофанты, обитая в том самом дворце, что князь позже передал жрецам, блюдут оставленный завет. — Иерофант сделал шаг вперед, подступив к краю помоста. За его спиной наливалось алым заходящее солнце. — И вот вчера все мы были потрясены новостью о том, что очередного верного слугу призвали к себе Боги. Казалось бы, только вчера он, держа руки на Рассветных Канонах, приносил клятвы Богам и Триамне, только вчера провозглашал Первый Закон... — Неподдельная грусть сквозила в голосе иерофанта. — Но, увы, земное время летит беспощадно быстро. Нынче же мы с вами вознесли мольбы о том, чтобы Боги Рассвета приняли Верховного Иерофанта в своем Царстве со всеми почестями, которые он, безусловно, заслужил, а также о том, чтобы в скором времени даровали нам нового избранника. Избранника, способного нести эту непростую ношу во славу Триамны. Помните об этом, граждане Квибара! Чем больше прошений и молитв вы будете возносить небесам в ближайшее время, тем скорее они откликнутся. Помните и действуйте! И воистину, да будет так.

Закончив речь, иерофант медленно воздел руки над головой и поочередно благословил ими все четыре стороны. Попавшие под благословение склоняли головы. Даже Ойлегер совершил длительный кивок. Наллар хмыкнул, но кланяться не стал — маскировка маскировкой, но участвовать в языческих ритуалах он совершенно не собирался. Всему есть предел.

Тут же стало ясно, что на этом Чин Поминовения закончился — народ загудел и начал постепенно расходиться с площади. Наллар и Ойлегер, не сговариваясь, остались ждать, пока людской поток перестанет быть похожим на горную лавину.

— Как тебе? — между делом спросил торговец.

— Сказка понравилась, — честно ответил Наллар. — Красивая история. Правда, в моей стране во всех сказках счастливый конец. Если любовь, то уж до гроба. Со смертью в один день.

— Вот как? И каково оно потом, когда в жизни все оказывается совсем не как в сказках? — Не дождавшись ответа, Ойлегер фыркнул и покачал головой. — Странные же вы люди, гальтийцы. Ладно. Ну что, вернемся перекусить и проверить полученные в дороги навыки?

Наллар приподнял бровь.

— Ты это про арканы, что ли?

— А про что еще.

— Так а разве... — Наллар слегка замялся. — Ну, все ведь скорбят...

— А ты разве не знаешь, что именно этот Верховный Иерофант окончательно утвердил арканы как игру, а не как гадательное искусство? Хотя да, откуда тебе. — Ойлегер чуть развел руками в стороны, после чего пояснил: — В общем, он и сам был большим любителем перекинуться партейкой-другой с приближенными. Рассказывают, что однажды он пришел, без охраны, в обычную портовую таверну Исхирона и сыграл несколько партий с матросами и шлюхами. Так что я уверен — в память о нем этим вечером арканы будут метаться по всем столам всех трактиров, таверн и постоянных дворов Триамны. Лучшего момента, чтобы проверить на практике полученные навыки, тебе не найти. Ну так как?

Взвесив все за и против, Наллар кивнул.

— Ладно. Давай проверим, не удастся ли нам раскошелить нескольких местных мужиков.

— Вот это я понимаю, деловой подход.

Подождав, пока бурный поток толпы слегка поредеет, они направились обратно к постоянному двору.

Вечер обещал быть насыщенным.

С момента рокового прыжка с Моста Королев шли уже четвертые сутки, но Шелиара Нирааль так и не смогла заставить себя покинуть особняк Герцога, чтобы разыскать отца.

В глубине души Шелиара понимала, что поступает неправильно — ни в одной из рассказанных в свое время Нэей поучительных сказок не говорилось о невесте, что сбегает от отца и жениха, а потом наотрез отказывается возвращаться. Правда, в тех сказках девушки и не страдали от раздирающего разум Проклятья. Да и с мостов обычно не прыгали, чтобы положить конец охватившему их безумству...

Нет, сказки сказками, а реальность реальностью. Теперь Шелиара, пусть и нехотя, признавала, что отец во многом был прав, когда говорил ей о необходимости мыслить реалистично... Или как именно он говорил?

Мысли об отце заставляли девушку покусывать губы и тяжело вздыхать. Шелиара подозревала, что Диондор Нирааль не на шутку обеспокоен ее внезапным исчезновением (скорее всего, архонт Кагальзир тоже, но об этом «высокомудрии» она и вовсе старалась думать как можно меньше). Скорее всего, он уже организовал поиски. Возможно, даже чувствует перед ней некоторую вину. Как бы эгоистично это не звучало, но ей хотелось этого.

И все же, несмотря на осознание неправильности своего поведения, Шелиара понимала, что просто-напросто не может вернуться. Ведь как только она вновь очутится в том мире — мире, где не будет Герцога, Альдана и Иолаи с ее чудодейственным лекарством — ее кошмары возобновятся с прежней силой. Она снова начнет сходить с ума, и вряд ли что-нибудь сможет это остановить. Именно поэтому Шелиара отказывалась возвращаться в ту преисподнюю, что ожидала ее по ту сторону стен. Жизнь в особняке Герцога, конечно, была далека от идеальной (хотя Шелиара давно сомневалась в том, что чья-либо жизнь, особенно ее, вообще может быть идеальной), но уж определенно лучше, чем в танаанском поместье.

В первую очередь это, само собой, было связано с утихшими Голосами. Последние пару дней они в худшем случае гудели, словно несколько комаров, где-то в невидимой близости. По сравнению с тем, что было раньше — просто небо и земля. Рисование и вышивка теперь давались Шелиаре с легкостью, и приносили в основном лишь положительные эмоции. Общение с Герцогом, Иолаей и заглядывающим по вечерам Альданом также было приятным разнообразием — увы, в танаанском поместье не находилось собеседников ее возраста. Даже обручальное кольцо теперь не так раздражало, как раньше. Шелиара старалась просто не замечать его.

Не обходилось, конечно, и без минусов. Так, притихшие на большую часть суток Голоса теперь отыгрывались по ночам, подсылая ей самые несуразные кошмары; их подробностей, к счастью, Шелиара не помнила. С другой стороны... что значат несколько минут ночного кошмара по сравнению с часами кошмара наяву?

Шелиара размышляла о своей новой жизни, радикально отличающейся от прежней, пока нежилась в теплой, почти что горячей воде в просторной медной ванне — еще одном столичном чуде, с которым прежде она была знакома лишь понаслышке; в Танаане пользовались обыкновенными деревянными бадьями. Завтрак, за которым Герцог выглядел непривычно хмурым (Шелиара выдвинула предположение, что запасы вина в погребе подходят к концу — что еще может испортить неунывающему Герцогу настроение?) остался

позади, но до полудня было еще далеко, так что Шелиара согласилась воспользоваться столь щедрым предложением.

Одна из служанок (Шелиара пыталась запомнить всех по именам, но постоянно путалась, и вскоре оставила эти бесполезные попытки) как раз омывала ее волосы какой-то особой жидкостью, пахнувшей лепестками роз, при этом мурлыкая под нос приятную мелодию — кажется, «Гнолгликского льва». Шелиара лежала, расслабившись и прикрыв глаза. В горле чуть першило от утренней порции табака, но такая мелочь не могла испортить ее умиротворенное настроение.

Подобно тому, как после омовения гребень в руке служанки принялся плавно скользить по ее волосам, мысли Шелиары сменяли друг друга. Какое полотно попробовать вышить сегодня? Может, их сад — такой, каким она его запомнила в детстве?.. Что сейчас происходит в поместье? Вспоминает ли о ней дедушка?.. На какой лекции сейчас Альдан?.. Нет, сад — слишком сложно. Может, что-нибудь историческое? Он ведь любит историю. Хотя нет, такая себе идея... Чем в данный момент занимается отец?.. Может, серию узоров? Наверное, не стоит, опять получится сикось-накось... Почему внизу так шумно?

Последняя мысль подтвердилась, когда в дверь ванной комнаты раздался резкий стук.

— Заканчивай скорее, — раздался властный женский голос по ту сторону двери, — господин ожидает важного гостя. Ты нужна мне внизу.

Служанка за спиной Шелиары вздохнула.

— Хорошо. — Затем добавила Шелиаре: — Простите, госпожа, я не...

— Все в порядке. — Она открыла глаза и, повернув голову, приободрила слегка растерянную служанку улыбкой. — Ступай, если нужно. Я вполне справлюсь и сама.

— Как скажете, госпожа. — Служанка отвесила ей поклон и указала на стул. — Ваше полотенце и чистая одежда.

— Спасибо.

Вскоре Шелиара осталась одна, размышляя, что за столь важный гость мог пожаловать в такое время к Герцогу. Не поэтому ли он так нервничал за завтраком? Ей даже стало любопытно. Может, кто-нибудь из иерофантов Претории? Герцог ведь вроде как размышляет над тем, пройти ему Ритуал или нет. Хотя... С учетом недавней кончины Верховного Иерофанта у них наверняка полным-полном забот.

Когда вода превратилась в еле теплую, Шелиара решила, что с нее достаточно. Слегка залив плитку водой, она вылезла, обтерлась досуха, подвязала волосы в узел, после чего принялась одеваться. Через пару минут на ней красовалось синее узорчатое сатиновое платье с высоким воротником.

Обувшись в домашние сандалии, Шелиара собралась было направиться в свою комнату, когда снизу, из-под плиточного пола раздались приглушенные, но все равно достаточно громкие голоса. Представив в голове планировку особняка, Шелиара догадалась, что говорящие находятся в так называемой малой гостиной — той, где вдоль одной из стен висели причудливые картины. Не устояв перед соблазном, она чуть поднапрягла слух. Один из голосов, более тихий и размеренный, определенно принадлежал Герцогу. Второй, по всей видимости, его таинственному и важному гостю.

«Любопытненько...»

Шелиара никогда не отличалась стремлением подслушивать чужие разговоры, но в этот раз искушение было слишком уж велико. Заранее извинившись перед Богами Рассвета, она повертела головой по сторонам, на всякий случай убеждаясь, что она одна, затем как можно

тише опустилась на колени и прильнула ухом к щели между плитками. Теперь голоса звучали настолько громко, что без особых усилий различались слова и предложения.

— ...ты позоришь мое имя! — Шелиара едва подавила желание резко вскочить и стрелой вылететь из ванной. Голос гостя был не в меру громким, грубым и с устрашающей хрипотцой. — Живешь, ни в чем себе не отказывая, в арендованном мною доме, на мои средства! Я не прав?

— Прав... — Шелиара еще ни разу не слышала Герцога таким подавленным. Да с кем, в конце концов, он разговаривает?

— Я дал тебе возможность получить образование, не испытывая финансовых затруднений, а ты тратишь мои деньги на бочки вина и свою расфуфыренную шляху!

— Не смей ее так называть! — взвизгнул Герцог.

На несколько секунд внизу повисла тишина. Шелиара уже десять раз успела пожалеть, что решила подслушать этот диалог. Но сейчас пошевелиться она не решалась — казалось, одно неосторожное движение, и тот страшный гость съест ее живьем. Заглотит прямо через пол-потолок.

— Еще хоть раз, — отрывисто произнес гость, — повысишь на меня голос, и я своими руками утоплю тебя в ближайшей бухте. Ты понял, щенок?!

— Но она не...

— Ты. Понял. Меня?!

Пауза.

— Да, отец.

«Отец?»

— Другое дело. — Послышался тяжелый вздох. — Боги Рассвета, как же с тобой порой тяжело. Ладно. Кликни своих девок, пусть принесут мне попить.

— Так вот же...

— Я сказал попить, а не выпить, кретин! Мне еще в Совет возвращаться.

На некоторое время диалог прекратился. Шелиара решила, что сейчас самое время, чтобы уйти к себе и забыть о подслушанном, но какая-то невидимая сила (возможно, та, которую в простонародье называют любопытством) удерживала ее на полу. Мимоходом Шелиара подумала, что ей совсем не помешало бы выкурить еще немного табака Йолаи.

Наконец, отец Герцога заговорил:

— Сумеречные силы, у тебя даже вода с винным привкусом. — Шелиаре показалось, будто она слышит, как отец Герцога неодобрительно покачивает головой. — Следующее. Насчет того, о чем мы с тобой говорим последний месяц...

— Да, я постоянно об этом думаю...

— Ты думаешь? Да неужели? И каким же местом, позволь уточнить?

Герцог промолчал.

— У тебя было без малого двадцать два года, чтобы продумать все до мелочей. Ты не воспользовался предоставленным шансом. Теперь же мое терпение подошло к концу — ты знаешь, что, лишившись поддержки Нибадана и Нилорина, я могу пролететь мимо Синклита. Если это произойдет, то плакали мои финансы. А, значит, и твои.

— Я понимаю...

— Ни хрена ты не понимаешь! — Казалось, от крика отца Герцога трясется весь дом. — Ты перешел все мыслимые и немыслимые сроки! Поэтому я даю тебе времени до конца недели.

«О чем это они?» — пыталась понять Шелиара.

— Но ведь это, — в голосе Герцога звучало изумление, непонимание и испуг, — всего лишь три с половиной дня...

— Ух ты! Вы только поглядите, мой гениальный сын научился считать. Поздравляю! Сразу видно, не зря в Университет ходишь четвертый год подряд. А я-то уж начал было переживать, что зазря раскошеливаюсь.

— Но отец, послушай! — Теперь в голосе Герцога звучала мольба. — Все не так просто...

— А ты разве еще не усвоил, что в жизни вообще не бывает ничего простого? Впрочем, решай сам. Но учти: если из-за твоей упертости Нилорин и Нибадан отвернутся от меня и я не получу места в Священном Синклите... — Невысказанная угроза так и осталась висеть в воздухе.

Внизу раздались негромкие звуки — похоже, отец Герцога одевался. Шелиара решила, что пора убираться с места происшествия. Что будет, если сюда зайдет служанка и застанет ее в столь необычной позе? Шелиара оторвала ухо от щели, когда...

— Ах да, и еще кое-что.

Шелиара вернулась на прежнюю позицию. Она предположила, что отец сейчас спросит Герцога насчет той книги (том из «Архивов Благословений», если она правильно помнит), украденной у Альдана, пока тот вытаскивал ее из воды. Было бы некстати. Альдан не заслуживает того, чтобы иметь дел с этим грозным типом.

— Один мой старый знакомый, архонт Кагальзир...

Шелиару мгновенно пробила крупная дрожь, а леденящий ужас расплылся по всем жилкам в ее теле.

«Кажется, дело не в книге...»

— ...Он поделился со мной по секрету кое-какой информацией. Если вкратце, то от него сбежала невеста. Ты представляешь? Он встретил эту счастливицу с распростертыми объятиями и щедрыми гостинцами, даже подарил кольцо из чистого золота. И пока с ее отцом составлял брачный договор, та ни с того ни с сего убежала в неизвестном направлении. Как поговаривают свидетели, через несколько часов и вовсе сбросилась с Моста Королев. — Шелиара сглотнула подступивший к горлу ком. Отец Герцога выдержал паузу, как если бы ожидал, что его сын сейчас сдаст ее с потрохами, а затем спросил: — Тебе что-нибудь об этом известно?

Шелиара затаила дыхание, боясь пошевелиться. Сердце подпрыгивало до потолка, так громко, что, казалось, вот-вот привлечет внимание разговаривающих внизу. Неужели для нее все кончено? Неужели сейчас Герцог, желая выслужиться перед отцом, расскажет все, что ему известно? Шелиара с ужасом представила, как архонт Кагальзир вальяжной походкой заваливается в ванную комнату и, с ухмылкой победителя на лице, небрежным жестом приказывает своим слугам схватить ее.

«Пожалуйста, — взмолилась она, пытаясь мысленно достучаться не то до Герцога, не то до самих Богов Рассвета. — Пожалуйста...»

— Нет, отец, первый раз об этом слышу, — уверенно сказал Герцог. А затем ехидно добавил: — Мне хватает своей *расфуфыренной шлюхи*.

У Шелиары отлегло от сердца.

— Очень на это надеюсь. — Шелиара почти что видела, как отец с важным видом одобрительно кивает. — А то, знаешь ли, кое-кто видел, как она в сопровождении некоего

юноши, выгатащившего ее, подходила пару ночей назад к подножию желтой лестницы. — Опять выжидающая пауза. — Ты ведь сообщишь мне, если что-нибудь об этом узнаешь?

— Конечно, отец.

— Смотри. Кагальзир намекнул, что у этой беглянки временами... не все в порядке с головой. Будь начеку.

Прозвучало обидно, но Шелиара не могла не согласиться. Глупо отрицать то, что является правдой. Пусть и донельзя обидной правдой.

Две пары ног тем временем зашагали вниз прочь из комнаты. Дверь дважды проскрипела. Шелиара медленно разогнулась, принимая стоячее положение. Глубоко вдохнула и выдохнула.

«Ну отлично, — подумала она, растирая затекшую за время подслушивания левую ногу. — Из-за моей гениальнейшей выходки теперь проблемы у моего отца, у Кагальзира — хотя ему так оно и надо, — у Альдана, а теперь еще и у Герцога. Может, мое Проклятье — не в Голосах, а в умении втягивать окружающих в неприятности?..»

Шелиара подумала, что, будь Голоса сейчас рядом, они наверняка согласились бы с этим предположением.

Она сидела на кровати в своей комнате, опустив глаза в пол, когда в дверь постучались, а затем на пороге, с кубком в руке, появился Герцог. Мимоходом Шелиара подумала, что слова «угрюмый» и «подавленный» и на четверть не подходят для описания его пасмурного состояния. Едва взглянув на нее, Герцог хмыкнул и спросил:

— Ты все слышала, да?

Шелиара немного помедлила и кивнула.

— Большую часть. Прости, пожалуйста. Я не специа...

— Оставь. — Герцог махнул свободной рукой и подошел к окну, из которого в комнату падали косые пыльные лучи дневного солнца. Помолчав, он покрутил кубок в рук и сделал из него долгий глоток. — Хорошая слышимость — вещь коварная. Думаю, на твоём месте я и сам бы не удержался.

Они помолчали.

— У тебя из-за меня столько неприятностей. Сначала украденная книга, теперь это... — Шелиара посмотрела на Герцога. — Ты не боишься, что твой отец узнает, что ты обманул его?

— Боюсь? Хм. Не думаю, что это правильное слово. Но проблемы у меня будут, это точно.

— Знаешь... — Шелиара вздохнула. — Я думаю, что при таком раскладе мне нужно поблагодарить тебя за оказанное гостеприимство и...

— И что? — Герцог резко развернулся и смерил ее строгим взглядом. — И вернуться к жениху? Этому высокочудрому архонту Кагальзиру, что встретил тебя «с распростертыми объятьями и щедрыми гостинцами»? Ты серьезно?

Шелиара промолчала. Она понимала, что это сделает ее жизнь круговоротом страданий и безумия, но... Остаться здесь и подвергать Герцога риску? Боги Рассвета, почему в жизни никогда нет простого и правильного выбора, как в детских сказках, когда девушка без особых усилий приходит к пониманию того, что правильно, а что неправильно; где белое и где черное...

— Я, знаешь ли, — продолжил Герцог, — позавчера навел о нем справки...

— Стой. — Шелиара наморщила лоб. — Погоди-ка. Ты же до сегодняшнего диалога с отцом не мог знать его имени. Откуда...

Герцог скорчил мину «я тебя умоляю».

— Шелиара, я же не Альдан, для которого архонты — это представители высших сил за пределами его привычной жизни... Один из моих друзей, Зан-Фаун, сын не абы кого, а Тармелота, Магистра Ордена Хранителей Триамны. Понимаешь, что это значит?

— Что его отец богаче, чем твой?

— Нет. В смысле, да, наверное, богаче... — Чуть растерянный Герцог снова глотнул из кубка. — Я имел в виду, что могу получить почти что любую информацию про членов Совета Архонтов или Претории Иерофантов. достаточно лишь попросить его. Так вот. Этот Кагальзир тот еще подлец. Хотя ты и сама, скорее всего, об этом догадалась. Состояние он сколотил, совместив отцовское наследство и безжалостное устранение конкурентов в своей сфере. Более того, — Герцог поднял вверх палец, — оказалось, он уже дважды пытался жениться, и предыдущие попытки, как нетрудно догадаться, тоже сорвались.

— Может, это его Проклятье? — Шелиара попыталась добавить веселости в голос.

— Может, и так. Как бы там ни было, не думаю, что этот тот человек, которого Боги должны выбрать тебе в мужья. Так что забудь даже о том, чтобы думать о возвращении в его логово...

— Но неприятности...

— Неприятности с отцом у меня, в первую очередь, из-за себя. И во вторую тоже из-за себя. Но этот вопрос я решу буквально в ближайшие дни. Так что давай закроем эту тему раз и навсегда, идет? Ты — моя гостья. Так что оставайся здесь, сколько душе угодно. И никаких «но». Могу я, в конце концов, хоть одно доброе дело сделать за всю жизнь?

С этими словами Герцог допил вино и, облизнув губы, оставил кубок на подоконнике. Взгляд его заскользил по комнате и остановился на прикроватной тумбочке.

— Как... — Герцог слегка замялся, и Шелиара догадалась, о чем пойдет речь. — Как, кстати, твое состояние? Похоже, тебе лучше? Больше... не хочется откуда-нибудь спрыгнуть?

— Все отлично. — Шелиара снова улыбнулась, на этот раз совершенно искренне. — Этот алхимический табак действует как по волшебству...

Герцог зачем-то зажал лицо руками и издал странный хрюкающий звук. Когда он, спустя несколько секунд, убрал руки от лица, оно было красным, как гергельярский помидор.

— Алхимический табак, значит? — Губы его нервно дергались. — Это Иолая его так... окрестила?

— Ну да. А что, у него есть и другое название?

— Эм. Да... Наверняка есть. Э. Научное, как и у каждого растения. — Герцог прошелся по комнате и остановился у стола, вцепившись в его край руками. — Как там на древнетриамнийском... Табалькиус алхимикиус... Хотя точно не уверен. Вместо лекций по ботанике я обычно играю с Иолаей, Зан-Фауном, Гасфортом и Тэннегом в арканы на заднем дворе Университета. — Правой рукой он отбарабанил легкую дробь по столешнице, затем с легким любопытством посмотрел на Шелиару. — И много этого... алхимического табака... тебе нужно в день?

— Вовсе нет. Примерно столько... — Она открыла небольшую деревянную коробочку, в которой лежало ровно столько, сколько нужно для глушения Голосов до ночи.

Глаза Герцога вылезли на лоб. Шелиаре сделалось не по себе.

— Он... слишком дорогой, да? Сумерки, я и так объедаю вас...

— Нет-нет-нет. Не беспокойся об этом. — Герцог неопределенно почесал затылок, покрутил пальцем спадающий к плечу черный локон и в некой растерянности отошел от стола. — Ладно, оставим эту тему. — Подойдя к окну, он взял с подоконника опустевший кубок и демонстративно им потряс. — Похоже, жизненно необходимая моему организму жидкость закончилась. Пойду наверстывать упущенное...

У дверей Шелиара его окликнула.

— Герцог.

— Слушаю.

— Даже не знаю, как сказать... — Она слегка замялась. — В общем, мне кажется, отец за меня беспокоится. И, в отличие от архонта Кагальзира, беспокоится не за свое будущее, а за меня. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Понимаю. И?

— И... Если он все еще в Исхироне — а он, скорее всего, все еще здесь — то мне хотелось бы дать ему знать, что со мной все хорошо. Что я сожалею о произошедшем, но ближайшее время вернуться не могу. Ну, что-то в таком духе...

Герцог кивнул.

— Не проблема: попрошу слуг принести тебе обрывок пергамента и угольный карандаш, напишешь ему. А я пока что попробую разузнать, где сейчас проживает твой отец. Что-нибудь придумаем.

— Спасибо. Знаю, ты сейчас махнешь рукой, но... спасибо тебе за все. Ты даже не представляешь, как много для меня значит то, что вы с Иолаей для меня делаете...

— Наслаждайся.

Отсалютовав ей пустым кубком, Герцог закрыл за собой дверь, оставив ее в одиночестве.

Шелиара приняла лежачую позу — так ей было проще переваривать полученную информацию. А ее за последний час оказалось более, чем достаточно. Руки сами собой потянулись к лежащей на тумбочке трубке и коробочке.

«И чего он так странно отреагировал? Это же просто особый сорт табака...»

Шелиара наморщила лоб, но не прекратила забивать трубку.

«Или нет?»

Первый день зимы Альдан проводил в библиотечном лабиринте, темном, пыльном и уже почти что родном.

Он выпросил себе утреннюю и дневную смену, пожертвовав ради этого лекциями по Истории южных морей (на ней все равно только и делать, что спать), основам алхимии (тоже не критично: он, в конце концов, не собирался в лучших гальтийских традициях подсыпать яд в вино старшим братьям) и даже гергельярским языком (с последним Альдан был худо-бедно знаком, пусть и наверстывать упущенное всегда оказывалось непросто). Впрочем, выбирать особо не приходилось. Где-то там, в паре миль к северу, девушка по имени Шелиара лечила безумие, обкуриваясь с утра до ночи шаманской травой, что ни при каких обстоятельствах не могло сойти за выход из положения. Пусть это и приносило в определенном смысле положительный эффект, заглушая Голоса, Альдан хорошо осознавал все опасности, таящиеся в этом «особом сорте табака». Еще на первом курсе он стал свидетелем того, как несколько соседей по этажу регулярно экспериментировали с коварной травой из Аккао; двое из них впоследствии перешли на шаугримский бодрящий напиток, а потом и вовсе на какую-то жгучую до умопомрачения верхнеданьязскую смесь. Разумеется, тех двоих вскоре выгнали взашей, когда они явились на лекцию ректора по религиям Юга все белые, как мел, и с громадными зрачками, но на том история не закончилась. Спустя некоторое время Альдан узнал от Рибана, что великие экспериментаторы устроились подрабатывать в порт, что-то не поделили с пьяными гергельярцами, и через пару дней рыбаки в нескольких милях к югу от Исхирона выловили два раздутых посиневших тупа.

Когда Альдан вчера вечером рассказал эту историю Шелиаре, та недоуменно пожала плечами и лишь спросила: «А причем тут я?». Он, конечно же, промолчал, не придумав, что на это можно ответить. Позже школяр переговорил с Герцогом и Иолаей и заставил их признаться ему, что они скрывают от нее истинную природу «алхимического табака». Что ж, может, так оно и лучше.

Пока не найдется альтернатива.

В том, что альтернатива найдется, Альдан не сомневался ни на секунду. Во всяком случае до тех самых пор, пока не перерыл большую часть библиотечных открытых каталогов в надежде найти книги, в которых может содержаться информация, что поможет избавить Шелиару от Голосов. Без помощи всяких трав и бодрящих напитков.

Однако энтузиазм Альдана продержался недолго: несмотря на воистину гигантское количество литературы (не зря Университетская Библиотека считалась одной из самых больших по всему Югу), нужных ему книг найти не удалось даже спустя несколько часов усердного проглядывания каталогов. Вместо этого Альдан нашел множество таких странных вещей, о которых даже не подозревал, что кому-то придет в голову писать нечто подобное. Например, «О брачных играх хохлатых жаворонков в начале лета», «Как с помощью игральные кости узнать, что говорят нам мертвые», «Двадцать один способ соблазнить девушку с помощью фокусов с арканами» (Альдан некоторое время ломал голову над тем, по ней ли учился Рибан) и «Моча горного козла как универсальное средство от всех недугов. Мудрость древних шаманов». В общем, всякой рукописной ереси хватало с лихвой. Но ничего, что могло бы помочь в решении проблемы Шелиары. Альдану оставалось лишь скрипеть зубами от досады.

Последней его надеждой был закрытый от большинства школяров отдел медицинских трудов (книги из него не были указаны в общих каталогах). Альдану пришлось изрядно попотеть мозгами и сочинить целую историю, чтобы убедить Алабастиана, главного библиотекаря, позволить ему получить туда доступ. Якобы за пропущенную на предыдущей неделе лекцию по анатомии наставник Доэлин наказал подготовить ему выступление об отклонениях человеческой психики и их возможном исцелении; в случае провала ему, мол, пригрозили поднять вдвое плату за следующий триместр, а это равносильно исключению. Алабастиан с понимающим видом покивал его бреду, спросил, закончил ли Альдан основную работу, и, наказав быть втрое осторожнее, чем с обычными книгами, вручил ключ от Закрытого хранилища. Альдан ликовал — в кои-то веки его фантазия принесла плоды. И что теперь сказал бы умник Синт?

Альдану и прежде доводилось бывать в Закрытом хранилище, но лишь когда нужно было принести оттуда (или, наоборот, отнести) какую-то конкретную книгу. Теперь же в его распоряжении находилась небольших размеров комната, свободный стол и более сотни книг, прежде видимых лишь мельком. На всякий случай заперев изнутри дверь (Альдан *очень* не любил, когда его отвлекали от чтения, пусть и по важным причинам), он трижды с благоговейной улыбкой обошел все шкафы и стеллажи, и лишь после этого принялся изучать каталог, время от времени отрывая взгляд от списка на нескольких пергаментных листах и устремляя его к поискам нужного фолианта.

Спустя час усердной работы Альдану удалось отсеять ненужное. Ненужного оказалось куда больше, чем он изначально предполагал. На краю стола лежали всего лишь четыре тома; каждый из них Альдан намеревался изучить если не вдоль и поперек, то хотя бы «по диагонали».

Первый фолиант имел заглавие «Способы сохранения способности мышления». Изначально Альдан делал на него большие ставки, но, полистав книгу, почти сразу же понял, что глубоко заблуждался. Книга являлась не медицинским исследованием, но скорее сборником историй из жизни автора (какого-то известного триамнийского медика тысячелетней давности) и его пациентов, страдающих от различных проблем с памятью и мышлением; руководствуясь безупречной интуицией, полученной после Преображения, этот медик одним назначал отвары ромашки и донника, другим советовал больше пить и при этом воздерживаться от вина (мимоходом Альдан подумал, что некоторым личностям такой совет показался бы противоречащим самому себе), третьим — и вовсе пить на ночь смесь белого меда с балазуром, миррой и аиром. Как и следовало ожидать, все пациенты являли собой чудеса выздоровления. Альдан хоть и не был полон скептицизма, но все же очень сомневался, что хоть один из этих рецептов может помочь Шелиаре, а потому отложил фолиант на место.

Следующими шли два тома «Человеческой психики» древнегальтийского философа-исследователя. С ними все оказалось гораздо сложнее — мало того, что текст пестрил сложной философской терминологией, так еще и построение предложений было похоже на нечто несуразное. И все же Альдан заставил себя вникать в эти дебри, выискивая среди философско-умозрительных тезисов те, что могли бы помочь Шелиаре. Время безжалостно бежало вперед, естественное освещение становилось все хуже, но упорства Альдану было не занимать. Он перескакивал взглядом со страницы на страницу, надеясь, что вот-вот наткнется на то, что ищет. Гальтийский философ писал о сознании как вещи нематериальной и считал, что оно зарождается вместе с тем, как Всематерь вдыхает в

новорожденного душу. В дальнейшем, считал философ, сознание развивается в человеческом сердце, соединяя душу и тело; различного же рода отклонения напрямую связаны с человеческим поведением и тем, насколько праведный образ жизни он ведет. Поразмыслив, Альдан пришел к выводу, что и данные концепции ничем помочь Шелиаре не могут. Первый том был отложен на край стола, а второй так там и остался.

Альдан немного походил по комнате, разминая руки и спину, после чего сел за последнюю из набранных книг. Трактат «О сознании, его проявлениях и отклонениях», написанный безымянным учеником не менее безымянного древнешаугримского настоятеля монастыря. Альдан опасался, что по аналогии с предыдущим трудом суть этого учения будет связана с Судьпоплетами, таинственными шаугримскими не то духами, не то полубожествами.

Собрав остатки терпения в кулак, Альдан принялся неторопливо листать книгу. В начале автор в весьма красочных подробностях описывал, как в подземельях шаугримского монастыря в течение нескольких десятилетий над приговоренными к смерти проводили всевозможные эксперименты, в том числе и связанные с мыслительными процессами. В результате этих опытов шаугримские ученые пришли к выводам, что сознание человека сосредоточено в задней части мозга и представляет собой невероятно сложное скопление мельчайших жизненноважных структур, некоторые из которых автор даже попробовал описать. Упоминал автор и отклонения сознания. В частности, Альдан наткнулся на следующие строчки:

«...Следует отделять понятие «безумия» от «слабоумия». Первое описывает состояние людей, чье восприятие окружающей действительности в корне меняется под воздействием определенных алхимических процессов в организме: эти процессы могут быть вызваны естественными причинами, как, например, необузданным гневом, всепоглощающей ревностью, одержимостью идеей и подобными; особыми напитками, некоторыми грибами, а также воздействием на определенные точки человеческого мозга. Слабоумие обычно же наступает людей по естественным причинам (врожденное слабоумие мы не берем в расчет); мозг старится, как и весь организм, и с определенного момента не может полноценно работать. В результате многочисленных наблюдений за людьми, поглощенными слабоумием, выявлен ряд особенностей поведения, характерных только для них. Заслуживает, например, отдельного внимания факт того, что некоторые из слабоумных проявляют признаки здравомыслия во время полнолуния. Видимо, это связано с повышенной концентрацией в воздухе особых лунных энергий, благотворно влияющих на организм, давая ему дополнительные, резервные возможности. Не зря те, кого в Триамне зовут Отнимающими, способны совершать свои ритуалы, поглощающие Благословение и Проклятье, только при полной луне...»

Дальше следовало еще несколько абзацев, посвященных тому, каким именно образом полная луна влияет на различные сферы жизнедеятельности. Это, безусловно, было интересно, но не в данный момент.

Альдан услышал, как его желудок требовательно заурчал. Кажется, уже не первый раз. Чувство голода все отчетливее давало о себе знать. К тому же солнце практически село, оставив школяра в сумрачном помещении. Альдан понял, что пора сворачиваться.

— Все не то... — пробормотал он, складывая последнюю книгу к остальным. — Весь день впустую. — Альдану очень захотелось что есть мочи стукнуть кулаком по столу.

Ну в самом деле, что за несправедливость?!

Подержав дрожащий кулак над столом несколько секунд, Альдан опустил руку.

Он был откровенно разочарован. И подавлен. Раз уж даже в Библиотеке не нашлось ничего такого, что может дать подсказку к решению проблемы, то где искать? У кого спрашивать совета? Где всеведущие мудрецы, что готовы дать подсказку в трудную минуту? Альдан с горечью осознал, что в этом вопросе, как и в вопросе поиска своих Благословения и Проклятья, он зашел в тупик. А ведь когда-то отец убеждал его, что книги дадут ответы на любые вопросы.

Ну-ну.

Расставив книги по местам, Альдан собрался было уходить, когда за одной из стен раздались приглушенные голоса. И все бы ничего, только говорили они — Альдан мог бы поклясться — на гергельярском. Школяр быстро сориентировался — звук исходил из так называемых «закрытых кабинок», которыми по обыкновению пользовались важные персоны, не желающие сидеть и читать у всех на виду в общем читальном зале. И вот в одной из таких кабинок сейчас сидели двое (как минимум) и что-то обсуждали на чистом гергельярском. Это, по меньшей мере, настораживало. Альдан протер глаза: он точно в Университетской Библиотеке, а не в Библиотеке Тар-Толтогги? Вроде точно. Тем более, что Тар-Толтоггская Библиотека сгорела при пожаре по время революции наместника Таллануйина двенадцатилетней давности.

Альдан призадумался над тем, что тут могли забыть гергельярцы. У них ведь целый квартал в Западном районе города. Да и тягой к знаниям большинство из них никогда не отличалось; всем известно, что беглых гергельярцев запустили в Исхирон исключительно в качестве дешевой рабочей силы.

Любопытство (которое он обыкновенно именовал любознательностью) заставило Альдана развернуться и на цыпочках подойти к шкафу перед нужной стеной. Стараясь даже не дышать, Альдан прислонил ухо к книгам. Все так: беседуют двое гергельярцев.

Разговаривали они достаточно быстро, но Альдан все же попробовал расшифровать их диалог, благо, не все лекции по гергельярскому языку он провел в Библиотеке.

Первый задал вопрос, и Альдан взялся за перевод:

«Когда... *кто-то там*... должен явиться сюда?»

Второй ответил почти сразу же.

«*Какое-то ругательство?* Дня через четыре, наверное».

«*Ответное ругательство?* Перед похоронами усилят... э, *что-то усилят*».

«Почему эти триамнийцы так *что-там* похороны? Я понимаю, три дня. Четыре. Но на восьмой...»

«Многие градоначальники должны успеть добраться из дальних краев. Ты лучше подумай над *каким-то* планом, если его поймут».

«Обязательно».

Долгая пауза. Альдан решил было, что диалог окончен, когда первый произнес одно слово, не нуждающееся в переводе.

— Синклит?

Второй ответил уже несколькими словами. Альдан попробовал перевести:

«Место ему *что-то там*. Все в точности по плану. Пойдем отсюда, меня от этой пыли *ругательство?*».

«Ты сам посоветовал это место, *ответное ругательство?* Ладно, пойдем».

По звукам стало понятно, что гергельярцы и в самом деле покинули комнату. Альдан

отошел от шкафа в полном недоумении — он явно не ожидал, что гергельярцы будут общаться на политические темы.

«Какое гергельярцам вообще дело до похорон Верховного Иерофанта и Священного Синклита?» — задался он вопросом, от которого разбредалось множество более мелких.

Какая-то его внутренняя часть (скорее всего, та самая, что подстегнула его недавно искупаться в бухте) настойчиво требовала последовать за этими странными гергельярцами незримой тенью, проследить и вызнать, что за темные делишки они пытаются провернуть. Но вторая его часть была не менее настойчива и требовала не совать нос, куда не следует.

«К демонам их, — наконец решил Альдан. — Что мне до махинаций, связанных с Синклитом? Они всегда были и всегда будут. У меня достаточно проблем, чтобы еще сильнее усложнять себе жизнь».

Почувствовав отдаленное подобие облегчения, Альдан вышел из комнаты хранилища, запер дверь и двинулся сквозь полумрачный лабиринт коридоров к выходу. Никаких гергельярцев, конечно же, тут уже не было. Как и обычных посетителей — в такое время всем обычно не до чтения.

Альдан подошел к столу записей, мимо которого нельзя было не пройти, и положил сверху связку ключей. Алабастиан, худошавый старик с кустистой рыжей бородой, не отрывая взгляда от какого-то длиннющего свитка, произнес:

— Что-то ты там засиделся. Я уж испугался, что умер.

— Правда? — Альдан в жизни не подумал бы, что Алабастиан способен к проявлению эмоций.

— Конечно правда. Оно мне надо — думать, куда девать твой труп?

Проигнорировав комментарий, Альдан развернулся в сторону входных дверей. На секунду подумал над тем, чтобы спросить имена недавних посетителей «закрытой кабинки», но, представив, как Алабастиан хмуро посмотрит на него и спросит «А тебе вообще какое до этого дело?», Альдан передумал.

В конце концов, ему и впрямь с головой хватает собственных проблем.

У лестницы, связывающей Библиотеку и Университетский двор, Альдана ждал еще один сюрприз. Сюрприз, разодетый в ядовито-желтые штаны и вишневым камзол поверх бархатной рубашки, стоял в скучающе-презрительной позе, прислонившись спиной к гранитной статуе летописца, и развлекался, подбрасывая вверх и ловя одной рукой рубиновое кольцо.

Альдан мысленно вздохнул.

«А этому что от меня надо?»

Собравшись с духом, он спустился и поравнялся с Зан-Фауном. Тот при его виде поймал кольцо и, нацепив на палец, торжественно осклабился.

— Привет, Книгочервь.

— Вообще-то я не...

— Да мне плевать, — отмахнулся Зан-Фаун. — Я здесь только потому, что Герцог желает тебя видеть.

— Правда? А с каких это пор ты у него на побегушках?

— А с каких это пор ты стал настолько наглым, чтобы задавать мне такие вопросы?

Они обменялись взглядами, полными взаимной антипатии. Затем Альдан спросил:

— И где меня желает видеть Герцог?

— Он попросил привести тебя к заднему двору. Ну, пойдём или так и будем стоять?

Пожав плечами, Альдан последовал за Зан-Фауном через пространство Университетского двора. Позади осталась громада Библиотеки, по левую руку возвышались общежительные корпуса, справа мелькали приземистые хозяйственные постройки.

— Знаешь, Книгочервь, — пролепетал Зан-Фаун, не поворачиваясь в его сторону. — Не стоит тебе заводить врага в моем лице. Определенно не стоит. Подумай об этом на досуге.

Альдан не стал ничего отвечать на подобную чепуху.

Вскоре они обогнули главный учебный корпус — громадное четырехэтажное строение догальтийской эпохи, с массивными колоннами и резными портиками — и вывернули на задний двор. В тени раскидистого дуба Герцог о чем-то беседовал с незнакомым Альдану наставником. Потоптавшись на месте, Зан-Фаун издал утомленный вздох и, наказав Альдану «только попробовать куда-нибудь свалить», ушел обратной дорогой.

Ждать пришлось недолго. Приметив Альдана, Герцог взял инициативу в разговоре на себя и в скором времени уже попрощался с наставником. Когда тот пошел к заднему входу в корпус, Альдан зашагал к Герцогу, попутно ловя на себе недоуменно-завистливые взгляды школяров, выглядывающих из окон учебного корпуса. Что ж, он мог понять их, задающих вопросом «чем такой, как он, заслужил расположение самого Герцога?». Альдана и самого последнее время нередко посещал подобный вопрос. Убедительного ответа на него он, между прочим, не находил.

Да и нужно ли его искать?..

— Хорошо, что Зан-Фаун подвернулся под руку, — начал Герцог без лишних церемоний. Взмахом руки он предложил отойти подальше от любопытных ушей. — А то сбежал бы ты сейчас из Библиотеки, и ищи тебя по всем городским тавернам.

Если Альдан и ходил в таверны, то только в «Трех арканистов», и то исключительно за компанию с Синтом и Рибаном.

— Что-то случилось с Шелиарой?

Герцог приподнял брови.

— С Шелиарой? Нет, с чего ты взял. С ней все в порядке. Ну... насколько все вообще может быть в порядке у девушки, страдающей от приступов безумия и чуть не покончившей с собой.

У Альдана отлегло от сердца. Но если дело не в Шелиаре, то...

— Я решился пройти Ритуал.

Альдан остановился с раскрытым ртом и выпученными глазами. Такой новости он определенно не ожидал.

— Правда? Что ж, я... рад за тебя. Если ты, взвесив все «за» и «против»...

— Меня заставил отец. — Герцог оглянулся, убедился, что никого постороннего нет поблизости, и продолжил: — Он, видишь ли, намерен пройти в Синклит...

«И здесь Синклит, — тут же подумал Альдан. — И чего все так на нем зациклены, в самом деле?»

— ...А это дело непростое само по себе. Тем более, если у тебя не преобразенный сын. Так что у него, по сути, не было выбора, кроме как пригрозить мне отобрать наследство, если я не пройду Ритуал в ближайшие дни.

— Вот как. Сурово.

— Согласен. Но, может, оно и к лучшему. Как бы там ни было, завтра за час до заката начнется Ритуал.

— Завтра?

Обычно это священнодействие планировалось как минимум за пару недель, а то и месяцев.

— Завтра. Не хочу лишний раз нервировать отца. В общем, если найдешь время заглянуть на Центральный Холм, я буду рад. Поддержка за спиной мне не мешает. — Герцог улыбнулся с ноткой печали.

Альдан прикинул свои завтрашние планы. По-хорошему, после утренних лекций ему нужно будет продолжить библиотечные поиски, но раз уж такое дело...

— Я обязательно подойду, — заверил он Герцога.

— Рад слышать. Что ж, Книгочей, до завтра. Мне еще нужно навеститься к господину ректору, решить пару вопросов.

— Ну, успешного решения.

Бодрым шагом Герцог отправился внутрь учебного корпуса, оставив Альдана под размашистыми ветвями дуба размышлять о том, что делать дальше. Ему до дрожи в коленях хотелось сходить проведать Шелиару (что-то ему подсказывало, что у нее далеко не все в порядке, как это описал Герцог), но, чуть поразмыслив, Альдан решил не поддаваться соблазну: как-никак, он все еще в большом долгу у Герцога за потерянную книгу, и лишний раз нарушать спокойствие его особняка было бы некстати.

Вскоре он зашагал к корпусу общежития, в котором его ждала небольшая, но ставшая почти что родной комнатуха, с остатками завтрака и седьмым томом «Военных Хроник Южных Земель» Эльсевия Кирикийского. Объединенные войска Юга, понеся крупные потери на Соляных озерах, уже начали проводить хитроумные маневры, позволяющие генерал-императору Норгаару соединиться северными и южными армиями. Развязка — битва на Мертвых Равнинах — была не за горами; не сегодня, так завтра он до нее дойдет.

И Альдан надеялся, что она его не разочарует.

Время, проведенное без сознания, всегда казалось ему одновременно и мгновением, и вечностью. Так случилось и на этот раз.

Шагающий-сквозь-Тьму очнулся от выплеснутой в лицо ледяной воды и последовавшего вслед за этим глумливого смеха.

Пока веки медленно открывались и глаза обретали видимость, Шагающий попытался прийти в себя и понять, что происходит и почему он все еще жив. Он находился в стоячем положении. Затылок болел, как и нога, по которой проехала цепь; к счастью, за прожитые века Шагающему приходилось сталкиваться и не с такими мелочами. Он попробовал шевельнуться — не получилось. Руки ему предусмотрительно отвели за спину и сковали, по всей видимости, железными оковами на цепях. Как и ноги. В рот засунули кляп. Тот, кто его пленил, не оставил ему ни малейшего шанса на освобождение. Ничего не скажешь, разумно.

Шагающий-сквозь-Тьму посмотрел перед собой. Похоже, он находился в одной из печально известных подземных тюремных камер. В некотором роде ничего не изменилось — все та же темень, освещаемая лишь парой факелов, все те же трое вояк, только уже без оружия. И, конечно же, стоящий впереди других человек в белом. Теперь Шагающий мог разглядеть его: волевое лицо с треугольной аккуратной бородкой, прямой взгляд, гордая осанка, прикрывающая лоб повязка... Что-то до боли знакомое сквозило в этой внешности. Кто он такой? Один из старших адептов?

Словно прочитав его мысли, человек в белом сплел пальцы на груди и выступил вперед:

— Рад вновь встретиться с тобой, Шагающий-сквозь-Тьму. Извини за небольшие неудобства, сам понимаешь — слишком рискованно давать тебе свободу действий. Я — Тармелот, уже восьмой год как Магистр этого Ордена. Ты меня не помнишь, не так ли? — Магистр улыбнулся и, не отводя взгляда от Шагающего, продолжил: — Почему-то я так и думал. Кстати, рядом со мной одни из лучших воинов Триамны... Позволь представить: Керет-Небесное-Копье, Шарос-Меченосец и Наргун-Быстрый-Шаг.

Шагающий-сквозь-Тьму мысленно хмыкнул. Орден всегда любил разбрасываться весьма специфическими эпитетами.

— Между прочим, — Тармелот кивнул на Наргуна, — мой доблестный цепист уже несколько недель как точит на тебя зуб — видишь ли, на Безымянных Перекрестках ты убил его брата.

Шагающий чуть повернул голову и пригляделся. И вправду — те же самые черты, как у того, которого он про себя именовал Невидимкой. Даже схожая манера сражаться.

«Так вот почему ему не терпелось добраться до меня раньше остальных», — понял Шагающий.

— И Ронир мертв из-за этого ублюдка, — проскрежетал полным ненависти голосом Наргун, поравнявшись с Магистром.

— Да, Рониру немного не повезло, — с неохотой признал Тармелот. — Демоны, ты в курсе, что лишил Триамну одного из лучших стрелков? Мы называли его Ронир-Меткий-Выстрел. Он подавал большие надежды.

Шагающий-сквозь-Тьму издал звук, который только можно издать с кляпом во рту. Заинтересованный Магистр кивнул Наргуну, и тот вытащил кляп.

— Что-то не таким уж и метким оказался ваш Ронир, — заметил Шагающий-сквозь-

Тьму.

Тармелот с улыбкой покачал головой.

— Вы обещали, Магистр, — сжимая руки от нетерпения, проскрежетал Наргун. — Позвольте.

— Валяй, — милостиво кивнул Тармелот. — Только не переусердствуй, ладно?

Убрав кляп в карман, Наргун сжал кулак и ударил Шагающего в область солнечного сплетения. Тот успел напрячь нужные мышцы и смягчить боль.

— Это тебе за Талекима!

«Невидимка ему шло больше».

Кулак дернулся назад и вновь прилетел в грудь. Шагающий-сквозь-Тьму стойко выдержал и этот удар.

— А это за Ронира!

Наргун вновь замахнулся, когда Тармелот положил ладонь ему на плечо:

— Все, хватит пока что с него. Остынь.

Рыча от злости, Наргун подчинился и отошел. Тармелот подошел к Шагающему-сквозь-Тьму практически вплотную.

— Полагаю, у тебя накопилось определенное количество вопросов. Ты ведь пришел сюда именно за этим, не так ли?

Шагающий промолчал. Да и что тут было говорить? Магистр, к вящему разочарованию Шагающего, явно не был дураком.

— Конечно, за этим, — с улыбкой победителя продолжил Тармелот, — иначе зачем еще тебе было идти в подземелья. К счастью для нас, мы тебя ждали. Я раскусил тебя и твой план и придумал, как тебя подловить. Довольно впечатляюще вышло, согласишься.

Шагающий вновь проигнорировал провокацию.

— Что-то ты не разговорчив сегодня. Жалко. — Тармелот потер подбородок. — Неужели ты даже не спросишь про Безымянные Перекрестки и тех Отнимающих? Ты ведь сгораешь от любопытства, я же вижу.

Шагающий-сквозь-Тьму внимательно посмотрел на стоящего перед ним человека. Чуть поразмыслил, складывая воедино полученные сведения, как кусочки мозаики.

Все становилось на свои места.

— А твои адепты знают, — спросил Шагающий, поднимая взгляд на Тармелота, — что во главе Ордена стоит Отнимающий?

Тот звонко расхохотался. Керет и Шарос поддержали его.

— Какой ты смешной, — сказал Тармелот, когда смех затих. — Скажу так: они знают, что во главе Ордена стоит человек, который стремится сделать Триамну воистину могущественным государством Юга, а не одной из заурядных стран.

«Значит, очередной мечтатель, сошедшийся с Сумеречными силами. Знакомая история».

Шагающий повстречал на своем веку немало безумных мечтателей. И, если его не подводила память, у большинства из них мечты так и не воплощались в реальность. А если и воплощались, то явно не так, как этого хотели сами мечтатели. Впрочем, с мечтами обычно так и происходит — Шагающий-сквозь-Тьму знал это в том числе и по себе.

Еще хуже было то, что безумному мечтателю никогда не объяснишь, что он безумен — какие аргументы не используй. Такие люди непоколебимо уверены в своей правоте и в том, что только они и никто другой знают единственно верный путь. Таким был Кэинан Темный.

А до него — десятки, сотни, тысячи других... Шагающий подозревал, что такие люди будут всегда. Как бы не менялась Триамна.

Как бы не менялось Четвероземье.

— Ты метишь на пост Верховного Иерофанта? — приподняв голову, спросил он у Тармелота.

Шагающий-сквозь-Тьму знал, что время от времени Священный Синклит выбирал Верховного Иерофанта не из преторианцев, а из архонтов или орденцев. Если так случится на этот раз...

— Я? Упаси Боги. Я знаю грань и не собираюсь за нее заходить, поверь. Но, безусловно, я приложу все усилия, чтобы этот сан получил правильный человек. — Тармелот сдвинулся с места и принялся обходить вокруг него. — Эх, Шагающий... Ведь я оказал тебе милость, поручив отправиться на Перекрестки — дал возможность героически умереть в бою, как ты давно этого заслуживаешь. Но по непонятным мне причинам ты отверг этот дар. Почему? — Тармелот остановился за его спиной. Шагающий-сквозь-Тьму чувствовал на своей шее его холодное дыхание. — Разве жизнь — если такое существование можно назвать жизнью — не наскучила тебе еще несколько столетий назад? Разве ты втайне не мечтаешь о том, чтобы однажды уснуть вечным сном? И чтобы это *однажды* наступило поскорее?

Шагающий-сквозь-Тьму почувствовал, как учащается ритм его сердцебиения. Он и в самом деле много раз думал о смерти... Десятки, сотни, тысячи раз. И последние десятилетия она все чаще виделась ему не проклятием, но благословением. Благословением, дарующим заслуженное избавление от земных забот.

Однако это Благословение он еще должен был заслужить.

— Не важно, о чем я мечтаю. — Он повел головой в сторону. — Важно, что когда-то я дал клятву защищать Триамну, пока жив и могу держать в руках меч.

— Клятву? Не смей меня, старик. Не бывает клятв, от которых нельзя отречься. Впрочем, о чем это я? — Тармелот возник слева. Зубы Магистра обнажились в оскале. — Ты ведь понимаешь, что мы можем прикончить тебя, Шагающий, здесь и сейчас...

— Ну так что вас останавливает? — с раздражением спросил Шагающий. Ему начали надоедать эти словесные игры. — Разве не за этим ты послал меня на Безымянные Перекрестки?

— Видишь ли, ты обладаешь кое-чем крайне ценным. Своим бессмертием. Или правильнее будет сказать «так называемым бессмертием»? Оно не спасает от смерти, но не дает тебе стареть, разве не так? В любом случае, это Благословение гораздо нужнее тому, кто действительно готов служить Триамне, а не выполнять поручения раз в десять лет...

— Значит, — Шагающему-сквозь-Тьму осточертело слушать эту околесицу, — вы вернетесь в ближайшее полнолуние?

Магистр вернулся на прежнее место и обменялся взглядами с подчиненными. Затем вновь посмотрел прямо перед собой.

— Не совсем. Может, чуть раньше или чуть позже. Мы кое над чем работаем. — Тармелот растягивал слова, как если бы был не совсем уверен, стоит ли посвящать Шагающего в подобные детали. Но, видимо, решил, что ничем не рискует, и продолжил: — Над одной вещью под названием Длань Возмездия... Впрочем, не стану раскрывать тебе всех секретов. В конце концов, секреты ведь на то и нужны, чтобы держать их втайне? Пусть это станет... ну, чем-то вроде сюрприза. Ты ведь любишь сюрпризы, Шагающий? — Тармелот хищно ухмыльнулся. — В общем, не буду утомлять тебя подробностями. Как

только закончим, так сразу же вернемся, чтобы опробовать Длань на тебе. — Выждав паузу, Тармелот вкрадчиво добавил: — Чтобы забрать лишь твое Благословение, без Проклятья, каким бы оно ни было.

Услышав подобную чепуху, Шагающий-сквозь-Тьму, впервые за много лет, расхохотался — сначала тихо, а затем звонко и раскатисто, так, что все четверо в недоумении подались назад.

— Ты глупец, Тармелот, — произнес он сквозь смех. — Какой же ты глупец...

— Неужели? Ну, это мы еще посмотрим, — прошипел Тармелот, сбрасывая добродушную маску с лица. — Смейся. Смейся, пока можешь, пес. Я вернусь за тобой. И мое ухмыляющееся лицо станет последним, что ты увидишь в своей никчемной жизни. До встречи, Шагающий-сквозь-Тьму. Наргун, не забудь кляп.

После того, как Наргун вставил кляп обратно в рот Шагающему, Магистр махнул рукой, и адепты поочередно покинули камеру заточения.

Шагающий-сквозь-Тьму глубоко вздохнул. Кто бы мог подумать, что его деяния кончатся так бесславно. Он остался во тьме, скованный по рукам и ногам — только вот через эту тьму шагать он больше не мог. Наверное, это была расплата за принятое тридцать пять лет назад решение уйти на покой, принимая от Ордена лишь задания исключительной важности. В любом случае, теперь он ничего не мог сделать — цепи, оковы и даже кляп ему подобрали на славу. Шагающий попробовал себя утешить, ведь в некотором роде его миссия даже увенчалась успехом: он хотел попасть в подземелья Ордена — он попал в подземелья Ордена. И узнал, что в очередной раз Орден Хранителей Триамны не оправдывал своего названия. Только вот кому теперь поможет эта информация? Нужно было догадаться, что к его приходу подготовятся... А впрочем, какая теперь разница?

Успокоившись и выбросив из головы переживания о провале, Шагающий-сквозь-Тьму погрузился в медитацию.

Он подозревал, что длиться она будет дольше обычного.

Гораздо дольше.

Завершив дело, Наллар застегнул ремень, поправил штаны и зашагал обратно по направлению к мелькающим среди импровизированного лагеря кострам.

Уже второй вечер подряд он оттачивал свое мастерство арканиста. Вчерашний, проведенный в «Берлоге отшельника», выдался на редкость удачным и прибыльным: за четыре с половиной часа игры ему удалось заработать двенадцать бронзовых жаворонков; Ойлегер, правда, выиграл четырнадцать, но все равно Наллар чувствовал себя превосходно. Не сговариваясь заранее, они с торговцем отлично сыгрались между собой, при необходимости сбрасывая на свалку нужные другому арканы. Наллара грызли легкие сомнения, не является ли это в некотором роде жульничеством — однако поскольку они были далеко не единственными, кто садился за игровой стол вдвоем (а то и втроем), то и претензий никаких к ним не предъявляли.

Сегодняшний же вечер казался несколько более сложной задачей — их противниками оказались трое купцов. Уже с первого круга стало очевидно, что даже несмотря на наличие обильного количества выпивки, просто так расставаться с жаворонками те не собираются. За четыре партии только Ойлегер один раз сумел опередить их, собрав пять аркан утра. Но Наллар не терял надежды — в отличие от купцов, на вино он не налегал, так что шансы имелись.

Насвистывая «Королевскую дочку», Наллар неторопливо шагал вдоль крутого морского берега. Внизу о зубастые скалы с плеском разбивались волны. Еще вчера Наллар по меньшей мере удивился бы, узнав, где будет проводить следующий вечер и ночь. Казалось логичным, что Ойлегер решит переправиться на Священный Полуостров, не сворачивая с тракта, но не тут-то было. Торговец, растолкав Наллара на рассвете, с видом бывалого знатока сообщил, что пешая переправа затруднена многочисленными заставами, и что петляющие по холмам и взгорьям дороги там никудашные, и что лучше чуть свернуть в сторону, чтобы добраться до Зеленой Гавани и переплыть узкую полосу воды (в мили эдак две) на пароме. Все утро и весь день торговец нещадно подстегивал лошадей, надеясь успеть на последний вечерний паром, но тот — сложная конструкция, представляющая собой нечто среднее между гигантским плотом и широким грузовым кораблем — отошел буквально перед самым их носом, заставив Ойлегера так возмущаться, что Наллар поневоле разучил несколько новых ругательств, как триамнийских, так и иноземных.

Зато теперь им предоставилась великолепная возможность облапошить нескольких толстосумов, что, как и они, прозевали паром и готовились ночевать прямо здесь, в прибрежной зоне. Наллар даже не стал бы отрицать, что азарт поторапливает его идти быстрее — вдруг игроки, не дождавшись его возвращения, начнут новую партию.

— Эй, пилигрим, — окликнул Наллара один из купцов, Сальзар, когда он, обогнув торговые фургоны, приблизился к костру, рядом с которым они играли. — Чего так долго? Ты там молился, что ли?

Остальные двое купцов загоготали. Даже Ойлегер, сидящий чуть в стороне, хихикнул.

— Давай садись, — продолжил Сальзар и, в подтверждение сказанного, неплохо приложился к бочонку. Затем, смачно рыгнув, передал его соседу.

Наллар опустил на подстилку по левую руку от Ойлегера и принялся ждать, пока второй купец — тучный Хар Кагар — перетасует колоду. Бочонок тем временем перешел к

Ойлегеру, а от него — к Наллару. Наллар позволил себе лишь небольшой глоток. Он твердо намеревался содрать с этих балоболов как можно больше жаворонков (да и Ойлегер, кажется, подумывал о том же), так что относительно трезвая голова лишней не будет.

Хар Кагар собрался было раздавать арканы играющим, когда откуда-то сбоку раздались шаги, а затем рядом с костром появилась темная фигура.

— Рассветные Небеса, кого я вижу! — прогремела фигура, подходя в круг костра. — Сальзар, Пенлейс и Хар Кагар! Старые засранцы, неужели вы все еще не разорились?

Трое купцов разразились приветственными восклицаниями.

— Это Гелледан, — представил Сальзар подошедшего Наллару и Ойлегеру. — Самый жадный и нахальный из всех триамнийских оружейных купцов. Ха-ха. Гелледан, это Ойлегер, торговец пряностями, и Цэсэй, благочестивейший из пилигримов.

«О да. Точнее не скажешь».

Гелледан, дородный мужчина с роскошными бакенбардами, подошел к ним и поочередно пожал каждому руку.

— На тебя раздавать? — спросил Хар Кагар у Гелледана.

— Спрашиваешь, — отозвался тот, присаживаясь слева от Наллара. — Когда еще предоставится возможность обобрать вас, жуликов, до нитки.

Пока Хар Кагар раскидывал каждому арканы, Гелледан обернулся в сторону Наллара и чуть прищурился. Наллар почувствовал себя неудобно — как и всегда, когда его так сверлили взглядом, — но виду не подал.

— Мне кажется, или я тебя где-то видел? — выдержав паузу, спросил Гелледан.

Ни одна морщинка не дрогнула на лице Наллара.

— Уж наверняка. И не раз. — Наллар выложил перед собой бронзового жаворонка и, повернувшись к Гелледану, растянул губы в улыбке. — В этой колоде целых пять таких, как я.

— Да нет же, я серьезно. — Гелледан не оценил его попытку отшутиться. — Твое лицо кажется мне знакомым.

Наллар принялся суматошно перебирать в голове варианты, когда, где и при каких обстоятельствах мог пересекаться с этим Гелледаном. В Гальтии? Вряд ли... Может, в Кирикийских княжествах?.. Как и всегда, в нужный момент память поворачивалась к нему спиной.

«Вспоминай! — подстегнул он себя. — Это может быть важно».

— Эй, да отцепись ты от бедного пилигрима, — пришел Наллару на выручку гнусавый Пенлейс, поднимая бочонок. — На лучше, выпей.

Гелледан поймал брошенный бочонок и с энтузиазмом приложился к нему. Наллар выдохнул. Затем заметил, как Ойлегер неодобрительно покосился на него, как бы спрашивая: «Что за хренотень, Наллар? Мне не нужны из-за тебя неприятности». Еще бы.

Тем временем пора было начинать игру. Наллар аккуратно взглянул на полученные арканы. Лекарь вечера. Архонт рассвета. Всадник вечера. Отшельник ночи. Иерофант рассвета. Весьма неплохой набор с возможностью собираться как в вечер, так и в рассвет.

Пенлейс, победитель прошлой партии, сбросил утреннюю деву. Ойлегер следом отправил на свалку рассветного солдата. Оба добрали аркану из колоды.

Наллар сбросил отшельника ночи — других вариантов не было — но чуть помедлил, прежде чем взять аркану. Можно рискнуть и вытащить из колоды, либо же сыграть в некотором роде более надежно, забрав сброшенного торговцем рассветного нищего. В таком

случае, правда, остальные будут понимать, что не стоит сбрасывать без острой необходимости рассветную масть. Обычно Наллар пытался первый круг-другой добирать арканы из колоды, но сегодня подобная стратегия успеха ему пока что не принесла. Решившись, Наллар забрал рассветную аркану.

Гелледан протянул ему бочонок, а сам сбросил ночного солдата и взял аркану из колоды. Наллар сделал глоток и, вытерев рот, передал бочонок Ойлегеру.

— Какие новости, Гелледан? — Спросил Сальзар. Чуть помедлив, он сбросил дневного пилигрима. Аркану взял из колоды. — Я знаю, что ты в курсе всего, что происходит в столице.

Наллар наострил ухо. Новостей о происходящем в столице (не считая известия о смерти Верховного Иерофанта) он не получал уже десять суток. Было бы неплохо восполнить пробелы в имевшихся знаниях.

— Ничего такого, что может заставить нас свернуть с курса, — пожал плечами Гелледан, наблюдая за тем, как Хар Кагар кусает губы, прежде чем сбросить утреннего старца и забрать сброшенного Сальзаром пилигрима дня. — Завещание старик оставил стандартное, никакого имени преемника, все как полагается по Канонам. Орденцы грызутся с преторианцами, а преторианцы с архонтами. Думаю, пройдет еще не меньше недели, а то и двух, прежде чем им удастся сформировать Синклит.

«Это обнадеживает, — с облегчением подумал Наллар. — Значит, немного времени в запасе все же есть».

Пенлейс тем временем опустошил бочонок и, для уверенности тряхнув его в руке, отложил в сторону. Покачав головой, как будто был не уверен в правильности принимаемого решения, сбросил рассветного всадника и дневного слугу, после чего забрал сброшенные Налларом и Гелледаном ночные арканы. Такой ход одновременно и радовал, и настораживал Наллара — по всей видимости, у Пенлейса уже имелись три ночные арканы. А то и все четыре. Нужно торопиться.

«Ну же, Ойлегер. Не найдется ли у тебя на сброс еще одной рассветной арканы?»

— А что с Зимними Ярмарками? — поинтересовался Ойлегер после того, как выбросил дневного ремесленника и потянулся к колоде за арканой. Видимо, второй рассветной арканы у него не нашлось. Либо же он, не догадываясь, что у Наллара есть всадник, решил повременить один круг.

— А что с ними может статья? — удивился Гелледан. — У нас ведь не стихийное бедствие. Всего лишь Верховный Старик концы отбросил.

Ход был единственный. Наллар сбросил всадника и лекаря вечерней масти, после чего взял рассветного всадника, а вторую аркану — с верха колоды.

Гелледан размахнулся было для сброса, но Наллар остановил его:

— Прости, приятель, но полная аркана.

Наллар выложил на обозрение всем пять рассветных аркан, последняя из которых — рассветный старец — пришла к нему только что. Повезло так повезло.

Купцы издали возмущенные вздохи — партия крайне редко заканчивалась на втором круге. Пенлейс с досады швырнул арканы (из которых, как и предполагал Наллар, четыре были ночными) о землю и принялся рыскать вокруг себя в поисках нового бочонка.

Наллар сгрел выигрыш. Удовольствие от победы (пусть и довольно случайной) несколько портило то, что Гелледан опять принялся разглядывать его, как витринный экспонат. Все купцы, что ли, так делают? Наллар с трудом подавил желание врезать этому

Гелледану как следует.

— Нет, серьезно, я тебя где-то видел. — Гелледан помолчал, затем добавил, то ли в шутку, то ли всерьез: — У меня Благословение помнить лица. Когда смотрю на кого-то, всегда узнаю, виделись мы с ним раньше или же нет... Я однозначно тебя где-то видел, только вот не могу вспомнить, где.

Неожиданно для Наллара заговорил Ойлегер:

— Цэсэй рассказывал мне, что по молодости путешествовал едва ли не по всей Триамне. Да, Цэсэй? — Когда Наллар повел плечами, Ойлегер обвел рукой вокруг себя с таким умиротворенным выражением на лице, как если бы они сидели на весеннем горном лугу в окружении юных дев, а не в пригородной части портового городка, окруженные фургонами и палатками. — Неужели в *такой чудесный вечер* ты, Гелледан, будешь ломать голову над тем, что лишено всякого смысла? Брось. Давайте-ка лучше выпьем за упокой Верховного Иерофанта!

Данное предложение встретило бурное одобрение со стороны купцов. Новый бочонок отправился по кругу. Гелледан вздохнул и отвел взгляд от Наллара. Гальтиец едва заметно кивнул Ойлегеру.

Затем собрался с мыслями, готовясь к следующей игре. Сейчас ему крупно повезло, так что расслабляться нельзя. К тому же ему казалось, что Сальзар и Хар Кагар играют, как и они с Ойлегером, то есть сбрасывая друг другу нужные арканы. Похоже, подобное явление распространено у тех, кто умеет играть.

Ничего. Он еще проявит свое мастерство. Если, конечно, удача резко не отвернется от него.

Было бы весьма некстати.

На третий час игры, когда время уже близилось к полуночи, они с торговцем пряностями наконец-то вышли в лидеры. То ли четыре бочонка вина, то ли усталость и невнимательность, то ли и то, и другое делали свое дело — Наллар с Ойлегером умело подлавливали противников на ошибках и завершали сбор мастей (собирать пять одинаковых аркан после того обидного поражения Наллар не пытался) раньше них. Кучка из пятнадцати жаворонков у Наллара и десяти у Ойлегера поднимали гальтийцу настроение куда лучше, чем вино. Да и Гелледан, хоть и продолжал время от времени на него поглядывать, больше никак не комментировал свои подозрения.

В последней партии Наллар едва не заклевал носом, из-за чего сделал не самый лучший ход; благо, свезло Ойлегеру, и купцы опять остались с носом. Подавив очередной зевок, Наллар зажмурил глаза, а затем резко открыл их и проморгался. Потом чуть помотал головой, пытаясь взбодриться. Пожалуй, последнюю партию и хватит. Завтра на рассвете (ну, или хотя бы просто рано утром) им с торговцем нужно быть на ногах, чтобы не прозевать очередь на первый паром.

Хмурый Пенлейс разбросал каждому по пять аркан. Наллар мельком взглянул на свои: по одной каждой масти. «Суточная рука», как называл такой заход Ойлегер. И ни одного всадника. Похоже, в этой партии ему ничего не светит. Что ж, такое тоже случается. Остается следить за игрой остальных и сделать все возможное, чтобы помочь Ойлегеру.

Заставив себя сконцентрироваться по максимуму, Наллар сбросил дневного слугу, чтобы не совпасть мастью со сброшенной арканой Ойлегера. Гелледан, рассказывавший какую-то юмористическую историю о своем последнем плавании в Аккао, вспомнил про

необходимость ходить только в тот момент, когда приунывший Сальзар привлек его внимание. Похоже, азарт играющих заметно упал.

— ...а я такой: «Так ты из племени га-нуби?» А она: «Да нет же, я из га-буби». Представляете, а? — И Гелледан изошелся бурным смехом. Наллар давно перестал вслушиваться в чушь, которую несли купцы, желая покрасоваться перед другими. — Из га-буби... Вот умора... Ты ходить будешь, Хар Кагар?

— Ты достал уже! — огрызнулся тот. — Дай подумать.

— Да кого ты обманываешь, — махнул рукой Гелледан, — *ты и подумать* такие же несовместимые вещи, как Сальзар и трезвость.

— Это верно, — рассмеялся Сальзар и пихнул Хар Кагара под бок. — Давай, не тяни время.

Выругавшись, Хар Кагар сбросил аркану и взял со свалки ту, что перед этим сбросил Сальзар — Наллар не успел заметить, что за масть.

«Черт. Отвлёкся на этих шутов».

Видимо, не желая выслушивать подобные остроты в свой адрес, Пенлейс торопливо сбросил дневную аркану — кажется, архонта.

— Твою ж налево! — Пенлейс внезапно приблизил лицо к свалке и досадливо покачал головой. — Не ту аркану сбросил. Дайте переходить.

— Ну уж нет, — азартно заартачился Гелледан, потрясая пальцем. — Смотреть надо, что сбрасываешь, умник.

— Так темно же, как в сумеречной заднице! — Голос Пенлейса пропитался досадой. — Я виноват, что за костром никто не следит, а луна уже второй час подряд сидит за облаками?

— Ой, да заткнись ты, — махнул рукой Гелледан. — У тебя всегда кто-то другой виноват. Не костер, так луна. Не сосед, так гергельярские наймиты... — Гелледан оборвал обличительный монолог и медленно повернулся к Наллару. На еще секунду назад веселом и беззаботном лице промелькнула тень запоздалого узнавания. — Гергельяр! — Гелледан вскочил на ноги и, отступив на шаг назад, ткнул в Наллара указательным пальцем. Вместо пьяного веселья его голос наполнился ужасом. — Пресвятые Боги, ты был там, в Гергельяре, когда это случилось! В Тар-Толтогге! Двенадцать лет назад! — Гелледан сделал еще один шаг назад и с опаской посмотрел по сторонам, будто бы ожидая увидеть за фургонами толпу ухмыляющихся гергельярцев. Нетвердой рукой он вновь указал на Наллара. — Ты... Ты выдавал себя за бастарда князя Альгасгерда! Ты был тем, кто помогал наместнику Таллануйину совершить революцию! Это ты был его правой рукой! Я помню!

Теперь и Наллар вспомнил, при каких обстоятельствах видел своего собеседника.

Ну конечно. В его памяти разноцветными огнями вспыхивали и угасали картины и образы дней, предшествующих той кровавой резне, что в итоге охватила весь Гергельяр двенадцать лет назад. Жадный до славы, но лояльный к Гальтии Таллануйин. Поиски благоприятной возможности. Тщательная подготовка к восстанию, включающая в себя и добродушного триамнийского толстячка, что тайком поставлял в резиденцию наместника оружие. Кто бы мог подумать, что тот толстячок не только запомнит его лицо, но и попадется на пути двенадцать лет спустя...

Проклятье.

Проклятье!

Теперь его прикрытие висело на тончайшем из волосков. Разум Наллара суматошно искал выход из тупика...

— Да ваш приятель, кажись, перебрал лишнего. — Ойлегер не остался в стороне. Торговец, понимая, что под угрозой и его жизнь, умело разыгрывал искреннее недоверие, чуть приправленное раздражением. — Какой, к демонам, Гергельяр? Какая Тар-Толтогга? Иди проспись, купец.

— Ойлегер дело говорит, — присоединился Хар Кагар. — Га-нуби, га-буби, гергельярская революция... Что-то в последние годы ты совсем башкой тронулся, приятель. Пить тебе надо меньше, вот что я тебе скажу.

— Да нет же! — Гелледан вертел головой по сторонам, надеясь обрести поддержку хоть у кого-то. — Я вам клянусь!.. Он...

— Да мать вашу! — Сальзар бросил арканы и вскочил на ноги. — Какого гребаного Отнимающего каждая игра заканчивается вот такой херней, а?! Все, наигрались! Спасибо!

— Но...

— Заткнись, Гелледан! Не умеешь пить — не берись! Остохренело твой бред выслушивать! Все, пойдете спать.

Гелледан тяжело вздохнул и выдохнул.

— Да, наверное, вы правы... — наконец пробормотал он. — Перебрал я... Память моя — враг мой. Прости, Цэсэй, наверное, я обознался.

Наллар с максимальным равнодушием махнул рукой.

— Я не в обиде, старина. С каждым случается. А спать и в самом деле пора.

Как ни в чем не бывало, Наллар сложил выигранные жаворонки в кошель, помог Пенлейсу собрать колоду и, пожелав всем нового рассвета, отправился с Ойлегером в сторону повозки.

* * *

Гелледан собирался отправиться на боковую, когда обилие выпитого вина дало о себе знать.

Кряхтя, он вылез из своей одиночной палатки. Помедлил, раздумывая, не взять ли фонарь, но решил, что оно того не стоит; в конце концов, не настолько он пьян, чтобы не углядеть и свалиться с обрыва. Гелледан обошел угасший костерок и, миновав ряды фургонов и повозок, зашагал вдоль берега моря. Все затихло. Ни ругани, ни смеха — ожидающие паром мирно спали.

Гелледан шагал, размышляя. В чуть кружащейся голове вертелось множество мыслей и вопросов, но один из них затмевал все остальные.

Мог ли он обознаться?

Благословение никогда прежде не подводило его: любое увиденное лицо намертво запечатлевалось в памяти. Обычно он сразу же вспоминал и обстоятельства встречи, но не всегда; как, собственно, и сегодня. Но все сомнения развеялись, когда он вспомнил Гергельяр двенадцатилетней давности. Те времена он не мог забыть — слишком уж много крови было пролито. Он помнил, словно вчера, как не мог найти себе места, когда узнал, на что пошло привезенное им оружие. Помнил, как проклинал кирикийского бастарда, подбившего его на это дело. Помнил, как шестью годами спустя заглянул в южное Кирикийское княжество и выяснил, что князю Альгасгерду не исполнилось и сорока, а старшему из его наследников и вовсе двадцать один. Какие, к Сумеркам, тридцатилетние бастарды?

Гелледан, помнится, долго ломал голову, кем же, в таком случае, был тот таинственный

человек, приложивший свою руку к тому, что наместник Таллануйин заполучил трон и, вдобавок, погрузил половину страны в кровавый хаос? И вот, спустя столько лет, он встречает этого самого человека у Зеленой Гавани в облике триамнийского пилигрима. Ну не чудеса ли?..

Конечно, тот не захотел сознаваться. Логично. Во всем виноваты эти купцы, не захотевшие его даже выслушать. Боги, ну почему он вспомнил обо всем под самую полночь, когда все изрядно надрались?

Ничего. Завтра с утра, еще до первого парома, он пойдет к этому «Цэсэю» и потребует во всем сознаться. Причем прилюдно. А заодно и того торгоша, что по неясным пока причинам покрывал его. За какими демонами они вообще здесь очутились? Внезапно жуткая мысль посетила голову Гелледана, заставив замедлить шаг: что, если появление этого лжепилигрима как-то связано со смертью Верховного Иерофанта и грядущими Выборами? Боги Милосерднейшие, неужели Триамну может ожидать та же участь, что постигла тогда Гергельяр? Нет, нельзя допустить подобное. Ни за что.

Ни при каких обстоятельствах.

Гелледан остановился, подумав над тем, чтобы пустить струю с обрыва напрямиком в море, но несколькими секундами спустя все же оставил эту затею и свернул налево, к лабиринту ветвистых кустов. Найдя подходящее место, он приспустил тугой пояс и с выдохом пустил струю.

Что-то хрустнуло позади него.

Ветка?

Гелледан напрягся и наострил слух, но кроме звука льющейся струи больше ничего не услышал. Показалось? Ничего удивительного: после всех этих размышлений и опасений (отнюдь не беспочвенных) он и собственной тени скоро начнет бояться.

Хруст повторился, уже гораздо ближе. С участвующим сердцебиением Гелледан повернул голову. По-прежнему никого, только кусты да пару голых деревьев, почти что полностью закрывающих вид на лагерь, пристань и город вдаль. Гелледан расслабился и продолжил орошать кусты.

Рука появилась из ниоткуда и зажала его рот мертвой хваткой. Что-то блестящее промелькнуло перед его носом, а затем полоснуло по шее.

«Боги Рассвета, только не это...»

Что-то влажное и горячее потекло по его шее.

«Нет. Нет...»

— Прости, приятель, — раздался над его ухом тихий и вкрадчивый голос. Знакомый голос. — Но после всего, что ты наболтал, я не могу оставлять тебя в живых. Не стоило тебе поминать гергельярских наймитов ни к месту.

Гелледан попытался брыкаться, но тот, кто стоял сзади, сводил все попытки на нет.

Кровь стремительно вытекала из его горла. Вместе с ней — Гелледан чувствовал — вытекали остатки его жизни. Как ни странно, боли он не ощущал. Только горечь. Горечь от осознания того, что его провели, как мальчишку. Опередали на два шага.

«Так глупо...»

Гелледан почувствовал, что слабеет. На последнем издыхании он подумал про старика-отца, к которому больше не вернется, про дом, что останется пустовать...

Мышцы расслабились и, поддерживаемый призраком из прошлого, Гелледан мягко упал спиной на землю.

Происходящее утрачивало реальность.

Звуки исчезли. Осталось лишь беззвездное, затянутое облаками небо.

И, словно насмешка небес, из-под края одного из облаков выглядывала серповидная луна, безразличная к его участи.

* * *

Избавившись от трупа (а с морем под рукой это не составило проблем), Наллар нор Керрано, впервые за сутки, выдохнул с облегчением.

Кажется, опасность миновала. Хвала Всематери.

В очередной раз убедившись, что в ближайшей округе нет свидетелей, Наллар направился в обратную сторону. Сердце все еще постукивало в учащенном ритме. Впрочем, Наллар понимал, что опасаться нечего — спутников у этого Гелледана не было, так что, когда того с утра не окажется в палатке, никто и бровью не поведет. Скорее всего. Наверняка предположат, что по пьяни свалился с обрыва в море. Между прочим, не так уж и далеко от правды.

Наллара немного беспокоило другое. А именно — странные и непривычные ощущения, будто бы он поторопился с убийством. Будто, в некотором роде, поступил неправильно. Или даже не в некотором роде.

«Я не мог оставить его в живых. — Каждое убийство он всегда аргументировал, не позволяя опускаться, подобно клятым гергельярским наймитам, которых ни к селу ни к городу вспомнил Гелледан, до убийства без причины. — Кто знает, какие еще подробности моего пребывания в Гергельяре он мог вспомнить утром, на трезвую голову? Эти его приятели-купцы в отличие от Ойлегера направляются не в Танаан, а в столицу. Черт! Я не мог рисковать. Быть может, от моих действий будет зависеть благополучие Гальтии. Видит Всематерь, я все сделал правильно».

Наллар прекрасно осознавал, что все его аргументы звучат более, чем разумно. Только вот почему его по-прежнему изнутри глодало чувство вины? Почему ему казалось, что можно было отыскать другой способ решить этот конфуз? Способ, не приводящий к лишению жизни невинного человека?

«Я просто стал мягкосердым», — решил он, забираясь в заднюю часть повозки, после долгих манипуляций оборудованную Ойлегером под ночное лежбище.

Он перелез через несколько мешков, затем через неподвижно лежащего Ойлегера и лег на спину. Попробовал помолиться Всематери и испросить ее совета, но молитва не шла. Мысли путались в голове, как если бы он принял более активное участие в распитии тех бочонков.

— Ты прикончил его?

Наллар чуть не подпрыгнул с перепугу. Успокоившись, шепотом спросил:

— С чего ты взял?

— ЛжеБоги Сумерек, Цэсэй, не держи меня за полного кретина, ладно?

Наллар промолчал. Спустя минуту сказал:

— У меня не было выбора.

Ойлегер фыркнул.

— Знал бы ты, сколько раз за свою жизнь я слышал от самых разных людей эту фразу...

— И?

— И почти всегда в таких ситуациях выбор был. А вместе с ним и другой путь. Трудный.

Сложный. Но при этом правильный... А, ладно. — Ойлегер как будто махнул рукой. — Кто я такой, чтобы читать тебе морали, не так ли? Боги тебе судьи, Цэсэй. Доброй ночи.

— Угу.

Через пару минут Ойлегер как ни в чем не бывало захрапел, а Наллар по-прежнему лежал, глядя в провисающую парусину повозки. Слишком много безответных вопросов, на которые раньше он мог с легкостью ответить, крутились у него в голове. Слишком много странных мыслей, непрошенных переживаний, воспоминаний о тех убийствах, что ему приходилось совершать в Гальтии и Кирикийских княжествах, Герегльере и Сельвидийском султанате... Почему тогда все казалось проще?

Всемаерь, почему?..

В ту ночь Наллар нор Керрано еще долго не мог уснуть.

Страх сковывал Шелиару Нирааль по рукам и ногам невидимыми оковами.

Затыкал ей рот, не давая ни позвать на помощь, ни даже вскрикнуть.

Леденил кровь в жилах по всему телу.

За свои шестнадцать прожитых под солнцем лет Шелиаре неоднократно случалось чего-то бояться — беспросветно темных чуланов поместья, многоножек в сырых подвалах, отцовского гнева... Однако страх, что она испытывала в данный момент, коренным образом отличался от всех предыдущих. В этом страхе присутствовало что-то потустороннее, что-то непередаваемо зловещее, будто он исходил напрямую от ЛжеБогов Сумерек.

Будто он был частично осязаем, как клубящаяся в лунном свете пыль.

Причина страха крылась где-то впереди, за чередой темных коридоров, лестниц и дверей. Шелиара знала, сама не понимая откуда, что находится во дворце Верховного Иерофанта — и, кажется, она уже была здесь. Хотя нет, не кажется. Она точно здесь была. Шелиара оглядывалась и приходила к осознанию, что узнает эти высокие сводчатые потолки, подпираемые колоннами, мрачный лабиринт коридоров и мраморные лестницы между этажами.

Рывком воли преодолев страх, Шелиара зашагала вперед. Факелы вдоль стен, мерцающие бледно-зелеными огнями, угасали при ее приближении, издавая напоследок протяжный свист, от которого хотелось закрыть ладонями уши. Но руки не желали ей повиноваться. Шелиара словно не принадлежала сама себе. Откуда-то девушка знала, что нечто похожее с ней уже случалось. Когда? Где? Не имеет ни малейшего значения. Нужно было продолжать идти, иначе произойдет что-то плохое.

Что-то до смерти ужасное.

И в этом она была уверена.

Шелиара шагала, потеряв счет времени. Коридор свернул налево, затем еще раз налево, потом резко направо, и каждый раз она поворачивала вместе с ним. Кто-то незримый, шагающий за ее спиной, поторапливал ее, и Шелиара всеми силами напрягала мышцы ног. Почему не получается бежать? Она не знала. Похоже, в этом месте работали другие законы мироздания. Законы, не подчиняющиеся человеческой логике. Но это и не важно.

Важно, что она скоро придет.

«Сейчас появится лестница», — поняла она.

Так и произошло — одинокая дверная створка распахнулась, как по волшебству, и коридор вывел ее к лестничной площадке. Вниз или вверх? Логического объяснения Шелиара не находила, но интуиция подсказывала, что нужно подниматься — если пойти вниз, назад она уже не вернется. Как в тех сказках, когда путник попадал в тайную лесную страну, нарушал запрет и навеки оказывался заперт в ней.

За спиной со скрипом закрылась дверь, обдав ее могильным холодом.

Быстрее. Времени в обрез.

Шелиара побежала вверх по лестнице. Факелов больше не было, лишь через люк где-то высоко-высоко падали серебристые лучи, освещая бесчисленное количество ступенек, закрученных спиралью. Она приостановилась, когда сверху послышались тихие, но все же различимые звуки. Прислушавшись, Шелиара узнала скрипку — редкий и дорогой гальтийский музыкальный инструмент, который она слышала лишь однажды, на танаанской

Весенней Ярмарке. Что во Дворце Верховного Иерофанта мог забыть скрипач?

Вопрос «что она сама забыла во Дворце Верховного Иерофанта» интересовал ее в гораздо меньшей степени. Она здесь, а, значит, надо идти. Подниматься, пока ужас-за-спиной не нагнал ее и не погрузил мир в Вечные Сумерки.

Быстрее.

Ее босые ноги поднимались и опускались, а скрипка звучала все громче и пронзительнее. Вскоре к ней присоединился духовой инструмент, нежный, как птичий щебет на рассвете. Шелиара узнала флейту. Мелодия, отражающаяся от стен, казалась Шелиаре смутно знакомой. Где она могла ее слышать?

Быстрее!

Она бежала, спотыкаясь, но раз за разом удерживала равновесие и продолжала подъем. Ужас-за-спиной нарастал. Шелиара знала, что оборачиваться нельзя. Просто-напросто нельзя. Только вперед. Только туда, где под самой крышей рассказывают свою трагическую историю скрипач и флейтист.

Ступени сменяли друг друга, пока вместо них перед ней не выросли две дверные створки. Каждая — с пол-дюжины ярдов в высоту и по ярду в ширину. Облицованные бронзой, они устрашающе сияли в свете луны, словно два стража-великана из все тех же детских сказочных историй. На каждой створке были выгравированы какие-то непонятные руны. Шелиара не могла их прочесть, но понимала, что это и не нужно. Музыка, звучащая за ними, достигла своего предела. Скрипка изливалась режущими душу звуками, а флейта вторила ей чуть более низкими нотами. От такой мелодии ей хотелось отбросить все мысли и заплакать навзрыд. Но на это не было времени.

Шелиара поднесла руки к дверным кольцам, но внезапно двери сами отворились вовнутрь. В этот же момент мелодия оборвалась, как будто невидимый убийца оборвал жизни скрипача и флейтиста, перерезав их, словно ниточки.

Девушка очутилась в просторной круглой комнате, без дверей и окон. Под потолком висел масляный фонарь, почему-то светящийся голубоватым пламенем. Сначала Шелиаре показалось, что комната пуста, но затем в ее дальней части она увидела стол и два стула, на одном из которых кто-то сидел.

Она сама не поняла, как очутилась за тем столом — просто обнаружила себя сидящей и рассматривающей того, кто сидел напротив. Человек откинул с лица капюшон, и Шелиара подавила взглас удивления — перед ней оказалась старуха, древняя, как само время. Почему-то и она показалась Шелиаре знакомой. Тысячи морщин, чуть крючковатый нос, острый подбородок, зеленые глаза, беззубая ухмылка. Шелиара была уверена, что уже где-то ее видела... но где? Память по-прежнему отказывалась ей повиноваться. Оставалось только гадать.

Шелиара перевела взгляд на стол, накрытый фиолетовой бархатной скатертью. На нем стояла круглая прозрачная сфера на подставке и, чуть сбоку, колода аркан. Старуха вытянула вперед свою костлявую руку и подвинула сферу чуть ближе к центру стола.

«Смотри!»

Старуха не говорила — губы ее оставались неподвижными — но Шелиара будто бы наловчилась понимать ее мысли. Будто та проникла в ее голову и стала одним из Голосов.

«Смотри внимательно, дитя!»

Старуха провела ладонью над сферой, прошептала какие-то странные иноземные слова, и сфера вспыхнула, заискрилась сначала крохотными молниями, а затем и вовсе небесной

радугой и всеми ее оттенками. Шелиара следила за красочным танцем, как завороченная. Никогда прежде она не видела такого цветного многообразия; про многие оттенки она и предположить не могла, что они существуют. Вскоре одни цвета начали уступать место другим, формируя внутри сферы изображение. Сначала оно было совсем смутным, но спустя некоторое время Шелиара начала понимать, что видит...

Вот, окруженный непроглядной чернотой, на цепях висит человек, почти что полностью обнаженный. Белоснежные волосы падают, закрывая почти что все лицо, до самых плеч. Человек неподвижен, будто состоит из камня, а не из плоти и крови, но каким-то неведомым чутьем Шелиара понимает, что он жив. Что он дышит. Что надеется однажды освободиться и покинуть это место. Кто он? Почему закован в цепи? Шелиаре казалось, что это важные вопросы, но, по всей видимости, ответы на них ни сфера, ни старуха не собирались ей давать.

«Смотри же, — эхом раздалось в ее сознании, — зри Истину настоящего в ее многообразном обличье».

Изображение размылось. Краски замерцали: от черных к темно-синим, затем к зеленым, потом к желтым... Затем в сфере опять появилось изображение человека, на этот раз другого. Мужчина в длинных белых одеяниях склоняется перед чем-то, напоминающим алтарный жертвенник, и наблюдает, как мерцает пурпурно-золотистыми искрами лежащий на жертвеннике длинный зигзагообразный меч. Руки сцеплены на груди, брови под белой повязкой на лбу нахмурены. Шелиаре показалось, что от пурпурного меча исходит страшная, зловещая сила. Что это за оружие? Кто и зачем его выковал?..

Шелиара попыталась было рассмотреть силуэты, что виднелись позади человека в белом, но не успела: изображение внутри сферы вновь закружилось в многокрасочном водовороте. Когда тот улегся, в сфере высветился еще один мужчина. Одетый в скромную накидку пилигрима, он во мраке ночи волочит за собой по земле мертвое тело. Лицо пилигрима затенено.

«Кто все эти мужчины?» — хотела спросить Шелиара, но старуха приложила палец к губам и кивнула подбородком на сферу.

Следующим в ней появился темноволосый мужчина — самый молодой из всех виденных прежде — одетый в малиновый дублет и сидящий в роскошном кресле перед мраморным камином. В одной руке он держит кубок с вином, в другой — пергамент. Присмотревшись, Шелиара поняла, что это не просто пергамент, но карта южных земель, от Шаугрима до островного Аккао. Глядя на пергамент, мужчина нервно покусывает нижнюю губу. Кто он? Богатый торговец? Молодой архонт? Может, кто-то из высших военных чинов?..

И вновь все размылось. И вновь закружились краски. И вновь появился еще один человек — как ей показалось, с ярко-рыжими, почти что огненными волосами. Он лежит на голой земле, подложив руки под голову, перекатывает губами травинку, и тоскливым взором пытается пронзить небеса. Невыразимая печаль мирового масштаба застыла на его глазах.

«Почему все они не спят?» — подумалось Шелиаре.

Мало-помалу краски начали угасать, будто энергия сферы иссякала. Шелиара решила, что на этом все, но внезапно краски вспыхнули, будто бы на последнем издыхании. И опять в сфере появился мужчина. На этот раз, правда, смутно знакомый. Он сидит на коленях в храме, подняв обе руки ладонями вверх, перед каменными изваяниями Богов Рассвета. Губы его непрерывно что-то шепчут. Благодарность? Просьбу? Просто псалом? Ни с того ни с сего

изображение увеличилось в размерах, и Шелиара едва подавила вскрик.

«Отец?!»

Да, это был, безусловно, он. Диондор Нирааль, не находящий покоя даже ночью.

Шелиара потянула к сфере правую руку, словно это помогло бы ей связаться с отцом, но сфера вспыхнула ярко-белым светом, заставив девушку отдернуть руку, после чего окончательно погасла. Старуха подняла на нее свой пронзающий взгляд.

«Теперь возьми аркану», — требовательно заявила старуха.

Шелиара потянулась было к колоде, но та, словно была живой, разложилась перед ней на столе. Девушка задумалась.

«Не тьяни, — нравоучительно проговорила старуха. — Не ты выбираешь аркану, а аркана выбирает тебя. И выбор давно уже сделан».

Шелиара прикрыла глаза и наугад взяла аркану. Поднеся к лицу, открыла глаза...

Перекресток.

Боги Рассвета, она узнавала эту аркану. Узнавала эти три тропы, висельника между ними и даже зловещего ворона. У нее ведь была точно такая же, где-то там, в иной жизни. И с ней было связано что-то важное. Что-то... трагическое?

Она не могла вспомнить.

«Это твоя Аркана, Зрящая Истину. Она всегда будет с тобой. Не забывай об этом».

Шелиара кивнула, хотя не очень понимала, о чем говорит старая карга.

«А теперь иди!» — приказала старуха, поднимая руку и указывая пальцем куда-то в сторону.

Идти? Опять идти? Куда на этот раз?

«Ты видела настоящее. Теперь же ступай по дороге будущего».

«Будущего? — робко переспросила Шелиара. — Но оно ведь... еще не определено».

«Так ступай же и узри один из его исходов. Одну из дверей, что на конце тропы Перекрестка».

Шелиара помедлила, не понимая, что все это значит. Старуха поторопила ее нетерпеливым взмахом морщинистой руки:

«Иди же, глупая! Двери не будут вечно открытыми».

Шелиара поднялась со стула. Огляделась, выискивая дверь. Странно — никаких дверей она не видела, одни лишь голые стены. Шелиара повернулась, чтобы уточнить, но... теперь уже не было ни стульев, ни стола, ни старухи. И куда они делись?

Пожав плечами, Шелиара двинулась к стене. Почему-то она совсем не удивилась, когда на ее глазах в ней стал прорисовываться дверной силуэт, от которого тянуло какой-то мистической силой. Кто-то звал ее с той стороны. Кто-то призывал поторопиться.

Она шла к двери, когда внезапно в воздухе замерцало зеленовато-призрачное свечение. В ушах загудело, голова пошла кругом. Когда Шелиара пришла в себя и смогла поднять взгляд, в конце пути находилась не одна дверь, но три. И каждая как настоящая. Как будто стояла в этой стене целую вечность. Как такое могло произойти? У нее снова не находилось ответов.

Шелиара подошла. Каждая из дверей выглядела одинаково — обычная дубовая дверь, с медной ручкой. Только небольшие таблички сверху различались. Шелиара попыталась прочитать, что на них написано, но не смогла — надписи были не на Южном Диалекте, и даже не на древнетриамнийском. Какое-то внутреннее чувство подсказало ей, что они написаны на священном языке Древнего Шаугрима. Как бы там ни было, понять их смысл

она не могла.

Приходилось выбирать наугад.

Почему-то Шелиаре казалось, что ей уже приходилось открывать одну из этих дверей. Быть может, и не единожды. Она попробовала поднапрячь память, но та отказалась повиноваться.

Вздохнув, Шелиара открыла ту, что посередине.

За дверью оказался церемониальный зал Дворца. Множество богато разодетых людей собрались, приветствуя восторженными хлопками идущего по алой ковровой дорожке человека в золотистой мантии. Тот периодически останавливался, чтобы обменяться с отдельными из людей приветствиями и рукопожатиями. В один из таких моментов он повернулся и в ее сторону. Шелиара прикрыла рукой распахнувшийся от ужаса рот: на лице человека была надета маска, подобная тем, что надевают на карнавал в ночь перед Первым Рассветом. Но почему здесь и сейчас? Шелиара решительно ничего не понимала.

Человек-в-маске тем временем продолжал свой торжественный поход под рукоплескания толпы. Вскоре он достиг конца дорожки и остановился перед Креслом Верховного Иерофанта. По обеим сторонам от него стояли юноши, держащие серебряный поднос, на котором красовалась инкрустированная множеством драгоценных разноцветных камней белая митра Верховного Иерофанта. Рукоплескания достигли апогея, а потом резко затихли, как та мелодия, что еще недавно звучала в ее сознании.

Человек-в-маске вытянул вперед руки, взял в них митру, и в загробной тишине водрузил ее себе на голову.

А потом все погрузилось в хаос.

Сначала воздух запылялся красным, будто кровь и огонь смешались воедино и слились с ним. Зловещий смех разнесся отовсюду, заставив колени Шелиары подкашиваться. Затем краски закружились в танце — как в сфере, только теперь в реальности. Страшные образы начали вспыхивать перед ней: шеренги марширующих солдат сменялись трупами на поле брани, белые жаворонки на триамнийских знаменах сменялись безутешными рыданиями жен и матерей, играющиеся дети сменялись обожженными руинами и реками крови...

Верховный Иерофант — единственный оставшийся посреди этого безумного хаоса — тем временем сел в Кресло и медленно поднес руки к лицу, чтобы снять маску. На его губах застыла усмешка человека, который достиг своей цели, не побрезговав ради этого любыми средствами.

«Нет».

Шелиара потрясла головой, но ничего не изменилось. Она попыталась закричать, но невидимая рука зажала ей рот.

«Нет!»

Шелиара понимала, что такого не должно быть. Нельзя, ни при каких обстоятельствах нельзя допустить подобного развития событий...

— НЕТ!!!

...Шелиара проснулась от собственного крика.

Ей понадобилось не меньше минуты, чтобы понять, что все увиденное, все пережитое было лишь частью сна. Зловещего, до жути реального — но все же сна. В реальности же она сидела на кровати все в той же комнате на втором этаже герцогского особняка. Дыхание ее было тяжелым и прерывистым, как после бега длиной в пару миль. Она вся вспотела, так,

что ночная рубашка прилипла к телу. На внутренних сторонах ее век все еще тлели, словно угли в камине, образы посетившего ее кошмара. Шелиара проморгалась, но это едва ли что-то изменило. Тогда она надавила пальцами на глазные яблоки, и те отозвались пульсирующей болью, уходящей куда-то далеко за виски.

«Это лишь дурной сон, — попробовала успокоить она саму себя. — Боги Рассвета, это просто очередной кошмар, только и всего».

Только вот почему этот кошмар казался ей таким реальным? Она ведь и раньше видела дурные сны, но они не были...

Такими.

Дрожащей рукой Шелиара нащупала на прикроватной тумбочке трубку, пододвинула ее поближе. Затем взяла коробочку с табаком, открыла ее. Попыталась подцепить содержимое пальцами, но рука предательски дрогнула, и коробочка грохнулась на пол.

— Демонская демонщина, — проскрежетала Шелиара.

Обессиленно вздохнув, она отбросила одеяло и слезла с кровати на пол, чтобы на ощупь собрать рассыпавшееся содержимое.

Тем временем что-то заворочалось в ее голове...

Хотя нет. Не что-то, а кто-то.

Все те же старые знакомые, от которых она вот уже которые сутки пыталась избавиться.

«Чудесно. Только вас еще не хватало», — мысленно покачала головой Шелиара.

«И тебе привет», — отозвался Реалист.

«Ты ведь понимаешь, — тут вкрадчиво прошептала Вопрошающая, — что никакой это не табак? Ну в самом деле, Шели, ты, конечно, та еще дура, но все же не беспросветная».

Следом подключился Пророк:

«Я ведь уже говорил: ты не сможешь вечно нас заглушать, избегая привычной реальности. Тебе надо научиться уживаться с нами, нужно принять нас. Когда ты уже поймешь это, Шели?»

— Заткнитесь, заткнитесь, заткни-и-итесь, — напевала Шелиара, собирая по полу табак. Вступать с ними в диалог она не намеревалась.

Разумеется, Голоса не собирались затыкаться. Как ни в чем не бывало, они завели свой привычный разговор, обращаясь то непосредственно к ней, то к друг другу. Шелиара поторопилась. Ей не терпелось поскорее успокоиться и прийти в себя.

Лишь через несколько минут, когда терпкий дым разлился успокаивающей волной по ее телу, а Голоса начали отдаляться куда-то в иные миры (или куда они там удалялись?), Шелиара Нирааль улеглась обратно в кровать, укуталась в одеяло, обхватила руками колени и выдохнула с облегчением.

За окном герцогского особняка занимался рассвет.

«...Третьи сутки битвы начались для южан еще хуже, чем первые двое. Перед самым рассветом сельвидийские конные лучники зашли, не встретив сопротивления, в тыл обескровленным гергельярцам на дальнем левом фланге. Обстреляв огненными стрелами их обозы и палатки с ранеными, они вызвали пожары и посеяли панику, после чего, не понеся потерь, отступили на прежние позиции. Храбрые, словно пустынные львы, даньязские рыцари попробовали повернуть схожий маневр на правом фланге, атаковав один из сельвидийских станов за Иссохшей рекой, но их постигла неудача. Я был свидетелем того, как из рассветного тумана вокруг реки, будто из пустоты, появлялись копейщики эмира Набут-тан-Ниба и, окружая железных всадников, стаскивали их с коней и беспощадно добивали. Когда отряды шаугримских боевых монахов подоспели на помощь, их встретили сотни камней сельвидийских пращников. Поэтому Норгаару пришлось, скрипя сердцем, дать команду всем армиям вновь занять оборонительные позиции. Как только солнце показалось из-за вершин Дальневосточных гор, сельвидийцы перешли в размеренное наступление по всем фронтам...»

Альдан торопливо перелистнул страницу фолианта. Его глаза горели нетерпением. Он, наконец, стоял на пороге развязки самой таинственной битвы минувших веков. В этот раз школяр твердо намеревался дойти до конца, чтобы узнать истинную причину легендарной победы — пусть даже в соседней комнате начнется пожар или потоп.

«...К полудню как всем генералам-десяти тысячникам, так и самому генерал-императору Норгаару стало очевидно, что шансы на победу тают, как снег в летнюю жару. Несмотря на достойные песен и баллад попытки Кирикийских Великих князей прорваться сквозь тяжелую сельвидийскую пехоту на ближнем левом фланге, приспешники султана задавливали южан численностью и уверенностью в победе. Сельвидийская лавина все ближе и ближе подбиралась к Обзорному Холму, где располагалась ставка императора, и остановить ее казалось невозможным. Но именно в тот момент, когда даже самые мужественные пришли в отчаяние, свершилось Чудо, достойное вечной памяти. Осененный, по всей видимости, божественным видением, генерал-император Норгаар неожиданно для всех отдал приказ перестроиться и, по возможности выманив сельвидийскую конницу на левый и правый ближний фланг, нанести самим конный удар по центру. Томимый любопытством, я подошел к нему и спросил: «Зачем все это?» И он ответил странной, даже по его меркам, фразой: «Теперь пришло время нам сделать невозможное». Гонцы разнесли по армиям новые приказы, и вскоре в центре поля брани начался хаос. Вступили в бой последние колесницы вождей Аккао, отвлекая на себя сельвидийских конных стрелков. Королевский полк гальтийских мечников нанес удар из центра по ближнему левому флангу, нарочно подставляя бок под смертоносную атаку сельвидийских всадников. Ценой этих жертв путь к центру оказался расчищен, и тогда под пение громогласых труб и рокот барабанов выступили вперед облаченные в тяжелые панцири кирикийские всадники, и триамнийская конница вместе с ними, и шаугримские конные копейщики...»

Сгорая от любопытства, Альдан перелистнул страницу.

«...Сошлись они на равнинах с сельвидийской тяжелой пехотой, число которой сотня сотен, и с боем прорвались сквозь ее прежде несокрушимые ряды. Гибли, один из другим,

всадники Кирикии и Шаугрима, и лишь остатки триамнийской конницы добрались до Бессмертной Гвардии султана Кабуддарима А'Шаддара. Те, кто наблюдал за этой кровавой бойней с Холма, включая и меня, думали, что император от горя окончательно сошел с ума, послав на верную смерть последних боеспособных воинов. Однако уже спустя несколько минут все в корне изменилось. Гвардию султана охватила столь сильная паника, что они ринулись спасаться бегством, что тотчас же отразилось и на остальных сельвидийских армиях. Повинуясь стадному порыву, они бросали копья и ятаганы, пращи и луки, и, разворачиваясь, бежали на восток что было мочи. Причина бегства гвардейцев, с моей точки зрения, может быть только одна — каким-то невероятным образом султан Кабуддарим А'Шаддар скончался на поле боя. Но что послужило причиной? Сердечный приступ? Случайная стрела? Предатель среди его телохранителей? Что-то еще? Никто не может теперь сказать наверняка, ибо все триамнийцы, сражавшиеся с гвардейцами, погибли смертью храбрых. Некоторые очевидцы поговаривают, что султана покарала Боги, наслав на него черное облако смерти. Возможно, так оно и есть. Впрочем, в те дни народам Юга было не до выяснения причин бегства сельвидийцев. Воины ликовали и, отдав дань павшим, пировали трое суток. Сложив с себя полномочия военного императора, Норгаар обратился к выжившим со словами, что войска Юга спасло ни что иное, как их сплоченность, мужество и стойкость, проявленные в этой битве...»

Далее по тексту следовал перечень имен более-менее значимых полководцев, участвовавших в сражении. Альдан, не долго думая, завершил на этом чтение и закрыл книгу. Он испытывал двойственные чувства. С одной стороны, Эльсевич Кирикийский, очевидец и летописец того самого сражения, вроде бы как изложил, что мог, со всей возможной ясностью и полнотой, с другой... Альдана не покидало ощущение, что его где-то провели. Да и не только его. Неужели никто не попытался выяснить, как именно погиб султан? Альдан в жизни бы не поверил, что войскам Юга не удалось взять в плен ни одного гвардейца — наверняка ведь среди них было много тяжело раненых. Да и как этот Кабуддарим вообще мог погибнуть, если, по заверениям Эльсевича, до Бессмертной Гвардии, элитнейшего сельвидийского подразделения, добрались лишь жалкие остатки триамнийской конницы? От смеха, что ли? Ну, в самом деле. Очень уж странным все это выглядело. Даже по меркам истории.

Отложив на край стола седьмой том «Военных Хроник Южных Земель», Альдан бросил взгляд за окно... Демоны! Он вскочил со стула. Солнце уже исчезло за крышей главного университетского корпуса, и теперь падало где-то там к горизонту, окрашивая нижнюю часть неба в рубиново-лиловые оттенки. Надо же ему было так зачитаться. Ритуал, на котором он пообещал Герцогу присутствовать, уже наверняка начался. Альдан выругался под нос — заскочил, называется, после Библиотеки (вновь не принесшей никаких плодов относительно разгадки проблемы Шелиары) к себе на пару минуток передохнуть.

Набросив на плечи накидку, Альдан со всей скоростью, на которую только был способен, отправился в центр города.

Дорога заняла у него от силы четверть часа.

Альдана бывал на Центральном Холме дважды — во время своего Преображения и когда на первом курсе пьяному Рибану показалось отличной идеей как-то под ночь искупаться в Фонтане (правда, из-за наличия стражи осуществить задуманное бравому сердцееду оказалось не под силу). С тех пор на Холме не изменилось ровным счетом ничего. Альдан

подозревал, что на нем ничего не менялось со времен обретения независимости от Гальтийской империи.

Убедив двух скучающих стражников, что он один из приглашенных, Альдан миновал решетчатую калитку у подножья Холма и после подъема по пологому, но петляющему склону ступил на вершину. Остальные три склона Холма были не столько склонами, сколько практически отвесными обрывами, каждый высотой ярдов в шестьдесят-семьдесят. Плоская вершина являлась вытянутым и при этом достаточно просторным участком земли, на котором без особых затруднений расположились четыре строения. В самом центре находился, само собой, Фонтан Преображения. Легендарное сооружение представляло собой облицованный сверкающим белым камнем широкий круглый бассейн, в середине которого находился узкий стержень, заостренный, как копье, и возвышающийся на высоту трех, а то и всех четырех человеческих ростов. Из множества крохотных дырочек на стержне в любую погоду били, уходя ввысь по дуге и ниспадая вниз, струйки воды, так что, казалось, множество небольших водопадов радужно обволакивают Фонтан.

Справа от Фонтана Преображения, выпячивая напоказ позолоченные колонны и кроваво-алый шлемовидный купол, горделиво возвышался главный городской храм, с пристроенной сбоку высокой колокольной. Слева от Фонтана, ярдах в тридцати, находились гостевые трибуны, прозванные в народе за счет своей полукруглой формы «амфитеатром». В северной же части Холма, ярдах в ста с небольшим за Фонтаном, располагалась громада Дворца Верховного Иерофанта, нынче временно пустующая (если не считать одиноких стражников, прогуливающих вдоль передней решетчатой ограды). Пять серебристо-серых прямоугольных башен устремлялись с его крыши ввысь, под самые облака, а над ними колыхались на ветру триамнийские флаги: белый жаворонок на ярко-алом полотне.

По краям Фонтана полукругом стояло с десятков человек. В основном, как и положено, четырнадцатилетние; лишь средних лет пара стояла левее остальных и фигура в серебристо-синем плаще — справа. За Фонтаном располагался высокий деревянный помост, в дальней части которого стояли хористы и служки, а впереди — читающий нараспев отрывок из «Летописей Рассвета» иерофант. По всей видимости, Ритуал уже плавно подходил к завершению.

Отойдя чуть в сторону, Альдан оглядел амфитеатр. На верхних скамьях, как и раньше, сидели выходцы из простонародья — мужчины и женщины, наблюдающие за преображающимися детьми. Чем ниже, тем богаче выглядела одежда сидящих: невзрачные рубахи, накидки и шерстяные кафтаны сменялись отороченными мехом жилетами, мантиями, камзолами и цветастыми плащами. На второй снизу скамье Альдан заметил друзей Герцога — Тэннега, Гасфорта и, конечно же, Зан-Фауна. На первой скамье сидели пятеро мужчин в изумрудных мантиях. Один из архонтов чертами лица напоминал Герцога, как если бы тот был лет так на тридцать постарше и носил усы и аккуратную бородку. Родственная связь была очевидной. Альдану отец Герцога сразу не понравился: слишком уж суровым и неподвижным было выражение его лица. Школяр также отметил, что почему-то нигде не было видно Иолаи. Странно — разве Герцог не хотел бы, чтобы возлюбленная поддержала его в такой час? Альдан предположил, что это как-то связано с присутствием отца.

Пройдя вдоль ряда копьеподобных кипарисов, высаженных вдоль обрывистой левой части Холма, Альдан вывернул к амфитеатру. Стараясь не привлекать внимания (что, конечно же, не получилось, все так и вперились в него взглядами), он пробрался на второй

ряд и сел справа от Гасфорта, приветствовавшего его коротким кивком. Зан-Фаун, сидевший слева от Гасфорта, покосился на Альдана с уничижительной ухмылочкой.

— Приходить вовремя — удел слабых духом, да, Книгочервь?

Альдан сделал вид, что не услышал его, и сосредоточился на происходящем впереди, у Фонтана — благо, с того места, где он сидел, все было превосходно и видно, и слышно.

Возглавляющий церемонию молодой светловолосый иерофант как раз закончил читать историю о Фонтане, Исхе и Као, и Альдан невольно задумался над тем, насколько эта история правдива. В свое время он верил в нее целиком и полностью (ведь это же отрывок из священного текста, как вообще можно осмелиться подвергнуть его сомнению?), но по прошествии лет стал находить в ней все больше и больше нестыковок и неувязок. Вот, например, считается, что упомянутый в истории княжеский дворец по прошествии времени стал Дворцом Верховного Иерофанта; но если так, то как он и Фонтан могут находиться так близко друг к другу? Неужели князь мог не знать про родник в ста ярдах от Дворца? Да ведь мимо него нельзя было бы пройти, чтобы подняться на холм или же спуститься. И это уж не говоря про превращение аккаовской ведьмы в летучую мышь (как-никак, им на втором курсе читали лекции о строении организма человека и всяких крылатых гадов, так что Альдану казалось очевидным, что даже с помощью черного чародейства такое превращение в корне невозможно). Возможно ли, что история создания Фонтана действительно основана в некотором роде на имевших место событиях, но получила от летописца чересчур уж вольную интерпретацию? Альдан надеялся, что дело обстоит именно так; других приемлемых объяснений он не видел (разве что считать все Летописи Рассвета сборником древних народных сказок, как это делают иноземные язычники).

Когда служки отнесли в сторону фолиант, иерофант сделал шаг вперед, распахнул руки и улыбнулся так широко, будто для него не было и не могло быть ничего радостнее, чем видеть перед собой толпу юношей и девушек, не знающих, какой «подарок небес» их ожидает.

Альдан прекрасно помнил, словно это произошло вчера, а не шесть лет назад, как он стоял там, среди преображаемых, и в томительном ожидании вслушивался в священные слова Ритуала. Он ощущал, что вот-вот станет причастником чего-то высшего, чего-то божественного. Что он окунется в воды Фонтана, вынырнет, и его жизнь кардинальным образом изменится, будто бы Боги Рассвета одним им понятным способом направят его на верную стезю. На единственно правильный жизненный путь. Интересно, то же ли самое сейчас испытывает Герцог или же нет? О чем думает этот молодой богачей, решившийся спустя почти десяток лет на столь рискованный шаг? Жалеет, что согласился? Трепещет от радости? Альдан не рискнул бы предположить — Герцог стоял в неподвижной позе, лишь сжатые руки выдавали его нервное напряжение.

Тем временем с храмовой колокольни разнесся ненавязчивый перезвон, извещающий Священный Исхирон о том, что в скором времени несколько триамнийцев станут новопретерженными. Хор затянул Рассветный Псалом — так скорбно, будто заодно решил потренировать исполнение репертуара к похоронам Верховного Иерофанта, что вроде как должны состояться через трое суток.

*Путь мой в ночи затерялся,
В Сумерках сердце увязло.
Нет, не видать избавленья,*

Тьма окружает повсюду...

Иерофант поправил сползающую на лоб митру и взмахнул рукой. Уловив сигнал, стоящие у Фонтана принялись снимать верхние одежды, вплоть до церемониальной рубашки.

*...Плач мой услышите, Боги,
Клич мой сквозь Тьму вознесенный,
Вы, что даруете жизни
Всем в этом мире подлунном...*

Альдан съежился, глядя на Герцога в бело-алой рубашке до пят. Когда он сам проходил Ритуал, на улице стоял конец весны, а не начало зимы. Герцог, в отличие от остальных, переминающихся с ноги на ногу и обхватывающих себя за плечи, никак не подавал виду, что ему холодно. Вот уж в чем не откажешь аристократии, так это в умении непоколебимо держаться на публике. Если ты не Зан-Фаун, конечно. Альдан покосился на богатого наглеца, и тот, уловив взгляд, ответил пафосным хмыканьем.

*...Ночь подытожив рассветом,
Даруйте узреть надежду,
Даруйте Глас Ваш услышать,
Истины Слово святое...*

Иерофант бросил в воду горсть чего-то порошкообразного, и вода тотчас же приобрела практически алый оттенок. Альдан улыбнулся — в свое время он думал, что это часть божественной магии; на предпоследней же лекции по алхимии им рассказали в общих чертах о принципах действия подобных красителей. Вообще — забавная штука эта алхимия.

*...Слаб я и духом, и телом,
Падок на страсть и соблазны,
Вы же меня исцелите,
Путь укажите Рассветный...*

Иерофанту поднесли пергаментный свиток, и он пробежался по нему глазами. «Перечень имен», — догадался Альдан.

*...Пусть он покажется длинным,
Пусть он окажется трудным,
Буду идти я, покуда
Силы меня не оставят...*

Растянув последнюю ноту до предела, хор обессиленно замолчал. Колокол прозвенел еще трижды, после чего также затих.

С минуту длилась тишина, а затем иерофант торжественно провозгласил первое имя:

— Ниромбаарус Кельтерааль.

Герцог сделал шаг вперед, ступив к самому краю.

«Кто??» — была первая мысль Альдана.

Вторая пришла следом:

«Теперь понятно, почему его все зовут Герцогом, а не по имени».

— Веруешь ли ты, — спросил иерофант, — что вода сия, Божественной властью освященная, преобразит тебя силами рассветными?

— Да, — без запинки ответил Герцог.

— Готов ли ты, Ниромбаарус, сын Асаннатала, принять тот дар и понести ту ношу, что она тебе даст?

Герцог чуть помедлил. Скосил голову вбок, оглядев сидящих на первом и втором ряду амфитеатра. Альдан подумал было, что сейчас он не выдержит и скажет «Знаете, а давайте как-нибудь в другой раз» или что-нибудь в этом роде, но тот развернулся и, посмотрев иерофанту в глаза, отчеканил:

— Да. Готов.

— Войди же в Фонтан сей, Ниромбаарус, и Преобразись.

Герцог шагнул вперед и с громким плеском погрузился с головой в воду. Спустя пару секунд вынырнул и, шагая по дну (глубина Фонтана, в отличие от бездонного родника, позволяла это делать), направился к железной лестнице в дальней части Фонтана. Там его встретил один из многочисленных помощников иерофанта, с большим полотенцем в одной руке и подобранной одеждой Герцога в другой. Вдвоем они направились в сторону храма, где Герцогу предстояло прийти в себя, согреться и переодеться. Основное дело сделано.

Для него Ритуал завершился.

Осталось лишь подождать, пока Благословение и Проклятье не проявят себя.

Спустя некоторое время, когда все Преображаемые погрузились в Фонтан, прошли в храм, и, вернувшись обратно, выстроились в шеренгу спиной к сидящим в амфитеатре, иерофант, по-прежнему стоящий на помосте, снял с головы митру и завел положенную в конце Ритуала речь:

— Богам Рассвета было угодно, чтобы церемонию Ритуала вели избранные священнослужители — те, которых мы с вами зовем Верховными Иерофантами. Увы, как вы знаете, наш первоверховный владыка недавно отошел к Богам, и, милостью преторианцев, мне выпала честь сегодня возглавить это великое в жизни каждого событие. Эти воды, — иерофант указал на Фонтан, вода которого вернулась к прежнему цвету, — такие же благодатные, как и много столетий назад, свидетельствуют о том, что Боги Рассвета одинаковы щедры ко всем нам. Ни для кого не делая исключений, — на этих словах Альдан невольно хмыкнул, — они каждому предоставляют шанс прожить жизнь особым путем. Что это за путь, спросите вы, и я вам отвечу: этот особый путь и есть тот самый, о котором пелось в Рассветном Псалме. Вопрос в том, хватит ли у вас сил и решимости пройти этот путь до конца? — Чуть повысив голос, иерофант строго посмотрел на новопреображенных. — Это зависит только от вас. Главное, не забывайте: Боги никогда не посылают испытаний, что человек не в силах выдержать. Мы, скромные жрецы Богов Рассвета, всегда готовы выслушать каждого из вас и поддержать в трудную минуту. А теперь идите... — Иерофант улыбнулся лучезарнейшей улыбкой. — Ступайте же к вашим родным и близким, и пусть они радуются и празднуют сегодня вместе с вами.

Закончив речь, иерофант отвесил присутствующим учтивый поклон, и десятки рук одобрительно захлопали. Затем все принялись вставать с трибун, чтобы поздравить новопретворенных.

Альдан благоразумно не торопился лезть с поздравлениями Герцогу. Сначала того окружили архонты, осыпая похлопываниями по плечу, поздравлениями и фразами вроде «наконец-то ты стал триамнийцем». Архонт Асаннатал, чья улыбка вполне могла бы посоперничать с иерофантовской, произнес напыщенную речь о решимости, твердости духа и еще чем-то таком — подробностей Альдан не расслышал, поскольку все утопало в гомоне поздравлений и радостных всхлипываний. Затем архонты, наконец, оставили Герцога в покое и подошли к разоблачающемуся у помоста иерофанту. Альдан обратил внимание, что они не только обменялись рукопожатием, но и с пару минут побеседовали, то и дело посмеиваясь. Видимо, проводивший Ритуал иерофант рассчитывал на место в Священном Синклите — иначе с чего вдруг такая псевдовежливость со стороны, как поговаривают, почти что непримиримых врагов? Наблюдая за ними, Альдану внезапно показалось, будто что-то в чертах лица иерофанта кажется ему смутно знакомым. Впрочем, не мудрено — он в столице не первый день, и иерофантов здесь пруд пруди, наверняка пересекались в каком-нибудь из храмов. Или просто на улицах...

— Ну что, мои дорогие претворенные друзья? — Альдан повернул голову и увидел перед собой компанию во главе с Герцогом. Школяру стало немного неловко, что он не успел никак его поздравить. — Я надеюсь, у вас нет никаких планов на этот вечер?

Все, конечно же, ответили, что нет. Альдан пожал плечами, уже догадываясь, к чему клонит Герцог.

— Чудесно! — Герцог одарил всех блистательной улыбкой, будто также решил принять участие в сегодняшнем соревновании выражения любезности. — В таком случае, самое время отметить столь грандиозное событие. Пойдемте вниз, мой экипаж как раз должен нас всех вместить.

Альдан обменялся с Герцогом рукопожатием, произнес стандартное поздравление, после чего они впятером двинулись к освещенному прибывающей луной спуску с Холма.

«Ниромбаарус, — подумал Альдан, косясь на претворенного Герцога. — И откуда его отец выкопал такое имечко?».

Кружась в причудливом танце, кисть скользила по холсту, оставляя за собой темно-серые следы. Сосредоточенная на рисовании, Шелиара Нирааль пребывала в приподнятом расположении духа. В кои-то веки день складывался на редкость удачно.

К некоторому сожалению, только день. Ночью — что этой, что предыдущей — ей опять снились кошмарно-реальные сны про Дворец Верховного Иерофанта и ее похождения в нем. Последние сновидения запомнились ей хуже, чем тот, позапрошлой ночью, но суть их — Шелиара готова была бы поклясться на Рассветных Канонах — оставалась той же. Все повторялось раз за разом: коридоры, ужас-за-спиной, лестница, мелодия скрипки и флейты, старуха с арканами и сферой, мужчины в этой самой сфере, аркана Перекрестка и, наконец, финальный выбор. Шелиару не покидало ощущение, что в сегодняшнем сне она выбрала другую дверь, но и за ней, похоже, не оказалось ничего хорошего... Подробностей второй двери она, к сожалению или к счастью, не помнила. Да и Сумерки с ней, с дверью. Шелиару все больше беспокоило, какой же коварный способ нашли Голоса, чтобы мстить ей, когда она беспомощна (ведь вряд ли происходящему могло найтись другое объяснение). Впрочем, после плотного завтрака и стандартной курительной процедуры подобные мысли довольно скоро выветрились из ее головы. Даже дышать как будто стало легче. Во всех смыслах.

Когда-то в детстве от одного из своих наставников Шелиара слышала, что страхи становятся менее пугающими, если пытаться вывести их в реальность. Якобы лишь встречаясь со страхом лицом к лицу, человек учится его преодолевать. Именно поэтому после завтрака Шелиара решила перенести отрывок из кошмара на холст. Ей казалось, что получится нечто непонятное, какая-то несуразная смесь темных красок, но уже спустя пару часов работы Шелиара поняла, что ей донельзя правдоподобно удастся переносить изображение из сознания в реальность.

Почти что законченная к вечеру, картина изображала ту самую спиральную лестницу в лунном свете, зловеще поднимающиеся стены и две громадные дверные створки далеко наверху. Себя, поднимающуюся по лестнице, Шелиара решила не изображать, опасаясь, что это может все испортить на корню.

Наконец, девушка отложила кисть, вытерла ладонью лоб и отошла на шаг назад, чтобы оценить свое творчество. Обыкновенно она весьма критично относилась к своим работам (а несколько неудачных картин однажды и вовсе сожгла в гостинном камине танаанского поместья), но эта вроде бы вышла неплохо. В некотором роде это даже ее пугало — будто бы картина могла ни с того ни с сего затянуть ее в себя и заставить вновь проходить все тот же маршрут, снова и снова... Шелиара помотала головой, отгоняя подобные мысли.

В этот же момент в коридоре раздалась узнаваемая легкая поступь, а через пару секунд в дверь раздался стук.

— Входи, Иолая.

Дверь скрипнула, и Иолая, в ярко-алом платье, босоножках и жемчужном ожерелье вокруг тонкой шеи, переступила порог. Ее губы были аккуратно подкрашены, с ушей свисали изящные перламутровые серьги в виде капелек, а волосы ее падали к плечам темно-золотистыми каскадами. По комнате разнесся резковатый запах гвоздичных духов. Ничего удивительного — Шелиара была в курсе, что Герцог скоро должен вернуться с Ритуала, а к такому случаю Иолая не могла не предстать перед ним во всей красе.

— Ух ты. — Поравнявшись с Шелиарой, Иолая подперла пальцами подбородок и прищурила глаза. — Красиво. Жутковато, демоны меня деря, но красиво. Мне бы и в голову не пришло ничего подобного.

«Вот и радуйся», — подумалось Шелиаре.

Осмотрев картину со всех сторон, Иолая перевела взгляд на Шелиару:

— Знаешь, а при желании ты могла бы зарабатывать этим на жизнь. И даже неплохо зарабатывать.

Шелиара отмахнулась.

— Брось. Ты мне льстишь.

— Ничуть. Зачем мне это? Ты же не симпатичный белокурый мальчик.

От такого заявления Шелиаре сделалось слегка не по себе. С трудом ей удалось убедить себя, что ревность тут не при чем. Да и какая, к ЛжеБогам Сумерек, ревность, когда она помолвлена с его высокоумрием Кагальзиром, а Иолая, не много не мало, возлюбленная Герцога.

— Хочешь, я спрошу у Гасфорта, — предложила Иолая, — он в этом деле разбирается. Если все выгорит, слегка подзаработаешь.

Шелиара задумалась: как бы не складывалось дальше ее будущее (о котором она старалась не думать), деньги ей не повредили бы. Очень даже не повредили бы.

— Ты это все всерьез?

— Я разве хоть когда-нибудь шучу? — хмыкнула Иолая. — Гасфорт знает нужных перекупщиков, он этим, можно сказать, живет. Ну так?

— Давай попробуем.

— Хорошо. Спрошу у него, как только он и... — Не договорив, Иолая подскочила к окну. Шелиара напрягла слух и услышала приближающееся цоканье копыт. — А вот и они. Ну, пора. Пойдешь со мной встречать мальчиков?

— Э. Не думаю, что это хорошая идея.

— Как знаешь. Тогда до скорого.

Иолая выпорхнула из комнаты, и Шелиара вновь осталась наедине с собой. Не удержавшись, она также подошла к окну. С этого ракурса отлично просматривалась петляющая по холму дорога. Запряженный четырьмя лошадьми, экипаж Герцога как раз подъезжал к воротам. Вскоре он остановился, и, один за другим, молодые люди стали выбираться наружу. Первым, светясь от радости, вылез Герцог, следом — юноша в роскошнейшей мантии, украшенной блестящими камнями, за ним — юноша с серьгой в ухе и широкополой шляпой на голове, потом еще один — ничем особо не выделяющийся русоволосый молодой человек (интуиция подсказала Шелиаре, что это и есть Гасфорт). Она собралась уже отойти от окна, когда из экипажа вылез еще один юноша, светловолосый, в поношенной накидке и чуть более скованный в движениях, чем остальные четверо.

Сердце Шелиары забилось от радости: этим вечером она не рассчитывала увидеть Альдана. Последние трое суток тот где-то пропадал даже по вечерам — по словам Герцога, решая важные дела, связанные с работой и Университетом. Постояв еще с минуту у окна, Шелиара бросилась обратно к картине. Если Альдан зайдет к ней, ей бы хотелось показать ему законченный вариант.

Конечно же, он пришел.

Пожелал доброго вечера, постоял на пороге, нервно переминаясь с ноги на ногу, затем

все же прошел вперед. Сегодня Альдан выглядел еще более растерянным и рассеянным, чем обычно: волосы не расчесаны, накидка перекошена, взгляд мечется по комнате, как крылатое насекомое, что нигде не может найти пристанище. Шелиаре показалось, что его беспокоит какая-то важная нерешенная проблема. Хотя у него, вроде бы, всегда так. По крайней мере, с тех пор, как они встретились в водах бухты под Мостом Королев. Шелиара съежилась, вспомнив тот продирающий до костей холод. И ужас от осознания того, что она натворила...

Избавившись от ненужных мыслей, Шелиара жестом предложила гостю сесть. Чуть помедлив, Альдан принял предложение. Шелиара устроилась напротив.

— Как оно прошло? — Шелиара решила взять инициативу в свои руки.

Альдан чуть развел руками.

— На удивление без приключений. Ритуал как Ритуал. Очень... ностальгично, если так можно выразиться.

— А так можно выразиться?

— Не знаю. — Альдан качнул головой с легкой задумчивостью. — Ну, раз я так выразился, то, наверное, можно.

— Вот и славно. — Шелиара не удержалась от невольной улыбки. — Как твой... Университет? Все в порядке?

— Да. Разумеется. Что с ним может быть не так?

— Кто ж его знает. — Шелиара пожалала плечами. — А твоя работа?

— Своим чередом... — Альдан явно что-то не договаривал: чтобы почувствовать это, не нужно даже было обладать ее Благословением. — А ты как? Как успехи в борьбе с Голосами?

Шелиара улыбнулась.

— Весьма продуктивно. Если не брать в расчет моментов, когда я не совсем принадлежу себе...

Альдан нахмурился и подался вперед. Шелиара впервые видела его в такой близости. Оказалось, глаза у него не фиолетовые, как ей казалось вначале, а, скорее, лиловые. И сейчас они горели искренним желанием помочь ей.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил он.

— Ну... — Шелиара уже пожалела, что не удержала язык за зубами. Она и без того впугала юношу во все это, к чему еще донимать его подробностями своего безумия? Впрочем, выбора уже не было: назад слов не воротишь. — Утром, днем и вечером мне удается держать их под контролем. А вот по ночам... — Она не стала договаривать, но Альдан и так догадался.

— Тебя донимают кошмары?

— Скорее, кошмар. — Немного засмутившись, Шелиара опустила взгляд в пол. — Только постоянно повторяющийся. По-моему, он снится мне каждую ночь на протяжении последних шести суток. Позавчерашней ночью я даже проснулась из-за него, потому он отпечатался у меня в голове. В остальные ночи наутро я помню лишь ощущение ужаса и смутные обрывки...

Альдан о чем-то задумался. Большой и указательный палец тихонько застучали по столешнице. Наконец, он спросил:

— Не хочешь пересказать мне тот кошмар? Вдруг тебе от этого... ну, станет легче?

Шелиара очень сомневалась, что ей станет легче. И все же в его предложении была своя

логика. Вздохнув, она начала рассказ.

Повествование о своих ночных похождениях выходило скомканным и обрывистым — прежде Шелиаре не приходилось заниматься ничем подобным, и подходящих слов, в точности передающих всю жуть и зловещую атмосферу Дворца, порой не находилось.

Альдан выслушал ее внимательно, не перебивая и не отвлекаясь. Когда она закончила, подытожив рассказ видениями кровопролитий по всей Триамне, Альдан подложил руки под подбородок и закусил губу. Он выглядел таким серьезным, будто был не школяром, а самым настоящим университетским наставником, умудренным тяжестью прожитых лет. Шелиара многое бы отдала, чтобы узнать, что сейчас происходит в его голове.

— Эта лестница... — Альдан распрямился и ткнул пальцем на ее картину. — Та самая?

— Вроде того.

— Очень, знаешь ли, реалистично выглядит. Если бы я попытался воспроизвести отрывок из своего сна, у меня получилась бы каша. В лучшем случае. Ну, ты ведь знаешь, изображения в сновидениях обычно не похожи на привычные...

— Знаю. Но в этом кошмаре все было так похоже на реальность...

— Ты думаешь... — Альдан поднялся со стула и в задумчивости принялся ходить от стены к стене. — Думаешь, этот кошмар посещает тебя только потому, что в остальное время суток ты подавляешь Голоса травой?

Шелиара непонимающе нахмурила брови.

— Чем?

— Ах да. Алхимическим табаком, я имею в виду. Неважно. — Ей показалось, или на его щеках выступил легкий румянец? — Хм. Сны сами по себе мудреная штука. А такие, как у тебя... Я даже не рискну ничего предполагать. Кстати... — Лицо Альдана осветилось озарением. — У нас вроде как послезавтра должна быть по ним лекция. Быть может, на ней мне удастся...

Шелиара так и не узнала, что именно, быть может, ему удастся: дверь резко распахнулась, и голова Иолаи с ухмылкой заглянула внутрь:

— Голубки, ну сколько можно ворковать? Идемте на крышу, вас уже все заждались.

— На крышу? — неуверенно переспросила Шелиара. — Но мне ведь не стоит показываться...

— Никаких но, — отрезала Иолая. — Думаешь, мы позволим тебе сидеть тут в одиночестве, пока сами будем чревоугодничать и злоупотреблять алкоголем? Хорошего же ты о нас мнения, дорогуша. Нет, нет и нет. Не отвертись. А ну, марш за мной. Ты, блондинчик, тоже.

Переглянувшись, Шелиара с Альданом синхронно пожали плечами и отправились следом за уже исчезнувшей в коридоре Иолаей.

На крыше оказалось прохладно — хотя, возможно, лишь потому, что Шелиара уже сто лет не выходила на свежий воздух. Вовсю полыхали две массивные жаровни, а из гордо поднятой к нему трубы валили клубы сизо-черного дыма. Двое слуг в белых камзолах стояли в стороне, готовые ринуться на помощь по первому зову. Герцог, охваченный непривычным даже для него возбуждением, тем временем расхваливал своим друзьям дымящиеся на столе блюда:

— ...А вот верхнеданьязская озерная утка в джеме из сосновых шишек. Как вам такое, а? Между прочим, гостиниц от моей матушки. Это вот устрицы в лимонном соку: я слышал, в Кирикийских землях их подают лишь Великим князьям, и то на большие праздники. Это

кефаль на углях, в томатном соусе. Вот пирог с бычьей печенью... — Герцог наконец оторвался взглядом от стола и заметил новоприбывших. — А вот Шелиара, моя гостья, прошу любить и жаловать. Шелиара, это Зан-Фаун. — Роскошно разодетый юноша искоса взглянул на нее и отвесил надменный кивок. — Это Тэннег. — Юноша учтиво снял с головы шляпу с алым пером, взмахнул ею и даже сделал некое подобие поклона. — И Гасфорт. — Тот широко улыбнулся и пробормотал что-то вроде «рад познакомиться, госпожа». — Ну что, мои дорогие. Выбирайте места и давайте уже поднимем кубки...

— Господин! — Один из слуг осмелился перебить Герцога и, подбежав к нему, ткнул пальцем в сторону проезжей дороги. — Там экипаж подъезжает. Богатый. О четырех лошадях.

Герцог вздохнул так тяжело, как будто только что закончил таскать с места на место тяжеленную грудку камней.

— Ну кто там еще... — пробормотал он, вышагивая к перилам в дальней части крыши.

— Наверное, мой папаша, — предположил Зан-Фаун, не отставая от Герцога. — Вроде как собирался заглянуть на Ритуал, но, видать, подзадержался. Да, точно он.

Герцог зашагал обратно. Поравнявшись с Шелиарой и Альданом, буркнул:

— Скоро ночь, а я трезв, как младенец. Ну куда это годится, скажите? — И, не дожидаясь ответа, направился вниз по лестнице.

Иолая собралась было последовать за ним, но, слегка поразмыслив, передумала. Троица герцогских приятелей также предпочла остаться и рассестись за столом.

Альдан сплел руки в замок и приподнял взгляд к лавирующей меж темных облаков луне.

— Папаша, значит... — задумчиво пробормотал он. — Ну да, точно. Сам легендарный Тармелот, Магистр Ордена Хранителей Триамны... — Альдан перевел взгляд на Шелиару. — Пойдем посмотрим?

Шелиара пожалала плечами, как бы говоря «почему бы и нет».

Они подошли к перилам и, опершись о них локтями, принялись разглядывать происходящее напротив ведущих во двор особняка ворот. Из экипажа неспешно выбирались люди. Трое мужчин были облачены в высокие сапоги, свободные штаны и накидки с алой буквой Т на спине и плечах; у одного из них, вдобавок, за спиной развевался черно-алый плащ, а лоб оплетала белая повязка. Походка у него была как у человека, которому принадлежит весь мир. В крайнем случае — половина.

Шелиара всмотрелась в него чуть пристальнее. Это и есть, что ли, тот самый легендарный Магистр Ордена? Почему он кажется ей смутно знакомым? Или даже не смутно? Где она могла его видеть? Шелиара так засмотрелась на предполагаемого Тармелота, что не сразу заметила, как наружу выбрался еще один мужчина, низенький толстячок, придерживающий полы изумрудной мантии. С золотым кольцом на среднем пальце правой руки. Почти таким же, как у нее...

Шелиара в ужасе сползла за перила, а для верности даже спряталась за ногами Альдана. Со стороны стола тут же раздалось дружное хихиканье; Шелиаре было все равно. Альдан тем временем озадаченно посмотрел на нее, потом в сторону двора. Опять на нее. Опять обратно.

— Это он, да?

«Мне кажется, или в его голосе сквозит ревность?» — мимоходом спросила она у себя.

«Наверное, кажется... Конечно кажется! Дура».

— Это ведь он? — не унимался Альдан, перегибаясь верхней половиной корпуса через

перила. — Точно он. Твой ненаглядный женишок собственной персоной, так?

— Он ведь не успел меня заметить, правда? — прошептала Шелиара. — Что там происходит?

— Ну... Герцог вышел к ним. Все радуются и смеются, жмут ему руку. Магистр Тармелот что-то вещает, активно жестикулируя. Теперь вручает ему... э-э... кинжал, что ли, какой-то, не могу разглядеть...

— А Кагальзир? — с нетерпением спросила Шелиара. Магистр Ордена Хранителей Триамны, каким бы легендарным и непонятно откуда знакомым он ни был, интересовал ее сейчас в гораздо меньшей степени. — Что Кагальзир?

— Этот... Стоит чуть в стороне. Как будто вообще не при делах. Между прочим, с огромнейшим интересом оглядывает особняк. Вот, на меня посмотрел... Сумерки, — в голосе Альдана прозвучали чуть тревожные нотки, — что-то мне не по себе от его взгляда. Надеюсь, у него нет Благословения читать мысли? Тогда нам крышка... Хух.

— Что?

— Отвлекся на поздравления Герцогу. Тоже что-то ему дарит. Что-то маленькое и круглое. Кажется, перстень какой-то... — Альдан взглянул на Шелиару, прищурившись. — Он что, берет дань с ювелирных мастерских, что всем кольца раздаривает?

«Почему его так это беспокоит?»

Шелиара решила, что правильнее всего будет ответить вопросом на вопрос:

— Он ведь единственный архонт среди них, так?

— Кажется, да. По крайней мере, изумрудной мантии больше ни на ком не надето. Только трое Хранителей и этот... кольцедаритель.

— Чует мое сердце, неспроста он сюда заявился... Ох, неспроста.

Нервы заплясали у Шелиары в груди мелодией неистойвой скрипки. Казалось, еще немного — и навстречу ее сомнениям выплывут из темных глубин Голоса. Шелиара почувствовала непреодолимое желание покурить, хотя делала это буквально несколько часов назад. Демоны. Трубка и коробочка остались в комнате. Может, сходить?..

— Ну, вроде все, — сообщил Альдан. — Усаживаются обратно. Вернемся?

— Э. Я, пожалуй, еще немного тут посижу.

— Осторожность лишней не бывает, — согласился Альдан, присаживаясь рядом. — Давай, составлю тебе компанию.

Шелиаре казалось, что прошла половина вечности, прежде чем цоканье копыт стихло, а Герцог вернулся на крышу и с недоумением уставился на нее с Альданом, прислонившимся спинами к перилам.

— Эй, там у вас все в порядке? — спросил он под дружный смех со стороны Тэннега и Зан-Фауна. — Может, вернетесь за стол? Или вам там удобнее?

Альдан встал первый, протянул ей руку, помогая подняться. Вернувшись к столу, они сели напротив Герцога и Иолаи. Слуга с большим кувшином наполнил все кубки доверху. Шелиара попробовала было возразить, но Иолая цыкнула на нее, прервав попытки на корню.

— Мы все надолго запомним этот день. — Зан-Фаун поднялся и выставил руку вперед и вверх с таким победоносным величием, будто держал в ней не кубок с вином, а священный меч, призванный сокрушить всех врагов. — День, когда наш славный друг вступил в ряды ловцов удачи, и да простят меня Боги за такое сравнение. Выпьем же, — он поднял кубок еще выше, и несколько капель выплеснулись на белоснежную скатерть, — за то, чтобы

Герцог ни разу не пожалел о совершенном выборе!

Тэннег и Гасфорт поддержали его одобрительными возгласами. Затем все сделали по глотку.

Герцог не успел попробовать вино, как тут же, развернувшись, выплюнул его.

— Это какая-то шутка? — скривившись, спросил он у Иолаи. — Что за дрянь ты мне подсунула?

Шелиара покосилась на Иолаю. Та выглядела растерянной, что было совсем на нее не похоже. Забрав у Герцога кубок, Иолая отпила из него и, спустя несколько секунд, пожалала плечами. Потом озадаченно посмотрела на остальных.

— Кому-нибудь еще вино кажется странным?

Все присутствующие, включая Альдана, покачали головами. Даже Шелиара удивилась. Вино как вино. Ничуть не хуже того, что она дважды в год пила в Танаане. Даже лучше.

Герцог посмотрел на гостей исподлобья, словно его и впрямь разыгрывали.

— Ладно, налейте-ка мне брама.

Слуга не замедлил с исполнением просьбы. Вскоре Герцог поднес ко рту хрустальный бокал с темной жидкостью, чуть пригубил...

Бокал полетел на другой конец крыши, где и разбился с веселым звоном.

— Да что сегодня не так с алкоголем?! — вскричал Герцог.

Гасфорт, также сделав глоток брама, покачал головой:

— Боюсь, друг, это не с алкоголем что-то не так...

Герцог в ужасе открыл рот. Губы его предательски подрагивали, а плечи ссутулились. Глаза метались по сторонам в отчаянной попытке разгадать тайну случившегося. Шелиаре прежде ни разу не доводилось видеть Герцога столь подавленным.

— Эль! — крикнул Герцог слугам срывающимся голосом. — Принесите эля!

Пока слуга бегал вниз и обратно за бочонком эля, никто не решался не то что пить, но даже издавать хоть какой-то звук. Шелиара посмотрела на Альдана, и тот еле заметно пожал в недоумении плечами.

Наконец, перед Герцогом поставили кружку, наполненную элем. Все замерли в ожидании. Герцог сделал глубокий вдох, глотнул... и раскашлялся, примерно как Шелиара, когда впервые попробовала алхимический табак. С перекосившимся от злости лицом Герцог выплеснул эль под ноги, затем, сжав губы, грохнул кружкой по столу. Затем еще раз, так, что стоящие блюда и кубки задрожали.

— Сволочи! — Громовой удар по столу. Один из кувшинов с вином не выдержал и свалился, расплескав содержимое по скатерти. — Клятые храмовники! — Еще удар. На этот раз не выдержала уже кружка и треснула пополам. — Чтоб вас всех...

— Милый! — Иолая, не в силах наблюдать за этим, бросилась к Герцогу и обняла его со спины. — Успокойся. Прощу... Ну, тссс...

Герцог обессиленно сел и откинулся на спинку стула. Кажется, в уголках его глаз застыли слезы.

В повисшей тишине Альдан решил сообщить:

— Что ж... Похоже, свое Проклятье ты выяснил довольно быстро.

Интуиция подсказывала Шелиаре, что пирушка по случаю новопреображенного Герцога накрылась, не успев и начаться.

Моросящий уже несколько часов подряд дождь навевал Наллару нор Керрано воспоминания о Гальтии.

О небольшом поселке в раскинувшейся между двух гор долине, оставшемся где-то там, в сотнях миль к северу.

О доме.

В родном королевстве, особенно в горных провинциях, дожди — дело обыденное, тем более весной и осенью. В тот день, когда Наллар покидал дом, чтобы отправиться в миссию, небеса с самого утра ревели навзрыд. Гальтиец хорошо запомнил, как сидел у очага, играя с ничего не подозревающими о его скором уходе дочками, пока Кельта в спешке готовила завтрак, одновременно подшивая к его походной накидке оторвавшийся капюшон. Он помнил, как она, всегда твердая и непоколебимая, точно горная скала, едва сдерживала слезы при прощании на пороге дома. Как после долгого и в то же время невыносимо короткого поцелуя стала умолять его послать Гильдию Всевидящей Башни ко всем чертям и остаться.

«Ты ведь понимаешь, что я не прощу ни тебя, ни себя, если ты не вернешься из этой клятвой Триамны?» — спрашивала она, шмыгая носом. Трехлетние малышки мотались под ногами, не понимая, куда в такую дождливую погоду собирается папа и почему мама плачет.

«Я обещаю, что выживу. — Наллар знал, что никто — даже самый умелый соглядатай — не мог бы поручиться за такое, но это были те слова, которые Кельта хотела услышать. — Выживу и вернусь. Я не позволю никакому триамнийцу разделить нас. Ты же мне веришь?»

Не разжимая объятий, Кельта кивала и прижималась к нему, так близко, что он слышал биение ее сердца.

Сколько они простояли на том пороге? Четверть часа? А, может, часа четыре? Наллар не мог бы поручиться. Он только помнил, как напоследок наказал дочкам слушаться маму, поцеловал жену в лоб и, не оглядываясь, зашагал по дороге. Кажется, это было его самое тяжелое прощание.

Усилием воли Наллар отогнал непрощенные воспоминания о доме — как показывал его же опыт, они влияли на него не самым положительным образом — и залпом допил чашу с разбавленным вином. После паромной переправы на Полуостров и еще полутора суток езды они с Ойлегером, наконец, достигли точки, когда их пути разошлись, и теперь в последний раз совместно обедали в придорожной харчевне. Харчевня называлась «Пять всадников», в очередной раз подтверждая заикленность триамнийцев на арканах.

«Интересно, какая харчевня или трактир будет следующим? — подумал Наллар, дожидаясь, пока Ойлегер догрызет баранью ногу. — Может, «Заботливая дева»? «Быстрый слуга»? Или... «У всеумудрого архонта»?»

Наллар оперся локтем о стол и огляделся — после того ночного инцидента у переправы он старался всегда быть начеку, опасаясь, что неожиданно из ниоткуда появятся люди в военной форме и начнут задавать вопросы, причем явно не о погоде. Пока что ничего такого не происходило; на отсутствие Гелледана никто не обратил ни малейшего внимания, да и на дорогах Полуострова им с Ойлегером пока что не встретилось ни одного патруля. В харчевне также не обедал никто подозрительный: за соседним столиком сидели средних лет женщина и двое юношей, на вскидку лет четырнадцати. Наллар предположил, что мать везет их в

столицу для прохождения Ритуала Преображения. Мимоходом гальтиец задумался, многих ли детей жителям далеких от Полуострова городов удастся свозить в столицу, когда тем исполняется четырнадцать. Наверное, нет. Все же путешествия по стране — удел, в первую очередь, торговцев и пилигримов. Ну и, пожалуй, шпионов.

Ойлегер, наконец, бросил в миску идеально обглоданную кость и, опустошив чашу с вином, похлопал себя по чуть выпирающему животу.

— То, что надо, — довольным тоном произнес он. — Ну что, пилигрим. Как насчет недолгой прогулки? Мне показалось, тут неподалеку озеро.

Чуть поразмыслив, Наллар кивнул. В конце концов, и дождь почти что прекратился.

Поблагодарив хозяйку за вкусный обед, они покинули харчевню. Под высоким навесом их ждали две лошади и повозка Ойлегера и, у отдельной коновязи, купленная с утра за восемь серебряных жаворонков кляча, на которой Наллар рассчитывал проделать оставшийся рывок до столицы, где его уже наверняка заждались. Они свернули в другую сторону от харчевни и вышли к небольшому озерцу, поросшему по краям высокой травой. У дальнего берега к небесам вздымались стволы платанов; Наллар предположил, что весной и летом здесь очень красиво. Почти так же, как на горных лугах рядом с домом...

«Прекращай это», — сказал он самому себе.

Порой воспоминания о доме лезли в его голову с навязчивостью портовой девки.

Они медленно шагали по размякшей после дождя земле. Наллар ожидал, что Ойлегер предложит ему сыграть напоследок партию в арканы, но тот не торопился. Вчера во время дневного отдыха они сыграли десять партий, и каждый выиграл по пять. Наллар втайне гордился этим достижением.

Какая-то часть разума гальтийца (скорее всего, та, что отвечала за его инкогнито) изредка, но настойчиво подбрасывала ему мысли о том, что все же не стоит рисковать и оставлять в живых человека, знающего правду о нем. Наллар эти мысли резко отметал. Хватит с него и одного трупа.

Впрочем, в отношении торговца была одна вещь, не дававшая ему покоя последнее время. И Наллар не собирался оставлять ее неразрешенной. Он поравнялся с Ойлегером и кивнув на темно-серое озеро, сказал:

— Знаешь. Одним из самых удивительных открытий за мою жизнь было то, когда лет... не помню точно, кажется, где-то в пятнадцать... я внезапно понял, что цвет воды в озере или море не самостоятелен, а напрямую зависит от цвета неба над ней.

— Правда? — Ойлегер небрежно пожал плечами. — Мне это всегда казалось очевидным.

— Почему-то я в этом не сомневался, — Наллар улыбнулся тому, что угадал ответ торговца почти что слово в слово. — Твоей догадливости, знаешь ли, позавидовали бы многие королевские министры.

Когда Ойлегер в ответ на эту констатацию фактов лишь вновь пожал плечами, Наллар замедлил шаг и, взглянув ему в глаза, спросил напрямую:

— Кто ты, Ойлегер?

Тот и бровью не повел.

— Торговец пряностями. И контрабандой, если уж на то пошло. Станный вопрос, ты ведь и сам видел.

— Видел, — согласился Наллар. — Но я видел и кое-что другое.

— Да ну? — Ойлегер с интересом прищурился. — И что же, позволь узнать?

Некоторое время Наллар шагал молча. Наконец, заговорил:

— Я видел человека, не похожего на прочих триамнийцев. Человека, не спешащего, в отличие от большинства, судить остальных по накидке. Человека, что без труда вглядывается в суть многих вещей. Человека, повидавшего в этой жизни много всего, и составившего свое представление о ее смысле. Человека, который ни капельки не боится, что иноземный шпион направляется в столицу его государства в столь смутное время. Человека, который, если уж на то пошло, не боится спать рядом с этим самым шпионом, даже зная, что тот только что прирезал ни в чем не виноватого триамнийца. — Наллар остановился и смерил Ойлегера пронзающим взглядом. — Так ответь же мне. Кем ты был до того, как стал торговцем?

Остановившись, Ойлегер повел головой чуть в сторону. Затем, прищурился правый глаз, почесал щетину на шее и хмыкнул.

— Если ты такой догадливый, гальтиец, может, сам мне расскажешь? Будет даже интересно послушать, кто я, по-твоему, такой. — Ойлегер в притворной задумчивости поднял голову к небу. Дождевые капли медленно стекали по его лицу. — Может, я был ректором Университета, пока мне это не наскучило? Или несколько лет с бандой головорезов совершал пиратские набеги на триамнийские торговые суда, прежде чем раскаялся в содеянном и сам стал торговцем? Или, может, я и вовсе такой же шпион, как и ты? Только кирикийский или даньязский. Или...

— Не думаю. Можно твою колоду?

Ойлегер удивился, но не стал задавать лишних вопросов и, достав из кармана колоду аркан, передал ее Наллару.

Вскоре Наллар нашел ту аркану, что искал, и протянул ее Ойлегеру.

— Это твоя аркана, не так ли?

Ойлегер приподнял бровь.

— Утренний иерофант? Да ну? С чего бы это?

Наллар взял аркану и повертел ее в руках. С картонного пятиугольника на него глядел молодой жрец, целеустремленный и полный желания со всей искренностью, на которую только способен, послужить своей религии. Наллар сталкивался с такими, и не только в Гальтии. Даже в Сельвидийском султанате в культе Сына Неба и Земли находились подобные экземпляры.

— Поправь меня, если ошибусь, — наконец произнес Наллар. — Я подозреваю, что на заре своей молодости ты несколько лет — за точное число, увы, не поручусь — прослужил жрецом Богов Рассвета. Наверняка в Исхироне. Вполне возможно, что со своим умом и находчивостью ты даже попал в число членов Претории. — Наллар оторвал взгляд от арканы и взглянул на Ойлегера. Тот стоял, сложив руки на груди, и внимательно его слушал. Лицо торговца не выражало никаких эмоций, кроме любопытства. — А потом... Потом в твоей жизни что-то резко изменилось. Что-то случилось. Думаю, что-то трагическое и глубоко личное. Не могу сказать, что именно, да и бессмысленно гадать. Суть в том, что по определенным причинам ты утратил веру и ушел, сложив с себя сан, не в силах больше лицемерить себе и другим, и только после этого стал заниматься торговлей. У меня все.

Ойлегер повернул голову в сторону озера и долгое время молчал, глядя в одну точку где-то на дальнем краю рябистой глади. Наллар терпеливо ждал, несмотря на нарастающее желание потребовать от Ойлегра признаться. Наконец, тот вздохнул:

— И давно ты догадался?

Наллар не удержался и растянул губы в легкой победной улыбке. Для него наступала самая приятная часть подобных диалогов.

— Помнишь, еще в первый вечер нашего знакомства ты упомянул, что многие пилигримы — заядлые арканисты? Тогда я не придавал значения этим словам... Но через несколько суток задумался, а многих ли пилигримов мы встретили по пути? Ни одного. Значит, либо нам просто не везло на них, либо они — не такое уж и частое явление в Триамне; и почему-то второй вариант показался мне более правдоподобным. В таком случае возникал закономерный вопрос: откуда ты так много знаешь о пилигримах? Я пришел к выводу, что есть только одна категория людей, которые много общаются с пилигримами. Но идем дальше. Пару раз я замечал, как во время наших партий на арканы иерофантов ты смотрел чуть дольше, чем на остальные, будто бы... как бы точнее выразиться... и с грустью, и с отвращением одновременно. — Наллар загнул два пальца. — Потом был тот комментарий в Квибаре, насчет того, что... каково нам, гальтийцам, когда в жизни все складывается не так, как в сказках. В той твоей фразе я почувствовал боль невосполнимой утраты. Ну и, наконец, — Наллар загнул четвертый палец, — позавчера ночью после того инцидента, когда я сказал, что у меня не было выбора...

— А я ответил, что как же часто мне в своей жизни приходилось слышать такую фразу, — закончил за него Ойлегер.

— Именно. Кто еще, кроме иерофанта, знающего, как никто другой, тысячи историй о людских прегрешениях и пороках, мог столь часто слышать эту фразу?

Задав риторический вопрос, Наллар взглянул в глаза человеку, когда-то носившему жреческий сан. Сейчас в них отражалась лишь безграничная пустота. Пустота человека, который однажды потерял все.

Ойлегер медленно нагнулся, поднял с земли правой рукой небольшой гладкий камушек и, отведя руку в сторону, запустил камушек в воду. Тот пять раз пропрыгал по поверхности, прежде чем погрузиться на глубину. Не разворачиваясь, Ойлегер сказал:

— Что ж. Сегодня ты, шпион, удивил меня даже еще сильнее, чем в тот день, когда забрал свою же аркану. Знаешь, если бы мы с тобой были королями и воевали между собой, эта война, я уверен, вошла бы потом во всех учебные военные хроники. — Ойлегер потянул было руку, чтобы поднять еще один камень, но передумал. — Да, Цэсэй, ты раскусил меня целиком и полностью, снимаю перед тобой шляпу. Несколько лет я служил иерофантом в столице. Потом я, в точности как ты и сказал, утратил веру, ушел из Претории и переквалифицировался в торговца. С твоего позволения, я не буду рассказывать о причинах, побудивших меня в корне изменить свое мировоззрение. К такому разговору... нужно подготовиться.

— Понимаю. — Помолчав, Наллар добавил: — Извини, если тебе неприятно вспоминать обо всем этом...

— Все нормально. От прошлого не сбежать. Оно — как больной зуб: может на время не давать о себе знать, но рано или поздно накроет тебя волной боли. — Ойлегер вздохнул. — Знаешь... Где-то в глубине души я, наверное, даже хотел, чтобы ты разгадал эту мою маленькую тайну.

Они помолчали, разглядывая тихую водяную гладь. Дождь, кажется, прекратился. Солнце вынырнуло из-за туч и слепяще отразилось на воде.

— Цэсэй.

— Да?

— Вот, возьми с собой эту колоду. Пусть она станет чем-то вроде небольшого подарка за приятную компанию в дороге.

Наллар помедлил, но все же принял подарок и спрятал колоду аркан в карман накидки. Увы, ответить взаимностью он не мог. Хотя хотел бы.

— Ты странный.

— Да ну? — хмыкнул Ойлегер.

— Совсем не переживаешь, что я сейчас возьму и прикончу тебя, как того Гелледана, а труп сброшу в озеро. Поблизости ведь никого.

Ойлегер рассмеялся.

— Ты опять за свое. Почему ты так хочешь, чтобы в тебе все видели грозного убийцу, а не человека, по долгу службы вынужденного скитаться по чужим краям?

— Может, потому, — предположил Наллар, — что мне слишком уж часто приходится совмещать обе эти вещи?

— Только когда у тебя не остается другого выбора, разве нет? Ты ведь сам в этом признался недавно. — На лице Ойлегера застыла странная улыбка. — Мы, триамнийцы, ведь тоже засылаем шпионов... прости, соглядатаев... в другие страны. Я больше чем уверен, что несколько таких, как ты, только рожденных в Триамне, сидят сейчас где-нибудь в вашем столичном трактире и ждут, когда же их, наконец, вызовут обратно. Ну, или не ждут. Кто как. — Бывший иерофант неспешно развернулся и зашагал в направлении харчевни. Наллар последовал за ним. — Так уж вышло, что мы следим друг за другом, чтобы по возможности избегать массовых кровопролитий; и, должен заметить, последние десятилетия у южных стран это неплохо получается. Все логично. Так устроен мир. Если бы я сдал тебя — тогда или сейчас — на смену тебе рано или поздно отправили бы другого — и далеко не факт, что он окажется лучше. Так что езжай в Исхирон и делай свою работу, Цэсэй. Я, знаешь ли, даже пожелаю тебе успехов.

Наллар улыбнулся, удивленный столь внезапным пожеланием.

— Тогда и тебе успешной торговли, Ойлегер. И это... не попадись.

— Аналогично.

Они остановились невдалеке от харчевни. Ойлегер приятельски похлопал Наллара по спине и негромко добавил:

— Уж постарайся там не убивать никого без лишней необходимости, ладно? Не хотелось бы, если приспичит заглянуть на ярмарку в столицу, обнаружить на ее месте обуглившееся пепелище и тебя, сидящего на руинах и причитающего, что у тебя не было выбора.

— Это уж какую аркану вытасу, — отшутился Наллар и пожал плечами. — Сам понимаешь, обещать ничего не буду.

«Слишком уж часто мне доводилось вытаскивать арканы, что ведут к неизбежному кровопролитию», — с горечью подумалось ему, когда в памяти всплыли образы сельвидийских пожаров, унесших тысячи жизней, и кровавой резни в Тар-Толтогге, распространившейся на весь Гергельяр.

— Это... разумная позиция, — задумчиво произнес Ойлегер. — Слишком уж часто я видел, как люди дают обещания, которые потом нарушают.

— Да, — кивнул Наллар. — Я тоже.

Перед тем, как окончательно покинуть озеро, Наллар нашел на земле плосковатый камушек и метнул его по воде. Тот пропрыгал шесть раз, прежде чем утонуть.

«На один больше», — с легким злорадством подумал гальтиец.

Когда они расстались и направились каждый своей дорогой, по краю небосвода пролегла радуга.

Наллар-то знал, что появляется она тогда, когда Всематерь сменяет негодование и гнев на милость, но внезапно ему стало интересно, как это явление объясняют триамнийские язычники. Что-нибудь вроде того, что Боги Рассвета по ней отправляются на прогулку на землю? Вполне возможно. Увы, тот, кто мог бы дать объяснение, отправился на запад. Его же путь лежал теперь строго на юг, все по тому же Северному Столичному Тракту.

Наллар почувствовал внутри себя легкую пустоту, оставшуюся после расставания с Ойлегером. Это казалось ему странным. Он ведь раньше никогда особо не привязывался к людям. Ну, не считая, само собой, ту, что впоследствии стала его женой. Милая Кельта...

Наллар прикрыл глаза. Воображение тотчас же нарисовало ему красивейшую из земных женщин, а рядом с ней — двух прекраснейших малюток.

«Чем ты сейчас занимаешься, Кельта? Справляешься ли одновременно с детьми и хозяйством? Вспоминаешь ли обо мне?..»

Наллар открыл глаза и тяжело вздохнул. Кельта далеко. Теперь и Ойлегер оставил его.

Почему же вместо облегчения оттого, что больше не придется терпеть этот едкий и пряничный запах, его обуяла грусть и тоска?.. Не из-за того же, что он больше не поиграет с Ойлегером в арканы? Не-ет, точно не из-за этого. Наллар резко взмотнул головой. Довольно раскисать. Последнее время он словно сам не свой. Возможно, все дело в резкой смене климата. Или еще в чем-нибудь таком, на первый взгляд незначительном... Неважно. У него есть цель, и ее нужно достичь. Именно ради этого он в Триамне.

«Милостивая Всематерь, — Наллар поднял взгляд на радугу, — прошу, сделай так, чтобы больше мне не пришлось никого убивать. И, желательно, даже калечить. Хотя насчет последнего — как сама решишь».

После этого Наллар крепко сжал поводья и направил лошадь по дороге легкой рысью. Впереди лежал последний отрезок пути.

Еще несколько суток, и перед ним приветливо распахнутся врата Исхирона.

Иначе и быть не может.

Опоздав по меньшей мере на час — что, кстати, было вполне в его духе — наставник Доэлин пинком распахнул дверь аудитории и пьяным ураганом пронесся к кафедре на невысоком помосте.

Смех и разговоры стихли, как будто их и вовсе не было. Все до единого школяры Университета Священного Исхирона знали, что наставник Доэлин не лишен странностей и что выводить его из себя — затея рискованная. Даже крайне рискованная. Альдан, сидевший в дальней части аудитории, не являлся исключением, а потому, отложив в сторону биографический томик Эльсевия Кирикийского, приготовился слушать наставника. Благо, тот частенько рассказывал интересные и поучительные вещи. Для университетских наставников это было большой редкостью.

Увы.

Облаченный во все черное, наставник Доэлин зловеще возвысился над кафедрой и, положив руки поверх нее, сплел пальцы в замок.

— Вы можете, — возгласил он, — как подобает благочестивым триамнийцам, петь псалмы и возносить молитвы двадцати четверем Богам Рассвета. — Начало лекции, без лишних предисловий и с морем пафоса, оказалось достаточно традиционным. — Можете, подобно гальтийцам и кирикийцам, поклоняться Всематери. Можете почитать Высших Духов, если вы без ума от даньязских ритуальных церемоний. Можете верить в пророческое всеведение Судьбоплетов, если в ваших жилах течет кровь древних шаугримцев. Можете даже быть в глубине души сельвидийцем и однажды отправиться в хадж далеко на северо-восток, за Мертвые Равнины и Дальневосточные горы, чтобы воздать поклонение султану, истинному сыну Бога Земли и Неба. — Окончание предложения Доэлин произнес пародируя сельвидийский акцент, чем вызвал несколько смешков, впрочем, почти сразу же утихших. — Можете даже не верить ни во что сверхъестественное и дрожать от осознания того, что со смертью нас всех ждет лишь Безликое Ничто. — Доэлин выдержал длинную паузу, словно призывая юных вольнодумцев всерьез поразмыслить над этой фразой. — Однако, каких бы религиозных взглядов кто не придерживался, как бы иначе не смотрел на мир и все, что в нем происходит — это никак не повлияет на то, что всем нам, за крайне редким исключением, снятся сны. И вряд ли кто-то из вас станет отрицать, что сон и, в частности, сновидения — одна из самых странных и интересных загадок в нашей жизни.

Доэлин медленно спустился с кафедры и, активно жестикулируя руками, принялся вышагивать кругами по помосту.

— Загадку эту пытались разгадать многие поколения наших предков. И, судя по тому, что сегодня мы знаем о мире сновидений не так уж и много, то разгадывали они ее довольно безуспешно. Тем не менее, представление об истоках и смысле сновидений развивалось вместе с нашей людской расой. По сохранившимся сведениям, древнейшие племена, некоторые из которых все еще обитают в Диких Землях между Гальтией и Верхним Даньязом, верили сновидениям безоговорочно: они считали, что во время сна человеческий дух путешествует по невидимым областям мира, познавая его различные проявления. Схожее отношение к сновидениям мы можем наблюдать и в Аккао...

При упоминании Аккао почти все присутствующие на лекции школяры (не меньше двух дюжин третьекурсников) повернулись в сторону Рибана, сидевшего справа от Альдана и

слева от Синта. Рибан страдальчески вздохнул и пробурчал что-то насчет «той еще, блин, заморской диковинки». Подобное не укрылось от внимания Доэлина.

— Ах да, наш дорогой Рибан. — Доэлин остановился и устремил свой пронзающий взгляд на аккаовца. — Позволь поинтересоваться, ты ведь проходил у себя на родине обряд Первого Посвящения?

Рибан явно нехотя кивнул. Доэлин выглядел довольным.

— Этот обряд так называемого Первого Посвящения, — пояснил он остальным, — мальчики из племен Аккао проходят в двенадцать лет. Этот обряд... что-то вроде первого перехода во взрослую жизнь. Он включает в себя много интересного и необычного, но одной из основных его особенностей, которую некоторые скорее назовут странностью, является то, что посвящаемый юноша три ночи подряд пьет специальные травяные зелья, а потом старается в мельчайших подробностях запомнить свои сны, чтобы затем пересказать их местной ведьме... прошу прощения, провидице, которая по этим снам рассказывает, чего юноша должен опасаться. Я достаточно точно передал суть, Рибан?

Рибан замялся, прежде чем ответить.

— Как бы да, но... — Альдан с интересом наблюдал за Рибаном: обыкновенно уверенный в себе, сейчас его будто подменили. — Те толкования не совсем точны. То есть... Провидицы уверены, что те сновидения показывают то, чего проходящий Посвящение должен опасаться. Но это необоснованный подход...

— Ты говоришь сейчас как школяр Университета, защищающий научный подход ко всякого рода мистическим обрядам, или как аккаовец, обиженный на своих соотечественников?

Рибан побледнел.

— Что вы имеете в виду?

— Ты правда хочешь знать, что я имею в виду? Что ж, дело твое.

— Погодите... — Рибан в отчаянии замахал руками, но Доэлина уже было не остановить:

— Очевидно, что твои сновидения были настолько эротическими — полагаю, я подобрал самый мягкий эпитет, — что даже провидица, наверняка повидавшая на своем веку немало, ужаснулась и наказала тебе держаться подальше от девиц своего племени. Это запрет здорово подкосил тебя, так что через пару лет ты не выдержал и рискнул попытаться счастья в стране, где законы не столь строги.

— Откуда вы...

Альдан не сдержал улыбки: прежде ему еще не доводилось видеть Рибана таким растерянным, как сейчас. Очевидно, что наставник Доэлин попал в точку. Наконец-то одной тайной (прежде Рибан на его и Синта вопросы постоянно придумывал все новые истории того, как и при каких обстоятельствах он оказался в Триамне) стало меньше.

— Я ведь тоже в некотором роде провидец. — Доэлин ухмыльнулся и под несдерживаемое хихиканье со стороны школяров подмигнул Рибану. — Вижу все ваши дела и грязные мыслишки насквозь. Но сейчас не об этом. — Доэлин звонко щелкнул пальцами. — Вернемся к проблеме сновидений. В некотором роде такие же представления, как и у жрецов Аккао, сохранились у жителей как Верхнего, так и Нижнего Даньяза. Так согласно их философско-религиозным доктринам, так называемая Долина Сновидений находится на дальнем конце нашего мира, далеко на западе, где земля наконец соединяется с небесами, и предваряет собой вход... знаете куда?

По всей видимости, никто не знал. Даже Альдан.

— В Долины Смерти, — наконец ответил Доэлин на свой же вопрос. Затем задумчиво произнес: — Сон и смерть. — И еще раз: — Смерть и сон. В культурах многих народов, и не только южных, эти понятия идут бок о бок. Неудивительно, не правда ли?

Чуть пошатываясь, наставник вернулся к кафедре.

— Древние шаугримцы были первыми, кто пытался установить истинную природу сновидений с помощью... подручных средств. В своих печально известных монастырях они проводили массовые исследования, используя в качестве подопытных... как думаете, кого?

— Приговоренных к смертной казни, — вспомнив недавно прочитанный текст, отозвался Альдан.

— Именно. Нам есть чему поучиться у шаугримцев, не так ли? Это риторическая провокация, Альдан, можете не отвечать на нее. Итак, в своих подземельях шаугримцы много и по-всякому экспериментировали, и после долгих десятилетий сумели сделать несколько выводов. Например, что сны имеют физиологическую природу и напрямую связаны с нашим мозгом. А также много другого, такого, что вам, неучам, даже рассказывать бесполезно. Еще поговаривают, что Истинными Словами можно насыпать на человека определенные сновидения, но это лишь слухи.

Доэлин сделал паузу, устремил взгляд к потолку и, как показалось Альдану, о чем-то задумался. Потом резко помотал головой и, постучав костяшками пальцев по кафедре, продолжил:

— В триамнийской культуре сновидениям также отведена немалая роль. В сорок восьмой главе «Летописей Рассвета», как вы, надеюсь, знаете, повествуется об Оденаре, богатом принце родом с далеких северо-западных королевств...

— Глава Трех Явлений, — подала голос школярка с первого ряда.

— ...В первом сне, — продолжал Доэлин, — принцу явился один из Двадцати Четырех, Солнцеликий Ласх, и повелел оставить отца и братьев и отправиться в паломничество на дальний юг. За три года принц Оденар прошел половину мира, добрался до наших земель, затем прошел Ритуал, в котором Боги наградили его почти что божественной мудростью. Позже ему приснился Бог Гаосх и повелел объединить все княжества к югу от реки Набис в единое государство. Когда же принц сделал и это, то явился ему Бог Эйсх и явил божественную волю: назвать новое государство Триамной и встать во главе страны вместо умершего верховного жреца. Так, благодаря трем сновидениям и одному человеку, и возникло наше государство. Но значит ли эта история, что Боги во снах разговаривают с нами, наставляя и направляя? — Доэлин обвел пристальным взглядом школяров. — Так считают многие иерофанты. Один известный мыслитель склонялся к мнению, что Боги действительно могут связываться с нами через сновидения, но крайне и крайне редко, поскольку им наверняка есть чем еще заняться. Этот же мыслитель делил сны на обычные — те, что являются как бы воплощением наших глубинных мыслей, воспоминаний и желаний, и пророческие — когда ко снам прилагают руку высшие силы, то есть Боги и их помощники. Есть и другие критерии деления снов. Например, философы Верхнего Даньяза делят сны на Истинные — те, что приходят из Нефритовых Врат Долины Сновидений — и Лживые — те, что приходят из Костяных Врат. Лживые сны ведут человека к гибели, а вот Истинные при правильном истолковании могут помочь человеку. Конечно же, с толкованием сновидений все обстоит весьма непросто, и это логично. — Наставник обвел взглядом аудиторию. — Кто из вас умеет играть в арканы? — Лес рук взлетел в воздух под одобрительное хмыканье

Доэлина. — Как я и думал, все. А кто из вас, великих игроков, может рассказать, когда и при каких обстоятельствах в Триамне появились арканы? Альдан?

Альдан озадаченно напряг память.

— Кажется, была какая-то легенда. Про одного из первых Верховных Иерофантов...

— Истинно так. — По лицу наставника расплзлась довольная улыбка. — Легенда эта, по всей видимости, появилась уже после написания «Летописей», а потому получила лишь устное распространение. Не вдаваясь в подробности, дело обстояло следующим образом: один из первых Верховных Иерофантов был человеком до глубины души благочестивым и праведным, но управлять государством у него получалось из рук вон плохо. Так уж бывает. Не зная, что делать, этот Верховный Иерофант долго и искренне молился. И вот, Боги Рассвета услышали его просьбы и, явившись во сне, пообещали посылать ему знамения, а для расшифровки повелели создать колоду Аркан. Та колода, которой пользовались в Триамне на протяжении многих веков, разительно отличается от той, что вы используете, когда вам не терпится проиграть несколько жаворонков портовым жуликам. Главное отличие старой колоды состояло в Старших Арканах. Они не имели масти, но при этом, по сути, являлись ключевыми арканами. Древние Толкователи Аркан, как поговаривают, могли расшифровывать даже самые запутанные сновидения. Но... — наставник Доэлин развел руками, — с течением времени настоящих Толкователей Аркан становилось все меньше, а вот всяких шарлатанов, ищущих легкого заработка — все больше. Именно поэтому предшественник недавно скончавшегося Верховного Иерофанта Первым Законом повелел переделать арканы, сделав из них обожаемую всеми вами игру, что нашло одобрение как у архонтов, так и у следующего Верховного Иерофанта...

Альдан не удержался и привлек к себе внимание Доэлина вытянутой рукой.

— Слушаю тебя внимательно, Альдан.

— Скажите, а сейчас в Триамне еще можно найти Толкователей Аркан?

— Сейчас? — В голосе наставника прозвучало неприкрытое удивление. — Подозреваю, что в наши дни ты их днем с огнем не сыщешь. Но попробовать, конечно, можешь.

Доэлин набрал воздуха в грудь, чтобы вернуться к теме предмета, но в этот момент университетская колокольня разразилась настойчивым звоном — время лекции истекло. Наставник Доэлин выдохнул с облегчением и плюхнулся на преподавательскую кушетку рядом с кафедрой.

— Эй, Книгочей. — Поднявшись со скамьи, Рибан ткнул Альдана локтем. — Мы с Синтом в «Трех арканистов». Ты с нами?

— Э... — Альдан бросил взгляд за окно, где день приближался к вечеру, затем почесал затылок. — Может, в другой раз...

— Да ты издеваешься?! — выглянул из-за плеча Рибана Синт. — П-последнее время от тебя только и слышно, что м-м-может в другой раз. З-завязывай с этим, давай.

— Он прав, — подтвердил Рибан. — Когда мы последний раз вместе сидели в таверне, а? В общем, никаких отговорок: чтобы к вечеру появился в «Арканистах».

— Ладно, ладно. — Альдан поднял руки вверх. — Сдаюсь, ваша взяла.

— Так-то лучше, — обнажил зубы в ухмылке Рибан.

Альдан убрал биографический томик в заплечный мешок и следом за друзьями направился к выходу из аудитории, когда услышал со стороны кафедры подзывающий свист. Пришлось разворачиваться и подходить к развалившемуся на кушетке Доэлину. Резкий запах алкоголя ударил Альдану в нос. Впрочем, к этому он привык — можно было по пальцам

одной руки сосчитать те случаи, когда Доэлин вел лекции трезвым.

— Альдан. — Доэлин смерил его прищуренным взглядом и продолжил вкрадчивым тоном: — Знаете, мне тут птичка на ушко нашептала, что я вас, несчастного, заставил готовить такой сложный доклад, что вам даже пришлось три раза посещать закрытый отдел Библиотеки.

«Сумерки».

Альдан почувствовал, как кровь приливает к лицу. Это был конец. Он доигрался с огнем. А его ведь предупреждали — не стоит шутить с наставником Доэлином. За такую выходку его как минимум накажут повышением платы за обчение, а то и...

— Я восхищен, — неожиданно заявил Доэлин. — Не сильно мудреный, но достаточно эффективный способ туда попасть. Полагаю, у вас на то имелись веские причины.

Альдан сглотнул подступивший к горлу ком и, понутив взгляд, проговорил:

— Вроде того. Мне...

— О, умоляю, избавьте меня от подробностей. — Доэлин скорчил мину и махнул рукой. — В нашем мире и без того приходится запоминать слишком много всякой ерунды. Как бы там ни было, думаю, вы сделаете правильные выводы. — Наставник прищурился. — Ведь так?

— Разумеется. Больше такое не повторится.

— Не сомневаюсь. Ладно, юный школяр, ступайте.

Альдан пробормотал слова благодарности и стрелой вылетел в коридор. Рибана и Синта уже и след простыл. Альдан решил, что оно и к лучшему. По крайней мере, он мог в тишине и спокойствии поразмыслить над услышанным сегодня.

А поразмыслить было над чем.

«Значит, Шелиара оказалась отчасти права. — Альдан попытался в очередной раз выстроить в голове более-менее логическую версию происходящего с девушкой, и теперь это, наконец, начало получаться. — Если верить Доэлину, то, скорее всего, ее сны и Голоса действительно взаимосвязаны. Вот только... Шелиара свято уверена, что этими кошмарами Голоса ей мстят. А что, если это не так? Что, если именно через сны они с ней разговаривают, а все то, что она слышит, когда бодрствует — лишь отголоски настоящих Голосов? Может ли быть такое?»

Так много странностей и так мало возможностей узнать Истину. Альдан начинал злиться на себя, хоть и понимал, что бессилён что-либо предпринять, чтобы приблизиться к разгадке.

Возможно, приблизиться к разгадке помог бы Толкователь Аркан. Только вот где его найти?

Альдан медленно шагал по коридору третьего этажа, погруженный в раздумья, когда увидел впереди себя знакомую фигуру. Герцог стоял у распахнутого настежь окна и, казалось, вообще не шевелился, устремив взгляд куда-то в неведомые дали. Возможно, в те, где он все еще мог бы безболезненно пить. Весь внешний вид Герцога кричал о том, что он пребывает не в лучшем настроении; бедняга даже оделся в меру скромно (по своим меркам, а не по меркам Альдана, само собой) — штаны из черной материи, кожаный жилет поверх рубашки и темно-синий с золотистым отливом плащ.

Несколько помедлив, Альдан все же решился подойти к нему. Они не виделись с Герцогом с позавчерашнего дня — точнее, вечера, который должен был быть праздником, а по итогам стал вечером неловкого молчания; Герцог хоть и старался держать себя в руках

после того, как стало понятно его Проклятие, все равно довольно скоро покинул их и ушел с Иолаей куда-то к себе.

Жалел ли он теперь о том, что прошел Ритуал? Наверняка. Хватит ли у него духу, чтобы продолжить двигаться дальше? Альдан на это надеялся. В конце концов, запрет на выпивку вряд ли можно назвать весомым поводом, чтобы опустить руки. Впрочем... Бывают ли вообще в жизни достаточно весомые поводы, чтобы опустить руки? Альдану вспомнился прыжок Шелиары с Моста Королев. Было ли это проявлением силы воли или же, наоборот, слабостью? А, может, и тем, и другим сразу?

Он не был уверен.

— Эй. — Альдан остановился в паре шагов от Герцога. — Как ты? Выглядишь неважно. Герцога искоса посмотрел на него. Хмыкнув, чуть приподнял уголки губ.

— Ты, знаешь ли, тоже не сияешь от счастья, Книгочей.

— Ну... Я-то почти всегда такой. Мне можно.

— А. Ну, рад за тебя. — Герцог вновь повернулся к окну и застыл в задумчивой позе.

Разговор откровенно не клеился. Альдан уже подумал о том, чтобы откланяться и уйти, когда Герцог спросил, не оборачиваясь:

— Ты знаешь, что она кричит каждую ночь? — Он не назвал имени, но и ежу было понятно, о ком шла речь. — Причем кричит так, будто ее пытаются раскаленным железом.

Альдан не знал этого, но догадывался, с учетом последнего рассказа Шелиары. Он помнил: даже от ее пересказа своего кошмара по его коже ползли мурашки. Каково же ей? Особенно с учетом того, что кошмары эти повторяются из раза в раз. Альдану совсем не хотелось очутиться на месте Шелиары.

— Я... как раз работаю над этим, — поспешил ответить Альдан. Это даже было правдой. Воспользовавшись моментом, он поинтересовался: — Кстати. У тебя нет знакомого Толкователя Аркан?

— Толкователя Аркан? — Герцог в недоумении поскреб подбородок. — Нет, таких диковинок в моей коллекции знакомых нет. И вообще — они разве еще не вымерли?

— Вроде как нет...

— А, позволь уточнить, на кой хрен они тебе вообще сдались?

Поразмыслив, Альдан решил, что правильнее будет пока что не посвящать Герцога во все подробности. Может быть, в свое время.

— Да так, кое-что проверить... Ладно, забудь.

— Как скажешь. — Герцог помолчал, затем добавил: — Знаешь, не стесняйся заглядывать в гости. По-моему... — Герцог надолго замолчал, вынуждая Альдана спросить:

— Что «по-твоему»?

— По-моему, Шелиара каждый день с нетерпением ждет твоих визитов.

— Правда? — Альдан сделал вид, что удивлен, хотя догадывался и об этом. — Тогда... обязательно загляну вечером.

— Чудесно. Меня, скорее всего, не будет, но пусть это тебя не останавливает. — Герцог развернулся и пристально взглянул ему в глаза, а руки положил на плечи. — Позаботься о ней, Альдан, хорошо?

— Хорошо.

— Точно?

— Точно.

— Договорились. Ну, не хворай.

Герцог вяло улыбнулся, развернулся и удалился быстрым шагом по коридору.

Повинуясь интуитивному порыву, Альдан занял место Герцога. Взглянул туда, куда тот смотрел до диалога. Сквозь распахнутые ставни за вереницей зданий виднелись башни Дворца Верховного Иерофанта, устремляющиеся с Центрального Холма в небо золотисто-серыми свечами, а между ними — огненно-алый солнечный ореол.

Альдан еще долго стоял у окна, созерцая рукотворный шедевр Священного Исхирона и сосредоточенно размышляя обо всем и ни о чем одновременно.

Последние мили пути Наллар нор Керрано решил пройти пешком — как и подобает настоящему пилигриму.

За лошадь он едва выручил четыре серебряных жаворонка — вдвое меньше, чем заплатил за покупку — но это обстоятельство его не сильно расстроило. Во-первых, в кошеле все еще звенело с дюжину монет из серебра и бронзы, а во-вторых, он практически достиг цели. А это стоило многого, особенно после всех приключений, что настигли его в пути.

За последние пару часов ходьбы окружающая его местность в корне изменилась. Холмы и предгорья сгладились, дорога перестала вилять, как пьяная змея, а сосновые и еловые рощи сменились раскинувшимися до самого горизонта виноградниками. Вскоре и виноградники поредели, то и дело уступая место приземистым домишкам. За годы службы соглядатаем Гильдии Всевидящей Башни Наллару случалось посещать многие столицы южных стран, и каждая из них как по волшебству притягивала к своим стенам подобные домики: не ветхие хижины, но и не городские особняки — нечто среднее. Они представляли собой некий компромисс для тех, кто хотел одновременно жить практически в самом сердце страны и при этом не нюхать ежедневно вонь его душных улиц. Впрочем, как показывала Альгатта, гальтийская столица, рано или поздно город обрастает новой внешней стеной, и пригород, полный тишины, зелени и умиротворения, беспощадно пожирается безликой массой городских домов.

Воистину, сочетание времени и цивилизации представляет собой чудовищную силу, которой мало что может противостоять. Разве что сочетание времени и войны. Убийственное сочетание. Охваченный пламенем войны Гергельяр хорошо это проиллюстрировал. Настолько хорошо, что Наллар предпочел бы забыть обо всем этом... если бы только мог. Однако картины творящегося по всей стране хаоса и безграничного ужаса, от которого не было спасения, накрепко засели в его памяти.

Несмотря на то, что Наллар решил воспользоваться наиболее безопасным маршрутом и обойти город с запада, выбранная им дорога под конец дня становилась все более широкой и людной. Большинство, как и он, направлялись в направлении столицы — лишь редкие повозки, все пустые, катили навстречу, да пару патрульных отрядов как-то прошагали мимо, напомнив Наллару, как Ойлегер одурачил таких, словно ничего не смыслящих в жизни младенцев. Интересно, где сейчас торговец? Шли третьи сутки с момента, как они попрощались — должно быть, тот еще вчера под вечер добрался до Танаана и теперь расхваливает на ярмарке свой товар. Или сбегивает шаугримский порошок.

Было немного жалко, что не удалось провести с торговцем больше времени — Наллар подозревал, что таких достойных и по-своему принципиальных триамнийцев в Исхироне можно по пальцам пересчитать. Причем на одной руке.

Дорога поползла вверх по пологому склону холма. Наллар шел, раздумывая над тем, что могло заставить иерофанта Ойлегера снять с себя сан — почему-то эта загадка не давала ему покоя. Наллар вообще не любил, когда что-то оставалось тайным и непонятным; по молодости это несколько раз едва не стоило ему жизни. Наконец, гальтиец взобрался на вершину, глядя под ноги, а когда поднял взгляд, то остановился, словно замороженный.

Впереди — буквально в полумиле — раскинулся Священный Исхирон.

Наллар видел изображения этого города на картинах гальтийских мастеров живописи, но в живую столица и вовсе потрясла воображение. Особенно если видишь город впервые.

Западная городская стена, высокая и сложенная из какого-то иссиня-черного камня, каждые сто ярдов увенчивалась закругленной сторожевой башней; десятки, если не сотни алых стягов с белыми птицами посередине гордо реяли на ветру. За стенами местами виднелись храмовые купола и шпили, а где-то вдали смутными тенями поднимались к небу серые башни — судя по тому, что Наллар знал о географии города, это были башни Дворца Верховного Иерофанта, что на Центральном Холме. Дорога, по которой он шел, больше нигде не сворачивала и упиралась в распахнутые ворота. Перед воротами, на удивление, растянулась вереница людей, телег и повозок. Это показалось Наллару странным — насколько он знал, чтобы попасть в Исхирон не нужно было отстаивать длинную очередь.

Впрочем, времена меняются. А вместе с ними меняются законы и разные правила.

Наллюбовавшись видом, Наллар двинулся с места скорым шагом. Время беспощадно приближалось к вечеру; ему совсем не хотелось бы искать место встречи с товарищами по Гильдии в темноте.

Не прошло и трети часа, как он пристроился к хвосту очереди. По самым скромным прикидкам, впереди было два десятка людей; у каждого второго — телега или повозка. Не удержавшись, Наллар поинтересовался у мужчины, сидевшем впереди на муле:

— Эй, добрый человек. — Человек лениво обернулся и смерил Наллара отнюдь не добрым взглядом. — Не знаете ли вы, в чем причина такой очереди к воротам? Разве нынче военное время, что все так строго?

Наездник посмотрел на него, как на полоумного.

— Ты что, дурак?

Наллар прикусил губу, раздумывая, не врезать ли умнику — его кулаки так и чесались. Наконец, он решил, что оно выйдет себе дороже и пожал плечами:

— Ну, допустим, есть немного. Так что с очередью?

— Ты и впрямь дурак. — Наездник даже махнул рукой в подтверждение своих слов. — Не знаешь разве, что Верховный Иерофант нас покинул?

— Конечно знаю! — Наллар сделал вид, что возмущен до глубины души. — Но причем тут очередь?!

— Вот дурак. — Наездник покачал головой. — Какой сегодня день со смерти?

Наллар быстро произвел в уме подсчеты.

— Э... Седьмой?

— Смотри-ка, не полный дурак, считать умеешь. А что с утра на восьмой день будет?

Хороший вопрос. Наллар почесал затылок, выискивая наиболее правдоподобную версию. Что может быть с утра на восьмой день по смерти Верховного Иерофанта? Да черт его знает. Исходя из того, что он за время пути узнал о триамнийской культуре, Наллар бы не сильно удивился, узнав, что на восьмой день каждый житель и гость Исхилона должен в обязательном порядке с утра до ночи играть в арканы, а также выпить не меньше трех бочонков неразбавленного вина.

— Может... Выборы в Священный Синклит?

— Правду, значит, кажут, что у вас, пилигримов, ума с земляной орех, — вынес свой вердикт наездник. — Какие, к ЛжеБогам, выборы, когда еще не все простились с Ним.

Похороны завтра с утра, дурья твоя башка. — Наллар подавил вспышку гнева. — А на похороны-то градоначальники и прочие важные шишки со всей Триамны съезжаются. Вот и допрашивают еще со вчерашнего утра всех. Проверяют, не шпион ли ты какой часом.

«Мда. Удачно это я попал».

Наллар тем временем и сам вспомнил: восьмой день. Точно. Такие вещи триамниец наверняка должен знать, как Рассветный Псалом. Да и он сам когда-то об этом читал. Наллар мысленно стукнул себя по лбу. Он, помнится, еще ломал голову над тем, как им удастся сберечь труп от разложения. Лед, скорее всего. Лед и тонны благовоний.

Наллар решил больше не рисковать и не допытывать наездника всякими вопросами.

Мало-помалу их вереница продвигалась вперед. Небо над головой еще было мутно-синим, но за спиной солнце уже почти что достигло линии горизонта. Маясь от скуки, Наллар сначала принялся перебирать в уме все факты, которые он знал о пилигримах, Ритуале и Богах Рассвета — на случай, если ему начнут задавать каверзные вопросы — затем в подробностях вспомнил, в каком месте ему нужно встретиться со здешними соглядатаями. Когда надоело и это, он выудил из мешка колоду аркан и принялся тасовать ее — это действие помогало ему успокоиться и сосредоточиться. Что в преддверии поста охраны было не лишним.

Очередь продвигалась до раздражения медленно. Наллар не прошел и четверти пути до ворот, как позади него устроилась деревенская барышня с неумолкающим младенцем на руках, за ней — какой-то калека, за ним два всадника, и лишь за ними проглядывало, чуть скрытое облаками, почти что севшее солнце. Наллар высунулся из-за плеча наездника на муле, чтобы посмотреть, как проходит допрос у ворот, но торговая повозка впереди загородила весь вид. Снова и снова гальтиец перетасовывал колоду аркан, тихонько насвистывая «Королевскую дочку».

Солнце уже село, когда очередь дошла до повозки перед наездником. Наллар видел, как в воротах повозку остановили четверо солдат с копьями; еще двое сидели за деревянным столом, покрытым свитками; один из солдат задал вопрос торговцу и принялся записывать. Наллар не слышал, о чем именно они говорили, но вскоре разговор перешел в откровенную ругань. Копейщики принялись обыскивать повозку. Солдат-писарь что-то прокричал, для верности стукнув кулаком по столу, и остальные солдаты угрожающе нацелили на торговца копыя. Суровость торговца как ветром сдуло: тот сразу же задрожал и поспешно достал из-за пазухи кошель. Серебряные монеты замелькали в воздухе, перемещаясь на стол.

Вскоре деньги были поделены и торговцу разрешили, наконец, продолжить путь. Мужчина впереди Наллара слез с мула и направился к стражникам. Наллар приготовился ждать, но того пропустили на удивление быстро, лишь только несколько бронзовых жаворонков переместились на стол сидящих.

— Эй ты, пошевеливайся, давай, — крикнул Наллару один из копейщиков.

Наллар прошагал между распахнутых железных створок и остановился перед столом с двумя мужчинами. Один из них, с лицом как у нахмуренной гориллы (Наллар однажды видел такую аккаовскую диковинку в королевском зверинце Альгатты), попыхивал трубкой и держал руки скрещенными на груди. Судя по нашивке на камзоле, капитан охраны. Второй, что сидел с пером, не отрывая взгляда от пергамента, спросил:

— Имя?

— Цэсэй.

— Откуда родом?

— Из Жаворонковой Рощи, — без запинки ответил Наллар и, увидев вопросительный взгляд второго мужчины, пояснил: — Поселок на дальнем востоке, у подножья Карликовой гряды. — Если верить информаторам из Гильдии, такой поселок там действительно существовал.

Гориллоподобный мужчина подался вперед и пустил Наллару в лицо струю дыма.

— Пилигрим, что ли?

— Истинно так, добрый человек. — Наллар учтиво склонил голову и улыбнулся.

Искусство вовремя улыбаться (и вкладывать в улыбку вполне конкретный смысл) испокон веков было одним из самых важных умений соглядатая. Наряду с умением лгать и убеждать. Ну, и умением владеть оружием, само собой.

— Что-то не вовремя ты, пилигрим, пожаловал, — продолжал первый мужчина. — Не до Ритуалов сейчас. Верховного завтра хороним. А потом еще пять суток поминаем. Все это время Фонтан закрытым простоит.

— Значит, Боги оказали мне милость, позволив поучаствовать в прощании с Верховным. — Наллара передергивало от необходимости нести подобный бред. Но другого способа попасть внутрь столицы он не видел, так что приходилось идти на компромиссы с самим собой. — Разве не так?

— Что в мешке? — вместо ответа спросил писарь.

— Пожитки. — Наллар снял мешок, приоткрыл его и положил на стол.

Гориллоподобный капитан принялся с оскалом хищника в нем рыться. Вскоре достал оттуда карту Триамны и окрестных земель. Нахмурившись так, что у него задергалась бровь, помахал ей перед носом Наллара.

— Ты что, грамотей, умеешь карты читать?

Наллар пожал плечами.

— А зачем мне их читать? Я смотрел лишь, куда какая дорога ведет. А карта мне от бабки досталась, если уж так интересно. А ей — от деда, он...

— Ладно, ладно. — Гориллоподобный раздраженно махнул рукой и, сложив, вернул карту обратно в мешок. Затем хлопнул в ладоши, и копейщики сделали шаг вперед. — Так, общите-ка его.

Наллар сжал зубы, пока один из стражников, отдав товарищу копье, облапывал его вдоль и поперек. Насколько он видел, до этого никого еще не обыскивали. Неужели он настолько подозрительно выглядит?

Словно прочитав его мысли, капитан ослабил:

— Времена беспокойные. Приходится вот держать ухо остро со всякими неизвестными... Что это там?

Стражник отцепил от пояса Наллара два метательных ножа и показал их сидящим за столом.

— Похоже на оружие, господин Вэлдан.

— Я и сам вижу, что это не Летописи Рассвета. — Скрипнув локтями по столу, капитан подался вперед. Его кадык задергался, не предвещая Наллару ничего хорошего. — Что, пилигрим, беспокойно нынче на дорогах? Разбойники и грабители повсюду, что с оружием не расстаешься?

— Предусмотрительность еще никому не вредила, — как можно спокойнее ответил Наллар.

— Да что ты говоришь. — Вэлдан затянулся и выпустил тонкую струю дыма. — А ну,

покажь свой кошель.

Пришлось подчиниться. Рот Вэлдана растянулся почти до ушей, когда он обнаружил внутри несколько серебряных жаворонков. Наллар мысленно обругал себя за то, что на всякий случай не переложил большую часть монет, например, в ботинок. Или еще куда, где до них бы не добрались.

Впрочем, еще не все потеряно.

— Да ты у нас тот еще богач, смотрю, — прокомментировал свою находку Вэлдан. — Что, лишняя монета тоже еще никому не вредила?

— Я пилигрим, не нищий. — Наллар старался не грубить, но при этом стоять на своем. — Подозреваю, в такое время койка на постоялом дворе мне не дешево обойдется.

Вэлдан сжал губы — он явно рассчитывал на другой ответ. Тем временем поднял голову писарь:

— Ваш основной род занятий, сударь?

— Я лесоруб.

— Не нравишься ты мне, пилигрим-лесоруб, — заметил капитан Вэлдан, вновь светя ухмылкой. — А в таких вещах я редко ошибаюсь. У меня Благословение — чувствовать, когда человек боится. Страх — он, знаешь ли, пахнет. Так пахнет, что ни с каким другим запахом не спутаешь. А ты, пилигрим, хоть и держишься молодцом, но все же не можешь полностью погасить свой страх.

Копейщики подошли ближе. Наллар почувствовал, как сердце невольно начинает стучать быстрее.

«Спокойно. Это всего-навсего попытка содрать с меня несколько жаворонков».

Наллар заставил себя беззаботно улыбнуться.

— Конечно я боюсь, господин капитан. Я ведь уже сказал, что все постоялые дворы и гостиницы, видимо, будут заняты. Боюсь, что придется устраивать ночлег под открытым небом, а ночи-то сейчас не жаркие.

Капитан охраны сделал несколько затяжек, затем выпустил дым к небу. Уже стемнело, и кто-то принес копейщикам факелы.

— Что-то ты темнишь, — наконец изрек Вэлдан, вставая из-за стола. — А я ненавижу, когда кто-то темнит и не желает в этом признаваться. Пойдешь со мной в караулку. Вы, двое, — обратился он к копейщикам, — проводите нас.

Наллару оставалось только обреченно вздохнуть.

Кошель, мешок, ножи и даже колоду аркан у него, разумеется, отобрали. Затем провели парой узких переулков, потом лестницей вверх в небольшое помещение, по обстановке — нечто среднее между кабинетом книжника и пыточной. Усадили на табурет. Вэлдан устроился в кресле напротив. Копейщики остались рядом.

Ожидая действий Вэлдана, Наллар задумался над тем, поможет ли сейчас взятка. Он дважды попадал в подобные переделки — в Гергельяре и северо-восточном Кирикийском княжестве — и оба раза правильная сумма как по щелчку избавляла его от неприятностей. Деньги — будь то сельвидийская марра или триамнийский жаворонок — воистину творят чудеса, мало кто может с этим поспорить. Однако этот капитан стражи выглядел больно уж хищно. Нужно действовать осторожнее.

И хитрее.

Вэлдан смотрел на него из-под прищуренных глаз, время от времени попыхивая трубкой. Наллар держался свободно, не выдавая истинных эмоций. По крайней мере, он на

это надеялся.

— Знаете что. — Вэлдан повернулся к копейщикам. — Оставьте нас наедине.

Те спорить не стали и, отдав честь, покинули помещение.

«Он ждет, что я сделаю первый ход. Допустим».

— Можно ли как-нибудь, — вкрадчиво произнес Наллар, — решить это маленькое недоразумение?

— Ты называешь это маленьким недоразумением? Возможно, ты кое-чего не понимаешь, пилигрим. У нас приказ Совета Архонтов, подписанный самим Таннаримиром: до самых Выборов не пускать в город подозрительных лиц. За вчерашний день я дал от ворот поворот, пожалуй, дюжине таких оборванцев, как ты, а еще четверых, особо настойчивых, засадил за решетку. Улавливаешь ход моих мыслей?

— Уверяю вас, господин капитан, у меня ничего дурного в мыслях. — Наллар положил руку на сердце, словно это могло убедить капитана в его честности. — Клянусь Богами, я лишь хочу, как и многие, по возможности попроситься с усопшим, а после пройти Ритуал.

— Это ты так говоришь. А откуда мне знать, что ты не лжешь?

Наллар задумался.

«Он неспроста выставил стражников и продолжает давить. Похоже, придется рисковать».

— Быть может... я могу сделать нечто вроде благотворительного взноса для доблестных стражей порядка?

Все, наживка заброшена. Назад пути нет. Наллар замер в ожидании.

— И какого размера взнос готов сделать пилигрим?

Это уже была не игра в арканы — скорее, гергельярские кости, причем та их разновидность, где нужно было делать правильные ставки. Как и сейчас.

Наллар понимал: назвать слишком маленькую сумму будет оскорблением, слишком большую — чересчур подозрительно.

— Как насчет одной четверти того, что лежит в кошелье?

Вэлдан отложил трубку на край стола, достал кошель и задумчиво позвенел им. Озвученная Налларом сумма была определенно не маленькой, и капитан понимал это. Соблазн явно был велик.

— Надо же, какая щедрость. — Вэлдан отложил кошель, словно тот не представлял для него ни малейшего интереса, и вновь потянулся к трубке. — С чего бы это?

— Послушайте, — Наллар позволил прокрасться в свой голос ноткам возмущения, так было, на его взгляд, естественнее, — я прошагал пешком сквозь всю страну, чтобы попасть сюда. Если таковы нынче расценки на вход в Священный Город, оплот веры и истории, то я готов пойти на это.

Наллар ожидал, что такой напор подуспокоит подозрения Вэлдана. Но тот лишь неопределенно хмыкнул. Затем, после нескольких затяжек, задумчиво произнес:

— Знаешь, пилигрим. Полдюжины жаворонков не такие уж и большие деньги, особенно если еще и приходится ими делиться — а мне, сам понимаешь, приходится. Так что я заберу половину, и ты сможешь идти своей дорогой. Что скажешь?

«Он поднимает ставку и ждет моей реакции... Как бы на такое отреагировал настоящий пилигрим?»

— Мне ведь еще Ритуал проходить. — Наллар решил, что правильнее будет еще побрыкаться. — Там одежда нужна, сами знаете. Да койка в постоялом дворе...

— Не нравится, так отправляйся обратно. Можешь даже попытаться счастья у южных или восточных ворот, только вот туда тебя и близко не подпустят.

Наллар досадливо цокнул.

— Ладно. Раз уж...

За дверью караулки послышалась какая-то возня. Вэлдан явно напрягся; его взгляд заметался по комнате, словно в поисках пути отступления. Затем в дверь постучали и, не дожидаясь ответа, внутрь зашел средних лет мужчина. Высокий, остроносый, мускулистый, с копной соломенных волос — опытный взгляд Наллара сразу же определил в этом человеке гергельярца. Судя по тому, как этот гергельярец держался перед капитаном охраны — свободно, раскованно и даже слегка надменно — становилось очевидно, что в социальной лестнице Исхирона он занимает отнюдь не нижнюю ступень. Выше половины уж точно. Напрашивался вопрос: в таком случае, на какой ступени стоит тот, на кого он работает?

— А, господин Ситтуйин. — Капитан Вэлдан облегченно выдохнул, откинулся в кресле и расплылся в поддельной улыбке. — Рад вас видеть, какими судьбами?

«Ситтуйин. Надо запомнить это имя».

Ситтуйин ответил небрежным взмахом руки.

— Мой господин, — ответил он, — волнуется, все ли в порядке. Нет ли каких подозрительных... — Взгляд Ситтуйина остановился на Налларе. Брови гергельярца театрально вздернулись вверх. — Боги Рассвета, Цэсэй, ты ли это?!

Наллар чуть было не разинул рот от удивления, но уже через мгновение пришел в себя.

Если кто-то знал его под этим именем, означать это могло лишь одно — он тоже работает на Гильдию Всевидящей Башни.

Значит, самое время подыграть.

— Рад вас видеть, господин Ситтуйин, — широко улыбнувшись, сказал Наллар. — Вот уж не ожидал вас тут встретить.

— Как и я.

Вэлдан вертел головой от Наллара к Ситтуйину, пытаясь связать происходящее. Наконец, не выдержав, спросил у гергельярца:

— Вы знакомы?

— Еще бы. Разве вы не слышали историю о том, как мой господин путешествовал в дальневосточных лесах Триамны, где заблудился и лишь благодаря славному Цэсэю смог выбраться к поселениям?

Наллар едва подавил смешок — настолько быстро менялись эмоции на лице капитана Вэлдана. Сейчас он явно пребывал в глубокой растерянности — видимо, понимал: что-то в его беспроигрышном плане пошло не так.

— Э... Да, кажется, я даже слышал эту историю, — пробормотал он, переводя взгляд на стенную полку, где стояли несколько кувшинов и чаш. — Наверняка слышал. Может, кто-то хочет выпить?

— Спасибо, в другой раз, — ответил Ситтуйин.

Наллар тоже покачал головой, хотя и не был уверен, что его вообще спрашивали.

— Думаю, что мой господин, — продолжил Ситтуйин, свободно шагая по караулке и разглядывая незамысловатое убранство, — был бы рад повидаться с человеком, некогда выручившим его и пообещавшим однажды прийти в столицу и пройти Ритуал. Даже несмотря на свою нынешнюю занятость. — Ситтуйин остановился и нахмурил взгляд, будто внезапно что-то осознал: — А что, с Цэсэем какие-то проблемы? Что-то не так?

Вэлдан затряс головой.

— Что вы, что вы! Вообще никаких проблем. Я лишь хотел убедиться... И вообще, я же не знал... — Капитан попробовал раскурить трубку, но она, видимо, погасла. — Сами понимаете, опасно абы кого пускать...

— О да, конечно. Я все понимаю. — Ситтуйин говорил без злости, но Наллар чувствовал, как невидимая угроза растекается от него к капитану. — Думаю, мой господин тоже. Ну так что, Цэсэй может идти?

Капитан торопливо закивал.

Наллар совсем не удивился, что уже через минуту ему вернули все вещи, включая нетронутый кошель, и пожелали приятного пребывания в столице. Вместе с Ситтуйином они покинули караулку и направились куда-то по оживленным улицам Западного района. Гергельярец, идущий на пару шагов впереди, ничего больше не говорил. Наллар также не спешил задавать вопросы. Очевидно, что не здесь и не сейчас.

Ждать он умел.

Спустя полчаса хождений через промышленные, а затем жилые кварталы они остановились перевести дух в каком-то темном переулке. Ситтуйин достал из кармана штанов флягу и сделал долгий глоток. Наллару выпить он не предложил.

Гальтиец терпеливо ожидал, что Ситтуйин либо начнет задавать вопросы, либо что-то пояснит. Но тот, хоть и не сводил с Наллара глаз, молчал, как рыба. Наллар не выдержал.

— Я, наверное, должен сказать спасибо. Вы появились вовремя. — Ситтуйин по-прежнему молчал. — Как вы узнали, где и когда меня искать?

— Пришлось повозиться, — соизволил ответить Ситтуйин, пряча флягу. Наллар ожидал, что он пояснит сказанное, но тот лишь мотнул головой в сторону переулка, из дальней части которого доносились голоса... и говорили отнюдь не на Южном Диалекте. — Знаешь, куда мы идем?

— Догадываюсь, — кивнул Наллар. — Умно. Там и штаб?

Ситтуйин нахмурился. Теперь он совсем не походил на того добряка, что заходил в караулку, а производил впечатление человека, которого не стоит злить во избежание неприятностей.

— Узнаешь, если появится необходимость. Пойдем. — Ситтуйин продолжил идти, и Наллар поспешил за ним. — Место жительства тебе уже обустроили.

— Очень... любезно с вашей стороны.

Вскоре они попали в шумный квартал, застроенный хлипкими лачугами и обшарпанными домишками. Ни о каких фонарях, понятное дело, здесь и речи не шло. Запах отбросов и мочи свербил Наллару нос. Люди здесь — большинство с волосами соломенного цвета — носили ветхие, часто и вовсе рваные одежды. Ситтуйина здесь знали и даже кланялись ему. Тот отвечал на приветствия вскользь, и тоже не на Южном Диалекте.

«Устроить логово в гергельярском квартале. Просто гениально. Сюда никакая стража и носа не сунет во избежание неприятностей».

Они вышли в очередной безлюдный проулок, когда Наллар не выдержал и негромко спросил:

— Этот господин, о котором вы говорили с капитаном охраны. Кто он?

Не оборачиваясь, Ситтуйин бросил:

— Не твоего ума дело.

Наллар запнулся. Такого поворота он не ожидал. В чем дело? На кой черт он перся через пол-Гальтии и почти всю Триамну, если ему тут не рады?

— Но в Гильдии мне сказали...

Ситтуйин резко остановился. Развернувшись, гергельярец смерил Наллара убийственным взглядом.

— Мне абсолютно насрать, что тебе там сказали в Гильдии, ясно, гальтиец?! — Глаза Ситтуйина горели недобрым огнем. — Ты итак чуть было не втравил нас в неприятности своим появлением! Наш глава, о котором тебе пока что знать не положено, планировал все несколько лет, и он не хотел бы, чтобы из-за какого-то присланного Гильдией неосторожного недомерка все пошло насмарку. Усек?

Ситтуйин развернулся и зашагал дальше. Наллар заковылял следом, попутно переваривая услышанное.

«...чтобы из-за какого-то присланного Гильдией неосторожного недомерка все пошло насмарку».

Однако, вот тебе и теплый прием.

Из всех когда-либо встреченных Налларом гергельярцев один лишь наместник Таланнуйин иногда позволял себе разговаривать с ним в таком тоне. И то лишь во время своих печально известных вспышек гнева.

Похоже, раз даже гергельярец так себя ведет, то здесь все серьезно.

Куда серьезнее, чем ему расписывали в Гильдии.

«Наш глава, о котором тебе пока что знать не положено, планировал все несколько лет...»

— Погоди-ка... — Наллар нахмурился. — Несколько лет планировал что?

Ситтуйин не соизволил ответить.

— Что планировал-то?..

Ответа Наллар нор Керрано так и не получил.

В «Трех арканистах» былолюдно, шумно и душно. Пахло жареным луком, пивом и чем-то горелым. Посетители таверны не скучали: одни с видом всеведущих знатоков обсуждали формирование Священного Синклита и предстоящие Выборы, другие болтали на менее высокие темы, предпочитая обсудить погоду или растущие цены на зерно и ткани, третьи просто пили; кто-то в дальнем углу даже драл струны лютни и горланил песни.

Словом, в таверне проходил типичный будний вечер.

Альдан сидел с краю стола, изредка попивая кислотоватый эль, и с легким неодобрением (а также толикой интереса) наблюдал за тем, как Синт и Рибан теряют жаворонка за жаворонком в игре против трех заезжих матросов. То ли арканы его друзьям приходили сплошь не те, то ли Рибан, не оправившись после пророческого «удара» наставника Доэлина, играл чересчур рискованно — в любом случае, игра у школяров не шла. Несколько раз Альдан даже ловил себя на мысли о том, чтобы присоединиться и попытаться выровнять денежный счет — но каждый раз здравомыслие брало вверх. Он оставался безмолвным наблюдателем, и такая роль его вполне устраивала.

Очередная партия завершилась, не успев толком начаться: к началу третьего круга один из матросов не без помощи товарищей собрал пять утренних аркан. Рибан выругался, поминая судьбу-пройдоху, и долил в кружку эля. Синт лишь хмыкнул, сбросил арканы на середину стола и удрученно покачал головой.

— Ну что, еще одну, грамотеи? — с энтузиазмом спросил один из матросов, собирая по столу арканы.

Альдан с опаской посмотрел на приятелей. На удивление, тем хватило ума покачать головами.

— Как хотите. Настаивать не будем.

Вскоре матросы, забрав свою выпивку и колоду, отправились искать новых жертв.

Рибан с неприкрытой неприязнью посмотрел им вслед.

— Зуб даю, они жульничали, — проскрежетал он, вцепившись побелевшими пальцами в столешницу. — Нет, ну ты видел? — Рибан повернулся к Альдану. — Сначала один собирает пять рассветных к четвертому ходу. Потом второй умудряется собрать пять ремесленников. Потом...

— Я все видел, успокойся. — Альдан не понаслышке знал, что, проигравшись на нетрезвую голову, Рибан способен начать чудачить. — Они просто не играли против друг друга.

— Что? — переспросил Синт.

— Говорю, они играли только против вас двоих. Как только вы показывали, какую масть собираете, двое из них начинали вам мешать, так? А третий за это время спокойно собирал то, что собирал.

— Это жульничество! — Рибан саданул кулаком по столу.

Альдан покосился по сторонам. К счастью, никому до них не было дела.

— Да ну? Разве вы с Синтом не играете так же, когда, например, к вам подсаживается третий?

Рибан, засмутившись, отвел взгляд. Синт смолчал.

— Арканы — это командная игра, а не одиночная, как принято считать, — продолжал

Альдан излагать свои наблюдения. — И сегодня их команда оказалась сплоченнее...

— Если ты такой умный и наблюдательный, — огрызнулся Рибан, — может, хоть раз присоединишься к нам? Глядишь, втроем мы бы и сумели дать отпор этим морским жуликам. А то умничать мы все умеем.

— Ты же знаешь, что я не играю.

Рибан и Синт одновременно фыркнули.

— Сколько времени должно пройти, — спросил Рибан, — чтобы ты понял, что проигрыш пары серебряных жаворонков — еще не повод бросать чем-то заниматься?

— Я просто... — Альдан попробовал придумать более-менее оригинальный ответ. — Ну. Не привык полагаться на удачу. Даже частично. Очень уж она... изменчивая девица.

— И это говорит человек, — Рибан ухмыльнулся, — который неделю назад выловил из воды самую настоящую темноволосую красотку...

— Ага, ценой тома «Архивов Благословений».

— Не такая уж и высокая цена, как по мне, — пожал плечами Рибан. — Глянь вон на ту, — аккаовец ткнул пальцем в лавирующую между столами служанку с подносами. Служанка была очень даже ничего, хоть и не во вкусе Альдана. — До твоей Шелиары ей далеко, но даже ради такой я готов расщедриться на книгу.

— Брось г-городить ересь, — поморщился Синт. — Все мы знаем, что ради одной ночи ты готов р-расщедриться лишь на выпивку. Максимум — на двойную.

Не найдя, что возразить, Рибан неопределенно взмахнул рукой. Альдан тем временем допил эль, после чего заметил:

— Я вообще счастливчик, что Герцог до сих пор мне голову не оторвал. Честно говоря, даже не знаю, как мне быть. Рано или поздно его отец потребует фолиант обратно, и...

— Он ведь из Совета Архонтов, его отец? — уточнил Синт. — Значит, д-до окончания Выборов ему точно не до книги. Вот и кончай в-волноваться.

— Синт дело говорит, — подтвердил Рибан. — Как говорил мой дед, не забивай свою голову тем, чем забивать ее не стоит.

— О, мы уже н-наслышаны, какой он у тебя был великий мудрец, — посмеялся Синт.

Альдан промолчал, обдумывая услышанное предложение. Выбросить «Архивы Благословений» из головы? Да уж, отличный совет. Впрочем, даже если оставить эту проблему, нерешенными остаются другие. И их немало. Альдан повернул голову в сторону окна у дальней стены таверны. Сумерки быстро расползлись снаружи. Придется идти по темноте, что поделаешь. Он дал обещание Герцогу, что придет, а обещание — вещь почти что святая.

Синт тем временем достал из кармана свою колоду аркан и принялся вертеть ее в руках. Наблюдая за скользящими между пальцами Синта пятиугольниками, Альдан мысленно вернулся к сегодняшней лекции. Наконец, решился спросить:

— А что вы двое думаете насчет Толкователей Аркан? Могло ли быть такое, что они и впрямь разъясняли сны и все такое?..

Синт нахмурился и перестал вертеть крутить колоду. Рибан поперхнулся элем и раскашлялся. Затем скривился:

— Альдан, тебе обязательно даже здесь вспоминать про учебу? Мне казалось, мы сюда ходим, чтобы отвлечься от нее, а не наоборот...

— Может, это жизненно важно для меня, — с ноткой возмущения отозвался Альдан. — Может, от того, удастся ли мне найти Толкователя Аркан, зависит по меньшей мере чей-то

рассудок?

— У меня т-точно нет знакомых Т-толкователей Аркан, — произнес Синт. — А у тебя, Риб?

— Где, в Аккао, что ли? Конечно нет. Честно говоря, я вообще не понимаю, как эти картонки можно толковать. Нет, ну на самом деле, как вы себе это представляете? — Проворным движением Рибан забрал у Синта колоду, вытащил сверху аркану и, имитируя старушечий голос, произнес: — У, Ри-ибан, ты вытащил аркану ночной Де-евы. Значит, этой ночью тебя ждут у-ух какие приключения...

— Тебе обязательно опошлять все, что только можно? — вздохнул Альдан, вставая из-за стола. — Ладно. Я...

— Эй, эй. Ты куда это собрался? — Рибан вскинул руки. — На поиски Толкователя Аркан, что ли?

— Нет. Нужно проведать...

— А-а, не продолжай. — Рибан улыбнулся и махнул рукой. — Все с тобой понятно. А я-то уж надеялся, что мы, как в старые добрые... Ну, ступай, ступай. Желаю тебе в кои-то веки остаться там с ночевкой.

— П-присоединяюсь! — Синт отсалютовал Альдану поднятой кружкой.

Альдан в ответ пожелал друзьям не напиваться до поиска приключений (хотя те, похоже, уже были достаточно близки к этой стадии) и, протолкавшись через толпу гомонящих посетителей, вышел наружу.

Свежий холодный воздух мгновенно взбудрил его.

«Три арканиста» находились в южной части Восточного района, на берегу широкого рукава бухты. Здешние кварталы издавна славились постоянным драками в темное время суток и даже поножовщиной; Альдан надеялся, что сегодня ему удастся избежать каких-либо неприятностей. По его прикидкам, дорога до особняка Герцога должна была занять не более получаса. А если поднажать, то и двадцати минут.

Поплотнее закутавшись в плащ, Альдан уверенно зашагал в северном направлении.

Еще с детских лет он привык размышлять на ходу. Зачастую именно во время непринужденных прогулок Альдана посещали озарения или просто умные мысли. Проблема была лишь одна: чем дальше он думал о чем-то конкретном, тем меньше дельных мыслей возникало в его голове.

Именно так дела обстояли сейчас. Мысли кружились в голове школяра подобно опадающим листьям — в одном направлении, но хаотично, вразброс. В очередной раз Альдан безуспешно попытался сложить в единую мозаику сегодняшнюю лекцию о снах и все то, что он знал про Голоса Шелиары и ее же кошмары. Мозаика, хоть и приобретала какие-никакие очертания, полностью собираться не желала.

Ни в какуюю.

Позади остался Мост Королев. Замедлив шаг, Альдан обернулся и бросил на него полный противоречивых чувств взгляд. О чем думала Шелиара, стоя там, наверху, и глядя на темную водянистую гладь? Каково ей было принимать это роковое решение? Альдан подумал о том, что сам ни за что не решился бы на подобное. Хотя... Помнится, перед поступлением в Университет он точно так же рассуждал про алкогольные напитки.

Вздохнув, Альдан продолжил путь вдоль роскошных домов Северного района. Мысли

опять закружились вокруг снов Шелиары и их значения. Вскоре Альдан совершил над собой усилие и оставил эти попытки докопаться до истины своими силами. Глупо надеяться вот так с налету разгадать загадку, что оказалась не под силу бесчисленным поколениям предков. Быть может, у Шелиары будут какие дельные мысли на этот счет? Это ведь *ее* Голоса и *ее* сны, в конце концов.

Увлеченный внутренними рассуждениями, Альдан и не сразу заметил, как у подножья желтой лестницы дорогу ему перегородили несколько фигур. Альдан резко остановился. Озадаченно повертел головой по сторонам. Двое громил, в темных масках и с увесистыми дубинками, стояли впереди; двое других отрезали ему отступление назад. Еще две мужские фигуры стояли слева, поодаль. Одна из них держала в руках масляный фонарь.

Вот уж сюрприз так сюрприз.

Пока длилось молчание, Альдан попытался понять, кто это и что им нужно.

«Обычные грабители? Нет, не может быть. Не в северных кварталах. Да и не похож я на юного богатея».

Мужчина слева, тот, что без фонаря, шагнул вперед. Невысокий, полноватый, со зловещим пронзительным взглядом... Альдан судорожно сглотнул, узнав его даже без изумрудной мантии.

Итак, сам архонт Кагальзир почтил его своим присутствием.

Похоже, дело принимало скверный оборот.

— Вечер добрый, ваше высокомудрие. — Альдан постарался говорить уверенно и непринужденно, как будто сердце не колотилось в его груди быстрее барабанных палочек на марше. Он даже приветливо улыбнулся; по крайней мере, попытался это сделать. — Чем обязан такой чести?

Архонт Кагальзир сделал еще один шаг вперед.

— Значит, ты знаешь, кто я. — В пока что спокойном голосе архонта Альдан слышал угрожающие нотки. — Интересно, откуда?

Альдан ответил предельно честно:

— Я видел вас с крыши особняка Герцога. Мне рассказали о вас.

— Правда? И что именно, позволь уточнить?

— Что вы, господин Кагальзир, весьма влиятельный архонт, претендующий на место в Священном Синклите.

Тот помолчал, затем уточнил:

— Это все?

Альдан помедлил. Что именно Кагальзир хочет от него услышать? Что ему, Альдану, известно про сбежавшую невесту? Наверное. Тем более, что ему было бы известно об этом, даже не повстречай он Шелиару.

— Говорят, у вас... некоторые проблемы на личном фронте.

Кагальзир поморщился.

— Ох уж эти школярские изъяснения, терпеть их не могу. Ладно, умник. Перейдем сразу к делу. Ты говоришь мне, где она, и уходишь отсюда целым и невредимым.

— Она? — Альдан решил для начала включить дурачка. — Я вас не понимаю.

— Да неужели? — Голос Кагальзира приобрел куда более грозный оттенок. Громилы с дубинками чуть приблизились. — А я вот уверен, что ты меня понимаешь, как никто другой. Поэтому я дам тебе последний шанс. Где. Шелиара. Нирааль?

Альдан закусил губу, обдумывая возможные варианты действий. Продолжать настаивать

на своем? Вряд ли хорошая идея; похоже, Кагальзиру кое-что известно. Попробовать сбежать? Маловероятно. Выдумать какую-то историю и выдать ее за правду? Если бы он придумал ее заранее, возможно, шанс и был, но вот так, с ходу...

— Неужели никаких идей? — нетерпеливо спросил Кагальзир. — Тогда я попробую подсказать. Может, она там, в особняке сына Асаннатала, наверху этого холма? И ты идешь туда для того, чтобы навестить ее? Или еще с какой целью?

— Я иду к Герцогу, — заявил Альдан.

— Его нет дома. Мы проверили, он не возвращался с самого утра.

— Он разрешил мне читать книги из своей домашней библиотеки.

— Тебе мало той, что при Университете? Неужели? — Кагальзир недобро прищурился. — Мне кажется, сынок, ты меня обманываешь.

— Да ну? — Альдан постарался принять максимально самоуверенный вид. — Сходили бы в таком случае туда сами и проверили, что вам мешают? Говорю же, я иду к Герцогу. А кто там у него гостит, так мне об этом ничего неизвестно. Я, знаете ли, не привык совать нос в чужие спальни.

— Ты мне зубы не заговаривай, наглец. Мне прекрасно известно о том, что она учудила на Мосту Королев. И о светловолосом школяре, что выгасил ее из воды... за что я, кстати, весьма ему признателен. — Кагальзир коротко кивнул и продолжил: — О том, что они потом направились на север, и что в последний раз их видели примерно на этом месте, у подножья лестницы...

Альдан все больше ощущал безысходность. Этому архонту и впрямь было все известно. Ну, или почти все.

Бедная Шелиара.

— ...Потом на несколько дней все затихло. А затем она прислала нечто вроде послания. Диондор, напомни, что именно она написала?

Альдан посмотрел через плечо Кагальзира на темноволосого мужчину с фонарем, до этого момента державшегося в тени. Тот подошел ближе. Точно! Теперь Альдан видел эту схожесть черт лица и манеру держаться...

«Демоны! А ему мне что говорить?»

— Она написала, — произнес Диондор Нирааль слегка нерешительным голосом, — что у нее все в порядке. Что мне не стоит волноваться. Что она там, где о ней заботятся и помогают излечить... излишки ее Проклятья. — «Излишки ее Проклятья?!» — Что она вернется, как только излечится и сможет жить нормальной жизнью.

— Это просто плевок нам в лицо, — процедил Кагальзир. — Наглый, неприкрытый плевок! И все же, делая скидку на ее душевное неравновесие, я готов ее простить. Но для этого мне необходимо с ней увидеться и поговорить. И ты, юноша, можешь мне в этом помочь.

— Не уверен. — Альдан все же решил стоять на своем до конца.

Кагальзир смерил его оценивающим взглядом.

— Это в тебе говорит врожденная упертость или желание получить выгоду? Ну хорошо. Предлагаю компромисс, юноша. В Ордене Хранителей Триамны есть один адепт. Он обладает Благословением видеть чужие Благословения и Проклятья. Для этого ему достаточно лишь посмотреть на человека в течение нескольких секунд — и все, никаких тайн и загадок. Как тебе такое, Альдан? Ты ведь об этом мечтаешь последние годы, не так ли?

Альдан раскрыл рот.

— Как вы...

— Мальчик, я тебя умоляю. Подкупить парочку голодных школяров догадался бы на моем месте даже такой безголовый индюк, как ты. Итак, дважды повторять я не буду. Ты рассказываешь, где прячется моя невеста, и провожаешь меня к ней, а я в награду за это устраиваю тебе встречу с тем адептом. Слово архонта.

Альдан опустил глаза вниз, раздумывая над услышанным. Скорее всего, Кагальзир сказал правду. Скорее всего, он даже действительно выполнит обещание. Стоит ли упускать такой шанс узнать наконец все о своем Благословении и Проклятье?.. Сколько раз он мечтал об этом? Сколько раз давал себе обещание воспользоваться любой возможностью, лишь бы узнать истину?

Искушение было заманчивым.

Слишком заманчивым, чтобы просто так взять и отказаться.

Альдан нервно сплел пальцы рук. Ему еще ни разу в жизни не приходилось делать столь непростой выбор. Узнать истину о себе взамен на то, чтобы подтвердить догадки Кагальзира? Архонт ведь и без того почти на все сто уверен, что его невеста там, где-то наверху, в особняке... Да и отец наверняка имеет право знать, где нашла пристанище его родная — и, между прочим, единственная — дочь. Наследница рода.

Но вот только что будет с Шелиарой, если он раскроет ее местоположение? Ее заберут оттуда, почти наверняка. Заставят в ближайшие сроки совершить обряд бракосочетания — Кагальзиру ведь нужно место в Синклите, а, как поговаривают, его сформируют не позже, чем через неделю... Выдержит ли подобное Шелиара? Альдан подозревал, что нет. Ей действительно нужно еще какое-то время пожить в доме Герцога — иначе она либо сойдет с ума, либо найдет способ покончить с собой. А скорее всего, произойдет сначала первое, а потом и второе.

Альдан поднял глаза и уверенно встретился взглядом с архонтом Кагальзиром.

— Если Шелиара по каким-то причинам не желает вас видеть, это ее право. Боюсь, я не знаю, где она, и вообще не могу никак помочь.

Кагальзир и Диондор переглянулись. Затем, после недолгой паузы, архонт шагнул к Альдану и вкрадчиво спросил:

— Ты уверен в своем решении? Вполне возможно, это твой единственный шанс узнать правду о себе.

— Правда ценой предательства? К демонам такую правду.

Кагальзир вздохнул и покачал головой.

— Правда, цена, предательство... Ах, какие высокопарные слова! Что ж... Почему-то я так и думал, что этим оно и закончится...

«Закончится чем?..»

Альдан не успел обдумать мысль, как удар по голове чем-то тяжелым повалил его на землю.

«Ну да, — мелькнуло в его голове. — Как же иначе...»

Он успел поджать ноги, частично загородив грудь, а руками прикрыть голову, прежде чем град ударов посыпался на него.

Громилы избивали его молча и со знанием дела. Очаги яркой боли вспыхивали, один за другим, по всему телу. Альдан изо всех сил сдерживался, чтобы не издавать ни звука. Разорви его Сумерки, если он позволит этому архонту насладиться зрелищем своих стонов!

Боль разрасталась. Кажется, ему уже сломали пару ребер. Одна из дубинок проехала по лицу, заставив его кровоточить. Еще одна прошлась по спине. Пелена реальности для Альдана стремительно размывалась. Где-то вдалеке Кагальзир надрывался:

— ...встретишь ее, напомни, что она моя невеста! Законная невеста! Что я даю ей шанс раскаяться и вернуться!

«Ага, как же, — подумал Альдан сквозь океан боли. — Так она и побежит к тебе с распростертыми объятиями и мольбами о прощении...»

— Кагальзир, хватит. — Кажется, это был Диондор. — Достаточно с него.

Удар дубинкой по ногам. Затем еще один, по почкам...

— Ну уж нет! Пусть узнает, что бывает с теми, кто переходит мне дорогу!

Кто-то впечатал ему ботинком по икре — по всей видимости, для разнообразия.

— Кагальзир! Если твои люди сделают из него калеку, нам это никак не поможет.

— Ладно, — нехотя согласился архонт. — Парни, достаточно.

Те беспрекословно повиновались. Альдан вздохнул бы с облегчением, если бы мог. Грудь жгло огнем. Голова раскалывалась. Он еле дышал.

— Ты не представляешь, с кем связался, дурачок. — Голос Кагальзира внезапно раздался рядом с его ухом. — Мне достаточно лишь щелкнуть пальцами, и тебя вышвырнут из твоего Университета прежде, чем ты успеешь произнести целиком имя любого из Богов Рассвета. Подумай об этом на досуге. И кстати... Мое предложение остается в силе до завтрашнего дня включительно. Если вдруг образумишься — дай знать.

Из последних сил Альдан развернулся и смачно плюнул на сапог архонта. Тот хмыкнул, но, видимо, решил никак не реагировать.

— Ладно. Зря только время потеряли. Пошли отсюда, Диондор.

— Ты оставишь его здесь? В таком состоянии?

— А ты что, предлагаешь его в госпиталь отнести? Ничего, не умрет. Кости молодые, еще пять раз срастутся. А легкая взбучка лишь пойдет ему на пользу. Да, Альдан?

— С-сукин с-сын... — Альдан сплюнул кровью, но в этот раз промахнулся — архонт успел отойти.

— Видишь? — обратился Кагальзир к Диондору. — Все с ним в порядке. Идем.

Альдана заставил себя посмотреть вслед удаляющимся мужчинам. Диондор Нирааль, прежде чем двинуться с остальными, развернулся и взглянул на него.

Альдану показалось, что в глазах отца Шелиары читалась... благодарность? Уважение? Сочувствие?

Он не был до конца уверен.

К тому же, это было не так уж и важно.

Наверное.

— О Боги, — от ужаса Шелиара оцепенела и выронила кисть из руки, — что случилось?!

Альдан, пошатываясь, словно пьянейший из школяров, и придерживаясь правой рукой за дверной косяк, перешагнул через порог комнаты. Вид у него был — хуже некуда. Лицо в синяках и кровоподтеках, левая нога еле волочится, штаны, рубаха и плащ перепачканы...

Прежде Шелиара лишь однажды видела подобное зрелище — когда семилетней девочкой залезла на вершину самого высокого садового кедра, откуда открывался вид на окрестные улицы и переулки; в одном из них несколько парней измывались на каком-то не то калеккой, не то просто бездомным (она не успела как следует разглядеть). С тех пор у нее отчетливо, словно то случилось накануне, всплывали в памяти полные ужаса и боли крики, постепенно стихающие; торжествующий смех тех, кто избивал того несчастного. Шелиара надеялась больше никогда не видеть ничего подобного — впечатлений ей хватило с лихвой.

Но жизнь, видимо, решила иначе.

— Да ты же еле на ногах стоишь! — Шелиара схватила стоящую рядом с мольбертом кушетку, перенесла ее к порогу и помогла Альдану усесться. — Кто это с тобой сделал?!

Альдан махнул рукой, как будто она задала совершенно неважный вопрос. Отдышавшись, выдал:

— Тебе опасно здесь оставаться, Шелиара. Тебя ищут...

— Что? Кто ищет? О чем ты, Альдан?

— И он догадывается, что ты здесь...

— Он?

— Он.

Ледяной ужас пробежал по ее телу от пят до головы, когда она поняла, что — а точнее кого — Альдан имеет в виду.

Шелиара отскочила от Альдана на шаг назад. Ей резко захотелось выкурить немного алхимического табака. В смысле, еще немного.

— Так это... — В ее груди закипала священная злость. — Это *он* с тобой сделал? Это *его* рук работа?

— Это неважно. Важно, что тебе стоит подумать...

— Что значит неважно! — Шелиара всплеснула руками. — Еще как важно! Да как он посмел! — Мысли завертелись в ее голове безумным вихрем. — Я... да я эту сволочь из-под земли достану! Если он считает, что изумрудная мантия позволяет творить любые бесчинства, то он глубоко заблуждается!..

— Шелиара, успокойся. — Альдан говорил тихо, почти что шепотом: очевидно, на большее у него попросту не оставалось сил. — Он только и ждет, что ты помчишься к нему...

Запинаясь, Альдан принялся пересказывать ей встречу с архонтом под холмом. Шелиара слушала, не перебивая, даже когда он упомянул про Диондора. Девушка поймала себя на том, что испытывает к отцу двойственные ощущения — она и понимала его желание ее найти, и... не могла одобрить то, что он по-прежнему состоял в союзе с архонтом Кагальзиром.

«Боги, и зачем я вообще написала эту записку? Как всегда: сделала только хуже».

— ...Не помню, сколько я там пролежал, — подвел итоги Альдан. — Может, полчаса, может, час... Еле смог подняться... Полагаю, мне удалось своим видом заставить герцогских слуг утратить самообладание. — Альдан рассмеялся, но смех вышел слишком уж наигранным.

— Альдан... — Шелиара поняла, что испытывает неловкость. Он ведь уже не в первый попадает в неприятности из-за нее. — Прости меня, прошу. Я невольно втравила тебя во все это...

Альдан улыбнулся сквозь боль.

— Все нормально. Наверное. Ребра, зараза, болят, но это на время...

— Тебе надо обработать раны!

— Ну, меня ведь не ножами резали, обрабатывать особо нечего... — Альдан помолчал. Попробовал потереть рукой ушиб в районе виска, но быстро передумал. Затем помрачнел и произнес: — Он не остановится, Шелиара. Я боюсь, что в следующий раз он может подкупить кого-то из прислуги. Или запугать. Или попробовать оба способа... Как бы то ни было, этот особняк больше не безопасное для тебя место.

— Возможно. — Шелиара признавала его правоту. — Но где мне найти безопасное?

— Не знаю. Будь я богат, как Герцог... — Альдан не стал продолжать, но суть его мысли Шелиара уловила.

— Подождем, пока он вернется, — предложила Шелиара.

— Пожалуй, да, подождем...

В комнате повисло молчание.

Шелиара едва поборолла желание броситься к окну и выглянуть наружу, чтобы проверить, не столпились ли вокруг особняка люди Кагальзира. Что теперь будет? Кагальзир явно не отступится от своего. Он будет наблюдать и выжидать, как притаившийся в тени паук. А потом, как только появится подходящий момент, начнет действовать, и действовать со всей своей решительностью. Она с ужасом представила, как просыпается посреди ночи — и не от кошмара, но от того, как кагальзирова грома вломится внутрь дома.

Быть может, лучше сдаться добровольно? По крайней мере, так она избавит Альдана, Герцога и других от неудобств, что они испытывают... если, конечно, многочисленные синяки, ушибы и сломанные ребра можно назвать неудобством.

«Нет, это не выход. — Шелиара сжала зубы до скрежета. Кольцо на среднем пальце налилось холодом, волнами разошедшимся по всему телу. — Мы зашли слишком далеко. Не время поворачивать обратно. Нужно найти способ его перехитрить...»

Видимо, чтобы сменить тему на менее болезненную, Альдан тем временем принялся блуждать взглядом по комнате. Вскоре его внимание сконцентрировалось на картине, которую Шелиара почти что закончила в его появлению.

— Ого... — В его голосе послышалось неподдельное восхищение. — Это же тоже... из твоих кошмаров? Тот мужчина, что первым появился в магической сфере, правильно?

Шелиара кивнула. Ей польстило, что Альдан запомнил ее сон в таких деталях. К тому же, она и сама осталась довольна картиной: казалось, мужчина сейчас сбросит с себя цепи и оковы и шагнет из тьмы напрямиком в комнату. Особенно ей нравилось, как удалось отобразить этот необычный цвет волос: вызывающе-снежный, даже в этой почти что непроглядной темноте. Шелиара, пожалуй, даже гордилась этой работой — из всех предыдущих (а это была уже четвертая, после лестницы, круглой комнаты и старухи со сферой за столом) эта наиболее точно передавала то, что она видела. «Исхудавший, но не

сломленный» — так бы Шелиара окрестила это полотно.

— Думаешь, он существует на самом деле? — спросил у нее Альдан, не отрывая взгляда от картины. — Этот беловолосый узник?

— Не знаю, — честно ответила Шелиара. — Вполне возможно. Мне ведь зачем-то его показали? Если во всем этом нет никакого смысла, то я тогда вообще ничего не понимаю. Хотя... я и так ничего не понимаю.

— Ну, тут я полностью разделяю твои чувства. — После длинной паузы Альдан сказал: — Впрочем, кто из нас может похвастаться тем, что по-настоящему что-то понимает в этой жизни? Особенно когда речь касается чего-то... нематериального. — Альдан снова помолчал, беспорядочно скользя взглядом по комнате. Наконец, его глаза замерли. — Знаешь, — задумчиво произнес он, — говорят, что раньше были люди, которые понимали сны. Умели объяснять их значения, какими бы мудреными те ни были.

Шелиара покосилась на него со смесью непонимания и заинтересованности.

— О чем это ты?

— Я имею в виду Толкователей Аркан, — пояснил Альдан, и Шелиара изумленно открыла рот. — Только вот кого ни спроси, никто не знает о таких в наши дни... Видимо, они уже все вымерли.

— Вообще-то не все.

Альдан повернулся и вопросительно посмотрел на нее.

— Секундочку. А ты что имеешь в виду?

* * *

— Вы окончательно умом тронулись? — спросил Герцог, пристально посмотрев сначала на Альдана, потом на Шелиару. Йолая промолчала, поправляя пальцами белую астру в высокой прическе, но и в ее глазах читалось безмолвное «в своем ли вы уме».

Они вчетвером сидели в столовой комнате первого этажа особняка и вроде как ужинали; правда, к еде особо никто не притронулся. Что, в принципе, было вполне логично в свете случившихся событий.

— Нет, ну правда, — не унимался Герцог, буйно жестикулируя зажатými в руках ножом и вилкой. — Как вам вообще такое в голову пришло?

Альдан решил взять инициативу на себя, несмотря на то, что говорить было по-прежнему тяжело. Да и не только говорить: любое его движение отдавалось вспышками боли по всему телу.

— Помнишь, я спросил у тебя днем, не знаешь ли ты...

— Толкователя Аркан. Ну и?

— Оказалось, что у Шелиары родной дед занимался этим почти всю сознательную жизнь. Была, правда, небольшая проблема: он редко бывает в здравом уме.

— Да уж, действительно, небольшая, — не удержался Герцог.

— ...Но тогда я вспомнил кое-что из того, что читал на днях в Библиотеке. Уточнил у Шелиары и выяснил, что его приступы здравомыслия случаются примерно раз в четыре недели.

— И? — Похоже, Герцог не понимал, к чему он клонит.

— И я понял, что исследования в древних шаугримских монастырях не подвели меня.

Герцог и Йолая синхронно приподняли брови.

— Шаугримские исследователи выяснили, — пояснил Альдан, — что у некоторых

людей, по тем или иным причинам страдающих от слабоумия, наблюдаются «просветления» в дни полнолуний. Из-за каких-то особых лунных энергий... не важно. Мы с Шелиарой выглянули за окно и убедились, что уже послезавтра луна будет почти полной. Ну а дальнейшие выводы напрашивались сами собой. В общем, путешествие в Танаан поможет решить сразу две проблемы. С временным пребыванием и объяснением ее кошмаров.

Герцог и Иолая переглянулись между собой.

— Это, мягко выражаясь, чересчур рискованная затея, — наконец высказала свое мнение Иолая. — И недешевая.

Альдан кивнул.

— Зато единственная, которая может решить хоть часть проблем. А насчет денег... Я отнес в Библиотеку «Военные Хроники Южных Земель», и Алабастиан вернул мне серебряный медальон, под залог которого я брал эту книгу. Если заложить его в ломбард...

— Даже не думай, — предостерег его Герцог, зловеще скрестив нож и вилку. — Я пообещал Шелиаре свое покровительство, и я не посмею нарушить данное слово. На всякий случай уточню: мне уже никак не отговорить вас от этого безумнейшего предприятия, да? Понял, понял. Ладно, рискну поверить на слово, что затеянная вами игра стоит свеч. Сделаю все, что в моих силах. — Герцог торжественно улыбнулся и, положив приборы на край стола, потер руки. — Готовьтесь, юные путники — этой ночью вам будет не до сна.

Девятьсот семьдесят восемь лет назад

Кэйрмар, старший телохранитель генерала-императора Норгаара, стоял рядом с его величеством на вершине Обзорного Холма и, в бессилии сцепив руки, наблюдал, как внизу, на бескрайних Мертвых Равнинах, объединенные армии Юга терпят сокрушительный крах.

Увы, сельвидийцы оказались куда более серьезным противником, чем они могли вообразить. Казалось, что двое с половиной суток битвы ничуть не измотали воинов пустынного Востока — все так же удерживали переправу в центре сельвидийские всадники, разделяя поле боя на два разрозненных фланга; все столь же яростно сражались в дальней части правого фланга копейщики Набут-тан-Ниба, раз за разом отбрасывая от Иссохшей реки отряды даньязских рыцарей; все так же неостановимо напирали на левом фланге сельвидийские пехотинцы, ведомые эмирами Азар-тан-Наром и Ган-тан-Сарром. С каждой минутой, проведенной на вершине Холма, Кэйрмару становилось все сложнее отрицать очевидное.

Что поражения не избежать.

И все же Кэйрмар не терял надежды. Впиваясь глазами в поле битвы, воин-телохранитель выискивал в нем малейшие признаки слабости в сельвидийских армиях. Пытался найти слабое звено в сжимающейся вокруг их армий железной цепи воинов султана. Он знал: надежда есть всегда. Быть может, на каком-то из флангов точным выстрелом удастся убить одного из эмиров, или стрелковые конные отряды выдвинутся слишком далеко вперед и гальтийскому полку меченосцев удастся окружить их...

Ну же!

Хоть одна зацепка, самая незначительная...

Однако ее не было. Несмотря на свою огромную численность (по различным сведениям, от ста семидесяти до двухсот сорока тысяч, и это не считая обозов), войско сельвидийцев действовало так слаженно, словно являлось единым живым организмом, в котором каждая часть тела взаимодействует с остальными. Сельвидийские военачальники не допускали ни единой оплошности. По крайней мере, такое складывалось впечатление.

Император Норгаар, не отрываясь от подзорной трубы, повернул голову налево, устремив взгляд к дальнему флангу. Кэйрмар присоединился к нему. Плотная завеса дыма, вызванная многочисленными пожарами в обозах, мешала обзору, но даже сквозь нее императорскому телохранителю было видно, как сотни и сотни солдат бросают серозеленые знамена и пытаются спастись бегством через весь этот хаос. Сопrotивление гергельярцев окончательно развалилось. Теперь кирикийцы и триамнийцы останутся без прикрытия. А это значит, что конец стал еще ближе.

Еще неотвратимее.

— Гергельярцы. — В голосе генерал-императора звучала горечь. И презрение. — Ты только посмотри, Кэйр, как они удирают. Жалкие, трусливые дураки. Их же все равно перебьют, разве они этого не понимают...

Норгаар опустил трубу, тяжело вздохнул и покачал головой. Кэйрмар подметил, что вид у императора был удрученный. Даже в своих блистательных доспехах, покрытых золотой эмалью, белом плаще и крылатом короновидном шлеме генерал-император Норгаар больше

не производил впечатления человека, воплощающего собой всю стойкость и праведную силу Объединенных Южных Армий.

— Где шаманы? — спросил император не то у Кэйрмара, не то у одного из стоящих позади младших телохранителей и адъютантов, не то сам у себя. — Где их обещанный ливень, что «обрушится, вопреки ясному небу, на головы врагов»? Куда делись шаугримские стрелки, что должны прикрывать даньязских рыцарей? Почему кирикийские князья до сих пор не могут объединиться и отбить отмели? — Император опустил голову и свободной рукой прикрыл лицо. Похоже, отчаяние завладело им целиком и полностью. — Тот жрец оказался прав: все это — наказание за наши грехи и грехи наших отцов... Нам не остановить джихад. Все кончено.

С этими словами, от которых у Кэйрмара в сердце словно что-то надорвалось, генерал-император развернулся и, бросив трубу одному из стоящих неподалеку штабных генералов, направился прочь.

В тот момент Кэйрмар внезапно осознал: это неправильно.

Битва еще не проиграна.

Нельзя вот так просто опустить руки.

— Ваше величество! — закричал Кэйрмар и бросился следом за императором, не обратившим внимание на его окрик. — Подождите!

Он ускорился и нагнал императора. Даже рискнул остановить его, схватив за плечо.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер, это всем известно.

— Чего тебе, Кэйр? — раздраженно спросил Норгаар, развернувшись.

— Ваше величество, неужели вы сдадитесь так просто?

— Так просто?! — Окотив его свирепым взглядом, Норгаар упер дрожащие руки в бока. — Я почти полтора года сражаюсь с сельвидийцами! Ты был со мной все это время, Кэйр, ты видел все собственными глазами! И ты прекрасно знаешь, что эта битва была нашим последним шансом что-то изменить. То, что происходит сейчас — ее закономерный итог; мы знали, что сельвидийцы превосходят нас как численностью, так и слаженностью. Мы сделали, что могли. И теперь можем лишь достойно проиграть.

— Может быть, еще не все потеряно. — Слова прозвучали несколько наивно, но Кэйрмар не знал, что еще сказать, чтобы убедить императора повременить. Он никогда не считал себя хорошим оратором.

— О чем ты, Кэйр? Взгляни вокруг. Резервов больше нет. От реки нас отбросили на всех флангах. Ближний левый фланг теперь без прикрытия. Еще от силы часа три, и все до одной армии обратятся в бегство. Что ты предлагаешь сделать, чтобы остановить это? Ну?

Кэйрмар потупил взгляд. Действительно, а что именно он может предложить? Они испробовали за эти двое с половиной суток все, что только можно — от шпионажа и ночных налетов до самых изворотливых тактических маневров, которым позавидовали бы величайшие стратеги минувших эпох — ничего не принесло значимого успеха. Ничто не способно было сломить напор сельвидийской лавины.

Не дождавшись ответа, император хмыкнул, подтверждая свою правоту, и зашагал в шатер. Ни адъютанты, ни другие телохранители, ни генералы-десятитысячники — никто не пытался остановить его. Кажется, все осознавали неизбежность поражения. Кэйрмар некоторое время постоял на месте, обдумывая слова Норгаара, затем вернулся на прежнее место на краю Холма. Вновь окинув размашистым взглядом поле битвы, он сосредоточился. Сделал глубокий вдох полной грудью и отбросил в сторону все лишние мысли. Только битва.

Только воины Юга против солдат Востока.

«Где-то должна быть зацепка», — убеждал он себя.

Дальний правый фланг... Нет. Там все безнадежно. Ближний правый? Тоже все плохо — шаугримские панцирники, лучники и последние из аккаовских военных племен едва сдерживали натиск легкой сельвидийской пехоты, прикрываемой пращниками. Кэйрмар сосредоточился на центре. Там, в отличие от флангов, все было относительно спокойно. По крайней мере, гальтийцы удерживали позиции. Сельвидийская конница не подпускала никого к реке, и даже тяжеловооруженная пехота позади, что перекрывала путь к дальним холмам, оставалась не у дел. А их там тысяч восемь, не меньше. Кэйрмар задумался над тем, почему сельвидийцы не пытаются развить превосходство в центре, как они это делали вчера и позавчера. Выпустив вперед тяжелую пехоту, они уже давно закрепили бы достигнутый успех и устроили полнейший разлад в армиях Юга.

Почему же они так до сих пор не сделали?

Может быть, эта пехота нужна для других целей?

Кэйрмар попробовал разглядеть, что же находится позади пехоты, на покатых склонах холмов. К счастью, зрение у него было отменное. Когда Кэйрмару, наконец, удалось понять логику сельвидийцев, он улыбнулся. Теперь все становилось на свои места. Сельвидийцы не хотят выводить пехоту из центра далеко вперед, чтобы не оставить без прикрытия самый элитный отряд армии.

Бессмертную Гвардию.

А где Бессмертная Гвардия, там и сам султан. Великий лидер великой нации, что якобы должна владеть всем миром. Истинный сын истинного Бога Неба и Земли. Похоже, на третий день битвы Кабуддарим А'Шаддар решил лично понаблюдать за тем, как его войска громят неприятеля. И сельвидийцы, зная, что победа у них в руках, не высовываются в центре без лишней необходимости, чтобы обеспечить ему максимальную защиту... Свести риск до минимума.

Догадка, простая и единственная, осенила Кэйрмара, заставив развернуться и со всех ног побежать в шатер генерал-императора. Два младших телохранителя у входа попробовали было сказать ему, что Норгаар приказал никого не пускать внутрь, но Кэйрмар даже не стал тратить время на перебранку, просто отстранил от себя копыта и вошел внутрь.

Норгаар сидел за столом перед широкой рельефной картой Мертвых Равнин и пил вино из серебряного кубка. Кэйрмар обратил внимание, что под столом валяются несколько деревянных фигур, прежде обозначавших на настольной карте гергельярские армии — видимо, Норгаар смахнул их. Увидев Кэйрмара, император закатил глаза.

— Силы небесные, Кэйр, ты можешь оставить меня в покое?! Мое терпение не безгранично, в самом деле!

— Ваше величество, мы все еще можем попытаться выиграть!

Император ничего не ответил, только покачал головой и выпил вина. Кэйрмар пустился в объяснения:

— За сельвидийской конницей и тяжелой пехотой в центре находится Бессмертная Гвардия, я разглядел ее знамена. И султан там же!

— Я рад за него, — грустно сказал император и поставил опустевший кубок на стол. — Нам-то что с того?

— Ваше величество, это наш шанс! Мы можем попробовать перегруппировать силы и добраться до самого султана! Сельвидийцы ведь считают его Полубогом!

Норгаар налил себе еще вина из кувшина.

— Сельвидийцы, наверное, правы, что так считают, — наконец ответил генерал-император. — Ты сам видел их силу. Их ничто не останавливает, даже наши объединенные армии. Кто тогда этот султан, если не Полубог?

— Человек! — отрезал Кэйрмар. — Такой же, как и мы. Смертный из плоти и крови!

Император наконец посмотрел на него с некоторым интересом.

— Так вот что ты предлагаешь... — Норгаар, поразмыслив, склонил голову к плечу. — Но как ты доберешься до него? За изгибом Иссохшей реки десять тысяч конницы и еще почти столько же тяжеловооруженных солдат, не говоря про саму Бессмертную Гвардию. Даже если каким-то чудом нанести по ним удар... Боюсь, к султану не подобраться даже на расстояние выстрела из лука. Послушай... — Отставив в сторону кубок, император подался вперед. — Ты доблестный воин, Кэйрмар, я знаю, ты не любишь признавать поражение... но все же смирись. Алые Боги твоих отцов оставили нас. И Всематерь вместе с ними. И Судьбоплеты...

То, что император вот так просто перечислял в одном ряду всех божеств Юга, было тревожным знаком. Очень тревожным.

— Мы ничего не потеряем, если попытаемся, разве нет?! — Кэйрмар никогда прежде не позволял себе разговаривать с императором в таком тоне. Потом он обязательно извинится, как только предоставится возможность. *Если* предоставится возможность. — Так почему еще немного не побороться?! Разве не об вы постоянно говорили воинам?!

— Ну хорошо, хорошо. — Император не выдержал напора. — Что конкретно ты предлагаешь?

Кэйрмар принялся спешно излагать план, который успел набросать в уме на ходу. Единственный, по его мнению, вариант, в котором можно было надеяться урвать победу.

Дослушав его, император Норгаар долгое время молчал.

Несколько генералов-десятитысячников заглянули было внутрь шатра, но Норгаар отослал их прочь взмахом руки. На его лице читались тяжкие раздумья. Муки выбора.

Спустя долгую вечность император посмотрел Кэйрмару в глаза.

— Шансов мало.

— Но они есть. И лучше их использовать, чем ждать, пока вслед за гергельярцами побегут остальные.

— Хорошо, Кэйр. — Усталость в голосе императора теперь перемешивалась с робкой надеждой. — Попробуем воплотить это безумие в жизнь. Я отдам приказы. Иди и начинай собирать людей, что пойдут с тобой на верную смерть.

Когда прозвучал сигнал, Кэйрмар приподнял голову и огляделся.

Вокруг него, все на лошадях и при оружии, собрались девять человек. Девять великих воинов Юга. Именно их Кэйрмар выделил среди прочих; именно с ними он намеревался добраться в самое сердце сельвидийского войска.

Кэйрмар лично знал каждого. Вот Алькейм, облаченный в серебристые доспехи — храбрейший из даньязских рыцарей; они состязались двенадцать лет назад на турнире в Эрьязе, а потом всю ночь пили вино. Вот в костяных нагрудниках и шлемах восседают на своих жеребцах аккаовские братья-близнецы, Чаурч и Инджаурч, которых ему в свое время пришлось одолеть в поединке за право призвать их племя на войну. Вот два гальтийца: неудержимый полковник Калламар и молодой королевский знаменосец Эльсар нор Керрано;

оба ветераны Второй Кирикийско-гальтийской войны, оба успели проявить себя и на этих злосчастных Равнинах. От Кэйрмара не могло укрыться, как гальтийцы с толикой неприязни косились на Хезиральда, одного из двенадцати младших кирикийских княжичей. Тот сидел на своем коне с гордо поднятой головой (не взирая на то, что она была перевязана бинтами) и старательно игнорировал гальтийцев. Кэйрмар наблюдал за ним во вчерашнем бою за отмели и мог с уверенностью сказать, что этот кирикиец пойдет с ними до конца. Справа от княжича на вороной кобыле восседал Шальбир, лучший из ксенгеров — гергельярских мастеров ножей. Наконец, ближе всех к Кэйрмару находились двое триамнийцев: Гимельдан-стрелок и Айзаир — темноволосый гигант с громадным щитом и огромным цепом.

Девять человек. Десять, если вместе с ним. А впереди их арьергарда — почти пять тысяч конных солдат, готовых к яростному, безумному броску. Плащи самых разных цветов и оттенков свешивались по их спинам. Гордо реяли боевые стяги — от триамнийского жаворонка до шаугримской паутины на человеческой ладони.

Кэйрмар заметно нервничал, что случалось с ним довольно редко. Видимо, сказывалось осознание того, что от успеха их предприятия зависели жизни тысяч и тысяч людей Южных земель. Так много на кону... Такая ответственность. Несмотря на множество войн и мелких сражений, в которых Кэйрмар успел принять участие, ему прежде не приходилось нести на плечах столь тяжелый груз.

«Все или ничего... Все или ничего», — повторял он про себя, словно мантру.

Подняв голову, Кэйрмар взглянул на Обзорный Холм, где располагалась ставка главнокомандующего. Где, глядя на их конницу, стоял сам Норгаар, и плащ его развевался за спиной подобно гигантскому белому крылу. Только теперь рядом с генерал-императором стоял не он, а другие телохранители. А неподалеку от них — императорские старшие офицеры, советники и прочие лизоблюды. Даже этот треклятый кирикийский летописец, вечно путающийся под ногами, высовывается вперед остальных и все что-то строчит своим пером на пергаментных свитках.

Кэйрмар обернулся, краем глаза заметив движение. Один из конных шаугримцев откололся от своего отряда и направился к нему. Кэйрмар встретил его без особой радости. Шаугримцы. Такой странный и такой скрытый народ. Если бы не джихад, грозящий всему Югу, они нипочем бы не стали союзниками. И чего ему могло понадобиться?

Приблизившийся к нему мужчина был немолод — разменял по меньшей мере пятый десяток. Седина блестела в его выползающих из-под шлема волосах и окладистой бороде. Одет он был в типичную шаугримскую темно-серую пластинчатую броню с коротким плащом; за спиной покоилось копьё, а из ножен на поясе выглядывал на редкость изящный эфес меча.

— Это же твоя затея, телохранитель императора? — спросил шаугримец на Южном Диалекте почти без акцента.

— Возможно, — осторожно ответил Кэйрмар. — И что с того?

— Убить султана — хороший план, — одобрил шаугримец, не обращая внимания на хмурые взгляды окружающих. — Только вот как именно ты планируешь его убить? Надеешься на меткость одного из них? — Шаугримец кивнул головой на Хезиральда и Гимельдана, за чьими спинами висели луки и колчаны со стрелами.

— У тебя есть предложение получше?

— Предложение? Да нет. Просто... возможно, я смогу вам помочь. Я четыре

десятилетия прожил в Сером Монастыре и знаю некоторые Истинные Слова.

— Истинные Слова? — Кэйрмар где-то и когда-то слышал про мистические знания шаугримцев, что держат в строжайшем секрете. Якобы, в умелых руках они даже опаснее, чем шаманские напевы. Только если это так, то почему армии шаугримцев, как и все остальные, проигрывали сельвидийцам почти в сухую?

— Истинные Слова, — повторил шаугримец, кивнув. Затем добавил: — Ты не очень мне веришь, воин императора, да?

— Дело не в том, верю ли я тебе, — пояснил Кэйрмар. — Дело в том, насколько это может нам помочь. На что способны эти твои Истинные Слова? Они посеют панику во вражеских рядах? Обрушат молнии на пехотинцев? Слепят гвардейцев?

— С последним ты почти угадал. — После затяжной паузы шаугримец сказал: — Просто... будь готов.

В этот момент где-то далеко впереди взревели рога. Этот сигнал означал, что сельвидийская конница заглотила приманку, и теперь путь к тяжеловооруженной пехоте в центре становился открытым. Пора.

Шаугримец, имя которого Кэйрмар не спросил, вернулся в конец хвоста конницы, к своему отряду.

— Воины Юга! — выкрикнул Кэйрмар, и десятки, если не сотни всадников обернулись к нему. Не все они понимали Южный Диалект, но это было и не важно. — Вы знаете, для чего мы здесь собрались. Вы знаете, что нынче лежит на весах! — Некоторые передавали его слова по цепочке тем, кто не мог их расслышать. — И вы знаете, что для нас теперь есть лишь один путь к победе — вперед, вперед и снова вперед! Сквозь фаланги сельвидийской пехоты, сквозь якобы бессмертных гвардейцев — к проклятому землей и небесами человеку по имени Кабуддарим. Это наш последний шанс доказать, что земли Юга принадлежат нам! И мы не упустим его! За всех, кто нам дорог! За всех, кого мы любим! Вперед!

— Вперед!.. — подхватили его клич сотни всадников, поднимая в воздух копья и мечи.

Кэйрмар заставил себя улыбнуться, хоть это и далось ему с невероятнейшим трудом. Это было нужно остальным. И все это понимали.

Рога зазвучали вновь, еще громче, чем прежде.

Конь под Кэйрмаром заржал и дернул передним копытом.

Время пришло.

Они неслись ураганным вихрем, все быстрее и быстрее.

Тысячи лошадиных копыт молотили землю, подбрасывая в воздух стойкие клубы пыли. Тысячи обнаженных клинков и наконечников копий сверкали в солнечном свете, ослепляя врага по ту сторону реки. Тысячи людских потоков слились в едином надрывном кличе, воспевающим богов и богинь Юга и предрекающим смерть султановским отродьям.

Кэйрмар бросил взгляд направо: несколько сотен сельвидийских всадников серпом окружали рвущиеся к реке колесницы последних вождей Аккао, пока пехотинцы сдерживали гальтийских панцирников. Скоро колесницы падут. Но этого «скоро» может и хватить.

Должно хватить.

Они продолжали нестись вперед.

Кэйрмар отметил, что видимость все ухудшалась, словно бледновато-пепельный кокон окутывал их конницу со всех сторон... Призрачный туман!

Воин-телохранитель изогнул губы в подобии улыбки. Шаманы все-таки справились. Это хоть немного, но добавляло им шансов на успех. Интересно, надолго ли его хватит?

Они продолжали гнать лошадей. Кэйрмар видел, несмотря на туман, как конница впереди вклинилась в передние фаланги сельвидийской тяжелой пехоты, как нож в сыр, и теперь намеревалась прорезать ее насквозь. Интересно, султан или его эмиры-военачальники догадались, в чем дело? Может, Кабуддарим уже оседлал коня и теперь скачет быстрее ветра либо в тыл, либо под прикрытие на один из флангов?.. Кэйрмар подозревал, что это маловероятно. Крайне маловероятно. В свое время он неплохо изучил сельвидийскую культуру. В подобной ситуации султан просто-напросто не имеет морального права отступить — это будет означать, что он вовсе не всемогущий сын Бога Неба и Земли, а жалкий смертный. И именно поэтому у их безумной затеи есть шанс.

Кэйрмар гнал коня вперед, наблюдая через туманную пелену за тысячами закованных в кожу и железо солдат с щитами и отточенными ятаганами. Желто-шафрановые знамена устремлялись ввысь, хотя некоторые уже пали. Откуда-то слева в воздух взвилось темное облако стрел — видимо, сельвидийские конные лучники пытались приостановить их натиск. Наивные.

Туман сгустился. Кэйрмар теперь едва видел девятерых всадников вокруг себя. Приходилось полагаться на слух. И инстинкты.

В скором времени лязг оружия и крики умирающих начали доноситься не только спереди, но и с боков. По всей видимости, вражеская пехота просела, но теперь пыталась сжать их конные отряды с трех сторон. Вот, все чаще и чаще под копытами лошадей стали попадаться трупы — пока что преимущественно чужие. Кэйрмар подозревал, что вскоре число трупов сельвидийцев и южан сравняется.

Так и оказалось.

Туман тем временем начал рассеиваться — увы, шаманы оказались не всемогущими. Но это и не страшно — главное, он прикрыл их от возможного удара в спину. Все больше трупов оказывалось на их пути. Все больше лошадей без всадников, в безумии мечущихся по полю боя. Все больше крови и предсмертной агонии. Не обладай Кэйрмар таким военным опытом, он бы уже давно потерял нужное направление.

Солнце засветило в полную мощь, и кровавая, ожесточенная резня тотчас показалась

впереди — немногочисленные конные сотни сражались с последними фалангами сельвидийских пехотинцев за право выхода на холмы. Шаугримские отряды прикрывали Кэйрмара и его девятку от атаки с боков. Сколько они продержатся? Очевидно, что недолго.

— Вперед! — закричал Кэйрмар во всю мощь своей глотки, но крик этот затерялся во множестве других звуков.

Хезиральд и Гимельдан принялись стрелять из луков, внося свою лепту в прорыв к холмам. Кэйрмар опустил забрало шлема и, вытащив из ножен меч, глубоко вдохнул.

«Пора».

Ценой тысяч людских жизней они все же прорубили путь через последние фаланги пехотинцев.

Впрочем, враг не разбежался, но лишь усилил натиск со сторон. Однако путь на холмы оказался открытым. А именно на это Кэйрмар и рассчитывал.

Воин-телохранитель бросил взгляд вперед.

Вон они, буквально в полусотне шагов, на покатых землистых склонах — облаченные в иссиня-черные доспехи и крытые шлемы, с длинным ятаганом в каждой руке. Боевое знамя из перекрещенных клинков на золотом фоне не обманывало: это действительно Бессмертные Гвардейцы, выполняющие одну-единственную задачу: защитить своего божественного господина. Кэйрмар даже знал их точное число — дюжина дюжин. Меньше, чем восемь тысяч пехотинцев. Но все равно немало.

Что могут десять человек против почти полутора сотен элитнейших воинов Востока?..

«Нас осталось слишком мало», — мрачно подумал Кэйрмар.

Составляя план, он надеялся, что часть уцелевших конных воинов сможет присоединиться к атаке гвардейцев. Все вышло иначе. Растянувшись полукольцом, около семи десятков всадников (многие из которых уже остались без коней) едва сдерживали натиск пехотинцев. На сколько их хватит? Кэйрмар подозревал, что очень ненадолго. Две минуты? Три? Пять?..

Кэйрмар спешил, и его примеру последовали остальные девятеро — сражаться верхом против гвардейцев представлялось довольно глупой затеей. Телохранитель устремил взгляд вперед, за плотные ряды гвардейцев, и увидел, что искал.

Султан восседал, как и положено, на блистающем переносном троне, приблизительно в полутора сотнях шагов вверх по главному склону.

— Хезиральд! Гимельдан! — Кэйрмар окликнул лучников. — Вы видите?!

Те кивнули, уже натягивая тетиву. Они знали, что делать. Оставалось полагаться лишь на их мастерство — никакого другого выхода Кэйрмар не видел.

Огибая ползущие вдоль склона заросли колючего кустарника, две дюжины гвардейцев уже спускались к ним с обнаженными клинками. Хезиральд и Гимельдан выстрелили одновременно, и вот первые двое, получив по стреле в горло, рухнули мертвыми, доказывая, что не такая уж гвардия и бессмертная. Следом за лучниками в бой вступил Шальбир: распахнув плащ, ксенгер вскинул в воздух с десятков ножей. Мгновение — и ножи устремились к наступающим гвардейцам сверкающими вспышками. Лучники еще не успели выстрелить во второй раз, как семеро гвардейцев свалились мертвыми — Шальбир не зря считался лучшим гергельярским мастером ножей. Еще двое гвардейцев приостановили шаг, получив ранения в грудь. Сколько у Шальбира ножей? Кэйрмар подозревал, что не так уж и много. Уж точно меньше, чем гвардейцев.

Тем временем уже три дюжины гвардейцев спускались к ним по широкой дуге с левой стороны холма. Чаурч и Инджаурч загорланили что-то на akkaовском и бросились им навстречу. Алькейм, чуть помедлив, бросился следом за ними. Затем вперед устремились гальтийцы: Калламар, размахивающий громадным двуручным мечом, и Эльсар, гордо несущий знамя-копье с изображением Всематери. Айзаир расположился справа и вскинул щит, готовясь отбиваться от остатка первых двух дюжин гвардейцев. Кэйрмар подбежал к лучникам.

— Сейчас! — прокричал он. — Когда дальняя дюжина начнет спускаться!

Разбитые по дюжинам гвардейцы тем временем уверенно спускались вниз, очевидно, желая как можно скорее разобраться с обнаглевшими южанами. Вот уже можно было разглядеть не только сидящего на троне султана, но и троих мужчин в пестрых одеждах, с золотыми тюрбанами на головах, неподалеку от трона.

«Визири».

Кэйрмар ждал, затаив дыхание...

Да. Дальняя дюжина наконец начала спускаться следом за остальными. Они отошли всего лишь на десяток шагов от трона, но этого было достаточно. Гимельдан и Хезиральд выпустили несколько стрел в ближайших гвардейцев, а затем, не сговариваясь, подняли луки чуть выше и спустили тетиву.

Время будто приостановилось.

«Все или ничего...»

Две стрелы взлетели в воздух и понеслись к настоящей цели, оставшейся в неподвижности сидеть на троне. Кэйрмару показалось, что он отчетливо видит, как в глазах султана появляется страх от осознания того, что вот он, его конец... Стрелы летели точно в него — увернуться султан не мог; гвардейцы также не успевали вернуться к нему. Кэйрмар улыбнулся, уже предвкушая, как...

Один из визирей резко прыгнул влево и загородил собой Кабуддарима. Две стрелы вонзились ему в грудь, и он тотчас же упал замертво. Одна из дюжин гвардейцев, осознав, что произошло, бросились обратно и создали живой щит, закрывающий султана со всех сторон.

— Нет... — в ужасе пробормотал Кэйрмар, делая шаг назад. — Нет!

«Боги, почему?!»

Это был полный крах. Они упустили свой единственный шанс. Теперь до султана не добраться.

«Я подвел тебя, Норгаар...»

Злость охватила Кэйрмара, и, издав нечленораздельный крик, он бросился вперед, к собратям по оружию, что уже вступили в ближний бой с гвардейцами. Что еще им теперь оставалось, кроме как сразиться и достойно умереть? Норгаар оказался-таки прав.

Кэйрмар выскочил посреди кроваво-стального хаоса, заполняя пустоту между Алькеймом и akkaовскими воинами. Меч в его руки завертелся, словно мельничные лопасти, и с лязгом встретился с ятаганами гвардейца. Похоже, тот ожидал, что южанин уйдет в защиту, но уж никак не столь стремительной атаки. Кэйрмар завертелся бешеным зверем, ныряя и выныривая между вражескими ятаганами. Гвардеец попытался достать его, нанеся удар крест-накрест, но Кэйрмар оказался проворнее, успев ткнуть противника под сердце. Доспех гвардейца не выдержал, и тот свалился замертво.

Следующий противник скрестил ятаганы, готовясь не повторить участь

предшественника, но, сосредоточившись на Кэйрмаре, вовремя не заметил меча Алькейма, молнией налетевшего сбоку. Кэйрмар успел кивнуть даньязскому рыцарю.

Воспользовавшись короткой передышкой, воин-телохранитель огляделся. Из его «десятка» еще никто не погиб, но дела шли довольно скверно: Эльсар нор Керрано, истекая кровью, уже упал на одно колено, но все же продолжал с нечеловеческой яростью вертеть копьё-знамя, раз за разом отбрасывая гвардейцев назад. Чаурч и Инджаурч затерялись где-то впереди и попали в окружение, но продолжали неистово орать и не менее неистово сражаться. Один лишь Калламар, казалось, не испытывал затруднений, играючи проламывая строй противника и раз за разом разрубая своим гигантским двуручником сельвидийцев. Не успел Кэйрмар порадоваться за него, как один из «мертвых» гвардейцев, оставшихся за спиной Калламара, приподнялся и, выбросив вперед руку, всадил в спину гальтийскому полковнику ятаган. Тот замер, и трое гвардейцев тут же бросились на него, как волки на беззащитную жертву. Через секунду Калламар пал.

«Нам не выстоять...»

Кэйрмар взмахнул мечом и, крутанувшись, отсек новому противнику правую руку по локоть. Затем отступил назад, чтобы помочь Алькейму, сражающемуся с тремя гвардейцами одновременно: серебристый плащ стал кроваво-красным. Подныривая к противникам, Кэйрмар приготовился к новому танцу со сталью, когда случайный взмах ятагана разрубил его меч пополам. Отбросив бесполезную железку, воин отпрыгнул назад. Обезоруживший его гвардеец собрался было завершить начатое, но в этот миг точно пущенный нож Шальбира угодил ему прямиком в глазную прорезь.

Кто-то резко дернул его за плечо. Обернувшись, Кэйрмар увидел перед собой седовласого шаугримца — того самого, что разговаривал с ним перед тем, как все началось. Шаугримец, вне сомнений, был ранен и едва удерживался на ногах. Копья при нем не было. В правой руке он держал меч — меч, подобных которому Кэйрмар прежде не встречал. Отточенное лезвие длинного прямого меча будто светилось, переливаясь кроваво-рубиновым пламенем.

— Ты готов?! — прокричал шаугримец, протягивая Кэйрмару этот странный меч.

«Готов к чему?» — хотел спросить Кэйрмар, но не стал, вспомнив, как тот что-то говорил про Истинные Слова.

Кэйрмар кивнул, в легком недоумении принимая оружие, и шаугримец сказал:

— Тогда не дай им прервать меня!

Весь заляпанный кровью, шаугримец плюхнулся на землю, как на роскошный ковер, и, скрестив ноги, начал что-то бормотать. Кэйрмар ничего не понимал, но решил довериться этому незнакомцу — что еще оставалось делать?..

В доспехах было жарко — Кэйрмар чувствовал, как капли пота так и слетают со лба. Шлем затруднял обзор. И все же воин-телохранитель собрался с силами, чтобы развернуться и встретить новых врагов новым мечом.

Сражавшийся по левую руку Алькейм пошатнулся, когда один из гвардейцев, совершив обманный маневр, полоснул его по бедру. Стрела, пущенная кем-то из лучников (Кэйрмару было некогда оборачиваться), убила наглеца, но даньязский рыцарь потерял равновесие, и двое гвардейцев бросились на него с двух сторон. Кэйрмар бросился Алькейму на помощь, но не успел: один из ятаганов достал рыцаря. Тот упал молча, как статуя.

Кэйрмар занял место даньязца. Наступающим гвардейцам не было числа. Воин-телохранитель выбросил из головы все мысли. Остался лишь он сам, его новый меч,

поразительно легкий и проворный, и враги, которых нужно было убивать, чтобы не умереть самому.

Кэйрмар завертелся в новом танце смерти.

Он не отслеживал, скольких противников убил — лишь продолжал и продолжал вертеть меч рубинового пламени. Удар. Еще удар. Шаг назад. Обманный маневр. Удар... В какой-то момент где-то позади сквозь хаотичную мелодию боя стали различимы иноземные слова, будто таинственная, пробирающая до дрожи мелодия. Шаугримец будто бы распевал их на мотив какого-то шаманского напева. Каким-то неуловимым инстинктом Кэйрмар догадался, что мелодия Истинных Слов вот-вот закончится. Что будет потом? Отразив серию атак, Кэйрмар отскочил назад и внимательно — насколько позволяли эти мгновения — оглядел склон холма, все еще заполненный гвардейцами. Их осталось еще дюжины четыре — и одна из дюжин по-прежнему охраняла трон... Поняв, что мелодия Слов подходит к концу, Кэйрмар запомнил расположение врагов — будто бы угольным грифелем сделал несколько штришков на папирусе сознания.

А затем пришла Тьма.

В первый миг Кэйрмару подумалось, что он умер. Затем, поняв, что по-прежнему может думать, двигаться и слышать звуки, понял, что дело тут в другом. Эти Истинные Слова как-то изменили окружающее пространство, лишив его света. Одна лишь Тьма. И, видимо, не только для него.

Сбросив с головы шлем, Кэйрмар метнулся вправо, а затем вперед по склону, через тернистые заросли кустарника. Они кололи его через доспехи и одежду, но на такие мелочи Кэйрмар уже не обращал внимания. Слева от него, не понимая, что происходит, метались, натываясь друг на друга, гвардейцы. Кэйрмар бежал вперед, полагаясь на отточенное за десятилетия сражений чутье. Вот кустарники закончились — значит, он почти что добрался до вершины. Впереди раздался лязг клинков. Видимо, последняя дюжина, несмотря на временную слепоту, окружила трон султана плотным кольцом и приготовилась защищаться. Что ж, никто не говорил, что добраться до Кабуддарима будет просто.

Кэйрмар догадывался, что времени в обрез — если бы такая Тьма была вечной, они бы давно перевернули войну в свою пользу. Собрав воедино остаток сил, воин занес над головой меч и прыгнул вперед. Один из гвардейцев услышал его приближение и выкрикнул что-то предостерегающее. Ятаганы взлетели в воздух, чтобы заблокировать его удар, но Кэйрмар проворно юркнул вниз и подрубил ближайшему сельвидийцу ноги. Не дожидаясь, пока его место займет следующий, сделал два резких взмаха по сторонам, один из которых зацепил чужой ятаган, и сделал шаг вперед. Кэйрмар слышал, как визири о чем-то кричат султану — возможно, призывают его убежать... Глупцы, они лишь выдали его точное местоположение.

Ятаган просвистел в опасной близости. Кэйрмар толкнул плечом подрубленного гвардейца вправо, рубанул наискось, угодив одному из гвардейцев в грудь, и вновь шагнул вперед. И еще раз.

Тьма рассеивалась.

Кэйрмар вложил остаток сил в последний прыжок и решающий взмах...

Когда над остатками Бессмертной Гвардии засияло солнце, султан Кабуддарим А'Шаддар был пригвожден к собственному трону мечом рубинового пламени.

Истинный Сын Бога Неба и Земли умер, как простой смертный.

В выпученных глазах султана так и застыл ужас внезапного, непредвиденного

поражения.

Кэйрмар так и не понял, почему гвардейцы (а следом за ними и пехотинцы) не решились добить его после случившегося. Почему с воплями ужаса бросились в рассыпную вместо того, чтобы отомстить за своего полубожественного лидера. Может быть, просто испугались. А может, у них было какое-то предание о том, что убить Полубога способен лишь Бог. Неуязвимый Бог. В любое другое время такая мысль заставила бы Кэйрмара улыбнуться — но не сейчас.

Пошатываясь и спотыкаясь, воин-телохранитель плелся вниз по склону холма, волоча за собой сразивший султана меч. Трупы, в основном сельвидийские, засеяли все вокруг. Резко пахло смертью. Не обращая на Кэйрмара ни малейшего внимания, мимо проносились отряды пехотинцев. Где-то далеко вддали уже раздавалось ликование армий Юга... Или это ему мерещилось?.. Кэйрмар с трудом сохранял способность мыслить и двигаться, так что не мог сказать наверняка.

Он долго выискивал выживших среди своих. Постоял над трупами Чаурча и Инджаурча, что забрали своей свирепой атакой полторы дюжины гвардейцев. Покачал головой, увидев Айзаира, чья голова лежала в луже крови отдельно от тела. Затем подошел к человеку, что, несмотря на страшные раны, лежал, удерживая копьё-знамя нацеленным в небо. Всематерь на зеленой материи рыдала кровавыми слезами.

На миг Кэйрмар почувствовал себя предателем. Эти люди наверняка до последнего надеялись на него. Каждый из них — Кэйрмар был уверен — хотел выжить. Хотел бы отпраздновать победу. Вернуться домой...

— Ты славно сражался, юноша, — попробовал Кэйрмар подбодрить умирающего. — О тебе сложат песни и...

— К черту песни... — еле слышно ответил Эльсар нор Керрано, харкая кровью. — Прошу, позаботься... о моем мальчике... и супруге...

— Конечно позабочусь, — соврал Кэйрмар умирающему, затем принял из его рук знамя и бережно положил рядом с телом. — Спи спокойно, воин.

Отряд сельвидийских конных стрелков промчался мимо него на восток, следом за остальными. Не обратив на них внимания, Кэйрмар прошагал мимо трупов ксенгера и двух лучников (похоже, во Тьме кто-то из сельвидийцев сумел-таки до них добраться) к человеку, благодаря которому его безумная затея все же удалась.

Глубокие раны и море крови свидетельствовали, что тот долго не протянет. Если, конечно, не знает Истинных Слов, способных в мгновение ока исцелить от подобного. Кэйрмар сомневался, что такие Слова вообще существуют.

— Мы победили. — Шаугримец при его приближении даже попытался улыбнуться. Или же это очередная судорога исказила его лицо.

— Да, — кивнул Кэйрмар, присаживаясь на корточки. — Благодаря тебе.

— Благодаря нам. К тому же... Это ты, а не я, войдешь во все хроники.

Кэйрмар покачал головой.

— Мне не нужна слава. Пусть она достанется другим. Тем, кому она нужнее. Объединенные армии Юга ее заслужили.

Безымянный шаугримец хмыкнул.

— А что же нужно тебе, если не слава? Власть? Богатство?

— Мне... — Кэйрмар помедлил, прежде чем ответить. «Ты подвел их!» — Мне нужно стать сильнее. Чтобы в следующий раз... когда такое произойдет... полагаться только на самого себя.

— В следующий раз? — недоверчиво спросил умирающий.

— Я... — Кэйрмар решил поведать ему правду: — Видишь ли, есть подозрения, что я, если не погибну от стрелы или меча, проживу еще долго. Очень долго.

— А-а... Так, значит, это тебя за глаза прозвали триамнийским долгожителем. Ох, не завидую тебе... — Шаугримец изошелся кровавым кашлем. Затем, вытерев дрожащей ладонью кровь с лица, хрипло произнес: — Если ты действительно готов взвалить на плечи подобный груз, то... отправляйся в Серый Монастырь. — Шаугримец кивнул головой на меч, который Кэйрмар по-прежнему держал в правой руке. — Возьми с собой его. По легенде, этот меч был выкован несколько тысячелетий назад из небесного железа. Прими его как мой залог... — Кашель заставил шаугримца согнуться пополам. — Когда... когда придешь в монастырь, покажи его настоятелю... поведай ему о том, кто ты.

— И... кто же я? — после небольшой паузы уточнил Кэйрмар.

— После сегодняшнего? — Не взирая на предсмертные судороги, шаугримец ухмыльнулся. — Думаю, ты теперь Шагающий-сквозь-Тьму. И, боюсь, шагать сквозь нее тебе придется еще очень и очень долго...

* * *

Человек, которого в другой, призрачно-далекой жизни звали Кэйрмаром, медленно разлепил веки, возвращаясь в жестокую реальность.

Тьма, безликая и непроглядная, застилала все вокруг.

И, увы, это была не та Тьма, через которую он наловчился шагать, ибо был теперь скован цепями и оковами. Надежно скован — так, что даже не пошевелить рукой. Внезапно Кэйрмар осознал, что по его правой щеке медленно сползает слеза. Оказывается, он еще способен плакать...

«...Если ты действительно готов взвалить на плечи подобный груз...»

Похоже, он все же оказался не готовым. Год за годом, век за веком он защищал Триамну, пытаясь уберечь ее как от внешних, так и внутренних врагов, но то и дело допускал промашки и оплошности. Все чаще и чаще... И вот, очередная из них грозила обернуться для простых триамнийцев крупными неприятностями.

Кэйрмар тяжело вздохнул и постарался настроить сознание на медитацию. Что сделано, то сделано: свою ошибку он уже не в силах исправить. Оставалось лишь ждать, что принесет следующий день.

Если такой вообще для него когда-нибудь наступит.

Шагающий-сквозь-Тьму не хотел себе в этом признаваться, однако он как никогда был близок к отчаянию.

Человек в малиновом дублете сидел в кресле перед ярко пылающим камином и, неспешно потягивая вино из хрустального бокала, слушал, как за окном гремит гроза.

С каждым раскатом грома бокал в его руке слегка подрагивал. Человек в малиновом дублете не любил грозу — но не потому, что, подобно многим глупцам, видел в ней гнев Богов или боялся сверкающей молнии. Все было куда банальнее: в день, когда он совершил самую большую ошибку своей жизни, как раз свирепствовала гроза. Так что теперь каждая яркая вспышка, сопровождаемая громовым раскатом, давила ему на больное. Напоминала ему об унижении, которое пришлось испытать. О цене, которую пришлось заплатить за неудачу.

Впрочем, сегодня он старался думать о своей ошибке в ином, позитивном ключе. Он знал, что исправит ее, и исправит так, что ошибку эту все последующие поколения будут вспоминать не с укором, но лишь как событие, ставшее мостом к его славе и величию. Человек в малиновом дублете улыбнулся, думая об этом, и, понаблюдав, как пламя камина играет на стенках бокала, сделал долгий глоток. В конце концов, он потратил уйму времени и сил, чтобы воплотить этот грандиозный замысел в реальность. Скоро, совсем скоро он будет пожинать плоды своих трудов.

Вопреки не на шутку разъярившейся над Исхироном грозе, ему хотелось смеяться и торжествовать. Хотелось поделиться с кем-нибудь своей накопившейся радостью... Однако у него уже давно не было никого, с кем он мог разделить свои мысли и эмоции. Он убеждал себя в том, что это неизбежная плата за успех, и что на самом деле ему никто не нужен. Что он вполне самостоятелен. Вполне самодостаточен.

Впрочем, порой он сам себе не верил.

В такие часы, как сейчас, ему хотелось, чтобы кто-нибудь был рядом с ним; кто-нибудь, кроме слуг, разумеется. Кто-нибудь, кто будет его по-настоящему понимать. Возможно, даже любить, несмотря на все его недостатки. В конце концов, разве не все люди так или иначе хотят именно этого, пусть даже многие из них это отрицают? Так что вряд ли таких желаний стоит стыдиться.

Ослепительно-белая вспышка мелькнула в щелях ставней, а после небольшой задержки до его ушей донесся протяжный громовой раскат. Кажется, ливень еще сильнее застучал по крыше его дома. Человек в малиновом дублете осушил бокал и, поглядев на свое отражение в его прозрачных стенках, отставил бокал на столик рядом с креслом, сбоку от развернутого листа пергамента. Он ухмыльнулся, аккуратно пододвигая этот лист чуть ближе к себе. Пергамент был испещрен множеством имен. Некоторые из них были зачеркнуты, напротив еще некоторых он оставил знаки вопроса; большинство имен соединялись друг с другом линиями: иногда жирными, такими, что не разорвутся ни при каких обстоятельствах, иногда тонкими — когда вопрос дружбы и поддержки можно было легко изменить, например, той или иной суммой. Архонты, иерофанты, ордены... Все члены Временной Ассамблеи — ровно как и предполагаемые члены Синклита — поддавались расчетам, словно математические переменные. Нужно лишь уловить правильную закономерность. Понять, от чего они зависят, что может заставить их при необходимости колебаться. Да, порой случаются непредвиденные неожиданности — от этого никто и никогда не может быть застрахован — но мудрый человек и дальновидный (например, такой, как он) не станет их

пугаться, но лишь вставит в необходимое уравнение и чуть его подкорректирует. В конце концов, почти всю человеческую жизнь можно описать математическими законами.

И в этих законах человек в малиновом дублете наловчился разбираться.

Не прекращая ухмыляться, он вновь наполнил свой бокал и, приподняв за тонкую ножку, чуть встряхнул его так, что ярко-красное вино поднялось по стенкам и, мгновение продержавшись у самых краев, осело обратно. Скоро, совсем скоро он собирался точно так же встряхнуть Триамну... а, может, и не только ее. Нужно лишь набраться терпения и внимательно следить за всеми переменными в зарождающемся уравнении Священного Синклита.

Еще немного — и он приведет свою страну к славе, которую она заслуживает.

Еще немного — и его имя навеки войдет во все летописи Четвероземья.

Еще немного — и это он станет грозой, которую будут бояться и обожествлять.

Человек в малиновом дублете нисколько в этом не сомневался.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net